

ISSN 2077-3579

ВЕСТНИК

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Научный журнал

Основан в 2006 году

Том 16, № 2. 2024

Том 16, № 2. 2024
(апрель — июнь)
Сквозной номер выпуска 70
16+

ISSN 2077-3579 (Print)

Vol. 16, No. 2. 2024
(April — June)
Continuous issue 70

**ВЕСТНИК
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

**BULLETIN
OF THE RESEARCH INSTITUTE OF THE HUMANITIES
BY THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC
OF MORDOVIA**

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное казенное учреждение
Республики Мордовия «Научно-исследо-
вательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005 Российская Федерация
Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Л. Толстого, д. 3
Тел.: +7(834-2) 24-62-42

Издается с 2006 года
Периодичность издания — 4 раза в год

Подписной индекс П5572

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution
“The Research Institute
of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia”

EDITORIAL OFFICE:

3 L. Tolstogo Str., Saransk,
Republic of Mordovia 430005,
Russian Federation
Тел.: +7(834-2) 24-62-42

Published since 2006
Periodicity: Quarterly

Subscription index П5572

e-mail: periodika.niign@e-mordovia.ru
<http://vestnikniign.ru>

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»,
допускается только по согласованию с редакцией

© НИИГН, 2024

Научный журнал «**Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия**» является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале, и рубрики, согласно которым осуществляется прием статей: **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Committee on Publication Ethics (COPE).

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39951 от 21 мая 2010 г.

Распространение — Россия.

Журнал предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций.

«Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
 - 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
 - 5.6.3. Археология (исторические науки);
 - 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The scholarly journal “**Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia**” is a scientific periodical issued by NIIGN in order to inform the scientific community about the results of studies and to introduce materials of the regional humanitarian sciences into circulation. In this regard, the subjects covered in the journal and the sections to accept articles were determined: ECONOMIC SCIENCES, HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY, PHILOLOGICAL SCIENCES.

All materials submitted to the editorial office of the journal are peer reviewed.

The journal adheres to the standards of editorial ethics in accordance with the international practice of editing, peer reviewing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Press, Broadcasting and Mass Media. Certificate of registration is ПИ No. ФС77-39951 dated May 21, 2010.

Distribution — Russia.

The journal provides open access to the full texts of publications.

“Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia” is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences in the following scientific specialties and related branches of science should be published:

5.2.3. Regional and sectoral economics (economic sciences)

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.3. Archaeology (historical sciences)

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences)

5.9.1. Russian literature and literatures of the peoples of the Russian Federation
(philological sciences)

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia
(philological sciences)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Куршева Галина Александровна — главный редактор, директор НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Чернов Алексей Викторович — заместитель главного редактора, заместитель директора по научной работе НИИГН, кандидат филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Зарубина Ольга Владимировна — ответственный секретарь, главный научный сотрудник — заведующий отделом информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2105-6105>, periodika.niign@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Акимова Татьяна Ивановна — профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru (Саранск, Россия)

Андреев Валерий Витальевич — главный научный сотрудник, профессор кафедры теории и истории государства и права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@rus.su (Чебоксары, Россия)

Арискина Ольга Леонидовна — профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>, ariskina@list.ru (Саранск, Россия)

Байнев Валерий Федорович — заведующий научно-исследовательской лабораторией «Комплексные исследования проблем социально-экономического развития» Белорусского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-6752>, baynev@bsu.by (Минск, Республика Беларусь)

Белоусов Сергей Владиславович — заведующий кафедрой всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1891-8544>, sergbel_1812@mail.ru (Пенза, Россия)

Бельский Алесь Иванович — профессор кафедры истории белорусской литературы Белорусского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, a_belsky@tut.by (Минск, Республика Беларусь)

Бикейкин Евгений Николаевич — заместитель директора — ученый секретарь НИИГН, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Бирюкова Ольга Ивановна — профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>, olgbirukova@rambler.ru (Саранск, Россия)

Бурибаева Майнура Абильтяевна — Член Правления — Проректор по научной работе и международным связям Кызылординского университета имени Коркыт Ата, кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-0905>, mainura_b@mail.ru (Кызылорда, Республика Казахстан)

Бурланков Степан Петрович — профессор кафедры пищевых технологий и биоинженерии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, spburl@mail.ru (Москва, Россия)

Водясова Любовь Петровна — профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, lvodjasova@yandex.ru (Саранск, Россия)

Володин Виктор Михайлович — профессор кафедры «Социология, экономическая теория и международные процессы» Пензенского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru (Пенза, Россия)

Гераськина Инна Николаевна — профессор кафедры менеджмента в строительстве Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3540-8164>, geraskina82@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Гусева Татьяна Михайловна — главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Загребин Алексей Егорович — исполняющий обязанности директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, zagreb72@izh.com (Москва, Россия)

Зайцева Татьяна Ивановна — заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru (Ижевск, Россия)

Зеленева Юрий Анатольевич — заведующий кафедрой всеобщей истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-345X>, y_zelenev@mail.ru (Йошкар-Ола, Россия)

Идиатуллин Азат Корбангалиевич — профессор кафедры географии и экологии Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>, AzKoIdiat@yandex.ru (Ульяновск, Россия)

Ильина Ирина Евгеньевна — директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru (Москва, Россия)

Каторова Александра Михайловна — ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, доктор педагогических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Кечемайкин Владимир Николаевич — директор Рузаевского института машиностроения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0656-9401>, vkech@yandex.ru (Саранск, Россия)

Куканова Виктория Васильевна — директор Калмыцкого научного центра Российской академии наук, кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7696-4151>, kukanovavv@kigiran.com (Элиста, Россия)

Липатова Людмила Николаевна — профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук,

профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Минеева Елена Константиновна — профессор кафедры отечественной истории им. А. В. Арсентьевой Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>, mineevaek21@mail.ru (Чебоксары, Россия)

Мосина Наталья Михайловна — профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru (Саранск, Россия)

Никитина Татьяна Багишевна — главный научный сотрудник направления «Археология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, доктор исторических наук, tshikaeva@yandex.ru (Йошкар-Ола, Россия)

Никонова Людмила Ивановна — ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Романов Валерий Васильевич — профессор кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7406-6430>, wwt@bk.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Ставицкий Владимир Вячеславович — профессор кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru (Пенза, Россия)

Сысоева Евгения Александровна — заведующий кафедрой статистики и информационных технологий в экономике и управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6792>, sysoewa@mail.ru (Саранск, Россия)

Таймасов Леонид Александрович — профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>, taymasov@mail.ru (Чебоксары, Россия)

Тарандо Елена Евгеньевна — профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>, elena.tarando@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна — профессор кафедры «История Казахстана и социальные науки» Казахской национальной академии искусств имени Т. К. Жургенова, кандидат исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3731-0622>, mena.mdsh@gmail.com (Алматы, Республика Казахстан)

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — исполнительный директор НИИ тюркологии и алтаистики, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, доктор филологических наук, профессор, 777nursulu@mail.ru (Алматы, Республика Казахстан)

Юрчёнкова Нина Георгиевна — профессор кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru (Саранск, Россия)

EDITORIAL BOARD

Galina A. Kursheva — Editorin-Chief, Director, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Aleksey V. Chernov — Deputy Editorin-Chief, Deputy Director for Scientific Work, NIIGN, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Olga V. Zarubina — Executive Editor, Principal Researcher — Head of Department of Information and Analytical Support of Researches, NIIGN, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2105-6105>, periodika.niign@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Tatyana I. Akimova — Professor of Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru (Saransk, Russia)

Valery V. Andreev — Principal Researcher, Professor of Department of Theory and History of State and Law, Cheboksary Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@ruc.ru (Cheboksary, Russia)

Olga L. Ariskina — Professor of Department of Russian as a Foreign Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>, ariskina@list.ru (Saransk, Russia)

Valery F. Baynev — Head of Research Laboratory “Complex Studies of Problems of Social and Economic Development”, Belarusian State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-6752>, baynev@bsu.by (Minsk, Republic of Belarus)

Sergey V. Belousov — Head of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1891-8544>, sergbel_1812@mail.ru (Penza, Russia)

Ales I. Belski — Professor of Department of History of Belarusian Literature, Belarusian State University, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, a_belsky@tut.by (Minsk, Republic of Belarus)

Evgeny N. Bikeykin — Deputy Director — Academic Secretary, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Olga I. Biryukova — Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>, olgbirukova@rambler.ru (Saransk, Russia)

Mainura A. Buribayeva — Member of the Board — Vice-Rector for Research and International Relations, Korkyt Ata Kyzylorda University, Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-0905>, mainura_b@mail.ru (Kyzylorda, Republic of Kazakhstan)

Stepan P. Burlankov — Professor of Department of Food Technologies and Bioengineering, Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, sburl1@mail.ru (Moscow, Russia)

Lyubov P. Vodyasova — Professor of Department of Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, lvodjasova@yandex.ru (Saransk, Russia)

Viktor M. Volodin — Professor of Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru (Penza, Russia)

Inna N. Geraskina — Professor of Department of Management in Construction, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3540-8164>, geraskina82@mail.ru (Saint-Petersburg, Russia)

Tatyana M. Guseva — Principal Researcher — Head of Department of History, NIIGN, Dr. Sci. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Aleksey E. Zagrebina — Acting Director, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, zagreb72@izh.com (Izhevsk, Russia)

Tatyana I. Zaytseva — Head of Department of Udmurt Literature and Literature of the Peoples of Russia, Udmurt State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru (Izhevsk, Russia)

Yury A. Zelenev — Head of Department of General History, Mari State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-345X>, y_zelenev@mail.ru (Yoshkar-Ola, Russia)

Azat K. Idiatullov — Professor of Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State University of Education, Dr. Sc. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>, AzKoIdiat@yandex.ru (Ulyanovsk, Russia)

Irina E. Ilyina — Director, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru (Moscow, Russia)

Aleksandra M. Katorova — Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Dr. Sci. (Pedagogics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Vladimir N. Kechemaykin — Director of Ruzaevsky Machine Building Institute, National Research Ogarev Mordovia State University, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0656-9401>, vkech@yandex.ru (Saransk, Russia)

Viktoriya V. Kukanova — Director, Kalmyk Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7696-4151>, kukanovavv@kigiran.com (Elista, Russia)

Lyudmila N. Lipatova — Professor of Department of Economics, North-West Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru (Saint-Petersburg, Russia)

Elena K. Mineeva — Professor of Department of National History named after A. V. Arsentieva, I. N. Ulianov Chuvash State University, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>, mineevaek21@mail.ru (Cheboksary, Russia)

Natalya M. Mosina — Professor of Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru (Saransk, Russia)

Tatyana B. Nikitina — Principal Researcher of Archeology direction, V. M. Vasiliev Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Dr. Sc. (History), tshikaeva@yandex.ru (Yoshkar-Ola, Russia)

Lyudmila I. Nikonova — Leading Researcher of Department of Regional Studies and Ethnology, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Valery V. Romanov — Professor of Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7406-6430>, wwr@bk.ru (Ulyanovsk, Russia)

Vladimir V. Stavitskiy — Professor of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru (Penza, Russia)

Evgeniya A. Sysoeva — Head of Department of Statistics and Information Technologies in Economics and Management, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6792>, sysoewa@mail.ru (Saransk, Russia)

Leonid A. Taymasov — Professor of Department of Archaeology, Ethnography and Regional History, I. N. Ulianov Chuvash State University. Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>, taymasov@mail.ru (Cheboksary, Russia)

Elena E. Tarando — Professor of Department of Economic Sociology, Saint-Petersburg State University, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>, elena.tarando@mail.ru (Saint Petersburg, Russian Federation)

Mendyganym D. Shaimerdenova — Professor of Department of History of Kazakhstan and Social Sciences, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Cand. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3731-0622>, mena.mdsh@gmail.com (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nursulu Zh. Shaimerdenova — Executive Director of Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Professor of Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, 777nursulu@mail.ru (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nina G. Yurchenkova — Professor of Department of Humanitarian and Special Disciplines, Middle Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru (Saransk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Жалнова М. Н., Липатова Л. Н., Градусова В. Н.</i> Сравнительный анализ развития малого предпринимательства в регионах Приволжского федерального округа в период пандемии COVID-19	12
<i>Артемьев А. А., Лаптев И. П.</i> Агроэкономическая эффективность дифференцированного применения минеральных удобрений в полевом севообороте	28

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Гусева Т. М., Артамонова Л. М.</i> Иннокентиевское просветительское братство Пензенской губернии: деятельность по формированию культурных практик	41
<i>Тихомиров Н. В.</i> «Все столовые — под стеклянный колпак!»: смотр общественного питания 1930 г. в Ярославском округе (по материалам газеты «Северный рабочий»)	54
<i>Воейков Е. В.</i> Жилищная проблема на лесозаготовках национальных республик Поволжья в годы предвоенной индустриализации	69
<i>Мухамедов Р. А., Сосновский Е. М.</i> Трудовой подвиг молодежи Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.	82
<i>Кармуков Р. Р.</i> Агитационно-пропагандистская работа органов власти Дагестанской АССР среди населения, пострадавшего от землетрясений 20 апреля 1966 г. и 14 мая 1970 г.	95
<i>Извиев С. А., Кадрова Т. Н.</i> Развитие многоотраслевого сельскохозяйственного производства во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. (на примере колхоза «Свободный труд» Краснослободского района Мордовской АССР)	109
<i>Хайруллина О. Ф., Черных Е. М.</i> Составные надгробные украшения в женском уборе III — V вв. н. э. Среднего Прикамья (по материалам погребения 98В Дубровского могильника)	124
<i>Козлов Д. А.</i> Возрастные особенности ношения украшений мордовскими женщинами в золотоордынский период (по материалам Барбашинского могильника)	142
<i>Видайкин С. В., Кемаев Е. Н., Пронин А. С.</i> Итоги мониторинга памятников археологии Ковылкинского района Республики Мордовия в 2022 г.	161

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Шеянова С. В.</i> Анималистические образы в прозе мордовского писателя А. Доронина	173
<i>Глазкова Е. В.</i> Термины исторических наук в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского	187
<i>Иванова Г. С., Белкина О. В., Пахмутова Е. Д.</i> Объектные формы прошедшего времени в веляземско-каргальских говорах мокшанского языка	197

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Литературная энциклопедия Мордовии». Буква К	206

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лаптева И. В., Борисова О. Г.</i> Народные летописцы Победы	238
<i>Першин С. В., Першина Т. А.</i> «Модерновый взгляд» на правительства поволжских автономий	245

CONTENTS

ECONOMIC SCIENCES

Zhalnova M. N., Lipatova L. N., Gradusova V. N. Comparative Analysis of Small Business Development in the Regions of the Volga Federal District during the Covid-19 Pandemic	12
Artemyev A. A., Laptsev I. P. Agronomic and Economic Efficiency of Differentiated Application of Mineral Fertilizers in Crop Rotation Field	28

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Guseva T. M., Artamonova L. M. The Innocent Educational Brotherhood of Penza Oblast: Activities for Forming Cultural Practices	41
Tikhomirov N. V. “All Canteens Are under a Bell Jar!”: A Review of Public Catering in the Yaroslavl District in 1930 (A Case Study of the Newspaper “Severny Rabochiy”)	54
Voikov E. V. The Housing Problem in the Logging of the National Republics of the Volga Region during the Years of Pre-War Industrialization	69
Mukhamedov R. A., Sosnovskiy E. M. The Labor Feat of the Youth of the Ulyanovsk Oblast during the Great Patriotic War 1941 — 1945	82
Karmukov R. R. Campaigning and Propaganda Work of the Authorities of the Dagestan ASSR among the Population Affected by the Earthquakes of April 20, 1966 and May 14, 1970	95
Ivliev S. A., Kaderova T. N. Development of Diversified Agricultural Production in the Second Half of the 1960s — Mid-1980s (A Case Study of the Collective Farm “Free Labor” of the Krasnoslobodsky District of the Mordovian ASSR)	109
Khairullina O. F., Chernykh E. M. Composite Breast Adornments in the Women’s Attire of the Middle Kama Region in the III — V Centuries AD (A Case Study of the Burial 98B of the Dubrovsky Grave Field)	124
Kozlov D. A. Age Features of Wearing Jewelry by Mordovian Women during the Golden Horde Period (A Case Study of the Barbashinsky Grave Field)	142
Vidyaikin S. V., Kemaev E. N., Pronin A. S. The Results of Archaeological Monument Monitoring in the Kovylkinsky District of the Republic of Mordovia in 2022	161

PHILOLOGICAL SCIENCES

Sheyanova S. V. Animalistic Images in the Prose of Mordovian Writer A. Doronin	173
Glazkova E. V. Terms of Historical Sciences in the Artistic Work of A. A. Bestuzhev-Marlinsky	187
Ivanova G. S., Belkina O. V., Pakhmutova E. D. The Object Forms of the Past Tense Verb in the Velyazemsky-Kargalian Dialects of the Moksha language	197

OUR PROJECTS

Literary Encyclopedia of Mordovia. Part K	206

REVIEWS

Lapteva I. V., Borisova O. G. People’s Chroniclers of Victory	238
Pershin S. V., Pershina T. A. “Modern View” on the Governments of the Volga Region Autonomies	245

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCES

УДК 334.7
EDN CUDHYU

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

М. Н. Жалнова¹✉, Л. Н. Липатова^{1, 2}, В. Н. Градусова²

¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

² Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург, Россия
✉rischal108@mail.ru

Аннотация

Введение. В условиях строгих ограничений, введенных для предотвращения распространения коронавирусной инфекции пострадали небольшие предприятия, имеющие узкую специализацию, небольшое число партнеров и не располагающие запасом прочности. Установить, как реагировали владельцы небольшого бизнеса на резкое изменение условий хозяйствования, смогли ли они приспособиться и пережить экстраординарные шоки пандемии COVID-19 и является целью данной статьи.

Материалы и методы. Исследование проведено на примере субъектов Приволжского федерального округа и базировалось на материалах Росстата. Обзор литературы подготовлен с использованием логического метода и метода критического анализа (в отраслевом разрезе). Отдельно рассмотрена отрасль торговли. Основным методом экономико-статистического анализа стал метод относительных величин, который применялся при расчете темпов роста, удельного веса, отклонений. Сравнение проводилось по федеральному округу и в сопоставлении с общероссийскими показателями.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ показал, что в 2020 и 2021 гг. в секторе малой экономики Приволжского федерального округа произошли количественные и качественные изменения. В период пандемии сильно пострадали малые торговые предприятия, особенно работающие в сфере розничной торговли. Прирост оборота розничной торговли малых предприятий превысил уровень инфляции только в Республике Башкортостан. В Республике Мордовия, Нижегородской, Самарской и Саратовской областях показатель был ниже уровня 2019 г. даже в фактически действовавших ценах.

Заключение. Лидерами в развитии малого предпринимательства являются Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области, чей опыт заслуживает изучения и распростра-

нения. Наибольшее отставание в уровне развития малого предпринимательства в 2021 г. наблюдалось в Республике Мордовия и Республике Марий Эл. Наибольшие негативные изменения в численности работников и обороте малых предприятий в период пандемии произошли в Республике Башкортостан и Пензенской области. Предлагается ввести дополнительные меры защиты мелких торговых предприятий.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, региональная экономика, малое предпринимательство, малое предприятие, микропредприятие, численность занятых на малых предприятиях, оборот малых предприятий, сальдированный финансовый результат, прибыль, убыток

Для цитирования: Жалнова М. Н., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Сравнительный анализ развития малого предпринимательства в регионах Приволжского федерального округа в период пандемии COVID-19 // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 12 — 27. EDN CUDHYU

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF SMALL BUSINESS DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT DURING THE COVID-19 PANDEMIC

M. N. Zhalnova¹✉, L. N. Lipatova^{1,2}, V. N. Gradusova²

¹ Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

² North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg, Russia,
✉rischa1108@mail.ru

Abstract

Introduction. During the period of strict restrictions imposed to prevent the spread of dangerous coronavirus infection, small enterprises with a narrow specialization, a small number of partners and no safety margin have suffered. To establish how small business owners reacted to a sharp change in business conditions, whether they were able to adapt and survive the extraordinary shocks of the COVID-19 pandemic is the purpose of this article.

Materials and methods. The information base of the study is the data of the Federal State Statistics Service. The literature review has been prepared using the logical method and critical analysis (from an industry perspective). The analysis was carried out in the sectoral context. Such type of economic activity as trade was considered separately. The main method of economic and statistical analysis was the method of relative values, which was used in the calculation of growth rates, specific weights, deviations. The comparison was carried out for the federal district and in comparison with the all-Russian indicators.

Results and discussion. The analysis showed that quantitative and qualitative changes took place in the small economy sector of the Volga Federal District in 2020 and 2021. During the pandemic, small trading enterprises, especially those working in the retail sector, suffered greatly. The increase in retail trade turnover of small enterprises exceeded the inflation rate only in the Republic of Bashkortostan. In the Republic of Mordovia, Nizhny Novgorod, Samara and Saratov regions, the indicator was below the level of 2019 even in actual prices.

Conclusion. The leaders in the development of small businesses are the Republic of Tatarstan, Nizhny Novgorod and Samara regions, whose experience deserves to be studied and disseminated.

The greatest lag in the level of development of small businesses in 2021 was observed in the Republic of Mordovia and the Republic of Mari El. The greatest negative changes in the number of employees and turnover of small enterprises during the pandemic occurred in the Republic of Bashkortostan and the Penza region. It is proposed to introduce additional measures to protect small trading enterprises.

Keywords: COVID-19 pandemic, regional economy, small business, small enterprise, microenterprise, number of employees in small enterprises, turnover of small enterprises, net financial result, profit, loss

For citation: Zhalnova MN, Lipatova LN, Gradusova VN. Comparative Analysis of Small Business Development in the Regions of the Volga Federal District during the Covid-19 Pandemic. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(2):12—27. EDN CUDHYU

Введение

Малое предпринимательство играет существенную роль в социально-экономическом развитии России. Это доказывает не только зарубежный опыт (в ряде стран на этот сегмент приходится до половины занятого населения и валового внутреннего продукта¹), но и российский опыт, хотя сравнительно недавно (по историческим меркам) предпринимательская деятельность в нашей стране была под запретом.

Малый бизнес позволяет не только решать текущие экономические задачи: насыщать рынок необходимыми людям товарами, производить комплектующие и выполнять небольшие заказы для крупных и средних предприятий, осуществлять ремонтные работы, оказывать различные услуги населению и организациям и т. п., но и выполняет важнейшую социальную функцию, поскольку создает рабочие места и обеспечивает поступление денежного дохода во многие российские семьи.

Занятость в этой сфере имеет ряд преимуществ, например в графике работы и продолжительности рабочего дня, что важно для определенных категорий населения (матерей с малолетними детьми, пенсионеров, студентов, инвалидов), которые не могут работать полный рабочий день (неделю). На крупных и средних предприятиях согласовать гибкий режим работы сложно, на малых предприятиях, как правило, идут навстречу пожеланиям людей и составляют удобный график.

Возможность использования гибких режимов занятости в секторе малого бизнеса проявляется в большом числе внешних совместителей. В этом заключается социальная значимость сектора малой экономики, которая не только способствует удовлетворению растущих потребностей населения и более быстро перестраивается под происходящие изменения в спросе, но и обеспечивает денежным доходом значительную часть населения.

В сложный период пандемии COVID-19 государство предприняло значительные усилия по поддержке сектора малого предпринимательства. Для предотвращения массовых разорений в стране на некоторое время был введен мораторий на банкротство. Цель данной статьи — выявить количественные и качественные изменения, произошедшие в сфере малого предпринимательства в период пандемии COVID-19 в регионах Приволжского федерального округа (ПФО).

¹ Кизимов В. Малый бизнес и его роль в экономике России // Открытый журнал. 2022. 28 окт. URL: <https://elitetrader.ru/index.php?newsid=629871> (дата обращения: 10.07.2023).

Материалы и методы

Информационная база исследования включает в себя данные Федеральной службы государственной статистики. Для характеристики уровня развития малого бизнеса использованы следующие показатели: количество предприятий в расчете на 10 000 чел. населения; удельный вес региона в численности занятых и обороте в секторе малого бизнеса. Чтобы оценить последствия пандемии, необходимо знать состояние изучаемого объекта (явления) до ее наступления. В исследовании проводится сравнение с 2019 г. (по отдельным показателям — с 2018 г.).

Для выявления количественных сдвигов в сфере малого предпринимательства, произошедших в Приволжских регионах в 2020 и 2021 гг., были задействованы статистические данные о динамике численности работников и обороте малых предприятий, качественных изменений — сведения об изменении сальдированного финансового результата, что позволяет оценить эффективность хозяйственной деятельности.

При подготовке обзора литературных источников применялись критический подход и метод обобщения. Анализ статистических данных проведен на основе методов экономико-статистического анализа (расчет относительных величин, сравнительный, динамический и структурный анализ). Для сравнения брались средние показатели, сложившиеся в ПФО и российской экономике в целом.

Обзор литературы

Большая значимость темы развития малого предпринимательства диктует необходимость проведения всесторонних исследований этого процесса. Ученые раскрывают роль малого бизнеса в экономике российских регионов [2; 10], выявляют основные тенденции в его развитии на разных этапах [6; 8], особенности функционирования малого предпринимательства в различных отраслях экономики [4; 5].

Специалисты выделяют основные факторы, сдерживающие активную деятельность малого предпринимательства в российских условиях, тем самым обосновывая необходимость государственного участия в развитии предпринимательской инициативы и малых форм хозяйствования [9]. Опубликованы работы, раскрывающие особенности ведения небольшого бизнеса в период пандемии коронавирусной инфекции [3 и др.]. Признавая необходимость государственной поддержки малых форм хозяйствования, специалисты раскрывают значимость такой помощи [7], особенно в экстраординарных условиях пандемии [1]. Государством в сложный период пандемии COVID-19 предпринимались разные меры поддержки этого сегмента экономики.

В данной статье предпринята попытка оценить, что изменилось в секторе малого предпринимательства в 2020 и 2021 гг. в регионах ПФО.

Результаты исследования и их обсуждение

В 2018 г. из 14 субъектов Приволжского федерального округа по числу малых предприятий на 10 000 чел. населения выше среднероссийского уровня находились 3 региона: Самарская область (216 предприятий, или 9-е место в РФ), Нижегородская область (193 предприятия, или 15-е место) и Республика Татарстан (187 предприятий, или 17-е место в стране). Ниже среднего уровня в стране, но выше, чем в среднем в ПФО, этот показатель был еще в 3 приволжских регионах: Пермском крае

(172 малых предприятия, или 23-е место в РФ), Кировской области (168 предприятий, или 25-е место) и Удмуртской Республике (166 предприятий, или 27-е место в стране).

Наиболее низкую позицию в федеральном рейтинге по данному показателю — 75-е место — занимала в 2018 г. Республика Мордовия, в которой на 10 000 чел. населения приходилось всего 85 малых предприятий, в то время как в РФ этот показатель составлял 181 предприятие, а в ПФО — 156 предприятий².

В первый год пандемии численность работников малых предприятий в России уменьшилась на 2,3 %, в 2021 г. снижение показателя продолжилось, и в целом за 2019 — 2021 гг. численность занятых на малых предприятиях в РФ стала меньше на 6 %. В ПФО сокращение численности занятых в этом секторе было более значимым: в первый год пандемии она уменьшилась на 12 %. В 2021 г. наблюдалось небольшое увеличение показателя, но это мало что изменило (табл. 1).

Таблица 1. Средняя численность работников малых предприятий в регионах Приволжского федерального округа в период пандемии COVID-19, тыс. чел.

Table 1. The average number of employees of small enterprises in the regions of the Volga Federal District during the COVID-19 pandemic, thousands of people

Регион	2019	2020	2020 г. к 2019 г., %	2021	2021 г. к 2019 г., %
Российская Федерация	11 340,5	11 074,3	97,65	10 652,4	93,93
Приволжский федеральный округ	2 362,4	2 072,3	87,72	2 085,6	88,28
Республика Башкортостан	312,7	226,6	72,47	231,0	73,87
Республика Марий Эл	40,2	41,4	102,99	38,8	96,52
Республика Мордовия	43,2	37,8	87,5	38,4	88,89
Республика Татарстан	365,5	347,9	95,18	334,4	91,49
Удмуртская Республика	124,2	111,2	89,53	115,9	93,32
Чувашская Республика	74,6	81,6	109,38	72,4	97,05
Пермский край	183,6	190,0	103,49	177,7	96,79
Кировская область	96,5	87,4	90,57	82,6	85,60
Нижегородская область	382,5	277,0	72,42	313,8	82,04
Оренбургская область	119,6	98,5	82,36	110,3	92,22
Пензенская область	99,9	76,9	76,98	75,0	75,08
Самарская область	274,8	278,4	101,31	285,3	103,82
Саратовская область	157,7	139,6	88,52	134,4	85,23
Ульяновская область	87,4	78,0	89,24	75,6	86,50

Составлена по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. Т_1.1.1.1 (здесь и далее указана нумерация таблиц в приложении к сборнику).

Compiled by: Small and medium-sized enterprises in Russia. 2022. Moscow, 2022. Т_1.1.1.1 (the numbering of the tables in the appendix to the collection is indicated here and further).

² Последний раз показатель был опубликован Росстатом в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» в 2019 г., в котором приведены данные за 2018 г.

Наиболее резкое сокращение численности занятых на малых предприятиях в 2020 г. произошло в Нижегородской области и Республике Башкортостан — в этих приволжских регионах показатель за год снизился на 28 %. Однако в части субъектов ПФО и регионов численность работников малых предприятий в первый год пандемии выросла: в Чувашской Республике анализируемый показатель увеличился на 9,4 %, в Пермском крае — на 3,5, в Республике Марий Эл — на 3,0, в Самарской области — на 1,3 %.

В 2021 г. численность работников малых предприятий в большинстве субъектов ПФО, включая те, где в 2020 г. отмечался прирост показателя, сократилась. Единственный регион, в котором в 2021 г. был превышен допандемийный уровень по рассматриваемому индикатору развития малого бизнеса, — Самарская область, здесь численность работников малых предприятий в 2019 — 2021 гг. увеличилась на 4 %. В наибольшей степени сократилась занятость в данном секторе в Республике Башкортостан (на 16 %) и Пензенской области (на 14 %).

Как видим, многое в период пандемии зависело от деятельности регионально-го руководства, поскольку федеральные меры финансовой поддержки предприятий, направленные на сохранение численности работников, были едиными для всех.

Другой показатель, используемый для анализа развития малого предпринимательства, — оборот малых предприятий. Однако у него также есть недостаток — он не учитывает инфляционный рост показателя. Инфляция в РФ в 2020 г. составляла 4,91 %, в 2021 г. — 8,39 %³.

В ПФО, как и в российской экономике в целом, в 2020 и 2021 гг. наблюдался рост оборота малых предприятий. В ПФО этот процесс шел более быстрыми темпами, и в целом в рассматриваемый период показатель увеличился на 21 % против 8 % в РФ, исключение составил только Пермский край, где в 2020 г. величина оборота малых предприятий практически не изменилась, несмотря на инфляцию почти в 5 %, а рост, наблюдавшийся в 2021 г., не был настолько значимым, чтобы позволить региону выйти на среднероссийский уровень, как это произошло, например, в Оренбургской и Нижегородской областях. В последней кстати после снижения показателя в 2020 г. более чем на 6 % в 2021 г. отмечался не только восстановительный, но, по сути, взрывной рост — оборот за год увеличился на 25 %.

В 2021 г. вопреки общей тенденции в двух из рассматриваемых субъектов произошло снижение оборота малых предприятий, несмотря на инфляцию в 8,4 % — речь идет о Республике Башкортостан и Чувашской Республике (табл. 2).

Об уровне развития малого предпринимательства можно судить по соотношению удельного веса региона в численности работников и обороте малых предприятий с удельным весом численности населения субъекта в общей численности населения страны. В рассматриваемый период удельный вес населения регионов ПФО в структуре населения страны изменился незначительно, динамика же показателей, отражающих развитие малого предпринимательства, более выражена.

³ Таблицы инфляции // Инфляция в России. URL: <https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции> (дата обращения: 15.07.2023).

Таблица 2. Оборот малых предприятий в регионах Приволжского федерального округа в период пандемии COVID-19, млрд руб.

Table 2. Turnover of small enterprises in the regions of the Volga Federal District during the COVID-19 pandemic, billions of rubles

Регион	2019	2020	2021
Российская Федерация	52 963,9	56 093,5	57 197,2
Приволжский федеральный округ	7 751,6	8 628,3	9 352,2
Республика Башкортостан	906,0	1 029,4	979,0
Республика Марий Эл	133,0	152,5	155,6
Республика Мордовия	115,7	129,3	154,7
Республика Татарстан	1 345,3	1 610,7	1 800,7
Удмуртская Республика	398,2	453,9	496,8
Чувашская Республика	200,2	242,7	233,5
Пермский край	740,0	740,1	794,6
Кировская область	268,5	307,3	311,4
Нижегородская область	1 295,6	1 217,2	1 519,6
Оренбургская область	363,7	367,5	415,9
Пензенская область	296,4	311,4	325,8
Самарская область	997,7	1 223,6	1 297,8
Саратовская область	421,3	519,1	538,1
Ульяновская область	270,0	323,6	328,7

Составлена по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. Т_1.2.1.1.

Compiled by: Small and medium-sized enterprises in Russia. 2022. Т_1.2.1.1.

В период пандемии удельный вес большинства субъектов ПФО по численности работников малых предприятий в РФ уменьшился. Это характерно и для округа в целом. Наиболее сильное снижение произошло в Республике Башкортостан, Пензенской и Кировской областях. Рост показателя отмечается в Самарской области, Удмуртской Республике и Пермском крае (табл. 3).

Если судить по численности занятых на малых предприятиях, лидерами в развитии малого бизнеса в ПФО являются Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области и Удмуртская Республика. Удельный вес этих субъектов в численности занятых на малых предприятиях превышает их удельный вес в численности населения страны. До пандемии к числу регионов с высоким уровнем развития малого бизнеса относились еще Республика Башкортостан и Кировская область, однако в 2021 г. ситуация изменилась.

Если доля численности работников малых предприятий, приходящаяся на субъекты ПФО в 2019 — 2021 гг. уменьшилась, то удельный вес приволжских регионов в обороте малых предприятий заметно увеличился. Уменьшение доли оборота малых предприятий в общероссийском показателе характерно только для 1 субъекта ПФО — Пермского края. Судя по соотношению данного показателя с удельным весом региона в численности населения, наиболее высоким уровнем развития малого бизнеса характеризуются Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области.

Таблица 3. Удельный вес регионов Приволжского федерального округа в показателях развития малых предприятий в 2019 и 2021 гг., %

Table 3. The share of the Volga Federal District regions in the development of small enterprises in 2019 and 2021, %

Регион	Численность населения на 1 января		Среднесписочная численность работников		Оборот малых предприятий		Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток)	
	2019	2021	2019	2021	2019	2021	2019	2021
Российская Федерация	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Приволжский федеральный округ	20,03	19,88	20,79	19,58	14,65	16,35	11,41	12,67
Республика Башкортостан	2,76	2,75	2,85	2,17	1,71	1,71	0,73	1,00
Республика Марий Эл	0,46	0,46	0,38	0,36	0,25	0,27	0,09	0,21
Республика Мордовия	0,54	0,53	0,36	0,36	0,22	0,27	0,11	0,17
Республика Татарстан	2,66	2,66	3,15	3,14	2,54	3,15	1,86	2,31
Удмуртская Республика	1,03	1,02	1,05	1,09	0,75	0,87	0,62	0,72
Чувашская Республика	0,83	0,83	0,72	0,68	0,38	0,41	0,37	0,50
Пермский край	1,78	1,76	1,65	1,67	1,40	1,39	1,30	1,13
Кировская область	0,87	0,86	0,90	0,78	0,51	0,54	0,40	0,43
Нижегородская область	2,19	2,17	3,22	2,95	2,45	2,66	1,89	1,75
Оренбургская область	1,34	1,33	1,15	1,03	0,69	0,73	0,53	0,51
Пензенская область	0,90	0,88	0,89	0,70	0,56	0,57	0,40	0,50
Самарская область	2,17	2,16	2,41	2,68	1,88	2,27	1,86	1,99
Саратовская область	1,66	1,64	1,30	1,26	0,80	0,94	0,81	0,93
Ульяновская область	0,84	0,83	0,76	0,71	0,51	0,57	0,44	0,52

Составлена по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 28 — 32; Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. Т_1.1.1.1, Т_1.2.1.1, Т_1.4.1.1.

Compiled by: Regions of Russia. Socio-economic indicators: statistical collection / Rosstat. Moscow, 2022. P. 28 — 32; Small and medium-sized enterprises in Russia. 2022. T_1.1.1.1, T_1.2.1.1, T_1.4.1.1.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что занятость в сфере малого предпринимательства в субъектах ПФО в период пандемии сократилась в большей степени, чем в стране в целом. При этом оборот малых предприятий в тот период рос опережающими темпами. Лидерами в развитии малого предпринимательства являются Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области. Наибольшее отставание в уровне развития малого предпринимательства в 2021 г. наблюдалось в Республике Мордовия и Республике Марий Эл.

Для оценки качественных изменений был проведен анализ финансовых результатов деятельности малых предприятий в приволжских регионах. Сальдированный финансовый результат деятельности малых предприятий в России в первый год пандемии, когда довольно длительный период действовали ограничения на перемещение людей, и предприятия не могли работать в обычном режиме, увеличился

на 26,5 %, в 2021 г. — еще на 33,0 %, и в целом за анализируемый период прирост показателя превысил 68,0 %. В ПФО в 2019 — 2021 гг. сальдированный финансовый результат малых предприятий вырос в 1,9 раза. Это говорит о том, что малые предприятия смогли приспособиться к жестким условиям, и более того — им удалось вскрыть имеющиеся резервы, что привело к росту прибыли и сокращению убытков (табл. 4).

Таблица 4. Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности малых предприятий в регионах Приволжского федерального округа в период пандемии COVID-19 (по данным бухгалтерской отчетности), млн руб.

Table 4. The balanced financial result (profit minus loss) of small enterprises in the regions of the Volga Federal District during the COVID-19 pandemic (according to accounting statements), millions of rubles

Регион	2019	2020	2021
Российская Федерация	3 117 020	3 943 047	5 242 415
Приволжский федеральный округ	355 671	508 002	663 783
Республика Башкортостан	22 689	43 186	52 624
Республика Марий Эл	2 755	8 471	10 749
Республика Мордовия	3 421	6 907	8 720
Республика Татарстан	58 115	87 587	121 276
Удмуртская Республика	19 285	29 982	37 486
Чувашская Республика	11 544	20 234	26 039
Пермский край	40 391	49 536	59 241
Кировская область	12 350	15 280	22 422
Нижегородская область	58 883	69 824	91 917
Оренбургская область	16 461	25 413	26 653
Пензенская область	12 602	21 818	26 411
Самарская область	58 025	70 588	104 397
Саратовская область	25 350	34 092	48 796
Ульяновская область	13 800	25 084	27 052

Составлена по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2022: Т_1.4.1.1.

Compiled by: Small and medium-sized enterprises in Russia. 2022. Т_1.4.1.1.

Лидерами по росту сальдированного финансового результата в 2019 — 2021 гг. стали Республика Марий Эл (показатель увеличился в 3,9 раза против 1,9 раза в ПФО и 1,7 раза в РФ) и Республика Мордовия (рост показателя составил 255 %). Отставание по темпам роста сальдированного финансового результата от среднего уровня в стране характерно для Пермского края, Нижегородской и Оренбургской областей. Следует обратить внимание на то, что в большинстве субъектов ПФО сальдированный финансовый результат малых предприятий в 2019 — 2021 гг. увеличился в значительно большей степени, чем их оборот, что свидетельствует о росте эффективности хозяйствования.

Хотя в приволжских регионах представлены практически все экономические специализации (от добывающих отраслей до сельского хозяйства), однако удельный

вес округа в совокупном сальдированном финансовом результате заметно ниже, чем доли в численности и обороте. Единственный регион, в котором удельный вес в сальдированном финансовом результате малых предприятий в 2021 г. был выше доли субъекта в обороте малых предприятий, — Чувашская Республика. И произошло это на фоне снижения оборота, что говорит о повышении эффективности деятельности малых предприятий в данном регионе. Близким к доле в общероссийском обороте малых предприятий был удельный вес в совокупном сальдированном финансовом результате еще одного субъекта ПФО — Саратовской области. Во всех остальных регионах ПФО, где есть и сырьевые центры (республики Башкортостан и Татарстан), и промышленно развитые регионы (Нижегородская, Самарская области, Пермский край), и аграрные центры (республики Мордовия, Башкортостан, Татарстан, Пензенская область), соотношение удельного веса в общероссийских показателях оборота и сальдированного финансового результата складывалось в пользу первого.

Таким образом, результаты анализа сальдированного финансового результата в 2019 — 2021 гг. позволяют говорить о том, что эффективность деятельности малых предприятий в большинстве субъектов ПФО выросла, но остается невысокой. Исключение составляют Чувашская Республика и Саратовская область, удельный вес малых предприятий которых в совокупном сальдированном финансовом результате российских малых предприятий очень близок к удельному весу этих субъектов в обороте малых предприятий РФ. В остальных приволжских регионах данное соотношение складывается в пользу удельного веса оборота.

В рамках одной статьи рассмотреть все виды экономической деятельности и определить, в каких именно отраслях произошли наиболее сильные изменения, невозможно. Поскольку отраслевой структуре малого бизнеса наибольшую долю составляет сфера торговли (в 2021 г. на этот вид деятельности приходилось почти 25 % работников и 52 % оборота малых предприятий⁴), в первую очередь, необходимо установить, какие изменения произошли в период пандемии на торговых малых предприятиях (табл. 5).

Численность работников малых торговых предприятий в РФ в 2020 г. уменьшилась почти на 18 %, небольшой рост показателя в 2021 г. не позволил вернуться на допандемийный уровень. В ПФО в эти годы изменения были еще более значительными: в 2020 г. численность занятых на малых торговых предприятиях сократилась более чем на 25 %, после прироста показателя, отмечавшегося в 2021 г., потери составили 19,5 %.

Ситуация в субъектах ПФО сильно различалась. В Нижегородской области и Республике Башкортостан в 2020 г. численность работников малых торговых предприятий сократилась почти в 2 раза, но были и регионы, где этот показатель в первый год пандемии увеличился: в Чувашской Республике — на 5,5 %, в Пермском крае — на 1,2 %. В 2021 г. в большинстве приволжских регионов численность работников малых предприятий, занятых в сфере торговли, выросла (за исключением Республики Татарстан и Чувашской Республики), но оставалась значительно

⁴ Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. С. 26, 31.

меньше, чем в 2019 г. Допандемийный уровень по данному показателю был превышен только в 3 субъектах ПФО — Пермском крае, Республике Мордовия и Чувашской Республике.

Таблица 5. Средняя численность работников малых предприятий по виду экономической деятельности «Торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» в регионах Приволжского федерального округа в период пандемии COVID-19, тыс. чел.

Table 5. The average number of employees of small enterprises by type of economic activity “Wholesale and retail trade, repair of motor vehicles and motorcycles” in the regions of the Volga Federal District during the COVID-19 pandemic, thousands of people

Регион	2019	2020	2021
Российская Федерация	3 035,4	2 500,9	2 631,6
Приволжский федеральный округ	610,7	457,0	491,7
Республика Башкортостан	90,8	52,3	54,8
Республика Марий Эл	8,5	7,9	8,4
Республика Мордовия	8,3	7,3	8,5
Республика Татарстан	88,1	74,6	68,4
Удмуртская Республика	28,5	23,1	24,9
Чувашская Республика	14,6	15,4	14,7
Пермский край	43,4	43,9	45,6
Кировская область	21,5	19,4	19,7
Нижегородская область	125,3	69,2	84,8
Оренбургская область	27,4	20,2	25,4
Пензенская область	18,6	14,4	15,0
Самарская область	78,7	67,0	77,2
Саратовская область	36,2	27,6	28,9
Ульяновская область	20,8	14,7	15,4

Составлена по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. Т_1.1.4.1.

Compiled by: Small and medium-sized enterprises in Russia. 2022. Т_1.1.4.1.

Оборот оптовой торговли в первый год пандемии в РФ в целом и некоторых приволжских регионах снизился. Прирост показателя в ПФО находился примерно на уровне годовой инфляции — 4,92 % (в 2020 г. — 4,91 %). Наибольший спад наблюдался в Нижегородской области (оборот оптовой торговли снизился почти на 30 %). Лидером по росту данного показателя в 2020 г. были Татарстан и Мордовия, в которых он увеличился соответственно на 51,0 и 48,5 %.

В 2021 г. оптовая торговля существенно оживилась, и допандемийный уровень ее оборота был значительно превышен в большинстве субъектов ПФО, за исключением Пермского края и Нижегородской области, в то время как в стране в целом допандемийный уровень не был достигнут. Абсолютным лидером в развитии оптовой торговли в секторе малого предпринимательства в 2019 — 2021 гг. выступила Республика Мордовия, где показатель почти удвоился (табл. 6).

Таблица 6. Оборот оптовой торговли малых предприятий в регионах Приволжского федерального округа в период пандемии COVID-19, млрд руб.

Table 6. Wholesale trade turnover of small enterprises in the regions of the Volga Federal District during the COVID-19 pandemic, billions of rubles

Регион	2019	2020	2021	2021 г. к 2019 г., %
Российская Федерация	23 641,0	20 073,4	22 752,4	96,24
Приволжский федеральный округ	2 714,0	2 847,6	3 146,4	115,93
Республика Башкортостан	268,8	345,4	308,5	114,77
Республика Марий Эл	49,2	50,1	51,8	105,28
Республика Мордовия	29,3	43,5	57,1	194,88
Республика Татарстан	326,0	492,0	533,7	163,71
Удмуртская Республика	143,0	141,1	162,5	113,64
Чувашская Республика	56,2	74,8	72,5	129,00
Пермский край	272,8	236,4	270,0	98,97
Кировская область	99,4	104,4	112,9	113,58
Нижегородская область	631,3	445,3	594,5	94,17
Оренбургская область	123,9	109,0	132,3	106,78
Пензенская область	90,9	95,2	95,4	104,95
Самарская область	378,8	425,6	466,0	123,02
Саратовская область	157,6	179,8	182,2	115,61
Ульяновская область	86,8	105,0	107,0	123,27

Составлена по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. Т_1.2.4.2.1.

Compiled by: Small and medium-sized enterprises in Russia. 2022. Т_1.2.4.2.1.

Если принять во внимание, что накопленная инфляция за анализируемый период превысила 13,7 %, есть все основания утверждать, что в ПФО в целом оборот оптовой торговли в физическом выражении изменился незначительно, а в некоторых приволжских регионах заметно сократился — кроме Нижегородской области и Пермского края, Пензенской и Оренбургской областей, а также Республики Марий Эл.

Малые предприятия, занятые в сфере розничной торговли, в период пандемии пострадали в меньшей степени, чем оптовые малые предприятия. Если в первый год пандемии оборот малых предприятий, занятых в сфере розничной торговли, в стране практически не изменился, то в 2021 г. отмечалось его небольшое снижение. Для ПФО в целом характерен рост рассматриваемого показателя и в 2020 г., и в 2021 г. В 2020 г. сильное уменьшение оборота малых предприятий, занятых розничной торговлей, произошло в Нижегородской, Самарской и Ульяновской областях, а также в Республике Мордовия (табл. 7).

Наиболее подготовленными к стрессовым событиям 2020 г. оказались предприниматели, занятые в сфере розничной торговли, в Республике Башкортостан, Чувашской Республике и Республике Марий Эл — в каждом из этих регионов годовой прирост показателя в первый год пандемии составил 30 % и более. Наиболее пострадали в период пандемии малые предприятия розничной торговли в Нижегородской, Оренбургской, Самарской и Ульяновской областях, где объем розничных продаж малых предприятий в 2019 — 2021 гг. существенно сократился.

Таблица 7. Оборот розничной торговли малых предприятий в регионах
Приволжского федерального округа в период пандемии COVID-19, млрд руб.

Table 7. Retail trade turnover of small enterprises in the regions
of the Volga Federal District during the COVID-19 pandemic, billions of rubles

Регион	2019	2020	2021	2021 г. к 2019 г., %
Российская Федерация	4 098,8	4 098,6	4 056,7	98,97
Приволжский федеральный округ	654,7	663,5	708,5	108,22
Республика Башкортостан	75,1	112,1	96,6	128,63
Республика Марий Эл	12,1	15,7	16,0	132,23
Республика Мордовия	15,7	12,9	16,7	106,37
Республика Татарстан	68,4	80,0	86,1	125,88
Удмуртская Республика	31,9	33,8	35,3	110,66
Чувашская Республика	15,4	20,7	18,7	121,43
Пермский край	69,2	82,7	106,7	154,19
Кировская область	28,5	34,3	32,6	114,39
Нижегородская область	118,5	74,4	95,3	80,42
Оренбургская область	35,7	35,8	28,6	80,11
Пензенская область	25,9	26,0	28,3	109,27
Самарская область	107,2	86,8	97,5	90,95
Саратовская область	29,9	30,0	32,0	107,02
Ульяновская область	21,2	18,3	18,1	85,38

Составлена по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2022. Т_1.2.4.3.1.

Compiled by: Small and medium-sized enterprises in Russia. 2022. Т_1.2.4.3.1.

Большинство субъектов ПФО по объему розничных продаж в 2021 г. не только вышли на допандемийный уровень, но и значительно его превысили. Однако, если принять во внимание инфляционный рост рассматриваемого стоимостного показателя, то можно утверждать, что оборот розничной торговли в ПФО в целом сократился. Лидировали по приросту розничных продаж в 2019 — 2021 гг. в сегменте малых предприятий Пермский край и Республика Марий Эл, где темп прироста составлял соответственно 54 и 32 %.

Таким образом, в России в период пандемии довольно сильно пострадали малые предприятия, занятые в сфере торговли, на которые приходится более 1/4 всех работников и более 52 % оборота малых предприятий. Численность занятых на них сократилась в большинстве субъектов ПФО (за исключением Пермского края, Республики Мордовия и Чувашской Республики), оборот оптовой торговли, хотя в 2021 г. и превысил допандемийный уровень, но в ряде приволжских регионов этот прирост был ниже уровня инфляции. Прирост оборота розничной торговли малых предприятий превысил уровень инфляции только в Республике Башкортостан, а в Республике Мордовия, Нижегородской, Самарской и Саратовской областях показатель был ниже уровня 2019 г. даже в фактически действовавших ценах.

Заключение

В 2020 и 2021 гг. сектор «малой экономики» ПФО заметно изменился. В российской экономике в целом и большинстве субъектов округа (исключение состави-

ла только Самарская область) произошло сокращение численности работников малых предприятий, в ПФО оно было более значительным (показатель снизился на 12 % против 6 % в РФ), что может осложнить ситуацию на региональных рынках труда. Самое заметное снижение численности занятых на малых предприятиях произошло в Республике Башкортостан и Пензенской области — на 25 % и более.

Оборот малых предприятий в рассматриваемый период вырос и в РФ, и в ПФО, причем в ПФО этот процесс шел опережающими темпами. Ниже уровня накопленной за 2 года инфляции прирост оборота малых предприятий был в 3 субъектах ПФО — Пермском крае, Республике Башкортостан и Пензенской области. Лидерами в развитии малого предпринимательства являются Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области. Наибольшее отставание по этому показателю в 2021 г. наблюдалось в Республике Мордовия и Республике Марий Эл. Наибольшие негативные изменения численности работников и оборота малых предприятий в период пандемии в секторе малой экономики произошли в Республике Башкортостан и Пензенской области. Это требует введения дополнительных мер по стимулированию предпринимательской деятельности граждан.

Анализ сальдированного финансового результата показал, что эффективность деятельности малых предприятий в большинстве субъектов ПФО повысилась, но остается сравнительно невысокой. Исключение составляют Чувашская Республика и Саратовская область, где удельный вес малых предприятий в совокупном сальдированном финансовом результате российских малых предприятий близок к удельному весу этих субъектов в обороте малых предприятий РФ, в остальных Приволжских регионах данное соотношение складывается в пользу удельного веса оборота.

В период пандемии сильно пострадали малые предприятия, занятые в сфере торговли. Численность занятых на них сократилась в большинстве субъектов ПФО (за исключением Пермского края, Республики Мордовия и Чувашской Республики), оборот оптовой торговли в 2021 г. превысил допандемийный уровень, но в ряде Приволжских регионов этот прирост был ниже уровня инфляции. Прирост оборота розничной торговли малых предприятий превысил уровень инфляции только в Республике Башкортостан. В Республике Мордовия, Нижегородской, Самарской и Саратовской областях показатель был ниже уровня 2019 г. даже в фактически действовавших ценах. Это может быть связано с тем, что в период пандемии многие россияне стали активнее покупать товары с доставкой, а малые предприятия такой услуги, как правило, не предлагают. Представляется, что необходимы дополнительные меры защиты мелких торговых предприятий путем введения нормативов на размещение крупных торговых сетей по территории регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова Н. В. Анализ региональных мер поддержки малого бизнеса в Приволжском федеральном округе в период коронавируса (COVID 19) // Экономика и предпринимательство. 2020. № 10 (123). С. 505 — 509.

2. Букаткин К. И., Липатова Л. Н. Анализ состояния малого и среднего предпринимательства и его роль в развитии экономики Республики Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 3 (59). С. 137 — 142. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2021-na-sajt.pdf>

3. Кашаева Д. Р., Пястолов О. А. Малый бизнес в Республике Татарстан: риски в условиях пандемии и пути их снижения // OpenScience. 2021. Т. 3, № 4. С. 4 — 9.
4. Краковская И. Н. Развитие малого предпринимательства в промышленности Республики Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 164 — 177. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-1,2020.pdf>
5. Липатова Л. Н. Основные тенденции развития малого предпринимательства в строительстве // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 4 (56). С. 166 — 175. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4,2020.pdf>
6. Макеева Т. В., Хисматов Э. И. Основные тенденции развития малого и среднего бизнеса в Республике Татарстан // Вектор экономики. 2019. № 6 (36). С. 73.
7. Павлова К. С., Одинцова О. В. Современные государственные меры поддержки малого бизнеса налогового и неналогового характера в РФ // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1—1. С. 501 — 506.
8. Пашинская А. А. Статистический анализ малого предпринимательства в Самарской области // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2022. № 1—2. С. 117 — 120.
9. Трошина Е. П., Устинова Г. Х. Основные барьеры на пути эффективного функционирования малого предпринимательства (на примере Самарской области) // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2020. № 4 (186). С. 66 — 72.
10. Хисматуллина А. М. Социально-экономические аспекты развития малого бизнеса нефтехимической и нефтеперерабатывающей отрасли Республики Татарстан // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16, № 12. С. 309 — 312.

Статья поступила в редакцию 25.11.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 25.01.2024.

Информация об авторах:

Марина Николаевна Жалнова, аспирант отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), rischal108@mail.ru

Людмила Николаевна Липатова, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, 57/43); ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор социологических наук, профессор, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Валентина Николаевна Градусова, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, 57/43), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, gradusova-vn@ranepa.ru

Вклад авторов:

Жалнова М. Н. — подготовка обзора литературы, сбор и анализ статистических данных;
Липатова Л. Н. — разработка концепции исследования, формулирование выводов;
Градусова В. Н. — критический анализ и интерпретация полученных результатов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Abramova NV. Analysis of Regional Measures to Support Small Business in the Volga Federal District during the Coronavirus (COVID 19). *Economics and Entrepreneurship*. 2020;(10):505—509. (In Russ.)

2. Bukatkin KI, Lipatova LN. Analysis of the State of Small and Medium-Sized Entrepreneurship and Its Role in the Development of the Economy of the Republic of Mordovia. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2021;(3):137—142. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2021-na-sajt.pdf> (In Russ.)

3. Kashaeva DR, Pyastolov OA. Small Business in the Republic of Tatarstan: Risks in a Pandemic and Ways to Reduce Them. *Open Science*. 2021;3(4):4—9. (In Russ.)

4. Krakovskaya IN. Development of Small Entrepreneurship in the Industry of the Republic of Mordovia. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2020;(1):164—177. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-1,2020.pdf> (In Russ.)

5. Lipatova LN. The Main Trends in the Development of Small Entrepreneurship in Construction. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2020;(4):166—175. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4,2020.pdf> (In Russ.)

6. Makeeva TV, Khismatov EI. The Main Trends in the Development of Small and Medium-Sized Businesses in the Republic of Tatarstan. *Vector of Economics*. 2019;(6):73. (In Russ.)

7. Pavlova KS, Odintsova OV. Modern State Measures to Support Small Business of a Tax and Non-Tax Character in the Russian Federation. *Science of the XXI Century: Current Directions of Development*. 2020;(1—1):501—506. (In Russ.)

8. Pashinskaya AA. Statistical Analysis of Small Entrepreneurship in the Samara Region. *Science of the XXI Century: Current Directions of Development*. 2022;(1—2):117—120. (In Russ.)

9. Troshina EP, Ustinova GH. The Main Barriers to the Effective Functioning of Small Entrepreneurship (A Case Study of the Samara Region). *Bulletin of the Samara State University of Economics*. 2020;(4):66—72. (In Russ.)

10. Khismatullina AM. Socio-Economic Aspects of Small Business Development of the Petrochemical and Oil Refining Industry of the Republic of Tatarstan. *Bulletin of the Kazan University of Technology*. 2013;16(12):309—312. (In Russ.)

The article was submitted 25.11.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 25.01.2024.

Information about the authors:

Marina N. Zhalnova, Postgraduate Student of the Department of Regional Studies and Ethnology of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), riscal108@mail.ru

Lyudmila N. Lipatova, Professor of the Department of Economics of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Avenue, Vasilievsky Island, St. Petersburg 199178, Russia); Leading Researcher of the Department of Regional Studies and Ethnology of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Sociological Sciences, Professor, Candidate of Economic Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Valentina N. Gradusova, Associate Professor of the Department of Management of the Northwestern Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Avenue, Vasilievsky Island, St. Petersburg 199178, Russia), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, gradusova-vn@ranepa.ru

Contribution of the authors:

Zhalnova M. N. — preparation of a literature review, collection and analysis of statistical data;

Lipatova L. N. — development of the research concept, formulation of conclusions;

Gradusova V. N. — critical analysis and interpretation of the obtained results.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 631.1:631.582:631.816
EDN BXHJTS<http://vestnikniig.ru>*Научная статья*

АГРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПРИМЕНЕНИЯ МИНЕРАЛЬНЫХ УДОБРЕНИЙ В ПОЛЕВОМ СЕВООБОРОТЕ

А. А. Артемьев¹✉, И. П. Лаптев²¹ Мордовский научно-исследовательский институт сельского хозяйства —
филиал Федерального аграрного научного центра Северо-Востока,
г. Саранск, Россия² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия✉ artemjevaa@yandex.ru

Аннотация

Введение. Современная стратегия социально-экономической политики России предусматривает в качестве приоритета в АПК импортозамещение и наращивание экспортных возможностей отрасли. При решении данного вопроса предпочтение отдается разработке отечественных ресурсосберегающих технологий. Развитие данного направления в аграрной науке получило название *точное земледелие*, реализация которого в сельскохозяйственном производстве требует проведения комплексных исследований по использованию средств химизации и оценке их эффективности.

Материалы и методы. Агроэкономическая оценка разных технологий применения минеральных удобрений в полевом севообороте проводилась на базе стационарного опыта Мордовского НИИСХ — филиала ФГБНУ ФАНЦ Северо-Востока. Оценивались три варианта — контрольный, традиционное и дифференцированное внесение удобрений. Изыскания выполнялись по общепринятым методикам.

Результаты исследования и их обсуждение. Разные технологии внесения удобрений оказали достоверное влияние на продуктивность севооборота. Общий сбор зерновых единиц в среднем за две ротации севооборота в варианте с дифференцированными дозами был выше, чем при внесении усредненных доз и в контроле. Оценка агрономической эффективности показала, что окупаемость 1 кг действующего вещества удобрений при точном внесении удобрений была на 21,3 % выше, чем при традиционной технологии. Аналогичная закономерность наблюдалась и при расчете экономической эффективности, где окупаемость затрат на приобретение 1 кг удобрения стоимостью прибавки урожая оказалась выше по сравнению с традиционным применением.

Заключение. Результаты исследований являются научным обоснованием для использования дифференцированных доз минеральных удобрений в условиях лесостепи Поволжья. Такая технология позволяет повысить среднегодовую продуктивность севооборота, окупаемость 1 кг д. в. удобрений и затрат на их приобретение.

Ключевые слова: продуктивность севооборота, дифференцированные дозы, усредненные дозы, агрономическая эффективность, экономическая эффективность

Финансирование: работа выполнена при поддержке Министерства науки и образования Российской Федерации в рамках государственного задания ФГБНУ «Федеральный аграрный научный центр Северо-Востока имени Н. В. Рудницкого» (тема FNWE-2022-0005, пер. № 1021060407720-0).

© Артемьев А. А., Лаптев И. П., 2024

Для цитирования: Артемьев А. А., Лаптев И. П. Агрэкономическая эффективность дифференцированного применения минеральных удобрений в полевом севообороте // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 28 — 40. EDN BXHJTS

Original article

AGRONOMIC AND ECONOMIC EFFICIENCY OF DIFFERENTIATED APPLICATION OF MINERAL FERTILIZERS IN CROP ROTATION FIELD

A. A. Artemyev¹✉, I. P. Laptev²

¹ Mordovia Research Agriculture Institute — Branch of the Federal Agrarian Research Center of the North-East,
Saransk, Russia

² Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
✉artemjevaa@yandex.ru

Abstract

Introduction. The modern strategy of Russia's social and economic policy provides for import substitution and increasing the industry's export capabilities as a priority in the agro-industrial complex. When solving this issue, preference is given to the development of domestic resource-saving technologies. The development of this direction in agricultural science is called precision farming, the implementation of which in agricultural production requires comprehensive research on the use of chemicals and evaluation of their effectiveness.

Materials and methods. An agronomic and economic assessment of different technologies for the use of mineral fertilizers in crop rotation field was carried out at the Mordovia Research Agriculture Institute — branch of the Federal Agrarian Research Center of the North-East. Three options were evaluated: control, traditional and differentiated application of fertilizers. The surveys were carried out using generally accepted methods.

Results and discussion. Different technologies for applying fertilizers had a significant impact on the productivity of crop rotation. The total harvest of grain units on average for two crop rotations in the variant with differentiated doses was higher than when applying average doses and in the control. An assessment of agronomic efficiency showed that the payback of 1 kg of active fertilizer substance with precise fertilizer application was 21.3% higher than with traditional technology. A similar pattern was observed when calculating economic efficiency, where the return on the cost of purchasing 1 kg of fertilizer with the cost of increasing the yield turned out to be higher compared to traditional use.

Conclusion. The research results provide a scientific basis for the use of differentiated doses of mineral fertilizers in the forest-steppe conditions of the Volga region. This technology makes it possible to increase the average annual productivity of crop rotation, the payback of 1 kg of the active substance of fertilizers and the payback of the cost of their acquisition.

Keywords: crop rotation productivity, differentiated doses, average doses, agronomic efficiency, economic efficiency

Funding: the research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the state assignment of the Federal Agrarian Research Center of the North-East (theme FNWE-2022-0005, reg. No. 1021060407720-0).

For citation: Artemyev AA, Laptev IP. Agronomic and Economic Efficiency of Differentiated Application of Mineral Fertilizers in Crop Rotation Field. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(2):28—40. EDN BXHJT

Введение

В числе основных причин невысокой урожайности зерновых культур и их низкого качества в Российской Федерации остается неоднородность плодородия полей, связанная как с генетическими особенностями почвы, рельефом местности, так и с длительным антропогенным воздействием вследствие бессистемного и безадресного применения агрохимических средств производства и внесения органических удобрений. Из-за этого складываются разные условия роста и развития растений, что в дальнейшем влияет на результат производственной деятельности.

Современная стратегия социально-экономической политики Российской Федерации предусматривает доведение объемов производства сельскохозяйственной продукции до уровня национальной безопасности. На этом фоне в качестве приоритетных целей в агропромышленном комплексе (АПК) обозначены импортозамещение и наращивание экспортных возможностей отрасли [13; 17]. В научном плане приоритет отводится разработке ресурсосберегающих технологий, основанных на дифференцированном использовании техногенных, природных и экономических ресурсов.

Развитие данного направления аграрной науки, получившего во всем мире название *точное (прецизионное, координатное) земледелие*, обеспечивает создание перспективных технологий производства растениеводческой продукции [14; 22]. В его основе лежит экономически и экологически выгодное использование сельскохозяйственных площадей, при котором для получения с каждого конкретного поля максимального количества качественной и наиболее дешевой продукции создаются оптимальные условия роста и развития растений без нарушения экологических норм [6; 18; 19]. При этом варьирование внутрипольных показателей почвенного плодородия и фитосанитарного состояния посевов можно снизить за счет точного воздействия на каждый участок поля. Такой способ использования земель позволит оптимизировать производственные издержки и одновременно снизить негативные воздействия на окружающую среду [9; 20; 27].

Существующие традиционные методы применения минеральных удобрений основаны на внесении их со средней дозой по всему полю. Такой подход при неблагоприятных почвенно-климатических условиях приводит к снижению эффективности производства, повышению опасности загрязнения и разрушения природной среды. Дифференцированное же внесение удобрений позволяет преодолеть эти недостатки, повысить результативность сельского хозяйства и рационально использовать средства химизации [21; 23].

Вместе с тем реализовать основу прецизионного земледелия в сельскохозяйственное производство без комплексных и глубоких исследований невозможно. Кроме того, для его освоения в части дифференцированного применения удобрений требуется оценка их эффективности в конкретных почвенно-климатических и хозяйственно-экономических условиях, так как традиционные установки по оптимизации доз удобрений под сельскохозяйственные культуры основываются на слишком обобщенных данных.

Материалы и методы

Для выявления агрономической и экономической целесообразности дифференцированного использования минеральных удобрений с учетом внутрипольной вариативности почвенного плодородия на базе Мордовского НИИСХ — филиала

ФГБНУ ФАНЦ Северо-Востока были проведены соответствующие исследования. Их целью явилась оценка эффективности разных технологий применения удобрений в среднем по двум ротациям звена полевого севооборота: озимая пшеница — яровая пшеница — однолетние травы — яровой ячмень.

Эксперимент выполнялся стационарно, по принципу расщепленной делянки. В опыте делянки первого порядка были отведены под один из трех вариантов технологий применения минеральных удобрений — *контрольный* (1-й вариант), *традиционное внесение удобрений* на основе усредненных доз (2-й вариант), *дифференцированное внесение удобрений* с учетом внутривидовой неоднородности плодородия почвы (3-й вариант). В каждом из трех вариантов субделянки (по пять в каждом повторении) служили для определения вариативности агрохимических показателей почвы. Площадь опытного участка — 1 га. Всего на полигоне было выделено 45 секторов (элементарные участки), по 15 в каждом повторении, площадью по 220 м² (37,4 × 5,9). Исследования проводились на выщелоченном тяжелосуглинистом среднемощном черноземе со значительным уровнем изменения содержания элементов питания в почве, что позволило получить репрезентативные данные по отзывчивости культур севооборота на удобрения и выявить эффективность их внесения (гумус в пахотном слое — 5,1 — 7,3 %, нитратный и аммонийный азот — 6,91 — 13,18 мг/кг почвы, подвижные формы фосфора — 89,2 — 235,8 и обменного калия — 108,5 — 255,8 мг/кг почвы, рН_{сол} — 4,4 — 4,8).

Дозы удобрений при возделывании культур севооборота в среднем по двум ротациям составили: под озимую пшеницу (под плановую урожайность 3,5 т/га) средние дозы N₈₃P₄₄K₅₂ и дифференцированные N₅₂₋₉₉P₃₁₋₅₅K₃₈₋₆₁; под яровую пшеницу (под урожайность 3,0 т/га) — соответственно N₉₅P₃₉K₃₅ и N₄₀₋₁₃₀P₂₈₋₅₁K₂₄₋₄₃; под суданскую траву (под урожайность зеленой массы 20 т/га) — N₉₁P₃₄K₂₉ и N₇₂₋₁₀₁P₂₂₋₃₆K₂₁₋₂₇; под яровой ячмень (под урожайность 3,0 т/га) — N₇₁P₃₅K₂₅ и N₅₄₋₈₀P₂₄₋₄₂K₁₉₋₃₁.

Расчет доз удобрений под запланированную урожайность ячменя в каждом варианте осуществлялся по методу нормативного баланса, основанного на возмещении выноса питательных веществ планируемым урожаем с учетом агрохимических показателей плодородия почвы¹. Технология возделывания культур в опыте была общепринятой для зоны². Исследования проводили в соответствии с принятыми методиками³. Расчет экономической эффективности осуществляли по технологическим картам в ценах 2023 г. в соответствии с общеизвестными рекомендациями⁴. Урожай переводили в зерновые единицы (з. ед.) по культурам сево-

¹ Интегрированное применение удобрений в адаптивно-ландшафтном земледелии в нечерноземной зоне Европейской части России / В. Г. Сычев, В. Ф. Ладонин, Л. М. Державин [и др.]. М., 2005. 160 с.

² Адаптивные технологии возделывания сельскохозяйственных культур в условиях Республики Мордовия (методическое руководство) / под ред. А. М. Гурьянова. Саранск, 2003. 428 с.

³ Доспехов Б. А. Методика полевого опыта. М., 1985. 352 с.

⁴ Полуниин Г. А., Гарист А. В., Князева Р. И. Методические рекомендации по определению экономического эффекта от использования результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе. М., 2007. 32 с.

оборота на основе коэффициентов, рекомендованных Министерством сельского хозяйства РФ⁵.

Обзор литературы

Сельскохозяйственное производство в России, в том числе в Республике Мордовия, осуществляется чаще всего в условиях рискованного земледелия, когда возделывание культур систематически подвергается воздействию негативных факторов природы. В этих обстоятельствах продуктивность отрасли существенно снижается, и значительно возрастают издержки невосполнимой энергии при получении продукции. Как утверждают Г. И. Личман и Н. М. Марченко [12], а также В. В. Ивановская, Е. И. Голубева и А. В. Труфанов [10], все это определяет разработку и внедрение точных технологий, которые бы наиболее полно реализовывали потенциал возделываемых культур и обеспечивали эффективную защиту окружающей среды от различных факторов риска, в том числе антропогенных. Р. А. Афанасьев [5], Л. В. Бойцова и Е. Г. Маглыш [7] при этом показывают, что необходим дифференцированный подход в применении средств химизации, в частности минеральных удобрений, что позволило бы скорректировать их норму в соответствии с агрохимической характеристикой почвенного плодородия.

Экономическая слагающая данных разработок, например, в работах В. Н. Намкина, Л. А. Наумкиной, А. Н. Крюкова, А. М. Хлопяникова, Г. В. Хлопяниковой [14], В. И. Титовой, Л. Д. Варламова, А. А. Тихонова [16] показывает, что продуктивность культур зависит от точного внесения удобрений на конкретном участке поля с определенным уровнем плодородия. Другие авторы — С. В. Шерстобитов [21], J. P. Monzon et al. [26] — считают, что увеличение дозы удобрения не всегда приводит к росту урожая и рентабельности производства.

В. С. Астахов и Г. О. Иванчиков [4], N. V. Khitrov et al. [25] находят, что эффективность дифференцированного применения удобрений в первую очередь зависит от размера участков, на которые разбивается поле при внесении туков. Чем они меньше, тем выше окупаемость удобрений в виде прибавки урожая. С другой стороны, H. Farid et al. [24] показывают, что увеличение количества участков приводит к более высоким затратам на почвенную диагностику и снижает получение прибыли.

По данным зарубежных авторов [26], расчеты экономической эффективности дифференцированного применения удобрений при возделывании сельскохозяйственных культур доказали перспективность точного земледелия в снижении объемов затрат уже на начальном этапе развития данных технологий.

Результаты исследования О. К. Денисовой и М. В. Козловой [8] продемонстрировали, что в нашей стране важнейшими социально-экономическими причинами, сдерживающими внедрение точного земледелия в производство, являются дороговизна исполнения, недостаточное осознание экономического эффекта, сложность адаптации существующих технологий к точному земледелию и отсутствие высококвалифицированных кадров.

⁵ Об утверждении коэффициентов перевода в зерновые единицы сельскохозяйственных культур: Приказ Минсельхоза РФ от 11 января 2013 г. № 6. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minselkhoza-rossii-ot-11012013-n-6/> (дата обращения: 15.02.2024).

Двадцать первое столетие — век информационных технологий. На этом фоне развитие российской экономики во многом будет определяться ростом ее субъектов [11; 15]. Регионы должны идти в ногу с научно-техническим прогрессом, поскольку повышение информатизации в сфере агротехнологий и создания импортозамещающей продукции способствует производству сельскохозяйственной продукции, оправданной с экономической и экологической точек зрения.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследования показали, что разные технологии применения минеральных удобрений неоднозначно влияют на продуктивность звена полевого севооборота (табл. 1; здесь и далее таблицы авторские).

Таблица 1. Среднегодовая продуктивность звена полевого севооборота в зависимости от технологии применения минеральных удобрений (среднее по двум ротациям севооборота), т з. ед./га

Table 1. The average annual productivity of the field crop rotation link depending on the technology of application of mineral fertilizers (average for two crop rotations), tons of units/ha

Вариант опыта	Культура севооборота				Сбор за ротацию	Среднегодовая продуктивность
	Озимая пшеница	Яровая пшеница	Суданская трава	Яровой ячмень		
Контроль (без удобрений)	2,51	1,35	1,79	1,83	7,48	1,87
Усредненные дозы	3,03	1,64	3,19	2,78	10,64	2,66
Дифференцированные дозы	3,42	1,89	3,51	3,14	11,96	2,99
НСР ₀₅	0,35	0,21	0,25	0,24		

Анализ данных табл. 1 свидетельствует, что общий сбор зерновых единиц в среднем за две ротации севооборота был выше при внесении дифференцированных доз минеральных удобрений. Это оказалось на 11,1 % выше, чем при внесении усредненных доз, и на 37,5 % — чем в контроле. Применение удобрений по традиционной технологии в сравнении с контролем также повышало общий сбор зерновых единиц за ротацию севооборота (+29,6 %).

Расчет среднегодовой продуктивности севооборота подтвердил преимущество технологии дифференцированного применения минеральных удобрений. В этом варианте данный показатель был на 0,33 т з. ед./га выше, чем при внесении усредненных доз, и на 1,12 т з. ед./га — чем в контроле. Применение традиционной технологии также повышало на 0,79 т з. ед./га среднегодовую продуктивность севооборота относительно контроля.

Наибольшей продуктивностью (2,51 — 3,42 т з. ед./га) в севообороте отличалась озимая пшеница, а наименьшей (1,35 — 1,89 т з. ед./га) — яровая пшеница. Подробные результаты исследований о влиянии разных технологий применения удобрений на урожайность и качество продукции по каждой культуре севооборота были опубликованы в наших ранних работах [1; 2; 3].

Таким образом, наиболее устойчивым по выходу зерна явилось звено полевого севооборота с использованием технологии дифференцированного применения минеральных удобрений.

Для выявления агрономической целесообразности дифференцированного использования минеральных удобрений с учетом внутривидовой вариативности почвенного плодородия каждого варианта опыта нами был проведен сравнительный анализ данных изменения продуктивности возделываемых культур в начале первой ротации севооборота с данными последней культуры второй ротации севооборота по делянкам опытного полигона. Результаты показали, что в контроле размах варьирования в первый год проведения исследований составил 0,76 т з. ед./га при коэффициенте вариации 4 %. В варианте с внесением удобрений по традиционной технологии эти показатели равнялись соответственно 1,42 т з. ед./га и 11,5 %, а в варианте с дифференцированными дозами — 1,18 т з. ед./га и 13,9 %. По истечении второй ротации севооборота в контроле размах варьирования по продуктивности ярового ячменя по делянкам варианта вырос до 1,12 т з. ед./га, а коэффициент вариации — до 17 %. Аналогичная закономерность наблюдалась в варианте с усредненными дозами внесения удобрений, где данные показатели повысились соответственно до значений 2,1 т з. ед./га и 22,1 %. В первом случае рост показателей объяснялся существенным снижением плодородия почвы на делянках этого варианта за счет постоянного потребления значительного количества питательных веществ возделываемыми культурами в течение двух ротаций севооборота, а во втором случае — за счет безадресного внесения удобрений под культуры на основе обобщенных показателей плодородия почвы.

Иная картина наблюдалась к концу второй ротации севооборота в варианте с дифференцированными дозами удобрений. Различие в продуктивности между максимальным и минимальным значениями по делянкам этого варианта в сравнении с первым годом исследований снизилось до 0,9 т з. ед./га, или на 23,7 %, а коэффициент вариации опустился до 9,5 %. Данное явление свидетельствовало о том, что длительное применение удобрений в севообороте по такой технологии приводило к некоторому выравниванию плодородия почвы от внесения наибольшего количества на низкоплодородные делянки полигона и наименьшего — на делянки с наибольшей обеспеченностью подвижными формами элементов питания, в результате урожайность по делянкам этого варианта нивелировалась.

Важным аспектом научного обоснования технологий прецизионного земледелия при внесении удобрений и масштабного распространения результатов в сельскохозяйственной практике является оценка их агрономической эффективности (табл. 2).

По сбору зерновых единиц варианты с внесением удобрений значительно превосходили контроль и в меньшей степени различались между собой. Однако как по общему, так и среднегодовому уровню внесения минеральных удобрений в среднем за две ротации звена полевого севооборота они значительно различались, что свидетельствовало о большей эффективности технологии дифференцированного применения удобрений по сравнению с их традиционным внесением. Расчет окупаемости 1 кг д. в. удобрений показал, что при внесении дифференцированных доз удобрений с учетом неоднородности плодородия почвы была на 21,3 % выше, чем при применении усредненных доз.

Таблица 2. Агрономическая эффективность дифференцированного применения удобрений в звене полевого севооборота (среднее по двум ротациям севооборота)

Table 2. Agronomic efficiency of differentiated application of fertilizers in the field crop rotation link (average for two crop rotations)

Вариант опыта	Среднегодовая продуктивность севооборота, т з. ед./га	Внесено минеральных удобрений, кг д. в.*		Окупаемость 1 кг д. в удобрений, кг з. ед.
		всего за ротацию	в среднем за год	
Контроль (без удобрений)	1,87	—	—	—
Усредненные дозы	2,66	653,0	163,3	16,3
Дифференцированные дозы	2,99	577,0	144,3	20,7

* д. в. — действующее вещество.

Экономическая оценка разных технологий внесения минеральных удобрений довольно сложная задача. Необходимо указывать различие в урожайности культуры от их применения, что не всегда возможно. Даже на уровне исследований возникают вопросы, как лучше оценить ту или иную технологию. Отличие в урожайности между двумя полями или участками поля, на одном из которых удобрения вносили дифференцированно, а на другом — по традиционной технологии, может быть обусловлено неоднородностью в почвенном составе или другими факторами. В связи с этим для более аргументированного заключения об эффективности технологии дифференцированного внесения удобрений необходимо проводить длительные опыты на участках с разным уровнем плодородия, но в одном и том же регионе. Подобное мы наблюдали ранее в наших исследованиях, поэтому предприняли попытку проведения экономической оценки изучаемых технологий. К тому же полевой опыт осуществлялся на участке после завершеного длительного эксперимента с удобрениями, в результате чего имелись места с разным содержанием агрохимических показателей на генетически однородной почве. Это дало возможность получить репрезентативные данные для лесостепной зоны Поволжья по отзывчивости культур полевого севооборота на удобрения, вносимые с учетом или без учета пространственной неоднородности плодородия почвы.

При оценке экономической эффективности различных технологий применения минеральных удобрений принималась в расчет только актуальная рыночная стоимость удобрений и фуражного зерна, так как другие затраты, связанные с производством продукции, существенно колебались по годам и в большинстве случаев не поддавались точному учету. В связи со сказанным приведенные в табл. 3 расчеты можно считать ориентировочными.

Анализ табл. 3 свидетельствует об определенном преимуществе дифференцированного внесения удобрений, так как окупаемость затрат на приобретение 1 кг минерального удобрения стоимостью прибавки урожая оказалась на 37,9 % выше, чем при традиционной технологии их применения. Кроме того, при расчетах отмечен дополнительный экономический эффект, связанный с выравниванием условий минерального питания и продуктивности растений, о чем упоминалось выше.

Таблица 3. Экономическая эффективность дифференцированного применения удобрений
в полевом севообороте (в среднем за две ротации севооборота)Table 3. Economic efficiency of differentiated application of fertilizers
in field crop rotation (on average for two crop rotations)

Вариант опыта	Выход с 1 га севооборотной площади, т з. ед.	Прибавка от внесения удобрений, т з. ед./га	Стоимость удобрений*, руб./га	Стоимость урожая**, руб./га	Стоимость прибавки урожая, руб./га	Окупаемость 1 руб. затрат на удобрение прибавкой урожая, руб.
Контроль (без удобрений)	1,87	—	—	1 4960,0	—	—
Усредненные дозы	2,66	0,79	8 715,0	21 280,0	6 320,0	0,72
Дифференцированные дозы	2,99	1,12	7 711,2	23 920,0	8 960,0	1,16

* Средняя стоимость 1 т минеральных удобрений — 21 тыс. руб.

** Закупочная цена 1 т зерновой единицы (цена на начало 2023 г.) — 8 тыс. руб.

Заключение

Полученные результаты изысканий могут служить научным обоснованием для эффективного применения дифференцированных доз минеральных удобрений, вносимых с учетом пространственной неоднородности плодородия почвы в условиях лесостепи Поволжья и, в частности, Республики Мордовия. Применение удобрений по такой технологии позволяет повысить среднегодовую продуктивность полевого севооборота до 2,99 т з. ед./га, или на 21,3 %, в сравнении с их традиционным внесением. Аргументированным подтверждением данного факта является оценка агрономической и экономической эффективности технологий. Расчеты показали, что окупаемость 1 кг д. в. удобрений при их дифференцированном внесении выше на 11,1 %, чем при традиционном, а окупаемость затрат на их приобретение прибавкой урожая — соответственно на 37,9 %.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артемьев А. А., Гурьянов А. М. Возделывание яровой пшеницы при различных технологиях применения минеральных удобрений // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 64 (381). С. 78 — 81.
2. Артемьев А. А., Гурьянов А. М. Дифференцированное применение минеральных удобрений при возделывании ярового ячменя // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2023. № 24 (4). С. 636 — 645.
3. Артемьев А. А., Гурьянов А. М. Эффективность возделывания озимой пшеницы при дифференцированном использовании минеральных удобрений // Достижения науки и техники АПК. 2020. Т. 34, № 4. С. 5 — 10.
4. Астахов В. С., Иванчиков Г. О. Проблемы применения систем точного земледелия при дифференцированном внесении твердых минеральных удобрений и пути их решения // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 1. С. 133 — 136.

5. Афанасьев Р. А. Закономерности внутрипольной вариабельности показателей плодородия почвы // Доклады Российской академии сельскохозяйственных наук. 2012. № 1. С. 24 — 27.
6. Белых С. А., Митрофанов С. В., Личман Г. И., Марченко А. Н. Экономически прибыльный прием расчета доз для дифференцированного внесения удобрений // Техника и оборудование для села. 2020. № 7 (277). С. 45 — 50.
7. Бойцова Л. В., Маглыш Е. Г. Точная система удобрения в различных ландшафтно-экологических условиях // Плодородие. 2012. № 5 (68). С. 4 — 5.
8. Денисова О. К., Козлова М. В. Экономические аспекты применения технологии точного земледелия в Восточно-Казахстанской области // Проблемы агрорынка. 2018. № 1. С. 163 — 170.
9. Дерепаскин А. И., Куваев А. Н., Токарев И. В. Полевые исследования культиватора-удобрителя с системой дифференцированного внесения минеральных удобрений // Сельскохозяйственные машины и технологии. 2021. № 15 (2). С. 46 — 52.
10. Ивановская В. В., Голубева Е. И., Труфанов А. В. Применение ГИС-технологий для оптимизации сельскохозяйственного природопользования // Проблемы региональной экологии. 2020. № 5. С. 36 — 41.
11. Липатова Л. Н., Малинина Т. Б., Беляев А. А. Оценка роли Республики Мордовия в системе российской экономики // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 1. С. 49 — 61. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-1-2023-st03.pdf>
12. Личман Г. И., Марченко Н. М. Космический мониторинг в системе точного земледелия // Сельскохозяйственные машины и технологии. 2010. № 1. С. 27 — 31.
13. Миничкина В. П. Импортзамещение: проблемы, результаты и направления развития // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 25 — 40. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st02.pdf>
14. Наумкин В. Н., Наумкина Л. А., Крюков А. Н., Хлопяников А. М., Хлопяникова Г. В. К разработке эффективных дифференцированных технологий возделывания полевых культур // Инновации в АПК: проблемы и перспективы. 2019. № 1 (21). С. 127 — 132.
15. Новиков М. П., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Механизм обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 41 — 56. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st03.pdf>
16. Титова В. И., Варламов Л. Д., Тихонов А. А. Продуктивность яровой пшеницы в зависимости от соотношения основных элементов питания в удобрениях // Плодородие. 2011. № 4. С. 15 — 17.
17. Четаева К. Г. Оценка продовольственной безопасности Республики Мордовия в условиях экономического кризиса: новые возможности и угрозы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1 (57). С. 171 — 180. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-1,2021-g...pdf>
18. Чикишев Д. В. Экономическая эффективность применения минеральных удобрений с использованием систем спутниковой навигации // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 7. С. 28 — 32.
19. Цыганова Н. А. Энергетическая и экономическая эффективность дифференцированного применения минеральных удобрений в полевом севообороте // Агрофизика. 2020. № 1. С. 37 — 44.
20. Шаповалов Д. А., Королева П. В., Калинина Н. В., Вильчевская Е. В., Куляница А. Л., Рухович Д. И. ASF-INDEX — карта устойчивой внутриполевой неоднородности плодородия почвенного покрова, построенная на основе больших спутниковых данных для задач точного земледелия // Международный сельскохозяйственный журнал. 2020. № 1. С. 9—15.
21. Шерстобитов С. В. Эффективность дифференцированного внесения азотных удобрений в режиме off-line в условиях Западной Сибири // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2021. № 5 (91). С. 22 — 26.
22. Capmourteres V., Adams J., Berg A., Fraser E., Swanton C., Anand M. Precision conservation meets precision agriculture: A case study from southern Ontario // Agricultural Systems. 2018. Vol. 167. P. 176 — 185.

23. Fabbri C., Mancini M., Marta A., Orlandini S., Napoli M. Integrating satellite data with a Nitrogen Nutrition Curve for precision top-dress fertilization of durum wheat // *European Journal of Agronomy*. 2020. Vol. 120. P. 126 — 148.

24. Farid H., Bakhsh A., Ahmad N. [et al.]. Delineating site-specific management zones for precision agriculture // *Journal of Agricultural Science*. 2016. Vol. 154, № 2. P. 273 — 286.

25. Khitrov N. B., Rukhovich D. I., Koroleva P. V. [et al.]. A study of the responsiveness of crops to fertilizers by zones of stable intra-field heterogeneity based on big satellite data analysis // *Archives of Agronomy and Soil Science*. 2020. Vol. 66, Issue 14. P. 1963 — 1975.

26. Monzon J. P., Calviño P. A., Sadras V. O. [et al.]. Precision agriculture based on crop physiological principles improves whole-farm yield and profit: A case study // *European Journal of Agronomy*. 2018. Vol. 99. P. 62 — 71.

27. Rabia A. H., Neupane J., Lin Z., Lewis K., Cao G., Guo W. Principles and applications of topography in precision agriculture // *Advances in Agronomy*. 2022. Vol. 171. P. 143 — 189.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 27.04.2024; принята к публикации 03.05.2024.

Информация об авторах:

Андрей Александрович Артемьев, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией координатного земледелия, заместитель директора по научной работе Мордовского научно-исследовательского института сельского хозяйства — филиала ФГБНУ «Федеральный аграрный научный центр Северо-Востока имени Н. В. Рудницкого» (430904, Россия, г. Саранск, р. п. Ялга, ул. Мичурина, 5), доктор сельскохозяйственных наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8759-8070>, artemjevaa@yandex.ru

Иван Павлович Лаптев, аспирант Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4351-7915>, lapteff.van@yandex.ru

Вклад авторов:

Артемьев А. А. — разработка методики и проведение полевых исследований, сбор экспериментальных данных и анализ литературы, обобщение и научное редактирование текста;

Лаптев И. П. — обобщение экспериментальных данных и оценка экономической эффективности результатов исследования.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Artemyev AA, Guryanov AM. Cultivation of Spring Wheat with Various Technologies of Application of Mineral Fertilizers. *International Agricultural Journal*. 2021;(64):78—81. (In Russ.)

2. Artemyev AA, Guryanov AM. Differentiated Application of Mineral Fertilizers in the Cultivation of Spring Barley. *Agrarian Science of the Euro-North-East*. 2023;(24):636—645. (In Russ.)

3. Artemyev AA, Guryanov AM. Efficiency of Winter Wheat Cultivation with Differentiated Use of Mineral Fertilizers. *Achievements of Science and Technology of the Agro-Industrial Complex*. 2020;34(4):5—10. (In Russ.)

4. Astakhov VS, Ivanchikov GO. Problems of Using Precision Farming Systems with Differentiated Application of Solid Mineral Fertilizers and Ways to Solve Them. *Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy*. 2022;(1):133—136. (In Russ.)

5. Afanasyev RA. Patterns of Intrafield Variability of Soil Fertility Indicators. *Reports of the Russian Academy of Agricultural Sciences*. 2012;(1):24—27. (In Russ.)
6. Belykh SA, Mitrofanov SV, Lichman GI, Marchenko AN. Economically Profitable Method of Calculating Doses for Differentiated Fertilization. *Machinery and Equipment for Rural Areas*. 2020;(7):45—50. (In Russ.)
7. Boycova LV, Maglysh EG. Precise Fertilizer System in Various Landscape and Environmental Conditions. *Fertility*. 2012;(5):4—5. (In Russ.)
8. Denisova OK, Kozlova MV. Economic Aspects of the Application of Precision Farming Technology in the East Kazakhstan Region. *Problems of the Agricultural Market*. 2018;(1):163—170. (In Russ.)
9. Derepaskin AI, Kuvaev AN, Tokarev IV. Field Studies of a Cultivator-Fertilizer with a System of Differentiated Application of Mineral Fertilizers. *Agricultural Machines and Technologies*. 2021;(15):46—52. (In Russ.)
10. Ivanovskaya VV, Golubeva EI, Trufanov AV. Application of GIS Technologies for Optimization of Agricultural Environmental Management. *Problems of Regional Ecology*. 2020;(5):36—41. (In Russ.)
11. Lipatova LN, Malinina TB, Belyaev AA. Assessment of the Role of the Republic of Mordovia in the Russian Economic System. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(1):49—61. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-1-2023-st03.pdf> (In Russ.)
12. Lichman GI, Marchenko NM. Space Monitoring in the Precision Agriculture System. *Agricultural Machinery and Technology*. 2010;(1):27—31. (In Russ.)
13. Minichkina VP. Import Substitution: Problems, Results and Directions of Development. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):25—40. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st02.pdf> (In Russ.)
14. Naumkin VN, Naumkina LA, Kryukov AN, Khlopyanikov AM, Khlopyanikova GV. Towards the Development of Effective Differential Technologies for Cultivating Field Crops. *Innovations in Agriculture: Problems and Prospects*. 2019;(1):127—132. (In Russ.)
15. Novikov MP, Lipatova LN, Gradusova VN. Mechanism of Ensuring Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Mordovia. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):41—56. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st03.pdf> (In Russ.)
16. Titova VI, Varlamov LD, Tikhonov AA. Productivity of Spring Wheat Depending on the Ratio of Basic Nutrients in Fertilizers. *Fertility*. 2011;(4):15—17. (In Russ.)
17. Chetaeva KG. Assessment of Food Security of the Republic of Mordovia in the Context of the Economic Crisis: New Opportunities and Threats. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2021;(1):171—180. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-1,2021-g...pdf> (In Russ.)
18. Chikishev DV. Economic Efficiency of the Use of Mineral Fertilizers Using Satellite Navigation Systems. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2020;(7):28—32. (In Russ.)
19. Tsyganova NA. Energy and Economic Efficiency of Differentiated Application of Mineral Fertilizers in Crop Rotation Field. *Agrophysics*. 2020;(1):37—44. (In Russ.)
20. Shapovalov DA, Koroleva PV, Kalinina NV, Vilchevskaya EV, Kulyanitsa AL, Rukhovich DI. ASF-INDEX Is a Map of Stable Intrafield Heterogeneity of Soil Fertility, Built on the Basis of Large Satellite Data for Precision Farming Tasks. *International Agricultural Journal*. 2020;(1):9—15. (In Russ.)
21. Sherstobitov SV. The Effectiveness of Differentiated Application of Nitrogen Fertilizers in the Off-Line Mode in Western Siberia. *Proceedings of the Orenburg State Agrarian University*. 2021;(5):22—26. (In Russ.)
22. Capmourteres V, Adams J, Berg A, Fraser E, Swanton C, Anand M. Precision Conservation Meets Precision Agriculture: A Case Study from Southern Ontario. *Agricultural Systems*. 2018;167:176—185.

23. Fabbri C, Mancini M, Marta A, Orlandini S, Napoli M. Integrating Satellite Data with a Nitrogen Nutrition Curve for Precision Top-Dress Fertilization of Durum Wheat. *European Journal of Agronomy*. 2020;120:126—148.

24. Farid H, Bakhsh A, Ahmad N [et al.]. Delineating Site-Specific Management Zones for Precision Agriculture. *Journal of Agricultural Science*. 2016;154(2):273—286.

25. Khitrov NB, Rukhovich DI, Koroleva PV [et al.]. A Study of the Responsiveness of Crops to Fertilizers by Zones of Stable Intrafield Heterogeneity Based on Big Satellite Data Analysis. *Archives of Agronomy and Soil Science*. 2020;66(14):1963—1975.

26. Monzon JP, Calviño PA, Sadras VO [et al.]. Precision Agriculture Based on Crop Physiological Principles Improves Whole-Farm Yield and Profit: A Case Study. *European Journal of Agronomy*. 2018;99:62—71.

27. Rabia AH, Neupane J, Lin Z [et al.]. Principles and Applications of Topography in Precision Agriculture. *Advances in Agronomy*. 2022;171:143—189.

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 27.04.2024; accepted for publication 03.05.2024.

Information about the authors:

Andrey A. Artemyev, Leading Researcher, Head of the Coordinate Farming Laboratory, Deputy Director for scientific work of the Mordovia Research Agriculture Institute — Branch of the Federal Agrarian Research Center of the North-East (5 Michurina Str., Yalga, Saransk 430904, Russia), Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8759-8070>, artemjevaa@yandex.ru

Ivan P. Laptev, Postgraduate Student of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4351-7915>, lapteff.van@yandex.ru

Contribution of the authors:

Artemyev A. A. — development of methodology and conduct of field research, collection of experimental data and analysis of literature, generalization and scientific editing of the text;

Laptev I. P. — generalization of experimental data and assessment of the economic efficiency of the research results.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ISSN 2077-3579 (Print)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

УДК 94(47):266.3
EDN CGNAIG

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ИННОКЕНТИЕВСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК

Т. М. Гусева¹✉, Л. М. Артамонова²

¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

² Самарский государственный институт культуры,
г. Самара, Россия
✉ tatiana.guseva@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье рассмотрены основные аспекты создания и функционирования Иннокентиевского просветительского братства, созданного в Пензе. Исследование миссионерской деятельности братства позволило ответить на вопросы, связанные не только с формированием определенных культурных практик, но и с зарождением, ростом, развитием общественной инициативы в российской провинции.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили документы Иннокентиевского просветительского братства, опубликованные в Пензенских епархиальных ведомостях. В ходе работы были использованы следующие методы: ретроспективный анализ, системный и сравнительно-исторический.

Результаты исследования и их обсуждение. Создание Русской православной церковью просветительских братств, основанных на общественных началах, в современных условиях представляет особый интерес, поскольку свидетельствует, во-первых, о формировании элементов гражданственности, во-вторых, о развитии православной и светской культуры. Во второй половине XIX в. представители причта, активно включаясь в деятельность просветительских братств, выступали инициаторами открытия разного рода школ, библиотек. Работа с раскольниками и сектантами, проживающими на территории губернии, представляла собой планомерную деятельность с целью возвращения прихожан в православную церковь. Методы, которыми пользовались члены братства, были направлены исключительно на убеждение и просвещение.

Заключение. В целом можно констатировать, что религиозные общественные организации сыграли важную роль в духовной жизни русского общества, они расширяли культурные практики прихожан, в ходе реализации которых зарождалась и развивалась общественная инициатива.

© Гусева Т. М., Артамонова Л. М., 2024

Ключевые слова: духовенство, гражданское общество, религиозные братства, культурные практики, церковно-приходские школы, раскольники, сектанты

Для цитирования: Гусева Т. М., Артамонова Л. М. Иннокентьевское просветительское братство Пензенской губернии: деятельность по формированию культурных практик // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 41 — 53. EDN CGNAIG

Original article

THE INNOCENT EDUCATIONAL BROTHERHOOD OF PENZA OBLAST: ACTIVITIES FOR FORMING CULTURAL PRACTICES

T. M. Guseva¹✉, L. M. Artamonova²

¹ Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

² Samara State Institute of Culture,
Samara, Russia.

✉tatiana.guseva@mail.ru

Abstract

Introduction. The article examines the main aspects of the creation and functioning of the Innocent Educational Brotherhood, created in Penza. The study of the missionary activities of the brotherhood made it possible to answer questions related not only to the formation of certain cultural practices, but also to the origin, growth, and development of public initiative in the Russian province.

Materials and methods. The research materials were documents of the Innocent Educational Brotherhood, published in the Penza Diocesan Gazette. During the work, the following methods were used: retrospective analysis, systemic and comparative historical.

Results and discussion. The creation by the Russian Orthodox Church of educational brotherhoods based on social principles is of particular interest in modern conditions, since it testifies, firstly, to the formation of elements of citizenship, and secondly, to the development of Orthodox and secular culture. In the second half of the XIX century. Representatives of the clergy, actively involved in the activities of educational brotherhoods, initiated the opening of various kinds of schools and libraries. Work with schismatics and sectarians living in the governorate was a systematic activity with the goal of returning parishioners to the Orthodox Church. The methods used by the members of the brotherhood were aimed exclusively at persuasion and education.

Conclusion. In general, it can be stated that religious public organizations played an important role in the spiritual life of Russian society; they expanded the cultural practices of parishioners, during the implementation of which a public initiative was born and developed.

Key words: clergy, civil society, religious brotherhoods, cultural practices, parochial schools, schismatics, sectarians

For citation: Guseva TM, Artamonova LM. The Innocent Educational Brotherhood of Penza Oblast: Activities for Forming Cultural Practices. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(2):41—53. EDN CGNAIG

Введение

Вторая половина XIX в. в общем историко-культурном потоке занимает особое место. Это было время чрезвычайно богатое и динамичное в социально-культурном

отношении, оно оставило памятники высокой духовности и нравственности народа и его выдающихся представителей, вошедшие в отечественное культурное наследие. В этот период сложившаяся социально-экономическая ситуация в России требовала проведения реформ, которые дали толчок быстрому росту экономики и культуры страны. Изменения затронули все сферы жизни российского общества, в том числе и Русскую православную церковь, занимавшую одну из ведущих позиций в духовной жизни общества.

Создание общественных православных организаций в данный период свидетельствовало об активном включении церкви в общественную жизнь. В 1860-е гг. при больших храмах и кафедральных соборах стали создаваться церковные православные братства. Они являлись преемниками православных союзов, действовавших в XVI—XVII вв. Комитетом министров и императором 8 мая 1864 г. в виде закона Российской империи были приняты Положения о приходских братствах при православных церквях¹. Согласно утвержденным правилам новым обществам предоставлялась определенная свобода, в результате которой резко возросла активность создаваемых братств. Самыми известными в России стали Братство Пресвятой Богородицы в Санкт-Петербурге, Святого Петра, митрополита Московского в Москве, Святителя Гурия в Казани, Алексиевское братство в Самаре и др. Цели образования братств были различными. Одни занимались религиозно-нравственным просвещением народа, другие к данной цели присоединяли борьбу с расколом и миссионерскую деятельность, третьи занимались исключительно благотворительностью. В Пензенской губернии общественной православной организацией являлось Иннокентиевское просветительское братство во имя Пресвятой Богородицы. Актуальность изучения его деятельности заключается, во-первых, в том, что на рубеже XIX — XX вв. братство давало возможность прихожанам проявить свою инициативу, что способствовало формированию элементов гражданственности. Во-вторых, просветительская деятельность братства являлась составляющей частью общего процесса выработки новых культурных практик.

Обзор литературы

В отечественной историографии вопросы становления, деятельности и развития православных обществ, как правило, рассматривались в рамках крупных исследований по истории Русской православной церкви. В дореволюционный период церковный публицист А. А. Папков в своей работе осветил проблемы возрождения православного прихода, дал краткий обзор новых законов о приходских попечительствах и братствах. Кроме того, провел сравнительный анализ этих православных общественных организаций, критически осмыслил недостатки их структуры и деятельности в связи с действующим законодательством [9]. Непосредственное отношение к теме настоящей статьи имеет работа В. Введенского [3]. Она посвящена миссионерской деятельности братств с 1864 г. по 1914 г. Автор подчеркивает эффективность братских миссий в борьбе с сектантскими учениями, которые активно распространялись в то время и представляли опасность из-за угрозы отхода населения страны от церкви.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825 г. — 28 февраля 1881 г.: в 129 т. Т. XXXIX. Отделение 1: 1864. СПб., 1867. С. 409 — 410.

В советской историографии тема православных обществ не могла быть предметом самостоятельного исследования, поскольку по идеологическим соображениям научные вопросы, касающиеся общественных инициатив Церкви, были под запретом. Только в середине 1960-х гг. в Советском Союзе круг научных исследований по истории православия стал расширяться. А. Д. Степанский, рассматривая развитие общественных организаций в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в., частично уделит внимание православным общественным организациям² [14].

В современный период проблемы взаимоотношения церкви и общества, ее участия в общественных процессах все чаще становятся объектом исследования историков. Для нас интересна работа представителя уральской академической школы М. Ю. Нечаевой, которая рассматривает православные общественные организации в контексте формирования гражданского общества [8]. Согласно концепции известного петербургского историка Б. Н. Миронова, «принципиальное значение для развития российского гражданского общества имели добровольные ассоциации, составлявшие его костяк, организационную основу», а среди таких ассоциаций в первую очередь фигурируют «ассоциации, связанные с церковью», в том числе «религиозные братства», которые «занимались миссионерской деятельностью, распространяли православные взгляды и религиозную литературу» [6, с. 813, 817]. Самарские исследователи Ю. Н. Смирнов и один из соавторов настоящей статьи полагают, что «среди элементов гражданского общества в России первыми появились добровольные ассоциации» [13, с. 9] и наиболее «успешными оказывались те мероприятия нарождающегося гражданского общества..., в ходе которых происходило объединение разных групп» жителей [2, с. 11]. Ими подчеркивается принципиальная близость подобных ассоциаций, имевших как церковную, так и светскую направленность. Она выражалась, например, в активном участии видных деятелей православных братств в общегражданских просветительских и благотворительных организациях [1, с. 38 — 39], в том, как они с благословения церковных иерархов поддерживали «не только традиционное образование, но и новшества модернизационного характера» [12, с. 78].

Существует иная точка зрения. В коллективной монографии, посвященной самоорганизации дореволюционной российской общественности, из типологии добровольных обществ, которую предложила сотрудник московской Высшей экономической школы А. С. Туманова, православные объединения исключены. Не упоминаются в числе создателей и активных участников благотворительных, просветительских и иных ассоциаций церковь, духовные лица и прихожане храмов. В исследовании обозначены дискуссионный характер данной типологии и несогласие с ней некоторых членов авторского коллектива [11, с. 220].

Рассматривая деятельность братств в Пензенской губернии, в том числе Иннокентиевского, Н. О. Шкердина подчеркивает их всесословный характер: «В них вступали врачи, учителя, ученые-лингвисты и другие представители интеллигенции, но основную массу их участников составляло духовенство и члены церковного

² Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России: учеб. пособие. М., 1979. 81 с.

причта» [15, с. 244]. Миссионерскую деятельность Иннокентиевского братства на территории Пензенской епархии затрагивает О. В. Колпакова [5]. Систематизация и анализ общественных организаций Пензенской губернии, в том числе церковных, представлены в диссертации О. В. Добровой [4]. Священник и преподаватель духовной семинарии А. В. Сапсай исследовал непосредственно православные «добровольные объединения мирян и духовенства, созданные с религиозными и другими целями» [10]. История просветительских братств Пензенской губернии исследована частично, нет и специальных работ, посвященных деятельности Иннокентиевского братства.

Материалы и методы

Источниковой базой статьи послужили документы Иннокентиевского просветительского братства (устав, отчеты), опубликованные в Пензенских епархиальных ведомостях. Использование в качестве методологии познания системного комплексного подхода позволило создать целостную картину деятельности анализируемого братства. Важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала сыграли структурный и статистический методы. Сравнительно-исторический метод способствовал рассмотрению деятельности данного общества в различные исторические периоды.

Результаты исследования и их обсуждение

Иннокентиевское просветительское братство во имя Пресвятой Богородицы было создано 30 мая 1884 г. в Пензе при Кафедральном соборе в память столетнего юбилея Преосвященнейшего Иннокентия, Епископа Пензенского и Саратовского. Церковно-общественная организация, образованная в губернии, где проживало большое число представителей разных национальностей, в первую очередь ставила перед собой миссионерские и религиозно-просветительские цели: просвещение христианской верой некрещеных «инородцев»; утверждение православной веры среди крещеных «инородцев» (татар, мордвы); воздействие на раскольников для воссоединения их с православной церковью; истребление невежества и суеверий в народе; умножение истинного благочестия во всех приходах епархии. Кроме того, Братство ставило своей целью материально помогать как раскольникам, обратившимся в православие, так и священникам, которые трудились на миссионерском поприще.

В первом уставе общества было записано, что действительными членами Братства могут быть представители всех сословий — духовных и светских, не исключая и женщин, которые делали в пользу братства пожертвования или ежегодно вносили в его кассу не менее 5 руб. Членами-соревнователями братства были те, которые вносили 2 — 3 руб. или оказывали братству услугу своим трудом, а также пожертвованиями — книгами и вещами³.

В уставе, напечатанном в Пензенских епархиальных ведомостях в 1888 г., появляется понятие почетных и постоянных членов братства. Постоянными членами назывались те, кто вносил значительные пожертвования для деятельности братства — не менее 100 руб. Почетными членами могли быть лица, оказы-

³ Устав Иннокентиевского Просветительного Братства Пресвятой Богородицы в гор. Пензе при Кафедральном соборе // Пензенские епархиальные ведомости (далее — ПЕВ). 1886. № 12. Неофиц. часть. С. 19.

вающие значительные услуги своим влиянием, трудом или же крупными пожертвованиями. В разные годы почетными членами были: обер-прокуроры Святейшего Синода К. П. Победоносцев, В. К. Саблер; управляющий канцелярией Св. Синода С. В. Керский, пензенские губернаторы и другие представители местной власти. Настоятели и настоятельницы монастырей, отцы благочинные епархии, протоиереи и иереи Кафедрального собора и протодиакон признавались действительными членами братства⁴.

В уставе 1892 г. члены братства делятся на почетных, пожизненных, действительных и соревнователей. Почетные члены имели право участвовать с правом голоса в Совете Братства. Пожизненными считались те члены, которые жертвовали единовременно для целей Братства не менее 100 руб. Действительными именовались члены, вносившие в братскую кассу не менее 3 руб. ежегодно. Все преподаватели духовно-учебных заведений, а также пастыри Пензенской епархии считались членами братства, которые всеми мерами должны были содействовать широкому распространению и развитию деятельности братства среди населения Пензенской губернии. К соревнователям относились люди, жертвовавшие менее 3 руб. или оказывавшие Братству какие-либо услуги, не делая денежных пожертвований⁵.

Основные денежные средства братства формировались за счет членских взносов, добровольных пожертвований, специального кружечного сбора в храмах епархии, сбора по подписным листам, остатков казенного жалованья духовенству, специального сбора на оказание помощи церковным причтам приходов со старообрядческим и сектантским населением, доходов от продажи религиозной литературы, части доходов епархиального свечного завода, средств, поступавших из Св. синода на создание церковно-приходских школ, средств монастырей епархии. Сведения о движении денежных средств братства публиковались в ежегодных отчетах. Так, в отчете за 1910 г. содержатся следующие данные: «К 1-му января 1910 года Братство имело в остатке от 1909 года наличными 1 172 р. 55 к., и билетами 18 500 руб., итого 19 672 р. 55 к.; в течение 1910 года поступило на приход наличными 5 016 р. 62 к. и билетами 600 р. итого 5 616 р. 62 коп. а всего с остатком наличными и билетами поступило 25 289 руб. 17 коп.; в 1910 году израсходовано наличными 4 409 р. 21 к.: затем осталось к 1-му января 1911 года наличными 1 779 р. 96 к., и билетами 19 100 руб., а всего 20 879 руб. 96 коп.»⁶.

Священники принимали активное участие в сборе добровольных взносов. Например, в отчете даны сведения о том, что протоиерей с. Лады В. Успенский собрал 153 руб. 17 коп., священник г. Краснослободска А. Гроздов — 132 руб. 23 коп., протоиерей г. Городищ И. Тархов — 129 руб. 45 коп.⁷

Особенностью Иннокентиевского братства было то, что основная его деятельность была миссионерской, для ведения которой братство содержало епархиальных

⁴ Устав Иннокентиевского Просветительного Братства Пресвятой Богородицы в гор. Пензе при Кафедральном соборе // ПЕВ. 1888. № 13. Офиц. часть. С. 4.

⁵ Устав Иннокентиевского Просветительного Братства Пресвятой Богородицы в гор. Пензе при Кафедральном соборе // ПЕВ. 1892. № 18. Офиц. часть. С. 307 — 308.

⁶ Отчет о состоянии и деятельности Пензенского Иннокентиевского религиозно-просветительского Братства Пресвятой Богородицы за 1910 год // ПЕВ. 1912. № 4. Офиц. часть. С. 157.

⁷ Там же. С. 125.

миссионеров (противораскольничий и противосектантский), а также четырех окружных. В 1913 г. был назначен «инородческий» миссионер (вел работу среди нерусского населения). В подчинении каждого миссионера находились уезды, наиболее подверженные расколу и сектантству. В ведении первого окружного миссионера состояли приходы Саранского и Городищенского уездов и 3 села Мокшанского уезда в количестве 45 населенных пунктов; второго — села Наровчатского, Керенского и Мокшанского уездов в количестве 29 пунктов, третьего — села Чембарского, Нижне-Ломовского и Пензенского уездов в количестве 40 населенных мест. Таким образом, Пензенская епархия была разделена на три миссионерских округа, не совсем равных как по количеству входящих в их состав селений и населения, так и по занимаемому ими географическому положению.

Главной задачей Совета Иннокентиевского братства было оказание помощи и содействие миссионерам, которые занимались искоренением раскола, сектантства и неверия в епархии. Они обеспечивались материальным пособием и необходимой литературой. Епископ Митрофан ходатайствовал о том, чтобы ежегодно Святейший синод выделял средства на усиление миссии в Пензенской епархии. Так, в 1911 г. было выделено 3 000 руб. Эти деньги были направлены на увеличение вознаграждения епархиальному миссионеру (до 2 400 руб.) и учреждение должности еще двух окружных миссионеров с оплатой 500 руб. в год каждому. Кроме того, братство оплачивало должность и третьего миссионера⁸.

По сведениям, собранным братством, в Пензенской епархии насчитывалось до 21 980 раскольников и сектантов, которые проживали во всех уездах, кроме Краснослободского и Инсарского. Самым распространенным толком в епархии были беглопоповцы (8 356 чел.). Поповцев, принимающих австрийское священство, насчитывалось 6 885 чел., представителей спасова согласия, или «нетовщины», — 3 262, последователей поморского согласия — 1 162, странников, или бегунов, — 560. Из рационалистических сектантов в епархии действовали молокане-уклеинцы (947), сосредоточенные главным образом в селах Чембарского и Саранского уездов, и штундо-бантисты (188), проживавшие в Керенском, Мокшанском, Чембарском и Саранском уездах. Баптизм в Поволжье «изначально опирался на молоканские общины», его проповедь «распространялась среди сельского населения, в том числе мордвы» [7, с. 197]. Кроме раскольников-старообрядцев и сектантов-рационалистов, в епархии существовали и сектанты-мистики, известные под именем хлысты. К подобного рода сектантам относили и религиозное направление иоанниты, или киселевцы⁹. Оно распространялось под видом почитания протоиерея Иоанна Кронштадтского, но церковью рассматривалось как кощунственное и богохульное¹⁰.

К миссионерской деятельности привлекались приходские священники, которые за это получали надбавки к жалованью. Оказывая материальную и нравственную поддержку миссионерам, Совет Братства в то же время следил за их деятельностью,

⁸ Отчет о состоянии и деятельности Пензенского Иннокентиевского религиозно-просветительского Братства Пресвятой Богородицы. С. 134.

⁹ Там же. С. 137 — 140.

¹⁰ Зими́на Н. П. Иоанниты // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 127 — 139.

требуя от них отчета о проведенной работе. В представленном в Совет отчете читаем: «Священником с. Агапова В. Лебедевым, в период его священства с 1 сентября 1884 г., путем внебогослужебных собеседований в церкви и путем частных бесед с раскольниками-начетчиками присоединено из раскола к православию 75 человек, в том числе в отчетном году четыре лица; священником единоверческой церкви с. Александровки Фетисовым в отчетном году присоединено к православию 11 душ. При этом священник Фетисов сообщает, что в своем селе редкий свободный для крестьян день у него не бывает бесед с раскольниками, а помимо этого он вел таковые же беседы и в с. Каменке Н.-Ломовского уезда, центре раскола, куда в базарные дни съезжаются раскольники и из соседних сел; здесь помимо бесед в частных домах случалось вести беседы и среди базарной площади, причем всегда бывает много слушателей как раскольников, так и православных. Беседы эти не остаются бесполезными для раскольников; из числа их, по объяснению священника Фетисова, девять человек, хорошо начитанных, присоединены к православной Церкви на правилах единоверия, а другие очень близки к православию»¹¹.

Для теоретической и практической подготовки миссионеров из мирян и духовенства (в основном из дьяконов и причетников) Братство организовывало краткосрочные миссионерские курсы (1912, 1913, 1914), оплачивало поездки миссионеров на всероссийские миссионерские съезды. Например, Иннокентиевское братство командировало на съезд миссионеров в Москву священников И. Зарина и Е. Фетисова, чтобы изучить опыт работы в других епархиях¹².

Для ведения борьбы с расколом священники привлекали мирян, которых удалось обратить из раскола в православие. Для подготовки миссионеров устраивались так называемые миссионерские, или противораскольничьи, школы. Окончившие курс семинарии крестьяне после серьезной проверки могли сами открывать в селах подобные школы. Другим способом воспитания миссионеров было зачисление их на вакансии в городские церкви. В течение двух лет они под руководством преподавателя дополнительно изучали в семинарии все, что было связано с расколом.

Во многих приходах создавались миссионерские кружки, которые ставили перед собой те же задачи, что и братство в целом. В 1911 г. подобные кружки были зарегистрированы в с. Царевщина и Анучино Мокшанского уезда, Пятина, Воротики и Саловка Саранского уезда, Алферьевка Пензенского уезда, Агапово и Шереметьево Чембарского уезда, Буды и Рыскино Наровчатского уезда, Большая Садовка, Мордовский Качим, Павловское, и Архангельское-Куракино Городищенского уезда и в других селениях епархии¹³. В конце 1914 г. существовало 230 миссионерских кружков и 483 кружка ревнителей веры и благочестия, что свидетельствовало об активизации миссионерской деятельности в приходах.

Число раскольников в Пензенской епархии было достаточно большое, а специальных миссионеров не хватало, поэтому каждый священник, живущий в приходе,

¹¹ Отчет о действиях совета Иннокентиевского Просветительного Братства // ПЕВ. 1888. № 9. Офиц. часть. С. 15 — 16.

¹² Церковные Братства и их деятельность // ПЕВ. 1889. № 20. Неофиц. часть. С. 6.

¹³ Отчет о состоянии и деятельности Пензенского Иннокентиевского религиозно-просветительского Братства Пресвятой Богородицы. С. 133 — 134.

должен был включиться в борьбу с расколом. Для эффективной борьбы необходимо было предпринять определенные шаги. Например, пастырей следовало обеспечить книгами. Многие сельские священники не только не имели нужных книг, но и не могли их купить, поскольку книги были достаточно дорогими. Иннокентиевское братство с первых дней своего существования создало миссионерскую библиотеку. Она была открыта при кафедральном соборе в Пензе, в ней насчитывалось более 6 тыс. томов. Значительная часть литературы носила миссионерский характер. Каждый год в библиотеку выписывались новые книги. Книги братской миссионерской библиотеки были разделены на пять отделов: отдел А составляли книги священного Писания; отдел Б — сочинения святых отцов и учителей церкви; отдел В — книги религиозно-нравственного содержания; отдел Г — книги, относящиеся к изучению и обличению раскола старообрядчества, отдел Д — сочинения по церковной истории общей и русской. Для местного духовенства особенно важное значение имел четвертый отдел, который состоял из двух частей. Первая часть состояла из книг, касающихся истории раскола и различных его сект, вторая — из книг, содержащих в себе обличение раскола. Для ознакомления местного духовенства с книгами миссионерской библиотеки братство напечатало ее каталог на страницах местных Епархиальных ведомостей¹⁴.

Братство имело право издавать и распространять литературу религиозно-нравственного содержания. Часть литературы раздавалась бесплатно. Имелся свой книжно-иконный склад, занимавшийся продажей и раздачей книг. Филиалы склада были организованы в ряде населенных пунктов епархии. В приходах с татарским и мордовским населением братство распространяло литературу на языках, снабжало миссионеров книгами из библиотеки или специально выписывало нужные экземпляры. Для более плодотворной работы братства открывали в уездах отделения противораскольничьих библиотек¹⁵.

В миссионерских и религиозно-просветительских целях братство организовывало при храмах, церковных школах и в других местах внебогослужебные собеседования, религиозно-нравственные чтения. С 1892 г. в качестве приложения к Пензенским епархиальным ведомостям начали печататься тексты внебогослужебных собеседований, материалы для чтений.

Важную роль в миссионерской и религиозно просветительской деятельности братство отводило церковным школам. Они открывались в приходах, где велась миссионерская деятельность. С 1892 по 1895 г. братство выполняло функцию епархиального училищного Совета, т. е. управляло всеми церковными школами епархии.

Во второй половине XIX в. стали создаваться церковно-приходские школы и школы грамоты, необходимые для распространения и утверждения религиозно-нравственного просвещения. Церковные братства были заинтересованы в появлении таких школ в приходах, поэтому ходатайствовали об этом перед земствами или открывали их на свои средства. Главная задача обучения в них заключалась в том, чтобы не допустить влияния раскольников, которые, по мнению священников, ис-

¹⁴ Краткие сведения о миссионерской библиотеке Пензенского Иннокентиевского Братства Пресвятой Богородицы с приложением каталога // ПЕВ. 1889. № 22. Неофиц. часть. С. 15 — 27.

¹⁵ Церковные Братства и их деятельность. С. 6.

кали своих адептов в необразованной массе. Церковно-приходские школы являлись одним из самых сильных средств в борьбе с расколом. Раскольники довольно охотно отдавали своих детей в школы, учитывая пользу грамотности и желание предоставить им льготы по отбыванию воинской повинности. Совместное обучение в школах детей раскольников и православных должно было способствовать их сближению, ослаблять их отчужденность. Дети раскольников, учась в школе, уже по-другому воспринимали православных священников, которые старались заслужить их доверие.

Через детей духовенство надеялось повлиять на взрослое население раскольников: «Церковно-приходские школы в раскольнических приходах составляют весьма важное и благотворное средство к противодействию и ослаблению раскола. Школы безотказно пользовались денежным от Братства пособием, необходимым для их упрочения и процветания; таковое пособие выдано частью на устройство самих школ, частью на приобретение классных принадлежностей и частью на жалование учителям»¹⁶. В 1888 г. Иннокентиевское братство выдало пособие следующим школам: в с. Царевщино Мокшанского уезда — 25 руб., в дер. Мордовские Пошаты Краснослободского уезда — 90 руб. (из них 70 руб. на жалование учителю и 20 руб. на учебные пособия), в с. Буди Наровчатского уезда — 25 руб. (на классную мебель и учебники), в с. Новая Толковка Краснослободского уезда — 100 руб. (на устройство школы)¹⁷.

Судя по отчетам братств, в церковно-приходских школах остро ощущался недостаток хорошо подготовленных учителей. Для решения данной проблемы одни братства открывали двухклассные школы для подготовки учителей. Другие занимались поиском учителей, окончивших полный семинарский курс или курс учительской семинарии. Третьи организовывали краткосрочные педагогические курсы, при которых устраивали образцовые школы.

Учителями школ грамоты были священники, дьяконы, отставные чиновники, солдаты, а также грамотные крестьяне. Иногда такие школы располагались в домах учителей. Существовали и передвижные школы, которые по очереди переходили из дома в дом родителей обучающихся. Помощь братств школам грамоты состояла в высылке учебников, букварей, часословов, псалтирей, впрочем, некоторым школам помогали и деньгами в небольших размерах.

Деятельность просветительских братств была направлена и на организацию хоров при городских и сельских церквях. Там, где учитель был немного знаком с практикой хорового пения, при церквях создавались хоры из мальчиков и юношей — учащихся и учившихся. Начальная школа, по мнению священнослужителей, должна была обучить правильному нотному многоголосному церковному пению.

Общественная благотворительность долгое время считалась исключительно делом церкви и деятельность просветительских братств в этом направлении была очень обширной. Для Иннокентиевского общества главная цель заключалась в борьбе с сектантами и расколом, но, обладая довольно значительными средствами,

¹⁶ Отчет о действиях совета Иннокентиевского Просветительного Братства // ПЕВ. 1888. № 9. Офиц. часть. С. 15 — 16.

¹⁷ Отчет о действиях совета Иннокентиевского Просветительного Братства // ПЕВ. 1888. № 7. Офиц. часть. С. 17.

братство оказывало посильную помощь учащимся. Например, оно оплачивало обучение в духовном училище и семинарии воспитанников из семей старообрядцев и сектантов, молодых людей, которые не могли завершить обучение из-за отсутствия денежных средств.

Заключение

Русское православие в целом и просветительские братства в частности сыграли большую роль в развитии духовных, социальных и культурных составляющих российского общества. Подводя итог миссионерской деятельности Иннокентиевского просветительского общества, работа которого была прекращена в 1918 г., необходимо подчеркнуть, что особенностью данной организации являлось то, что она была создана в губернии, населенной большим числом сектантов и староверов. В силу этого основные культурные просветительские практики представителей данного братства были направлены на организацию миссионерских или противораскольничьих школ и кружков, церковно-приходских и школ грамоты, организацию библиотек. Соглашаясь с мнением Б. Н. Миронова, М. Ю. Нечаевой, которые рассматривают организации православной общественности как элементы формирующегося гражданского общества и школы общественной инициативы, считаем нужным добавить, что эти добровольные ассоциации также способствовали формированию и расширению культурных практик прихожан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артамонова Л. М. Деятель народного образования и духовного просвещения: А. П. Херувимов в Самаре (XIX — начало XX вв.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 3. С. 36 — 42.
2. Артамонова Л. М. Участие провинциальной общественности и администрации в общероссийском движении по открытию воскресных школ (1859 — 1862 гг.): из истории становления гражданского общества в России // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016, № 4. С. 9 — 17.
3. Введенский В. Православные церковные братства (1864 г. — 8 мая 1914 г.). СПб.: Синод. тип., 1914. 26 с.
4. Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 270 с.
5. Колпакова О. В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на территории Пензенской епархии во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 4 (64). С. 43 — 51. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-4-2022-st-05.pdf>
6. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.
7. Мордва Самарского края: история и традиционная культура / Т. И. Ведерникова [и др.]. Самара: Самарское археологическое общество, 2021. 336 с.
8. Нечаева М. Ю. Православные общественные организации и гражданское общество в России на рубеже XIX — XX вв. // Quaestio Russia. 2014. № 3. С. 124 — 141.
9. Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М.: Синод. тип., 1900. 49 с.
10. Сапсай А. В. Становление и деятельность православных общественных организаций Пермской епархии во второй половине XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. теологии. Пермь, 2019. 334 с.
11. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / отв. ред. А. С. Туманова. М.: РОСПЭН, 2011. 887 с.

12. Смирнов Ю. Н. Взаимодействие епархиального начальства с местной администрацией в новой Самарской губернии в 1850—1870-е годы: к вопросу о характере церковно-государственных отношений // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2024. Т. 23, № 1. С. 71 — 81.

13. Смирнов Ю. Н. Учителство и образованное общество волжского города середины XIX в. в гражданских инициативах и самодеятельном творчестве // Центр и периферия. 2023. Т. 18, № 3. С. 8 — 14. URL: <http://centrniign.ru/gallery/C-3-2023-st01.pdf>

14. Степанский А. Д. Общественные организации России на рубеже XIX—XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. 37 с.

15. Шкердина Н. О. Вклад православных братств в развитие образования на территории мордовского края во второй половине XIX в. // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. в рамках VII Всерос. конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца им. Г. Власенко (29 марта 2018 г.). Самара: Изд-во Самар. гос. ин-та культуры, 2018. С. 242 — 248.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 02.05.2024.

Информация об авторах:

Татьяна Михайловна Гусева, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3); профессор кафедры (по совместительству) экономической истории и информационных технологий Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, tatiana.guseva@mail.ru

Людмила Михайловна Артамонова, профессор кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения Самарского государственного института культуры (443010, Россия, г. Самара, ул. Фрунзе, 167), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, artamonovoi@mail.ru

Вклад авторов:

Гусева Т. М. — разработка концепции, сбор материалов и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи, научное редактирование текста;

Артамонова Л. М. — сбор материалов и анализ литературы, научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Artamonova LM. Activist of Public Education and Spiritual Enlightenment: A. P. Kherubimov in Samara (XIX — Early XX Centuries). *Vestnik of Samara University. History, Pedagogy, Philology*. 2021;27(3):36—42. (In Russ.)

2. Artamonova LM. Participation of the Provincial Public and Administration in the All-Russian Movement to Open Sunday Schools (1859 — 1862): from the History of the Formation of Civil Society in Russia. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogy, Philology*. 2016;(4):9—17. (In Russ.)

3. Vvedensky V. Orthodox Church Brotherhoods (1864 — May 8, 1914). St. Petersburg;1914. (In Russ.)

4. Dobrova OV. Public Organizations of the Penza Governorate in the Second Half of the XIX — Early XX Centuries. Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Penza;2007. (In Russ.)

5. Kolpakova OV. Missionary Activities of the Russian Orthodox Church on the Territory of the Penza Diocese in the Second Half of the XIX — Early XX Centuries. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(4):43—51. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-4-2022-st-05.pdf> (In Russ.)
6. Mironov BN. Russian Empire: from Tradition to Modernity. St. Petersburg;2018;2. (In Russ.)
7. Mordva of the Samara Region: History and Traditional Culture. Samara;2021. (In Russ.)
8. Nechaeva MYu. Orthodox Public Organizations as an Element of Civil Society: Russian Realities at the Turn of the XIX — XX Centuries. *Quaestio Russia*. 2014;(3):124—141. (In Russ.)
9. Papkov AA. The Beginning of the Revival of Church and Parish Life in Russia. Moscow;1900. (In Russ.)
10. Sapsay AV. Formation and Activities of Orthodox Public Organizations of the Perm Diocese in the Second Half of the XIX — Early XX Centuries. Dis. ... Cand. of Theol. Perm;2019. (In Russ.)
11. Self-Organization of the Russian Public in the Last Third of the XVIII — Early XX Centuries. Moscow;2011. (In Russ.)
12. Smirnov YuN. Interaction of the Diocesan Authorities with the Local Administration in the New Samara Governorate in the 1850 — 1870s: on the Nature of Church-State Relations. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser.: History and Philology*. 2024;23(1):71—81. (In Russ.)
13. Smirnov YuN. Teaching and Educated Society of the Volga City in the Mid-XIX Century in Civil Initiatives and Amateur Creativity. *Center and Periphery*. 2023;18(3):8—14. URL: <http://centrniign.ru/gallery/C-3-2023-st01.pdf> (In Russ.)
14. Stepansky AD. Public Organizations of Russia at the Turn of the XIX — XX Centuries. Abstract. dis. ... Dr. of Hist. Sci. Moscow;1982. (In Russ.)
15. Shkerdina NO. The Contribution of Orthodox Brotherhoods to the Development of Education in the Mordovian Region in the Second Half of the XIX Century. *National Cultural Heritage of Russia: Regional Aspect. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference within the Framework of the VII All-Russian Vlasenko Competition-Festival of Performers and Choreographers of Folk Dance*. Samara;2018:242—248.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 02.05.2024.

Information about the authors:

Tatyana M. Guseva, Principal Researcher — Head of the Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia); Part-Time Professor of the Department of Economic History and Information Technologies of National Research Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, tatiana.guseva@mail.ru

Lyudmila M. Artamonova, Professor of the Department of Cultural Studies, Museology and Art History of the Samara State Institute of Culture (87 Frunze Str., Samara 443011, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, artamonovoi@mail.ru

Contribution of the authors:

Guseva T. M. — concept development, collecting materials and analyzing the literature, writing the original version of the article, scientific editing of the text;

Artamonova L. M. — collecting materials and analyzing the literature, scientific editing of the text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Научная статья

«ВСЕ СТОЛОВЫЕ — ПОД СТЕКЛЯННЫЙ КОЛПАК!»: СМОТР ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ 1930 г. В ЯРОСЛАВСКОМ ОКРУГЕ (по материалам газеты «Северный рабочий»)

Н. В. Тихомиров

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия
tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация

Введение. В статье охарактеризованы черты повседневности жителей Ярославского округа РСФСР в контексте всесоюзного смотра общественного питания 1930 г. Изучены особенности работы заведений городского общепита и связанные с ней проблемы в области обустройства столовых, гигиенического состояния кухонь, приготовления обедов и их стоимости. Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом со стороны научного сообщества к проблемам быденной жизни советского населения довоенного времени, а также объективной потребностью обеспечения исследований в данной области новыми источниками и развития методологии работы с ними.

Материалы и методы. Источником исследования послужили публикации окружной газеты «Северный рабочий» за период прохождения смотра. В основу работы положен историко-антропологический подход к познанию изучаемого предмета, что позволило в деталях рассмотреть и воспроизвести отдельные стороны общественной жизни горожан. Задействованы приемы контент-анализа и количественных исследований.

Результаты исследования и их обсуждение. Полученные выводы углубляют научные представления о повседневности Ярославского округа в начальный период советской индустриализации, показывают своеобразие процесса становления социалистического быта в отдельно взятом регионе. Изучение газетных публикаций в рамках заявленной темы позволило выявить существенный информационный потенциал данного источника и воссоздать в общих чертах особенности прохождения массовых общественных кампаний в СССР в начале 1930-х гг.

Заключение. Выявлены противоречия, присущие общественным отношениям рассматриваемого региона в области общественного питания; определены причины соответствующих проблем, на конкретных примерах показано их влияние на образ жизни городских обывателей. Продемонстрированы эвристические возможности периодической печати для изучения советской повседневности.

Ключевые слова: история повседневности, микроистория, общественное питание, периодическая печать, советские газеты, Ярославль

Для цитирования: Тихомиров Н. В. «Все столовые — под стеклянный колпак!»: смотр общественного питания 1930 г. в Ярославском округе (по материалам газеты «Северный рабочий») // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 54 — 68. EDN CHIVOE

Original article

**“ALL CANTEENS ARE UNDER A BELL JAR!”:
A REVIEW OF PUBLIC CATERING
IN THE YAROSLAVSK DISTRICT IN 1930
(A Case Study of the Newspaper “Severny Rabochiy”)**

N. V. Tikhomirov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

tikhomirov_n@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article examines the features of everyday life of residents of the Yaroslavl district of the RSFSR in the context of the All-Union Public Catering Review of 1930. The features of the work of city catering establishments and related problems in the field of arrangement of canteens, the hygienic condition of kitchens, preparation of lunches and their cost are studied. The relevance of the study is due to the sustained interest on the part of the scientific community in the problems of everyday life of the Soviet population of the pre-war period, as well as the objective need to provide research in this area with new sources and develop a methodology for working with them.

Materials and methods. The source of the study was the publications of the district newspaper “Severny Rabochiy” during the period of the review. The work is based on a historical and anthropological approach to understanding the subject under study, which made it possible to examine and reproduce in detail certain aspects of the social life of citizens. Techniques of content analysis and quantitative research are used.

Results and discussion. The findings deepen scientific understanding of the everyday life of the Yaroslavl district in the initial period of Soviet industrialization and show the uniqueness of the process of formation of socialist life in a particular region. The study of newspaper publications within the framework of the stated topic made it possible to identify the significant information potential of this source and to recreate in general terms the features of the passage of mass public campaigns in the USSR in the early 1930s.

Conclusions. The contradictions inherent in the social relations of the region in question in the field of public catering have been identified. The causes of the corresponding problems are identified, and their impact on the lifestyle of urban residents is shown using specific examples. The heuristic capabilities of periodicals for studying Soviet everyday life are demonstrated.

Keywords: history of everyday life, microhistory, public catering, periodicals, Soviet newspapers, Yaroslavl

For citation: Tikhomirov NV. “All Canteens Are under a Bell Jar!”: A Review of Public Catering in the Yaroslavl District in 1930 (A Case Study of the Newspaper “Severny Rabochiy”). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(2):54—68. EDN CHIVOE

Введение

Предметом настоящего исследования является взаимодействие заведений общественного питания Ярославского округа РСФСР с потребителями на рубеже 1920-х — 1930-х гг. Источником служат публикации в окружной газете «Северный рабочий». Временные рамки — март-апрель 1930 г. — определены по срокам общесоюзного смотра общественного питания, который был начат столичной «Правдой» и на местах проводился под началом региональных многотиражных изданий.

Обзор литературы

Советская повседневность высоко востребована как объект исторических исследований. Активно разрабатываются вопросы городской повседневности СССР 1920-х — 1930-х гг. [3; 9; 10; 11; 12] и системы общественного питания как ее составной части. Данная проблематика получила отражение в трудах И. В. Глущенко [2], Ф.-К. Нерара [5] и др. Рассмотрение работы заведений общепита на микроуровне позволяет осуществить «изучение социального с точки зрения индивида» [6, с. 12]. С этим связано применение историко-антропологического подхода, служащего выявлению черт повседневности, воплощенных в бытовых привычках, навыках поведения, способах мышления людей [7].

Изучение работы заведений общественного питания в указанном ключе высвечивает проблемы и трудности, связанные с утверждением новых форм общественных отношений в раннем СССР. Одновременно это помогает лучше понять особенности быта населения и динамику культурных изменений в конкретной местности. Соответствующие вопросы поднимаются в работах С. С. Букина и В. И. Исаева [1], Н. Б. Лебиной [4], Н. В. Тихомирова [8] и др.

Материалы и методы

Официальной советской прессе 1920-х — 1930-х гг. как источнику присущи известные недостатки, в частности тенденциозность в отборе и подаче материала. Вместе с тем она давала большой объем конкретной информации о состоянии дел в обществе, что было обусловлено одной из главных ее задач — выявлять и критиковать изъяны общественной жизни. Анализ периодической печати позволяет увидеть в подробностях ряд сторон обыденной жизни населения, попавших в поле внимания общественников и не нашедших отражения в официальной документации. Это способствует пониманию жизненного строя локальных сообществ и своеобразия городской среды. Газетные заметки помогают воссоздать картину проведения массовых кампаний на региональном уровне. В этом отношении они обладают значительным информационным потенциалом, не освоенным еще в полной мере исследователями.

Результаты исследования и их обсуждение

Задачи смотра понимались его организаторами широко: «Поднять массу на борьбу и быстрее перестройку быта»¹. Местные активисты логически сопрягали усилия, прилагаемые для повышения качества работы общепита, с осуществлением главной задачи советской культурной революции — построением социалистического общества. Согласно замыслу московских руководителей, региональная пресса была призвана направлять и координировать смотр, побуждать население к деятельному вовлечению в обследовательские мероприятия, освещать их результаты. «Северный рабочий» стремился подать пример правильного подхода к делу: при редакции была создана обследовательская бригада из 45 работниц и домохозяек, им предписывалось «по заданиям редакции выявлять все недочеты общественного питания»². В составе газетного номера была учреждена рубрика «Смотр общественного питания», ставшая постоянной на срок проведения ревизионных мероприятий.

¹ Северный рабочий. 1930. № 70. С. 4.

² Там же.

В ней освещались итоги работы смотровых бригад, печатались рабкоровские заметки о выявленных нарушениях, критиковались действия кооператоров и руководителей, ответственных за организацию питания на предприятиях.

Ярославские активисты развернули подготовку к обследованию еще до официального объявления о начале смотра в регионе. В этом их тактика отличалась от того, как действовали в ряде других частей РСФСР. Так, в Иркутском округе местный печатный орган «Власть труда» сообщил о начале организационных мероприятий лишь 22 марта одновременно с объявлением о начале смотра³.

Однако, несмотря на предварительные усилия и напористую агитацию, смотр оказался под угрозой срыва: 14 марта на совещании в окружкоме ВКП (б) выяснилось, что никто из ответственных лиц толком не готовился к проверкам⁴. Начало смотра пришлось переносить из-за «неповоротливости всех общественных организаций»⁵. Газетная карикатура высмеивала «уснувших» общественников (рис. 1)⁶.

— Гражданин официант, смотрите, тут человек один уснул..
— А мы на него внимания не обращаем, это он к смотру общественного питания готовится..

Рис. 1. «Гражданин официант, смотрите, тут человек один уснул...

А мы на него внимания не обращаем, это он к смотру общественного питания готовится...»

Figure 1. “Waiter, look, one person fell asleep here...

We do not pay attention to him, he is preparing for the catering review...”

Бездеятельность партийных и профсоюзных организаций привела к тому, что начало смотра, планировавшееся на 15 марта, сдвинули на 1 апреля. К тому времени требовалось избрать на всех предприятиях смотровые комиссии, наметить план их работы⁷. Побуждая граждан проявить сознательность и включиться в дело инспек-

³ Власть труда. 1930. № 66. С. 2.

⁴ Северный рабочий. 1930. № 73. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. № 72. С. 4.

⁷ Там же. № 78. С. 4.

тирования общепита, газета призывала: «Все столовые — под стеклянный колпак! Работницы и рабочие, выходите на смотр!»⁸. В редакции был организован окружной штаб смотра, с 11:00 до 18:00 там принимали письменные сводки и телефонные сообщения о ходе и результатах кампании⁹.

Отношение к смотру со стороны профсоюзов было в основном отстраненным. Руководители кампании надеялись на инициативу и личное творчество месткомов и фабкомов. На деле же рабкоровские бригады сталкивались с ответами: «мы ждем циркуляров»¹⁰. Представители рабочих организаций и партийных ячеек раздраженно встречали проверяющих: «Не до смотра, ну вас. У нас поважнее есть дела»; «Чего вы пристали? И не наше дело заниматься каким-то смотром, на то созданы лавочные и столовые комиссии, спрашивайте с них»¹¹; «Какое наше дело! Существует лавочная комиссия»¹². Функционеры на местах были по-своему правы: общественный надзор за общепитом, действительно, исполняли профильные комиссии. Однако задачи всесоюзного смотра были не столько санитарные, сколько политические: борьба за культуру питания подавалась как составляющая процесса коренного переустройства быта и насаждения пролетарской культуры. В связи с этим мобилизация партийных кадров была неизбежной. Однако сами партийные работники, обремененные валом организаторской работы, пытались подчас либо саботировать смотр, либо отделаться формальностями. Так, на фабрике «Возрождение», по протоколу общего собрания, в смотровую комиссию были выделены три бригады. Кто вошел в их состав и чем комиссия занималась никто не знал¹³. Таким образом, общественная инициатива сверху на местах нередко встречала искреннее непонимание исполнителей, пытавшихся оградиться от избыточных обременений бюрократическими средствами. Раздражение пассивностью профсоюзных организаций «Северный рабочий» выразил грубой карикатурой (рис. 2)¹⁴.

В начале мая сообщения о смотре общественного питания на страницах газет уступили место вопросам весенней посевной, смотру колхозов и т. д. Публикации за полтора весенних месяца дали разнообразные сведения о состоянии окружного общепита, запросах к нему со стороны населения и отношении к делу руководителей кооперативов, директоров заводов и фабрик, сотрудников столовых, буфетов и чайных.

Смотр явился поводом поднять вопрос о подходах к обслуживанию посетителей столовых, обобщить передовой опыт. Однако рационализаторские решения, хотя имели место в отдельных заведениях, не выходили за их пределы. Так, ярославская столовая ТПО¹⁵ № 4 внедрила самообслуживание посетителей, что повысило ее пропускную способность и благоприятствовало улучшению качества обедов. К сожалению, это решение осталось единичным в своем роде примером¹⁶. В то же

⁸ Северный рабочий. 1930. № 74. С. 1.

⁹ Там же. № 73. С. 2.

¹⁰ Там же. № 101. С. 4.

¹¹ Там же. № 75. С. 4.

¹² Там же. № 76. С. 4.

¹³ Там же. № 75. С. 4.

¹⁴ Там же. № 78. С. 4.

¹⁵ Транспортное общество потребительской кооперации.

¹⁶ Северный рабочий. 1930. № 70. С. 4

Рис. 2. «Как снег на голову»

Figure 2. “Out of the blue”

кампании: «В столовых нет порядка, много грязи»¹⁹. Иногда за внешним благополучием заведения обнаруживалось неэтичное поведение его служащих, проявлявшееся в грубом обхождении с посетителями. Кухня столовой ЦРК²⁰ № 17, считавшаяся лучшей в Ярославле, была тесной, наполненной тараканами и пауками²¹; сотрудники накладывали еду руками, «не от спешки, просто по привычке», возражая на замечания: «Не все ли равно, как подать»²². То же наблюдалось в столовой ЦРК № 1²³. Еще более вопиющей была обстановка в столовой при обувной фабрике, которую рабкор описал следующим образом: «По стенам кухни проведены водопроводные трубы. С них прямо в пищу стекает грязная вода. Около плиты расположена издающая зловоние раковина. Находящаяся рядом уборная еще более сгущает атмосферу. В одном и том же помещении разливается кисель и перетряхивается грязное белье. Все это обильно поливается нечистотами из расположенной наверху уборной. По ночам столовая превращается в ночлежный дом, а столы — в нары»²⁴.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. № 72. С. 4.

¹⁹ Там же. № 71. С. 4.

²⁰ Центральный рабочий кооператив.

²¹ Северный рабочий. 1930. № 72. С. 4.

²² Там же. № 71. С. 4.

²³ Там же. № 72. С. 4.

²⁴ Там же.

Имелись, впрочем, заведения, оцененные как образцовые, в частности столовая ПРЗ и столовая № 5 на Всполье²⁵, что говорит о наличии положительных тенденций в деле развития общепита.

С началом смотра сообщения с мест о беспорядках умножились. Люди жаловались на скверное состояние обеденных залов и кухонь, низкое качество пищи: «Другой раз подадут такую кашу, что не только съесть, но и смотреть противно»²⁶; «Подадут, примерно, щи суточные без мяса: съешь две ложки — с души прет. Оставишь. Берешь винегрет, благо приготовлен красиво. Попробуешь, а он протух, осклиз»²⁷. Обстановка в столовой при заводе «Красный маяк» представлена следующим образом: «Рабочих кормят затхлым киселем, кислой молочной лапшой. В супе плавают таракашки, мочалка. Работник выдает хлеб в грязной одежде руками. Посуда моется в деревянной лохани, стенки которой покрыты жирной слякотью»²⁸.

Рис. 3. «Эх ты, несознательный тараканище, куда прешь? Разве не знаешь, что смотр на носу? Через месяц приходи...»

Figure 3. "Oh, you unconscious cockroach, where are you going? Don't you know that the review is coming soon? Come back in a month..."

В местах общественного питания остро стояла проблема, связанная с насекомыми. Тараканы бегали по кухням, «плавали в щах и запекались в котлеты». Секция горсовета в составе домохозяйек сообщала, что в ряде крупных столовых «таракан торжествует», а грязь не выведена, несмотря на все просьбы²⁹. Тяжелая обстановка сложилась в столовой при кожевенном заводе № 3: «Вечером выморить их всех до единого, а утром смотришь — и двери, и окна, в которые выдается пища, осажены тараканьими полчищами. Тараканы переползают из раздевалки кожзавода, где «запас» их, по видимому, неистощим...»³⁰. Засилье тараканов стало поводом для карикатуры в газете (рис. 3)³¹, отразившей безразличное отношение к насекомым на кухнях, распространенное в системе общепита: борьба с ними велась напоказ и лишь в ходе проверок.

Все точки общепита делились на два типа: закрытые (обслуживавшие

²⁵ Северный рабочий. 1930. № 71. С. 4.

²⁶ Там же. № 76. С. 4.

²⁷ Там же. № 75. С. 4.

²⁸ Там же. № 76. С. 4.

²⁹ Там же. № 82. С. 4.

³⁰ Там же. № 77. С. 4.

³¹ Там же. № 79. С. 4.

работников отдельного предприятия) и открытые (общедоступные). Обустройство первых происходило часто вне строгих санитарных правил, что было обусловлено совокупностью причин: 1) отсутствием материальных средств; 2) несогласованностью действий хозяйствующих субъектов (кооперативов, предприятий, местных органов власти); 3) попустительством ответственных лиц. В условиях масштабной индустриализации структуры вещевого снабжения не успевали удовлетворить стремительно растущие потребности населения в регионах. Сказывалась и неразвитость нормативной базы, вследствие чего решение о сооружении столовой и ее оборудовании зависело от воли и сознательности конкретного руководителя.

Серьезные затруднения создавал недостаток помещений под столовые. Имеющегося фонда было недостаточно, а развернуть строительство в короткие сроки не представлялось возможным. В связи с этим заведения общепита размещали в любых доступных местах, в основном не пригодных. Обустройство их было весьма скверным. Столовая ЦРК № 22 при пединституте находилась в подвале, в ней не было канализации, на кухне отсутствовала вентиляция. В помещении, рассчитанном на 200 человек, столовались 500, отчего большинству приходилось обедать стоя³². В столовой при железнодорожных мастерских, рассчитанную на 30 человек, обеды ели 150 едоков. Крыша текла. Кроме того, в заведении отсутствовала посуда, обедающие приносили тарелки с собой. Забывшие накладывали пищу в полоскательницу, выбросив из нее окурки и прочий мусор³³.

Бремя обеспечения рабочих местами для приема пищи лежало на руководителях промышленных предприятий. Те, в свою очередь, нередко избегали подобной ответственности. Так, на тормозном заводе рабочие не могли добиться от администрации оборудования новой столовой: та соглашалась предоставить лишь барак, не отвечавший «даже самым примитивным требованиям гигиены»³⁴. К дирекции кожевенного завода № 3 не раз обращалась охрана труда и лавочная комиссия³⁵, требуя расширения кухни при заводской столовой, а также устройства погреба и кладовой. Однако заводское руководство бездействовало. Администрация обувной фабрики «Североход» упорно отказывалась выделить средства на учреждение столовой, даже в виду расширения и притока новых рабочих³⁶.

Рабочие настаивали, что строительные и транспортные организации в округе «тщательно скрывают» объемы своих работ и количество занятых на них рабочих, чтобы «уклониться от выплаты средств, причитающихся с них на общественное питание»³⁷. При этом происходило это в условиях растущего притока сезонных рабочих, обусловленного задачами крупных проектов первой пятилетки. Так, в апреле Ярославль ожидал прибытия свыше 10 тыс. строителей. Однако на начало месяца лишь часть заинтересованных организаций заключила договоры с ЦРК об открытии дополнительных столовых для питания сезонников. Остальные не только

³² Северный рабочий. 1930. № 74. С. 4.

³³ Там же. № 83. С. 4.

³⁴ Там же. № 72. С. 4.

³⁵ Общественная комиссия, осуществлявшая контроль в области торговли.

³⁶ Северный рабочий. 1930. № 74. С. 4.

³⁷ Там же.

не озаботились постройкой столовых и ларьков для торговли, но даже не дали точных сведений о количестве рабочих в своих районах³⁸. Плановое обеспечение новых потребителей оказалось под угрозой. Подобные случаи выявляют отсутствие у ряда руководителей определенных представлений о социальной ответственности — по их мнению, обеспечением бытовых нужд трудящихся должны были заниматься исключительно сторонние организации.

Не исключением были случаи, когда предприятие по просьбе рабочего коллектива оборудовало столовую, но снабжающая организация вопреки всем ходатайствам отказывала в поставках обедов³⁹.

Показательно, что о недостатках в работе столовых писали сами работники общепита. Так, сотрудник столовой № 1 ТПО сетовал, что та «не может удовлетворить всех желающих столоваться», а правление в ответ на рост числа обедающих лишь «немного расширило кухню»⁴⁰. Сходные трудности испытывала столовая № 3 ТПО. Большой поток столоующихся создавал «адскую нагрузку»⁴¹ на сотрудников: на каждого мойщика приходилось ежедневно 2 700 штук посуды. Кухонное помещение было тесным, грязным, с внушительным осадком жира на стенах⁴².

О неудовлетворительном состоянии столовых закрытого типа на страницах газеты высказывался местный санитарный врач. Он отмечал, что в большинстве из них «нет моечных, заготовочных и ледников. Продукты хранятся в плохо вентилируемых, зачастую темных помещениях и от этого быстро портятся. Заготовка продуктов, промывка и очистка их из-за отсутствия специальных помещений производится небрежно. Кушанья изготавливаются по старинке, кустарным способом. Это ведет к потере минеральных солей и витаминов из продуктов, и обеды получаются малопитательными»⁴³.

Не все предприятия имели собственные столовые, на некоторые обеды привозили в термосах из других заведений. Иногда это имело свои издержки. Так, лесозавод им. Суворова обеспечивала едой столовая нефтескладов. Пищу доставляли с опозданием и плохо приготовленной: «В супе попадают целые неочищенные картофелины»⁴⁴. Порции рассчитывались неправильно, в связи с этим кто-то из рабочих не получал мяса, притом что суп оставался в избытке. В буфете при станции Ярославль, куда обеды поставляла столовая № 8, были перебои в отпуске отдельных блюд: «Приходится по несколько раз ежедневно ходить в столовую то за гарниром, то за картофелем и другими кушаньями». Возчик, доставлявший еду на станцию, не всегда возвращался за пустыми термосами, отчего те несколько дней стояли грязными, ржавели и приходили в негодность⁴⁵.

Объяснить описанное положение дел можно низким качеством и малочисленностью кадров, безответственностью исполнителей. Безусловно, дополнительные

³⁸ Северный рабочий. 1930. № 93. С. 4.

³⁹ Там же. № 76. С. 4.

⁴⁰ Там же. № 80. С. 4.

⁴¹ Там же. № 105. С. 4.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. № 78. С. 4.

⁴⁴ Там же. № 85. С. 4.

⁴⁵ Там же.

едоки повышали нагрузку на подрядчиков. Недостаток сотрудников при возросших объемах приготовления пищи способствовал небрежности в работе, отражавшейся на качестве блюд.

Столовые открытого типа имели те же проблемы, за исключением того, что их работа не была сопряжена с обеспечением насущных потребностей рабочих конкретного предприятия. По наблюдению рабкора, только две из четырех столовых и двух буфетов ТПО имели сносное оборудование, остальные — «не выдерживали никакой критики»⁴⁶. Так, столовая № 1 располагалась в «трех с небольшим комнатах»⁴⁷ бывшего трактира и не могла пропускать свыше 1 000 обедов. Но администрация «умудрялась пропускать до трех тысяч обедов, не считая чая и закусок»⁴⁸. В связи с этим на кухне было тесно и грязно. Отсутствовало помещение для разборки продуктов, мясо и другие сырые продукты валялись в кладовке прямо на сыром полу. Из-за неисправности дымоходов дым заволакивал все помещения. Посуды не хватало, при накладывании разных блюд пользовались одним черпаком⁴⁹. В столовой ЦРК № 26 отсутствовала вентиляция, недоставало отопления, стены стояли сырые, отчего в углах образовалась зеленая плесень⁵⁰.

Общедоступные столовые, как и заводские, не справлялись с растущим потоком посетителей. «Задыхаемся в тесноте! Дайте еще одну комнату для кухни!»⁵¹ — передавала газета настроение работников столовой ЦРК № 17. Задача обеспечения обедами промышленных рабочих была первоочередной для данного типа заведений, но осложнялась тем, что они бывали частично заняты случайными посетителями. «Необходимо открыть побольше закусовых и чайных, где бы каждый мог за невысокую плату покушать и отдохнуть»⁵², — рассуждал по этому поводу один из авторов газеты.

В соседнем с Ярославлем Тутаеве дела обстояли еще хуже. Помещения двух столовых при Домах крестьянина⁵³ были прокурены, усыпаны опилками и прочим мусором, клеенки на столах подолгу не мылись. В большинстве столовых процветало «ничем не прикрытое» пьянство⁵⁴. Возле городской столовой ЦРК околачивались два десятка нищих пьяниц, прозванных в народе «грачами». На фабричной, наиболее населенной, стороне города работала лишь одна столовая, причем нередко она была полностью занята съезжавшимися в город крестьянами, особенно в базарные дни, отчего фабричные рабочие часто оставались без обеда⁵⁵.

Состояние большинства столовых в Ростове общественники описывали так: «Ужасающая грязь, сырость, духота. Как правило, заготовочных и других подсобных помещений в столовых нет, продукты хранятся где и как попало»⁵⁶. В одном

⁴⁶ Северный рабочий. 1930. № 76. С. 4.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. № 108. С. 4.

⁵¹ Там же. № 80. С. 4.

⁵² Учреждение, обслуживавшее крестьян, приезжавших в город.

⁵³ Северный рабочий. 1930. № 108. С. 4.

⁵⁴ Там же. № 77. С. 4.

⁵⁵ Там же. № 77. С. 4.

⁵⁶ Там же. № 85. С. 4.

заведении мойка располагалась прямо у входа в обеденный зал, в другом — посуда зеленела от отсутствия полуды. Руководство столовых без должного внимания относилось к проектированию и оснащению этих заведений.

Проблемы имелись и в чайных. Призванные обеспечить культурный досуг и будучи открытыми до ночи, они нередко становились местом распития спиртного и средоточием хулиганства. В Ярославле у чайной № 1 ЦРК собирались «пьяные оборванцы и проститутки», прохожие опасливо обходили заведение⁵⁷. В чайной № 5 по вечерам происходили драки, ругань, посетители оскорбляли сотрудников заведения. Рабкор отмечал, что таким нравам удивлялись даже приезжие крестьяне⁵⁸. О чайной № 11 писали: «За грязными столами с горами объедков хлеба, невымытой посуды сидят грузчики, празднующие обитатели ночлежного дома, пьяным, заплетающимся языком рассказывают во всеулышание грязные анекдоты, пересыпая все это сочным матом. <...> Тут же за столом вино выливают в чайник и распивают. <...> У крыльца, царапая руками землю, мычал посетитель»⁵⁹.

Имелся и положительный опыт обустройства так называемых культурных чайных. Осенью 1929 г. такое заведение было открыто при столовой № 3 ТПО по инициативе железнодорожного общества борьбы с алкоголизмом. Оно имело библиотеку, шахматно-шашечный кружок, радиоточку. В поддержку начинания был создан «крепкий рабочий актив», обеспечивавший проведение лекций, докладов и спектаклей⁶⁰.

Напряженная обстановка в ряде заведений объяснима тем, что, во-первых, городское правление было не в силах обеспечить постоянное присутствие милиционеров на всех проблемных участках. Во-вторых, заведующие предприятий общепита стремились наращивать выручку, не закрывая их в ночное время, иногда по-творствуя торговле спиртным.

Стремление к наживе было сильно и среди работников общепита: «Торгашество, рвачество еще не изгнаны из наших столовых»⁶¹. По подсчетам за 1928 — 1929 финансовый год по предприятиям ЦРК, было выдано 8 950 руб. сверхурочных и 20 679 руб. приработков⁶². Погоня за количественными показателями вела к падению качества обслуживания посетителей. Наблюдатели перечисляли вопиющие нарушения в местах общественного питания: «Суп с мочалкой, щи с гвоздями — не редкость в наших столовых. Порции жаркого накладываются поварами на кухне голыми руками. При осмотре одной из столовых члены горсовета наблюдали поистине безобразную картину: повар на кухне сморкался в ручник, а после этим же ручником прихватывал посуду»⁶³.

Частое присутствие в еде посторонних предметов газета высмеивала карикатурой, изображавшей официанта с тарелками, на которых лежали мышь, червяк и гвоздь (рис. 4)⁶⁴.

⁵⁷ Северный рабочий. 1930. № 105. С. 4.

⁵⁸ Там же. № 99. С. 4.

⁵⁹ Там же. № 111. С.

⁶⁰ Там же. № 101. С. 4.

⁶¹ Там же. № 85. С. 4.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. № 114. С. 4.

Рис. 4. Художник изобразил официанта, несущего мышь, червя и гвоздь — предметы, на появление которых в пище жаловались посетители столовых

Figure 4. The artist depicted a waiter carrying a mouse, a worm and a nail — objects that diners complained about in food

ным обедом» за 30 коп.⁶⁸ Такую же цену держала столовая при лесозаводе «Парижская коммуна». Недовольство вызывало лишь то, что сезонникам обеды отпускали на 5 коп. дороже, чем постоянным рабочим⁶⁹. То же практиковали на автозаводе: 30 коп. стоили обеды для своих рабочих; 35 коп. — для трудящихся завода АСЕА, не имевших собственной столовой⁷⁰. На лесозаводе им. Суворова цена «недоброкачественного» обеда составляла 30 коп.⁷¹ При этом еду готовили и доставляли из столовой нефтескладов, что, вероятно, увеличивало их стоимость. В столовых Ростова цены за два блюда колебались в пределах 40 — 50 коп. и воспринимались гражданами как очень высокие⁷². В Тутаеве кормили обедами «чрезвычайно плохого» качества за 35 — 45 коп.⁷³

⁶⁵ Северный рабочий. 1930. № 75. С. 4.

⁶⁶ Там же. № 80. С. 4.

⁶⁷ Там же. № 83. С. 4.

⁶⁸ Там же. № 86. С. 4.

⁶⁹ Там же. № 89. С. 4.

⁷⁰ Там же. № 114. С. 4.

⁷¹ Там же. № 85. С. 4.

⁷² Там же. № 108. С. 4.

⁷³ Там же. № 108. С. 4.

Интересно отметить некоторые экономические показатели работы окружного общепита, отразившиеся в публикациях «Северного рабочего». В ходе смотра общественники обращали внимание на стоимость обедов, соотношение их качества и цены. Применение количественного метода позволило выяснить, в каких пределах находилась средняя стоимость обедов по области. Так, обед в столовой ТПО № 1 Ярославля стоил 20 коп., однако, со слов рабкозов, был отвратительного качества⁶⁵. Рабочие завода «Красный профинтерн» платили за обед 25 коп., нарекание наблюдателя вызвало лишь устойчивое однообразие блюд, но не их качество⁶⁶. «Плохие и дорогие обеды» в кооперативной чайной-столовой № 1 обходились посетителям в 45 — 65 коп., а питательность их составляла менее 500 калорий⁶⁷. Столовая при фабрике «Красный перевал» обеспечивала трудящихся «вкусным питатель-

Приведенные данные позволяют выделить две ключевые категории для количественного анализа — цена и качество. Суждения авторов заметок служат признаками (индикаторами) для выяснения предпочтительного соотношения названных категорий в представлении обывателей. Обеды оценивались положительно либо отрицательно. Стоимость блюд характеризовалась лишь с точки зрения неоправданного завышения. Следовательно, указание цены без дополнительного комментария может свидетельствовать о ее восприятии как приемлемой. Анализ газетных сообщений показывает, что обоснованной ценой за хороший обед из двух блюд участники смотра считали 25 — 30 коп.

Заключение

Итоги смотра оказались далеки от изначально заявленной цели: «Новая столовая должна быть культурной»⁷⁴. Многие смотровые комиссии остались на бумаге и к работе как таковой не приступили. Например, на лесозаводе им. Суворова обошлись полумерами: обследование столовой производил один член комиссии, пока другие обедали⁷⁵. Там, где общественники провели основательное обследование столовых, их работе нередко было присуще формальное отношение к делу: «Осматривают, проверяют, беседуют со столующимися, пишут протоколы, акты и уходят восвояси»⁷⁶. Руководители смотра ждали от его участников не только выявления фактов плохой работы столовых, но и конкретных предложений по изжитию недостатков. В этом отношении поставленные задачи в основном решены не были. Вместе с тем кампания всколыхнула гражданскую активность в регионе. Мероприятия показали равнодушие части населения к проблемам общепита, ее готовность перестраивать общественный быт и, главное, осознание важности такой перестройки.

Сообщения ярославской прессы о смотре общественного питания дают представление о ряде сторон повседневной жизни региона. Прежде всего, газетные заметки раскрывают многообразие форм городской обыденности, сопряженных с работой общепита, взаимодействием его с обывателями. Особенности в работе столовых порождали характерные трудности для столующихся и обусловили выработку соответствующих навыков поведения. Порядки, утвердившиеся в некоторых заведениях, особенно чайных, поддерживали среди части горожан привычки асоциального поведения. Другие, напротив, прививали посетителям передовые поведенческие установки, воспитывали в духе новых культурных ценностей. Факты, отразившиеся в газетных публикациях, свидетельствуют о специфике труда персонала столовых: обстановке, в которой приготавливалась пища, нагрузке на работников, их отношении к выполняемой работе и посетителям. Кроме того, материалы массовой печати запечатлели определенные черты обыденного мышления советских граждан периода культурной революции. Заметки «Северного рабочего» свидетельствуют, что зрелые представления о культуре питания, гигиене и нормах обслуживания постепенно проникали в сознание городских обывателей. Однако этот процесс был нескорым, и передовикам общественной работы приходилось

⁷⁴ Северный рабочий. 1930. № 79. С. 4.

⁷⁵ Там же. № 101. С. 4.

⁷⁶ Там же. № 95. С. 4.

сталкиваться с отсталыми и тяжело искоренимыми воззрениями сотрудников и руководства столовых. Трудно менялось мышление партийных и профсоюзных деятелей, которых советское руководство побуждало стоять в авангарде социалистического культпохода. Многие из них сторонились общественной нагрузки, некоторые полагали ее излишней и уклонялись от части вменяемых обязательств. Централизованное внедрение новых форм быта в СССР порождало противоречия на местном уровне, за счет чего ускоренная модернизация в масштабах страны протекала неравномерно, обретая локальные особенности в каждом конкретном регионе. Обнаружить эти особенности, а вместе с ними специфику культурного строительства в данной местности позволяет исследование структур повседневности, нашедших отражение в публикациях региональной многотиражной прессы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Букин С. С., Исаев В. И. Развитие общественного питания в Сибири в 1920-е — 1950-е гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всерос. науч. конф. (27 — 28 апр. 2007 г., Екатеринбург): в 2 т. Екатеринбург: АМБ, 2007. Т. 2. С. 29 — 31.
2. Глушенко И. В. Советская модернизация и кулинарная политика как факторы трансформации бытовой культуры в СССР // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 564 — 573.
3. Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы моск. Электроза-вода в совет. об-ве 1920-х — 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 352 с.
4. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю / 3-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 488 с.
5. Нерар Ф.-К. Накормить строителей социализма: общественное питание в СССР эпохи первых пятилеток (1928 — 1935 гг.) // Российская история. 2016. № 1. С. 84 — 97.
6. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3 — 19.
7. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к современной философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. № 1. С. 7 — 21.
8. Тихомиров Н. В. «Коренной вопрос дня»: смотр общественного питания 1930 г. в Западной Сибири (по материалам газеты «Советская Сибирь») // Вопросы повседневности. 2023. № 2. С. 126 — 143.
9. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с.
10. Andrieu V. Workers in Stalin's Russia. Industrialization and Social Change in a Planned Economy. New York: St. Martin's Press, 1988. 236 p.
11. Gronow J. Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia. New York: Berg, 2003. 196 p.
12. McAuley M. Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917–1922. New York: Oxford Press, 1991. 284 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 25.03.2024.

Информация об авторе:

Никита Вадимович Тихомиров, доцент кафедры источниковедения Российского государственного гуманитарного университета (125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>, tihomirov_n@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bukin SS, Isaev VI. The Development of Public Catering in Siberia in the 1920s — 1950s. *The Urals Are Industrial. Bakunin Readings*. Proceedings of the VIII All-Russian Scientific Conference. Yekaterinburg;2007;2:29—31. (In Russ.)
2. Glushchenko IV. Soviet Modernization and Culinary Policy as Factors of Transformation of Household Culture in the USSR. *Izvestiya of Belinsky Penza State Pedagogical University. Humanities*. 2012;(27):564—573. (In Russ.)
3. Zhuravlev SV. “Little People” and “Big Story”. Foreigners of the Moscow Electric Plant in Soviet Society of the 1920s – 1930s. Moscow;2000. (In Russ.)
4. Leбина NB. Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to Grand Style. Moscow;2018. (In Russ.)
5. Nerar F-K. To Feed the Builders of Socialism: Public Catering in the USSR of the Era of the First Five-Year Plans (1928 — 1935). *Russian History*. 2016;(1):84—97. (In Russ.)
6. Pushkareva NL. The Subject and Methods of Studying the “History of Everyday Life”. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2004;(5):3—19. (In Russ.)
7. Pushkareva NL, Lyubichankovsky SV. Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: from the Annals School to the Modern Philosophical School. *Bulletin of Leningrad State Pushkin University*. 2014;(1):7—21. (In Russ.)
8. Tikhomirov NV. The Root Question of the Day: Review of Public Catering in 1930 in Western Siberia (A Case Study of the Newspaper “Soviet Siberia”). *The History of Everyday Life*. 2023;(2):126—143. (In Russ.)
9. Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: The Social History of Soviet Russia in the 30s: The City. Moscow;2001. (In Russ.)
10. Andrie V. Workers in Stalin’s Russia. Industrialization and Social Change in a Planned Economy. New York;1988.
11. Gronow J. Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin’s Russia. New York;2003.
12. McAuley M. Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917 — 1922. New York;1991.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 25.03.2024.

Information about the author:

Nikita V. Tikhomirov, Associate Professor of the Department of Source Studies of the Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya Square, Moscow 125047, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>, tikhomirov_n@rambler.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 947.084
EDN CHUVFF

<http://vestnikniig.ru>

Научная статья

ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПРЕДВОЕННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Е. В. Воейков

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия
evgenijvoejkov@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье рассмотрены основные аспекты жилищной проблемы на лесозаготовках двух национальных республик Поволжья: Мордовской и Татарской АССР в 1930-е — 1940 г.

Материалы и методы. Источниковой базой статьи являются фонды региональных архивохранилищ республик Мордовия и Татарстан, Самарской и Ульяновской областей. Методология статьи базируется на применении сравнительно-исторического метода и теории модернизации.

Результаты исследования и их обсуждение. Бытовые аспекты деятельности работников лесной промышленности в исторической литературе исследованы слабо. Между тем наличие жилых помещений являлось важным условием обеспечения крупномасштабных лесозаготовок, развернувшихся в СССР в начале 1930-х гг. Жилые бараки на местах лесозаготовок строились быстро, с многочисленными изъянами. С вводом в строй на лесозаготовках Мордовской и Татарской АССР новых бараков основными проблемами стало состояние сохранившихся кое-где землянок, наличие насекомых и недостаток постельных принадлежностей.

Заключение. В целом можно констатировать, что жилищный вопрос в леспромхозах основных лесных трестов Мордовской и Татарской АССР в годы третьей пятилетки в количественном отношении был решен. Однако сохранились свидетельства о недостатке жилых помещений по нескольким леспромхозам Татарской АССР, о недостаточном количестве постельных принадлежностей к приобретенным железным кроватям в леспромхозах Мордовской АССР. В отдельных регионах страны ситуация с жилыми помещениями для лесорубов в 1930-е гг. была более напряженной, чем в рассмотренных в статье республиках Поволжья.

Ключевые слова: лесозаготовки, бараки, землянки, лесные тресты

Для цитирования: Воейков Е. В. Жилищная проблема на лесозаготовках национальных республик Поволжья в годы предвоенной индустриализации // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 69 — 81. EDN CHUVFF

© Воейков Е. В., 2024

Original article

THE HOUSING PROBLEM IN THE LOGGING OF THE NATIONAL REPUBLICS OF THE VOLGA REGION DURING THE YEARS OF PRE-WAR INDUSTRIALIZATION

E. V. Voeikov

Penza State University,
Penza, Russia
evgenijvoeikov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article considers the main aspects of the housing problem in the logging areas of two national republics of the Volga region: the Mordovian and Tatar Autonomous Soviet Socialist Republics in the 1930s — 1940.

Materials and methods. The source base for the article is the funds of the regional archives of the republics of Mordovia and Tatarstan, Samara and Ulyanovsk regions. The methodology of the article is based on the application of the comparative historical method and the theory of modernization.

Results and discussion. In the historical literature, the everyday aspects of the activities of forest industry workers have been poorly studied. Meanwhile, the availability of residential premises was an important condition for ensuring largescale logging that unfolded in the USSR in the early 1930s. Residential barracks at logging sites were built quickly, with numerous flaws. With the commissioning of new barracks at the logging sites of the Mordovian and Tatar Autonomous Soviet Socialist Republics, the main problems became the condition of the dugouts that remained here and there, the presence of insects and the lack of bedding.

Conclusion. In general, it can be stated that the housing issue in the timber industry enterprises of the main forest trusts of the Mordovian and Tatar Autonomous Soviet Socialist Republics was quantitatively resolved during the Third Five-Year Plan. However, there is evidence of a lack of living quarters in several timber industry enterprises of the Tatar ASSR, and of an insufficient amount of bedding for the purchased iron beds in the timber industry enterprises of the Mordovian ASSR. In some regions of the country, the situation with living quarters for lumberjacks in the 1930s was more tense than in the Volga republics discussed in the article.

Keywords: logging, barracks, dugouts, forest trusts

For citation: Voeikov EV. The Housing Problem in the Logging of the National Republics of the Volga Region during the Years of Pre-War Industrialization. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(2):69—81. EDN CHUVFF

Введение

Лесная промышленность в период предвоенной модернизации занимала особое место среди других отраслей индустрии СССР. Важным источником валютных поступлений СССР оставался экспорт лесного сырья. Лесозаготовки давали материалы для развернувшегося на новостройках массового строительства, шпалы для железных дорог, столбы для линий связи и освещения, рудничную стойку для угольных шахт, а также сырье для производства бумаги. Заготавливаемые на лесах наряду с другими видами древесины так называемые спецсортименты шли для предприятий военной промышленности, в частности при производстве самолетов. Спецификой довоенных пятилеток стало крупномасштабное использование древесины в качестве топлива.

Объемы лесозаготовок в 1930-е гг. значительно выросли по сравнению с 1920-ми гг. Если в 1929 г. в СССР было заготовлено 95,5 млн м³ древесины, то в 1932 г. — 164,7 млн, в 1940 г. — 232,7 млн м³ [8, с. 41]. При этом массовые заготовки дров и деловой древесины развернулись не только в богатых лесными ресурсами районах Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока, но и в относительно малолесных регионах Центра и Поволжья. Лесистость местности (отношение площади лесов ко всей площади), равная 25 %, по нормам того времени считалась достаточной для обеспечения потребностей в древесине данной территории. В Татарской АССР этот показатель составлял 17,5 %, в Мордовской АССР леса занимали 24 % площади¹. В центре Европейской части России с привлечением рабочей силы на лесозаготовки и транспортировкой заготовленной древесины не было таких проблем, как в малонаселенных и отдаленных от транспортных путей северных или сибирских лесных массивах. Кроме того, автономные республики Поволжья находились на перекрестке железнодорожных путей, что позволяло в условиях топливного дефицита 1930-х гг. оперативно снабжать дровами промышленные предприятия региона; из Мордовской АССР дрова вывозились и в Москву. В связи с этим в годы предвоенных пятилеток лесозаготовки Мордовской и Татарской АССР, несмотря на ограниченный запас лесных ресурсов на данных территориях, играли важную роль в их экономическом развитии. Например, в Мордовской АССР объем лесозаготовок в 1935 г. достиг 1 млн 300 тыс. м³ ²; в 1940 г. вывозка древесины с мест заготовки составила 1 млн 964 тыс. м³, в Татарской АССР — 1 млн 502 тыс. м³ ³.

Жилые помещения на лесозаготовках имели особое значение, поскольку большинство лесорубов и возчиков не имело возможности каждый день добираться до места работы и возвращаться домой, проходя десятки километров. В 1920-е гг. жилищный фонд на лесозаготовках Поволжья, как и в большинстве регионов страны, находился в неудовлетворительном состоянии. Еще с дореволюционных времен существовали топящиеся по-черному землянки, в которых лесорубы спали на полу. Построенные в 1920-е гг. немногочисленные бараки не имели кроватей, рабочие спали на сплошных нарах без матрасов и постельного белья. В бараках была плохая вентиляция, отсутствовали сушилки для мокрой одежды. В 1929 — 1930 гг. плановые задания по рубке леса и вывозке древесины резко выросли, что привело к увеличению количества рабочих, которые оказались не обеспечены соответствующим жильем. Решение данной проблемы на лесозаготовках стало важной задачей лесной промышленности СССР в 1930-е гг.

В Мордовской автономной области и далее АССР в годы первой и второй пятилеток основной лесозаготовительной организацией был трест «Средлес» Наркомата тяжелой промышленности СССР, осуществлявший заготовки деловой и дровяной древесины на территории Средне-Волжского края, включившего в 1928 г. территории бывших Пензенской, Самарской и Ульяновской губерний. На территории Мордовии функционировали Ардатовский, Дубенский, Зубовский (Зубово-

¹ ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 1221. Л. 4; ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-1496. Оп. 1. Д. 9. Л. 255.

² ЦГА РМ. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 40. Л. 35.

³ Промышленность СССР: стат. сб. М., 1957. С. 251, 252.

Полянский), Ичалковский, Краснослободский и Саранский леспромхозы «Средлеса»⁴. Кроме того, на территории данной автономной области/республики вел лесозаготовки трест «Москвотоп» («Мосгортоп») Наркомлеса СССР, располагавший Темниковским леспромхозом⁵. В годы третьей пятилетки в Мордовской АССР в системе лесозаготовок функционировали Зубовский, Ичалковский, Краснослободский леспромхозы, переданные после ликвидации «Средлеса» в 1939 г. тресту «Волгостройлес» и далее с октября 1940 г. — тресту «Мордовстройлес», Мордовское территориальное управление лесоохраны и Темлаг ГУЛАГа⁶.

В Татарской АССР все основные лесозаготовки были сосредоточены в лесхозах Татарского лесохозяйственного треста («Татлесхозтрест») Наркомзема СССР. В конце 1936 г. на базе «Татлесхозтреста» был создан ставший основным лесозаготовителем автономной республики лесопромышленный трест «Татлес» системы Наркомлеса СССР. С марта 1937 г. по декабрь 1938 г. «Татлес» был преобразован в Татарское отделение Союзпищетары («Татлесзагтара») Наркомата пищевой промышленности СССР. В декабре 1938 г. вновь организованный трест «Татлес» вошел в систему Наркомлеса РСФСР⁷. В 1936 г. было образовано Татарское управление лесоохраны и лесонасаждений. В мае 1939 г. «Татлес» был преобразован в Наркомлес Татарской АССР.

В менее значительных объемах лесозаготовки в автономных республиках Поволжья производились другими лесозаготовителями: управлениями лесов местного значения (УЛМЗ), городскими топливными трестами (гортопами), управлениями местной топливной промышленности и отдельными промышленными предприятиями. В рамках данной статьи состояние жилищной сферы рабочих лесной промышленности исследовано на примере наиболее крупных лесозаготовителей: трестов «Татлесхозтрест», «Татлес» и базирующихся на территории Мордовской АССР леспромхозов «Средлес», «Волгостройлес» и «Москвотоп». Лесная промышленность в силу ограниченных рамок статьи рассмотрена только применительно к заготовке деловой и дровяной древесины на лесосеках, переработка древесины на лесозаводах, производство мебели и бумаги исключены из предмета исследования.

Обзор литературы

В литературе по истории лесной промышленности СССР 1930-х гг. чаще всего основное внимание сосредоточено на производстве и техническом обеспечении отрасли [7, с. 53 — 97]. Информация о бытовой сфере рабочих леспрома встречается только в отдельных работах, при этом сведения о состоянии жилья лесорубов обычно включены в контекст повествования редкими упоминаниями [6, с. 66, 68; 10, с. 35, 38, 42, 57]. Например, в содержащей подробный и интересный фактический материал коллективной монографии по истории лесного комплекса Республики Коми сведения о состоянии бараков лесорубов периода предвоенных пятилеток занимают ограниченный объем и относятся только к поселкам спецпереселенцев [1, с. 42 — 44].

⁴ ГА УО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. Р-1810. Оп. 3. Д. 12. Л. 172 — 173.

⁵ ЦГА СО (Центральный государственный архив Самарской области). Ф. Р-751. Оп. 9. Д. 145. Л. 1.

⁶ ГА УО. Ф. Р-2481. Оп. 2. Д. 1. Л. 191 — 191 об.; Д. 3. Л. 226; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918 — 1960. М., 2002. С. 743.

⁷ ГА РТ. Ф. Р-4571. Оп. 1. Д. 14. Л. 1; Д. 59. Л. 104; Д. 99. Л. 154.

Исключением из общей тенденции фрагментарного рассмотрения условий труда и быта рабочих лесной промышленности являются работы историка И. В. Зыкина, в монографиях которого состоянию рабочих поселков на предприятиях лесной промышленности отведены отдельные главы [4, с. 231 — 259; 5, с. 281 — 334]. Автором наиболее подробно рассмотрены лесозаготовки и лесоперерабатывающие комбинаты Урала, вместе с тем приведены примеры и по другим регионам России, преимущественно Севера и Сибири. Сильной стороной работ И. В. Зыкина является подробное исследование конструкций жилых помещений и планирования застройки населенных пунктов в 1930-х гг. Однако в его работах преобладает анализ быта спецпереселенцев на лесозаготовках. Между тем в большинстве краев, областей и автономных республик Европейской части России основной контингент рабочих лесозаготовок составляли вольнонаемные лесорубы и возчики.

Таким образом, тема условий труда и быта рабочих лесной промышленности эпохи предвоенной модернизации, в частности состояние жилищной сферы, сегодня только начинает разрабатываться в исторических работах.

Материалы и методы

В качестве методов исследования в статье были использованы сравнительно-исторический и системный. Специальным методологическим подходом стала теория модернизации, которая применительно к СССР трактуется в качестве догоняющей и принудительно насаждаемой государством.

Территориальные рамки статьи включают Мордовскую и Татарскую АССР в границах периода третьей пятилетки. Мордовия в декабре 1934 г. была реорганизована из автономной области в составе Средне-Волжского края в Мордовскую АССР с центром в г. Саранске; в 1936 г. вышла из состава Куйбышевского края. Несмотря на включение Мордовии на современном этапе в состав Волго-Вятского экономического района, в данной статье Мордовская автономная область и далее Мордовская АССР отнесены к Среднему Поволжью на основании длительного пребывания в составе Средне-Волжского края наряду с Пензенской, Самарской и Ульяновской областями. Образованная в 1920 г. Татарская АССР в 1930-е гг. продолжала оставаться в Среднем Поволжье самостоятельным административно-территориальным образованием в прежних границах.

Результаты исследования и их обсуждение

Особенно тяжело жилось рабочим лесозаготовок в период первой пятилетки. В 1930 г. на лесозаготовках треста «Татлес» жилищный фонд еще не был создан. Корреспондент газеты обратил внимание на связь производственного процесса с отсутствием жилья: «Для того, чтобы приостановить текучесть рабочих на лесозаготовках, необходимо обеспечить их теплым жилищем, расположенным в непосредственной близости от района заготовок. А теперь усталый рабочий вынужден идти в деревню за несколько верст. Во время буранов и оттепелей одежда и обувь промокают. В лесу негде обсушиться. Все это создает благоприятную почву для прогулов и для заболеваний»⁸.

В январе 1930 г. уполномоченный по лесозаготовкам Мордовской автономной области сообщил в крайком и крайисполком Средне-Волжского края: «Основным

⁸ Лесозаготовки — ударный участок // Красная Татария. 1930. № 18. 24 янв.

недостатком в форсировании работы является отсутствие достаточного количества жилой площади». Кроме того, подчеркнул, что в имеющихся бараках «нет печей, сломанные двери, битые стекла»⁹.

Бараки для лесорубов в начале 1930-х гг. строились быстро, из некачественного материала, с плохо подогнанными рамами и дверьми. Интересно сопоставить официальные данные треста «Москвотоп» с результатами обследования лесозаготовок Темниковского района уполномоченного крайисполкома Средне-Волжского края по Мордовской автономной области П. Басина. На заседании краевой межведомственной комиссии по дроволесозаготовкам 30 января 1930 г. представитель «Москвотопа» доложил, что «жилищами рабочие обеспечены на 50 %, в отстроенных 8-ми жилых бараках, и в настоящее время заканчивается еще 3; кроме того, для грузчиков и части сезонных рабочих имеются оборудованные вагоны-теплушки»¹⁰. В докладной записке П. Басина приведена более детальная информация: «В небольших землянках ютятся по 15 — 20 человек. Сильная скученность и чрезвычайно скверные санитарные условия (полная антисанитария). Бараки (новые жилища) переполнены – вместо 50 человек помещается 80 и более. Служебные помещения также заполнены возчиками и рабочими»¹¹. Как видно из сравнения приведенных двух архивных документов, руководство московского треста в информации о ходе лесозаготовок в Темниковском районе дало для местных краевых структур Средне-Волжского края некий оптимистичный вариант решения жилищного вопроса (бараки ускоренными темпами строятся, проблема решается, скоро все будет хорошо). Информация о повсеместной переполненности жилых помещений и грубом нарушении санитарных норм, на которые обратил внимание уполномоченный крайисполкома, на заседании межведомственной комиссии не прозвучала.

Через год, в январе 1931 г., посетившие Темниковский леспромхоз треста «Москвотоп» корреспонденты местной газеты Средне-Волжского края отразили свои впечатления в обширной газетной заметке. О состоянии жилищной сферы писали: «В леспромхозе очень много построек, но как они сделаны? Лес сырой, мокнет, гниет. Вечный угар, клопы. Таковы рабочие жилища. Удивительно ли после этого, что рабочие, как от чумы, бегут из этих жилищ, бегут в... землянки»¹². Однако и в землянках условия были не лучше: «В землянках лесорубов едят клопы, тараканы. Нет сушилок»¹³. Однако определенный прогресс в состоянии жилищной сферы в 1931 г. по сравнению с 1930 г. был: в количественном отношении жилыми помещениями Темниковский леспромхоз был обеспечен, так что отдельные рабочие могли позволить себе переходить из бараков в землянки. Однако низкое качество делало жилье даже с точки зрения неизбалованных комфортом людей 1930 г. непригодным для временного проживания. Корреспондент газеты «Красная Мордовия», посетивший в феврале 1931 г. бараки лесорубов Кочемировского участка Темниковского

⁹ ЦГА СО. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 464. Л. 308.

¹⁰ Там же. Л. 329.

¹¹ ЦГА СО. Ф. Р-779. Оп. 2. Д. 714. Л. 211.

¹² Здесь вредят пятилетке // Красная Мордовия. 1931. № 24. 31 янв.

¹³ Зубр. В дебрях Темниковских лесов. Это называется фабзавком? // Борьба за лес. 1931. № 5. 17 февр.

леспромхоза, описал жилье в следующем виде: «Грязь и грязь. С потолка — дождик. В углах и на полках — хлеб, покрытый плесенью»¹⁴.

В Зубовском леспромхозе «Средлес» работники бригады краевого дома самодеятельного искусства, побывавшие в феврале 1931 г. на Крутецком, Свеженском, Известковском и Вышенском производственных участках, увидели в бараках неприглядную картину: «Антисанитария, грязь, сырость, тараканы, клопы, нет света, а в Свеженском участке в лесных бараках даже нет печей»¹⁵.

В других регионах ситуация с проживанием лесорубов в бараках в начале 1930-х гг. была еще хуже. В докладной записке ГПУ Карельской АССР от 13 ноября 1931 г. приводились данные, что в Паданском леспромхозе «Кареллес» «бытовое обслуживание» было поставлено «безобразно»; в Кондопожском 13 семей постоянных лесорубов (36 человек) жили в двух домиках: «Скученность невероятная, грязь, развелись паразиты (вши)»¹⁶.

Необходимо отметить, что рассмотренные недостатки жилищной сферы лесной промышленности были типичны в целом для индустрии СССР 1930-х гг. В работах современных историков содержатся сведения о дефиците жилья, скученности проживания, грязи и неблагоустроенности в рабочих общежитиях [3, с. 168 — 175; 9, с. 136 — 137].

В архивных документах и материалах периодической печати упоминания о неблагополучии жилищного вопроса на лесозаготовках встречаются на протяжении всех трех предвоенных пятилеток (1930 — начало 1941 г.). Однако это не означает, что ситуация с жильем рабочих лесной промышленности периода третьей пятилетки ничем не отличалась от начала 1930-х гг. Для получения сведений о динамике и эволюции решения жилищного вопроса целесообразно исследовать оценки ситуации непосредственных участников лесозаготовок, которые сохранились в отложившихся в региональных архивах стенограммах съездов и совещаний работников лесной промышленности.

В стенограмме слета стахановцев лесной промышленности и лесного хозяйства Татарской АССР от 25 — 28 декабря 1935 г. представитель Лаишевского лесхоза Татлесхозтреста обратил внимание присутствующих на качественный сдвиг в решении проблемы жилья на лесозаготовках: «Что касается жилищно-бытовых условий, то перелом в этом отношении есть: устроены новые бараки — светлые, чистые, произведена дезинфекция, для стахановцев приобретены постельные принадлежности». Лесоруб Зеленодольского лесхоза подчеркнул, что общежитие устроено «с полным оборудованием, койки, матрацы, одеяла — все это имеется»¹⁷. Шофер Арского лесхоза отметил, что стахановцы живут в отдельных комнатах, имеют железные кровати и постельные принадлежности¹⁸.

¹⁴ Мокшанин П. Леспромхоз обманывает // Красная Мордовия. 1931. № 39. 18 февр.

¹⁵ Из леса пишут. В Зубовском леспромхозе не до культуры // Борьба за лес. 1932. № 9. 3 марта.

¹⁶ Советская лесная экономика. Москва — Север. 1917 — 1941 гг.: сб. док. и материалов / сост.: В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск, 2005. С. 207, 208.

¹⁷ ГА РТ. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 338. Л. 30, 52.

¹⁸ Там же. Л. 65.

Помимо положительных высказываний на слете прозвучало достаточно много и критических замечаний: в Красноборском лесхозе барак «без дверей, без окон»; в Тельмановском лесхозе сезонные рабочие жили по «100 — 200 человек в маленьком бараке»¹⁹. Инспектор труда треста обратил внимание присутствующих, что в Мамадышском лесхозе в бараках лесорубов «не вставлены рамы», «форточек нет и вторых рам нет», отсутствуют постельные принадлежности²⁰.

Из приведенной информации видно, что ситуация 1930 — 1931 гг. с повсеместным недостатком жилых помещений, текущими крышами, грязью в бараках в основном была решена.

На собрании актива «Татлесзагтары» 11 — 13 апреля 1937 г. в выступлениях было озвучено, что в Октябрьском леспромхозе площадь жилых помещений была рассчитана на 70 чел., а постоянных кадров насчитывалось 400 чел. В Кайбицком леспромхозе жилой фонд не обеспечивал даже 50 % постоянных кадров; «в Теньковском лесопункте ютятся в одной избе по 4 семьи»²¹. На совещании 1 — 5 августа 1937 г. стахановец Тетюшского леспромхоза рассказал, что несколько лет с семьей жил в бараке с протекающей крышей. В выступлении директора Альметьевского леспромхоза прозвучала фраза: «У нас в леспромхозе стахановцы живут в землянках»²². Однако с учетом того, что в 1937 г. в «Татлесзагтаре» насчитывалось 16 леспромхозов²³, из них на двух совещаниях было выявлено только 4 проблемных, что составило небольшой процент. Кроме того, острый недостаток жилой площади для постоянных рабочих наблюдался только в двух леспромхозах — Октябрьском и Кайбицком.

На третьем совещании актива «Татлесзагтары» 26 — 28 сентября 1938 г. проблемы с жильем были озвучены в выступлениях представителей трех леспромхозов: Шереметьевского, Октябрьского и Камского²⁴. В двух не хватало жилой площади для размещения рабочих. В Октябрьском леспромхозе на одном из участков 12 семей до 10 сентября жили в землянках, после чего их переселили в только что построенный барак²⁵. В 1938 г. в лесозаготовительном тресте Татарской АССР состояло 13 леспромхозов²⁶. Вопреки сложившемуся в 1990-х гг. в массовом сознании российского общества стереотипу об атмосфере всеобщего страха в СССР в 1930-е гг. отложившиеся в региональных архивах стенограммы производственных совещаний работников лесной промышленности свидетельствуют об откровенном обсуждении целого комплекса существующих проблем лесозаготовок. В связи с этим выступления работников леспромхозов на указанных выше совещаниях, по нашему мнению, отражают реальную ситуацию о состоянии жилищной проблемы в лесозаготовительном тресте Татарии. С учетом общего количества леспромхозов,

¹⁹ ГА РТ. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 338. Л. 60, 87.

²⁰ Там же. Л. 70, 244.

²¹ Там же. Ф. Р-4571. Оп. 1. Д. 24. Л. 8 об., 55.

²² Там же. Д. 25. Л. 93, 97.

²³ Там же. Д. 59. Л. 104.

²⁴ Там же. Д. 72. Л. 23, 32 об., 39 об.

²⁵ Там же. Л. 32 об.

²⁶ Там же. Д. 99. Л. 154.

только в 2 наблюдался недостаток жилой площади, что свидетельствует в целом о решении жилищной проблемы на лесозаготовках Татарской АССР в 1938 г.

Еще один пласт информации о состоянии жилищ работников леспрома Татарии содержится в протоколах партийных собраний первичных парторганизаций леспромхозов. Автором данного исследования были проработаны хранящиеся в ГА РТ материалы «первичек» Мамадышского, Красноборского, Тетюшского, Шеморданского, Шереметьевского леспромхозов «Татлеса» периода третьей пятилетки. На партийном собрании Шереметьевского леспромхоза 20 февраля 1940 г. один из выступающих заявил: «Я несколько раз говорил о том, что мы запустили общежитие, постели в грязи, стены закопчены, до сих пор не могут отремонтировать печи...»²⁷. В протоколе Мамадышского леспромхоза от 26 декабря 1940 г. зафиксировано: «У нас в бараках холодно, в некоторых местах нет даже стекол, нет вьюшек, а иногда и нет печей»²⁸. Недостаток жилой площади в протоколах отмечен только по Тетюшскому леспромхозу ЛПХ в сентябре 1939 г.²⁹ Таким образом, материалы партийных собраний о состоянии жилья лесорубов Татарии вполне коррелируются с информационным массивом совещаний лесозаготовителей.

Недостаток жилых помещений, особенно для сезонных рабочих в период осенне-зимних лесозаготовок, в третьей пятилетке наблюдался не только в Татарской АССР, но и на участках крупных лесозаготовителей Севера и Сибири. Так, газета «Лесная промышленность» в 1938 г. критиковала трест «Комилес»: «До начала зимних лесозаготовок остались считанные дни, а в леспромхозах еще не построена и четвертая часть общежитий»³⁰. В примыкающей с запада к Татарии Чувашской АССР на Шумерлинском мехлесопункте «Чувашлеса» в январе 1939 г. общежития к зиме не были подготовлены, в газетной заметке констатировалось: «Не отремонтированы, без стекол», «кроватей и постельных принадлежностей не хватает»³¹.

В целом можно констатировать, что проблема обеспечения жильем постоянных и сезонных рабочих лесозаготовок Татарской АССР в леспромхозах основного лесозаготовительного треста «Татлес», преобразованного далее в Наркомлес ТАССР, в третьей пятилетке была решена. В большинстве леспромхозов жилищный фонд был создан, шел процесс активного налаживания комфортных по меркам тех лет условий проживания лесорубов.

Отдельные причины медленного решения жилищной проблемы на лесозаготовках охарактеризованы в объяснительной записке к годовому отчету «Татлестхозтреста» за 1933 г.: «Выполнение строительных работ было доверено трестом директорам лесхозов, которые сами этим делом не занимались или занимались им „между прочим“, передоверяли на каждом участке отдельному лицу... При таком положении лесхозы каждый по-своему проявлял свою безграмотную фантазию». Доля вины, по мнению автора документа, лежала и на Главлесхозе Наркомата земледелия СССР, «не обеспечившего... фондовыми материалами: гвоздями, стеклом,

²⁷ ГА РТ. Ф. П-2251. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

²⁸ Там же. Ф. П-2652. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

²⁹ Там же. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 2. Л. 49 об.

³⁰ Кирова К. В Комилесе нет руководства // Лесная промышленность. 1938. № 128. 17 сент.

³¹ Алексеев М. Из 19 тракторов работают 4 // Лесная промышленность. 1939. № 12. 22 янв.

сортовым железом». В связи с этим «лесхозы вынуждены были приобретать означенные материалы на местах по повышенной цене, с опозданием...»³².

Традиционной проблемой жилья 1930-х гг. было наличие в них насекомых-паразитов. Так, Г. К. Орджоникидзе, выступая на совещании работников тяжелой промышленности 28 сентября 1934 г., отметил: «Я целый месяц ездил по Уралу, не было ни одного собрания, где бы не ругались и не говорили о клопах. Неужели нельзя почистить квартиру, нельзя привести ее в порядок?»³³. На совещании актива рабочих лесной промышленности в августе 1937 г. стахановец Казанского леспромпхоза отметил: «Придешь с работы, хочешь отдохнуть, а тут клопы, которые никак тебе не дадут уснуть. Всю ночь ворочаешься с бока на бок, идешь на работу не выспавшись»³⁴. Однако борьба с грязью и насекомыми в жилых помещениях лесорубов даже в условиях нестабильной экономики 1930-х гг. велась. Так, направленный летом на работу в Лаишевский лесхоз работник треста по приезде осмотрел жилые помещения и убедился, что в бараках было много «клопов, тараканов и прочих насекомых»³⁵. Новый сотрудник поставил вопрос перед директором лесхоза, в результате был проведен ремонт всех жилых помещений с дезинфекцией и побелкой. Таким образом, в декабре 1935 г. из всех недостатков жилья по данному лесхозу было указано только отсутствие матрасов в старом бараке.

Следует отметить и случаи, когда управленцы различного уровня устранились от реального решения производственных и бытовых вопросов. В 1930-е гг. значительное количество руководителей лесной промышленности различного уровня в силу профессиональной некомпетентности неэффективно использовали финансовые и материальные средства [2, с. 142 — 154]. Проявилась указанная тенденция и в Татарии. В 1935 г., как и в 1940 г., в Мамадышском леспромпхозе в бараках было очень холодно. Стремление лучше выглядеть в глазах руководства поставило дирекцию Камского леспромпхоза «Татлес» в 1938 г. в сложную ситуацию. Перед приездом представителя из Москвы рабочих-лесорубов вместе с семьями переселили из землянок в недостроенные бараки, где отсутствовали вторые рамы в окнах, печи и потолки. Представитель центра, который ограничился поверхностным обследованием, отметил: «Ага, у вас в этих домах рабочие уже живут!». После этого в банк было сообщено, что сооружение бараков окончено и 16 тыс. руб., предназначенных для данного строительства, со счета леспромпхоза были сняты. Новый директор леспромпхоза, поведавший эту трагикомическую историю на совещании актива «Татлесзагтары» в сентябре 1938 г., просил руководство треста помочь с выделением денег для окончания строительства³⁶.

Рассмотрим ситуацию решения жилищной проблемы на лесозаготовках в годы третьей пятилетки в Мордовской АССР. Представляет интерес отложившаяся в фонде Куйбышевского обкома ВКП(б) стенограмма совещания работников треста «Средлес» от 10 — 12 ноября 1938 г. На совещании выступили более 30 руководящих

³² ГА РТ. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 227. Л. 21.

³³ Орджоникидзе Г. К. Избранные речи и статьи. 1918 — 1937. М., 1945. С. 319.

³⁴ ГА РТ. Ф. Р-4571. Оп. 1. Д. 25. Л. 184.

³⁵ Там же. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 338. Л. 192.

³⁶ Там же. Ф. Р-4571. Оп. 1. Д. 72. Л. 40.

работников треста, директоров и стахановцев леспромхозов, которые достаточно откровенно анализировали существующие недостатки производственной и бытовой сфер лесозаготовок. В конце 1938 г. в тресте «Средлес» насчитывалось 15 леспромхозов, в том числе на территории Мордовской АССР функционировало 3: Зубовский, Ичалковский и Краснослободский³⁷. Директор Зубовского леспромхоза проинформировал присутствующих, что в леспромхозе имелось 216 железных коек при потребности 1 010, матрасов — 364 из необходимых 1 197, одеял — 106 из 870, простыней — 476 из 1 000³⁸. В выступлениях двух представителей Ичалковского леспромхоза были подняты вопросы повышения расценок на лесозаготовительные работы другими организациями и использования лучковых пил. Представитель Краснослободского леспромхоза остановился на несовершенной системе расценок, отсутствии культурно-массовой работы и недостаточном снабжении продуктами магазинов и ларьков³⁹. Таким образом, представители 3 мордовских леспромхозов не жаловались на неблагоприятные условия проживания в бараках или их недостаток. Проблем жилищной сферы коснулись только представители Инзенского и Барышского леспромхозов Куйбышевской области, которые как и директор Зубовского леспромхоза, говорили только о недостатке железных кроватей, наволочек и простыней⁴⁰.

Судя по стенограмме совещания работников треста «Средлес», недостаток жилых помещений, текущие крыши, отсутствие сушилок, выбитые окна, грязь и клопы в бараках для лесозаготовок Мордовской АССР остались в первой половине 1930-х гг. Вряд ли при проживании в тесной грязной землянке или бараке с текущей крышей рабочих и руководителей леспромхоза волновали бы недостаток простыней, одеял и, тем более, отсутствие культурно-массовой работы. Даже существенный недостаток железных кроватей в Зубовском леспромхозе может свидетельствовать о кардинальном улучшении в третьей пятилетке условий проживания лесных рабочих: 216 новых кроватей вполне должно было хватить как для стахановцев, так и для большей части постоянных рабочих леспромхоза. Постоянные кадры во второй половине 1930-х гг. в тресте «Средлес» составляли порядка 20 — 25 % общего количества рабочих. Приезжающие на пару недель на лесозаготовки сезонные рабочие после трудового рабочего дня могли переночевать и на деревянных кроватях и топчанах. Можно с большой долей вероятности предположить, что 364 матраса и 476 простыней полностью обеспечивали потребность постоянных рабочих Зубовского леспромхоза и частично сезонных лесорубов и возчиков. Однозначно недостаточным было только количество одеял.

Заключение

Подводя итоги исследованию жилищной сферы на лесозаготовках в Мордовской и Татарской АССР, можно констатировать, что за несколько лет в начале 1930-х гг. был почти «с нуля» создан жилищный фонд. В третьей пятилетке центр тяжести

³⁷ ГА УО. Ф. Р-1810. Оп. 3. Д. 16. Л. 144.

³⁸ СОГАСПИ (Самарский областной государственный архив социально-политической истории). Ф. 656. Оп. 29. Д. 23. Л. 18 об.

³⁹ Там же. Л. 31 — 33, 35 об. — 37.

⁴⁰ Там же. Л. 13, 20.

проблем в жилищной сфере лесозаготовок данных республик Поволжья переместился в область создания комфортных условий проживания. В отдельных леспромпхозах Татарии недостаток жилых помещений продолжал сохраняться вплоть до конца рассматриваемого периода. В некоторых регионах страны ситуация с жилыми помещениями лесорубов в 1930-е гг. была более напряженной, чем в национальных республиках Поволжья.

Необходимость сократить отставание от развитых стран мира и создать военно-промышленную базу для обеспечения Красной армии в условиях надвигающейся мировой войны в 1930-е гг. СССР решил ускоренным рывком индустриального развития. В связи с этим вклад лесной промышленности в обеспечение сырьем, стройматериалами и топливом народного хозяйства страны трудно переоценить. Решение жилищной проблемы на лесозаготовках обеспечило успешное функционирование лесной промышленности не только в предвоенный период, но и в годы Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондаренко О. Е., Князева Г. А., Турубанов А. Н. Лесной комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2004. 184 с.
2. Воейков Е. В. Руководящие кадры лесной промышленности в период предвоенной индустриализации // Российская история. 2020. № 5. С. 142 — 154.
3. Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928 — 1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
4. Зыкин И. В. «Зеленое золото» индустриализации: Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. — первой половине 1941 г. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2021. 304 с.
5. Зыкин И. В. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в конце 1929 г. — первой половине 1941 г. М.: Новый хронограф, 2022. 432 с.
6. История развития лесной промышленности Среднего Урала / сост. М. Ф. Маслюков. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1997. 400 с.
7. Лесная промышленность СССР. 1917 — 1957: в 3 т. Т. 1: Лесоэксплуатация. М.: Гослесбу-миздат, 1957. 260 с.
8. Лесное хозяйство России. М.: Изд-во «Лесная промышленность», 1968. 208 с.
9. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 368 с.
10. Северный лес на все времена. Из истории лесопромышленного комплекса Республики Коми / сост. Н. В. Мельникова. Сыктывкар: Коми республиканская тип., 2011. 432 с.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

Информация об авторе:

Евгений Владимирович Воейков, профессор кафедры История России и методика преподавания истории Пензенского государственного университета (440026, Россия, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, evgenijvoejkov@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bondarenko OE, Knyazeva GA, Turubanov AN. The Forest Complex of the Komi Republic in the XX Century. Syktyvkar;2004. (In Russ.)
2. Voeikov EV. The Leading Personnel of the Forest Industry in the Period of Pre-War Industrialization. *Russian History*;2020;(5):142—154. (In Russ.)
3. Zhuravlev SV, Mukhin MYu. Fortress of Socialism: Everyday Life and Motivation of Work at a Soviet Enterprise, 1928 — 1938. Moscow;2004. (In Russ.)
4. Zykin IV. Green Gold of Industrialization: The Timber Industry Complex of the Ural Region at the End of 1929 — the First Half of 1941. Yekaterinburg;2021. (In Russ.)
5. Zykin IV. Social and Cultural Appearance of Workers of the Timber Industry Complex of the Soviet Union at the End of 1929 — the First Half of 1941. Moscow;2022. (In Russ.)
6. The History of the Development of the Forest Industry in the Middle Urals. Yekaterinburg;1997. (In Russ.)
7. The Forest Industry of the USSR. 1917 — 1957. Moscow;1957;1. (In Russ.)
8. Forestry of Russia. Moscow;1968. (In Russ.)
9. Markevich AM, Sokolov AK. Magnitogorsk near the Garden Ring: Incentives to Work at the Moscow Plant “Sickle and Hammer”, 1883 — 2001. Moscow;2005. (In Russ.)
10. The Northern Forest for All Time. From the History of the Timber Industry of the Komi Republic. Syktyvkar;2011. (In Russ.)

The article was submitted 16.01.2024; approved after review 16.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Information about the authors:

Evgeny V. Voeikov, Professor of the Department of History of Russia and Methods of Teaching History of Penza State University (37 Lermontov Str., Penza 440026, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, evgenijvoeikov@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 93/94.470
EDN RAKOAZ<http://vestnikniign.ru>*Научная статья***ТРУДОВОЙ ПОДВИГ МОЛОДЕЖИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 — 1945 гг.****Р. А. Мухамедов** ✉, **Е. М. Сосновский**Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Россия
✉ rasil56@mail.ru*Аннотация*

Введение. Статья посвящена трудовому подвигу молодежи Ульяновской области и ее вкладу в победу над фашизмом в период Великой Отечественной войны. Актуальность работы обусловливается тем, что впервые с объективной точки зрения был осуществлен анализ деятельности молодежи и молодежных организаций Ульяновской области по оказанию различных видов помощи Красной армии в 1941 — 1945 гг.

Материалы и методы. Источниками исследования стали материалы архивных документов, периодических изданий и статистических сборников. Методологическая база исследования представлена комплексом общенаучных и конкретно-исторических принципов и методов научного познания.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе работы авторы проанализировали деятельность комсомольских организаций по развитию трудовых инициатив молодежи и патриотической мобилизации населения, выявили основные формы добровольной помощи и определили трудовой вклад молодежи Ульяновской области фронту. Установили, что комитетом ВЛКСМ была налажена связь со всеми цехами промышленных предприятий, позволившая эффективно осуществлять сбор средств для создания танковых колонн, эскадрилий авиации и артиллерийских батарей.

Заключение. Комсомольские организации и партийные органы активно взаимодействовали с молодежью и привлекали ее к оказанию помощи Красной армии, что явилось одним из решающих факторов победы страны над фашизмом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ульяновская область, комсомол, молодежь, производительность труда, тыл

Для цитирования: Мухамедов Р. А., Сосновский Е. М. Трудовой подвиг молодежи Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 82 — 94. EDN RAKOAZ

Original article

THE LABOR FEAT OF THE YOUTH OF THE ULYANOVSK OBLAST DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941 — 1945

R. A. Mukhamedov✉, E. M. Sosnovsky
Ulyanov State Pedagogical University
Ulyanovsk, Russia
✉rasit56@mail.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the labor feat of the youth of the Ulyanovsk region and its contribution to the victory over fascism during the Great Patriotic War. The relevance of the work is determined by the fact that for the first time, from an objective point of view, an analysis was carried out of the activities of youth and youth organizations of the Ulyanovsk region in providing various types of assistance to the Red Army in 1941 — 1945.

Materials and methods. The sources of the study were materials from archival documents, periodicals and statistical collections. The methodological basis of the study is represented by a complex of general scientific and specific historical principles and methods of scientific knowledge.

Results and discussion. In the course of the study, the authors analyzed the activities of Komsomol organizations in the development of youth labor initiatives and patriotic mobilization of the population, identified the main forms of voluntary assistance and determined the labor contribution of the youth of the Ulyanovsk region to the front. It was established that the Komsomol Committee had established communications with all workshops of industrial enterprises, which made it possible to effectively raise funds for the creation of tank columns, aviation squadrons and artillery batteries.

Conclusion. Komsomol organizations and party bodies actively interacted with young people and attracted them to assist the Red Army, which was one of the decisive factors in the country's victory over fascism.

Keywords: Great Patriotic War, Ulyanovsk oblast, Komsomol, youth, labor productivity, rear

For citation: Mukhamedov RA, Sosnovskiy EM. The Labor Feat of the Youth of the Ulyanovsk Oblast during the Great Patriotic War 1941 — 1945. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(2):82—94. EDN RAKOAZ

Введение

Огромная роль в трудовой деятельности в годы Великой Отечественной войны в советском государстве отводилась молодежи, так как основное трудоспособное население было мобилизовано на фронт. Трудовые резервы тыла в основном были представлены подростками, женщинами и стариками.

В современных условиях поиска оснований для конструирования государственной идентичности обращение к героическому опыту периода Великой Отечественной войны приобретает особую актуальность. Формированию чувства патриотизма и любви к своей Родине у представителей подрастающего поколения способствует изучение героических подвигов, совершаемых не только на фронтах, передовой, но и в тылу. Особым воспитательным потенциалом обладает тема трудовой помощи молодежи действующей армии. На современном этапе развития исторической науки среди исследователей не подвергается сомнению факт победы СССР в Великой

Отечественной войне благодаря массовому героизму, стойкости, а также сплоченности советского народа для бескомпромиссного противостояния фашизму.

Научная новизна работы определяется слабой разработанностью проблемы в региональном измерении. Впервые на основании введения в научный оборот большого массива материалов региональных архивов и периодических изданий, которые ранее не использовались, был произведен комплексный анализ деятельности молодежи и молодежных организаций Ульяновской области по оказанию различных видов помощи Красной армии в 1941 — 1945 гг. В связи с этим данная научная статья призвана заполнить имеющиеся пробелы.

Материал и методы

Источниковая база настоящей статьи включает широкий круг опубликованных и неопубликованных документов. Значительная их часть была выявлена в Государственном архиве Новейшей истории Ульяновской области и до настоящего времени в научный оборот не была введена, в частности ф. 8 «Ульяновский обком КПСС», ф. 42 «Сурский РК КПСС Ульяновской области» и ф. 1927 «Ульяновский Обком ВЛКСМ». В них представлены статистические сведения, отчеты молодежных организаций о проделанной работе (идеологическое и патриотическое воспитание молодежи). В ф. Р-632 «Исполнительный комитет Ульяновского районного Совета депутатов трудящихся Ульяновской области» Государственного архива Ульяновской области нашли отражение сведения о молодежных организациях и мероприятиях, организуемых ими.

Научно-теоретической базой послужили научные принципы историзма, системности, объективности. В работе широко использован идеографический метод, позволивший изучить происходившие события на территории Ульяновской области в годы войны как системные, т. е. характерные для всего советского общества.

Обзор литературы

В настоящее время степень разработанности обозначенной проблемы, несмотря на значительно возросший интерес, остается недостаточной. Ученые рассматривают основные направления, формы, методы, а также особенности деятельности молодежи в 1941 — 1945 гг. [1; 7; 16]. В этом контексте целесообразно упомянуть работы Л. И. Футорянского, в которых представлена динамика численности молодых граждан по половозрастному признаку и рассмотрен труд молодежи на фабриках и заводах Урала [19]¹. С научной точки зрения интерес представляет исследование У. Б. Гайсина, раскрывающее формы и направления культурно-массовой работы среди молодых граждан [3]. Автор сделал вывод, что партийно-государственная система в годы войны в рамках проведения кампании по работе с молодежью претерпела существенные изменения — в руководство комсомольских структур выдвинулось большое количество инициативных граждан, которые не боялись братья за самые сложные поручения. Роль молодежи в сельскохозяйственном производстве и снабжении фронта продовольственной продукцией и сырьем была проанализирована в работах М. Д. Денисевича [4], Г. Е. Корнилова [8] и В. П. Мотревича [12].

¹ Футорянский Л. И. Тыл и фронт едины // История Оренбуржья: учеб. пособие. Оренбург, 1996. С. 260 — 279.

Помощь молодежных организаций Ульяновской области Красной армии в годы Великой Отечественной войны так или иначе подвергалась рассмотрению в ряде публикаций А. А. Ласточкина [10], К. В. Кисилева [6], А. Ю. Пичугина [15], Е. М. Сосновского [18], С. В. Сидорова [17], Р. А. Мухамедова и А. Г. Пашкина [13; 21].

Результаты исследования и их обсуждение

22 июня 1941 г., в первый день начала войны, в Ульяновске в саду им. Свердлова прошел общегородской митинг, на котором жители города заявили, что «...они вместе со всем народом еще теснее сплотятся вокруг партии и правительства, усилят бдительность, еще выше поднимут производительность труда и готовы в любую минуту встать на защиту Родины с оружием в руках»². Трудовой коллектив Ульяновского сельскохозяйственного техникума принял резолюцию, в которой было отмечено, что коллектив берет на себя обязательство поднять производительность труда и оказать «...всемерную помощь нашей родной Красной Армии»³. Известный врач города, доктор медицины Г. И. Суворов заявил: «...я готов нести двойную и тройную нагрузку, чтобы облегчить страдания людей, возвращать им здоровье. Если потребуется, я, семидесятилетний седой старик, готов к тому, чтобы отправиться на фронт. Я верю в нашу мощь, в наш великий народ. Мы боремся за правое дело, и мы победим»⁴.

Война придала мощный толчок промышленному развитию Ульяновской области. Выпуск валовой продукции всей промышленности по сравнению с довоенным периодом поднялся в более чем 3 раза [2, с. 18]. Немалая заслуга в успехах промышленности приходилась на долю комсомольцев и молодежи, которые стояли у истоков соревнований и изо дня в день повышали производительность труда.

В соревновании в честь 25-й годовщины образования ВЛКСМ молодежь Ульяновской области проделала большую работу по выпуску сверхплановой продукции: комсомольцы завода им. Сталина дали сверхплановой продукции фронту на 350 тыс. руб., завода им. Володарского — на 100 тыс. руб., винкомбината — 50 т высококачественных концентратов. По неполным данным, комсомольцами и молодежью региона сверх плана было выпущено продукции на сумму более чем 1 млн руб.⁵

В Ульяновской области были организованы бригады, насчитывающие несколько сотен комсомольцев, выдававших за смену «...по две — три нормы с высоким качеством выпускаемой продукции». Так, «многостаночник комсомолец Елькиди-филов из цеха Иванюка обслуживал по 15 станков, выполняя при этом ежедневно три нормы выработки»⁶.

Многообразной была трудовая деятельность комсомольцев швейной фабрики № 5. Они сочетали производственные успехи с активной общественной деятельностью. Образцовые показатели имели комсомолки Е. Ананьева, Б. Васечкина, А. Дерганова, Лучинкина, выполнявшие нормы на 150 — 200 %⁷.

² ГА УО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. Р-632. Оп. 4. Д. 5. Л. 30.

³ Там же. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 1927. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об., 4.

⁶ ГА УО. Ф. Р-632. Оп. 4. Д. 10. Л. 6.

⁷ Там же. Д. 72. Л. 11.

Коллектив швейной фабрики им. Горького в основном состоял из молодых девушек, овладевших специальностью в военные годы. Несмотря на это, юные комсомолки-стахановки (А. Бойцова, О. Бойцова, Топоркова, Стрельцова, Шехтманн, Мозырская и др.) регулярно реализовывали суточные задания на 250 — 300 %, выполняя ответственные заказы для армии и тыла⁸.

О высоком патриотическом настрое молодежи в оказании помощи фронту свидетельствует ее участие в сборе средств для создания танковых колонн, эскадрилий авиации, артиллерийских батарей.

На комсомольско-молодежном собрании инструментального цеха завода им. Сталина группа комсомольцев-стахановцев (Колбасова, Быстрова, мастер Тарасов и др.) предложили начать сбор средств на нужды фронта и обратились с призывом ко всем работникам. Предложение нашло единодушный отклик на цеховых митингах, посвященных присуждению заводу 2-го места во Всесоюзном соревновании предприятий Наркомата. С помощью партийной организации в комитете ВЛКСМ был организован штаб, куда поступали сведения о передовых коллективах и лучших патриотах, вносящих в фонд постройки авиаэскадрильи свои 10-, 20-дневные и месячные заработки. Примеры патриотической деятельности освещались в молниях-плакатах и партийной заводской газете⁹.

Активное участие в сборе средств на постройку боевой техники принимали жители Радищевского района. Первый секретарь РК ВЛКСМ Д. Иванов в газете «Голос ударника» писал: «С большой активностью проходит в комсомольских организациях района сбор средств на постройку эскадрильи самолетов „Родина Ильича“». Всего комсомольскими организациями района было собрано 44 000 рублей¹⁰.

В декабре 1942 г. ученица Араповской школы Сурского района Т. Фролова направила телеграмму в Куйбышевский обком КПСС, в которой говорилось, что ее отец находится в рядах Красной армии и она «...воодушевленная, как и весь Советский народ, героической борьбой Красной армии, горя желанием помочь ей в быстрейшем разгроме гитлеровских детоубийц, внесла в Госбанк 7 тысяч рублей, заработанных в колхозе в период летних каникул, а также сэкономленных из средств, получаемых по аттестату с фронта от папы»¹¹.

Она призывала других школьников Советского Союза последовать ее примеру и создать танковую колонну «Юный пионер»: «Внося средства на постройку боевой машины, я заявляю: пусть каждая моя копейка превратится в грозную силу для врага, пусть наши танкисты, получившие эти боевые могучие машины, жестоко отомстят фашистам за невинно пролитую детскую кровь и быстрее освободят наших советских детей, томящихся в фашистском плену»¹². 21 декабря 1942 г. бюро РК ВКП (б) Сурского района постановило «подхватить ценный пионерский почин... и организовать сбор средств пионеров и школьников»¹³.

⁸ ГА УО. Ф. Р-632. Оп. 4. Д. 72. Л. 19.

⁹ ГАНИ УО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 652. Л. 50.

¹⁰ Иванов Д. Поможем Родине! // Голос ударника. 1943. № 31. С. 5.

¹¹ ГАНИ УО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 652. Л. 52.

¹² Там же. Л. 53.

¹³ Там же.

Глубокое уважение вызывает патриотический поступок Т. Чекулаевой, ученицы Сурской средней школы, которая внесла на создание танковой колонны 9 тыс. руб., заработанных в своем подсобном хозяйстве. Она пожертвовала эти средства, несмотря на то, что мать продолжительно болела и на ее иждивении находились еще четверо малолетних братьев и сестер¹⁴.

Молодежь региона участвовала и в сборе теплых вещей для бойцов Красной армии. Комсомольцы и пионеры средней школы № 6 Ульяновска в сентябре 1941 г. откликнулись на призыв рабочих завода им. Масленникова г. Куйбышева и колхозников Похвистневского района Куйбышевской области о сборе подарков воюющим бойцам. Включились в это дело и родители. Получив посылки, фронтовики писали школьникам: «...на вашу заботу мы ответим боевыми делами доблести и героизма»¹⁵.

Активно проходил сбор посылок на фронт и на промышленных предприятиях. С начала войны местная промышленность поставляла для армии полушубки, меховые телогрейки, рукавицы, валенки, сухари, колбасные изделия. По партийно-комсомольской инициативе в районном центре заработал штаб по сбору, комплектованию и отправке посылок в действующую армию. Все скоропортящиеся продукты (яйца, масло, мед) передавались ближайшим госпиталям, а овчины, шерсть, мясо, поступающие от населения, отдавались на переработку. Кроме того, на фронт посылались личные посылки с подписями «В действующую армию» или «Бойцу Красной армии». В декабре 1942 г. на заводе им. Володарского только на участке мастера Мельниковой было собрано более 2 400 руб.¹⁶

Одной из наиболее ярких форм проявления всенародного патриотизма стал широкий поток добровольных взносов в Фонд обороны СССР [3]. Жители Ульяновской области, как и представители других областей, сдавали личные накопления, облигации, семейные реликвии, драгоценности и т. д. [9]. Не отставала в этом благородном деле и молодежь. Так, наряду с 65-летним рабочим колхоза «Пламя революции» Ульяновского района А. И. Васильевым, внесшим в Фонд обороны 100 тыс. руб. личных сбережений, председателем колхоза им. Калинина Радищевского района И. Г. Синяком — 55 тыс. руб., находятся пионерки Т. Фролова из Араповской школы Сурского района — 7 тыс. руб. и Т. Чекулаева — 9 тыс. руб. из Сурской средней школы¹⁷.

Как уже было отмечено, в патриотическом движении на помощь фронту активно участвовали не только комсомольские, но и пионерские организации [14]. В военные годы они собирали металлолом, проводили воскресники по оказанию помощи местным колхозам, участвовали в заготовке кормов. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 г.» Ульяновская область была отмечена в числе отстающих областей, плохо справившихся с сельскохозяйственными работами в 1942 г.¹⁸ Это возложило особую

¹⁴ ГАНИ УО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 652. Л. 56.

¹⁵ ГАУО. Ф. Р-632. Оп. 4. Д. 10. Л. 8.

¹⁶ Впереди коллектив товарища Праведнова // Пролетарский путь. 1943. 4 фев. С. 1.

¹⁷ Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): док. и материалы. Саратов, 1974. С. 193.

¹⁸ ГАНИ УО. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.

ответственность на комсомольские и пионерские организации за успешное и организованное проведение сельскохозяйственных кампаний в 1943 г.

По инициативе комсомольцев колхоза им. Егорова Мало-Кандалинского района по всей области было организовано социалистическое соревнование среди молодежи за лучшую подготовку коня к весеннему севу. Эта инициатива была поддержана Ульяновским обкомом ВЛКСМ и облЗО. Были разработаны условия соцсоревнования, учреждено переходящее Красное знамя для отличившейся комсомольской организации и три премии для лучших конюхов среди пионеров и школьников. В ходе социалистического соревнования хороших результатов добились представители колхозов им. Егорова Мало-Кандалинского района, «Путь Ильича» Барышского района, «Великий перелом» и «Память Куйбышева» Богданкинского района¹⁹.

РК ВЛКСМ Павловского района для быстрого вывоза хлеба с токов на пункты организовал 21 комсомольско-молодежную транспортную бригаду в количестве 127 чел., из них 45 комсомольцев. Каждая транспортная бригада взяла на себя определенные обязательства по выполнению плана государственных поставок с указанием конкретного срока. Решением бюро РК ВЛКСМ транспортной бригаде колхоза «Новая жизнь» (с. Ивановка) за досрочное выполнение государственного плана хлебопоставок было присуждено переходящее Красное знамя²⁰.

Активно проявила себя во время Великой Отечественной войны комсомольская организация колхоза им. Чкалова Барановского района. Ими было собрано 35 ц золы, 40 ц птичьего помета и вывезено на поля 800 возов навоза. Большую работу комсомольцы провели по шефству над конем. Четверо комсомольцев-конюхов подготовили лошадей к весеннему севу, доведя их до средней и хорошей упитанности, не допустив ни одного случая падежа. В колхозе было организовано молодежное звено высокого урожая, которое участвовало во Всесоюзном соревновании и первым в колхозе закончило сев на своем участке. По окончании весенне-полевых работ правление колхоза премировало организатора и руководителя работы с молодежью секретаря комсомольской организации Н. Корнилова. Ценные подарки получили комсомольцы и молодежь, отличившиеся на весеннем севе²¹.

Молодежь была инициатором проводимых в то время субботников и воскресников. Комсомольцы Майнского района в период подготовки весеннего сева 1943 г. организовали воскресник, в котором участвовали 450 человек. Было очищено от навоза 18 конюшен, собрано большое количество золы и семян. Весной 1943 г. комсомольцы Сурского района организовали 10 массовых субботников, вывезли на поля 1 450 возов навоза, отремонтировали 100 хомутов и собрали 20 ц семенного картофеля²².

В 1944 г. в колхозе «Краснознаменец» Астрадамовского района заработало молодежное звено высокого урожая. Оно состояло из 10 человек, 4 из которых являлись членами ВЛКСМ, руководила им комсомолка К. Григорьева. Звено возделало

¹⁹ ГАНИ УО. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 175. Л. 10.

²¹ Там же. Д. 174. Л. 10.

²² Край Ильича за 50 советских лет / отв. ред. А. А. Скочилов. Ульяновск, 1967. С. 179.

29 га посевов: 7 га пшеницы, 5 га проса, 12 га овса, 2 га картофеля и 3 га прочих культур²³. В 1945 г. за трудовые успехи звено было награждено денежной премией Наркомзема и ЦК ВЛКСМ, а бригадир премирована именными часами²⁴. Следует отметить, что в звене была организована агротехническая учеба, велась агитационно-пропагандистская работа.

Молодежная организация с. Малая Хомутерь Барышского района в 1944 г. провела 6 воскресников по вывозке навоза, перевыполнила нормы выработки на весеннем севе, организовала политмассовую работу. За военные годы она выросла в 2 раза, приняв в свои ряды 19 чел.²⁵

В Чердаклинском районе в колхозе им. Молотова комсомольско-молодежное звено высокого урожая, которым руководила комсомолка Кабышева, в 1944 г. провело сев в сжатые сроки: за 40 дней они засеяли 28 га пшеницы и 10 га проса, до 10 июня дважды провели прополку пшеницы²⁶.

Во время весеннего сева 1944 г. упорно работали на полях колхозов комсомольцы и молодежь колхоза «Опытник» Чабатаевского сельского совета Астрадамовского района. Так, сестры Клавдия и Екатерина Заволжские бороновали на коровах и выполняли дневные нормы на 150 — 200 %²⁷. В Николаевском районе комсомолец Сухарев на быках вспахивал 0, 5 — 0, 6 га вместо 0, 35 га по установленной партийной норме²⁸.

В 1943 г. на весеннем севе в Ульяновской области работали 18 тыс. комсомольцев и молодых колхозников²⁹. Более 5 тыс. из них находились в составе 670 молодежных звеньев высокого урожая. В прополочной кампании участвовали более 35 тыс. юных жителей региона³⁰.

В уборке урожая принимали участие 43 тыс. комсомольцев и молодежи, которые работали жнецами, косцами, возчиками снопов, на молотье хлеба. Всего в Ульяновской области было организовано 245 молодежных молотильных бригад, 1 460 звеньев и отрядов молодежи и школьников³¹.

Кроме того, немаловажное значение имела организация вывоза хлеба из колхозов в подготовительные и сыпные пункты. На этом сложном участке работы было организовано 1 049 комсомольско-молодежных бригад, благодаря им своевременно перевезено 7 600 т полевой сельскохозяйственной продукции³².

В годы войны на селе широко развернулось соревнование за успешное выполнение производственных заданий. О передовиках производства писали газеты, журналы, о лучших тружениках тыла знали и фронтовики. Например, в Чердаклин-

²³ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 388. Л. 95.

²⁴ Там же. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 114. Л. 216.

²⁵ Там же. Ф. 8. Оп. 6. Д. 388. Л. 94.

²⁶ Там же. Л. 96.

²⁷ Там же. Л. 97.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об.

³⁰ Там же. Л. 3.

³¹ Там же. Д. 175. Л. 21.

³² Там же. Л. 28.

скую районную газету «Колхозная стройка» с открытым письмом обратились старший сержант А. Ф. Базаров, бойцы Евстигнеев, Сычев, Касимов, в котором «выражали свою солдатскую благодарность председателям колхозов Гаршину, Галееву, Грязнову и в их лице всем колхозникам за успешный и эффективный труд и обеспечение фронта всем необходимым для скорейшего изгнания ненавистного врага с советской территории». Среди победителей социалистического соревнования часто назывались Ореховская и Володарская МТС, колхозы им. Калинина Радищевского района, им. Молотова Чердаклинского района, совхозы «Чердаклинский» и им. Н. К. Крупской³³.

В годы войны напряжение трудовых будней не спадало и зимой. Зимой молотили хлеба, подготавливали семена к посеву, вывозили с пойменных лугов заготовленное сено, оказывали помощь работникам приволжских леспромхозов в заготовке делового леса на нужды фронта. В 1944 г. бригада колхозников из артели «Кзыл-Чишмя» Чердаклинского района перевыполнила плановые задания и завоевала переходящее Красное знамя среди леспромхозов Средне-Волжского края³⁴.

25 мая 1944 г. ЦК ВЛКСМ принял специальное постановление «О работе комсомольских организаций в связи с выездом учащихся на сельскохозяйственные работы в 1944 г.»³⁵. После его утверждения бюро Ульяновского обкома ВЛКСМ объявило об участии ульяновских школьников во Всесоюзном соревновании. В образовательных учреждениях области были проведены собрания, на которых обсуждалось решение бюро обкома ВЛКСМ и условия социалистического соревнования школьников. По результатам собраний было принято решение в школах области организовать 1 370 отрядов, в состав которых вошли 26 572 чел. На тот момент всего в Ульяновской области насчитывалось 133 152 школьника, из них 90 887 — учащиеся начальных классов³⁶. Школьники на колхозных полях трудились под руководством 1 645 учителей, 6 000 учащихся в полеводческих бригадах работали вместе с родителями. Всего в сельскохозяйственных работах приняли участие 32 572 ученика³⁷.

По данным на 25 августа 1944 г. учащиеся и учителя выполнили следующий объем работы: пропололи зерновых культур на площади 14 301 га, огородных культур — 9 875 га; скосили и убрали сена с площади 879 га, убрали колосовых 513 га; собрали колосьев с площади 4 813 га, заготовили 2 100 000 веников веточного корма. Кроме того, ими были засеяны и обработаны пришкольные участки на площади 2 215 га. В общей сложности учащимися и учителями было выработано 960 499 трудодней и заработано 90 000 руб.³⁸

³³ Ульяновская область к 60 годовщине Великой Победы: стат. сб. / ред. кол.: Т. Т. Костина, В. А. Ефремов, В. И. Бойко. Ульяновск, 2005. С. 67.

³⁴ Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны... С. 195.

³⁵ ГАНИ УО. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 122. Л. 87.

³⁶ Там же. Л. 90.

³⁷ Там же. Л. 88.

³⁸ ГАНИ УО. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 114. Л. 90.

Подводя итог работы молодежных звеньев в 1944 г., в постановлении бюро обкома ВЛКСМ Ульяновской области от 1 февраля 1945 г. отмечалось, что «многие молодежные звенья на основе правильной организации труда и широкого соревнования оказали серьезную помощь колхозам и совхозам области за высокий урожай»³⁹.

Заключение

Таким образом, молодежь Ульяновской области на протяжении всего периода Великой Отечественной войны проявляла патриотизм, сплоченность, героизм и оказывала значительную помощь регулярной армии своим трудовым подвигом. Комсомольцы и пионеры региона принимали активное участие в процессе сбора средств в Фонд обороны страны. Основными методами данного процесса стало непосредственное участие молодежи в сборе металлолома, в организации воскресников и субботников, а также в повышенных трудовых обязательствах, взятых молодыми рабочими на предприятиях. При содействии партийных органов и комсомольских организации в осенне-зимний период молодежь участвовала в сборе теплых вещей для фронтовиков. В целом военный подвиг на фронте в сочетании с трудовой доблестью граждан, в том числе и молодежи в тылу принесли нашей стране долгожданную Победу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ачмиз К. Г. Трудовой подвиг сельской молодежи в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: дис. ... д-ра. ист. наук. Краснодар, 2006. 431 с.
2. Видяйкин С. В. «В едином строю защитников Отчизны». Формирование промышленно-го производства Поволжья для нужд фронта // Центр и периферия. 2010. № 2. С. 14 — 22. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/2-2010.pdf>
3. Гайсин У. Б. Молодежь Урала в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 518 с.
4. Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. 1930 — 1985 гг. Екатеринбург: Институт истории и археологии, 1991. 195 с.
5. Задкова Т. Ю. «В труде, как в бою!» Сельское хозяйство Поволжья в годы Великой Отечественной войны // Центр и периферия. 2010. № 2. С. 23 — 31. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/2-2010.pdf>
6. Кисилев К. В. Истории трудового подвига работников тыла Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2023. № 2. С. 149 — 154.
7. Климова Н. Ю. Трудовой и ратный подвиг молодежи Ставрополя в годы Великой Отечественной войны: 1941 — 1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. 160 с.
8. Корнилов Е. Г. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1990. 221 с.
9. Кошкина О. А., Молотова Т. Л., Пенькова М. В. К вопросу о передаче традиционных марийских украшений в Фонд обороны // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2023. № 1. С. 102 — 112. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-1-2023-st07.pdf>
10. Ласточкин А. А. Школьники Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны: к истории советской молодежной политики 1943 — 1944 гг. // Современная научная мысль. 2023. № 1. С. 122 — 126.

³⁹ ГАНИ УО. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 114. Л. 214.

11. Люкшина И. В. Молодежь Южного Урала в период Великой Отечественной войны: 1941 — 1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. 161 с.
12. Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. 195 с.
13. Мухамедов Р. А., Пашкин А. Г. Формирование и деятельность комсомола в Симбирско-Ульяновском регионе в 1918 — 50-е годы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, № 2 (83). С. 324 — 330.
14. Мухинова Н. А. История пионерского движения в Советском Союзе: от первого пионерского отряда до массовой детской организации // Центр и периферия. 2022. № 2. С. 44 — 49. URL: <http://www.niign.ru/centrandperifirya/2-2022-zhurnal-na-sajt-czip.pdf>
15. Пичугин А. Ю. Социальная защита особой группы населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ульяновской области) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10, № 4 (61). С. 709 — 716.
16. Самбур Б. Н. Подростковая молодежь Ставрополя в Великой Отечественной войне: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2017. 205 с.
17. Сидоров С. В. Организационно-агитационные мероприятия среди рабочих в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ульяновской области) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, № 3 (84). С. 823 — 829.
18. Сосновский Е. М. Роль военно-оборонительных и агитационных мероприятий в годы Великой Отечественной войны в борьбе с преступностью // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 6 (75). С. 1816 — 1822.
19. Футорянский Л. И. Оренбуржье — Великой Победе. Оренбург: ОГПИ, 1994. 54 с.
20. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время: дис. ... д-ра. ист. наук. Самара, 2017. 458 с.
21. Mukhamedov R. A., Pashkin A. G. Komsomol organization of the Ulyanovsk region: historical aspect // German International Journal of Modern Science. 2022. № 28. P. 16 — 18.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 07.02.2024.

Информация об авторах:

Мухамедов Рашит Алимович, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (432700, Россия, г. Ульяновск, площадь Ленина, 4), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6181-3249>, rasit56@mail.ru

Сосновский Евгений Михайлович, аспирант кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (432700, Россия, г. Ульяновск, площадь Ленина, 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1464-7043>, sosnovskiy73@rambler.ru

Вклад авторов:

Мухамедов Р. А. — разработка концепции, научное редактирование статьи;
Сосновский Е. М. — написание первоначального варианта статьи, сбор материалов и анализ литературы.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Achmiz KG. Labor Feat of Rural Youth during the Great Patriotic War of 1941 — 1945. Dis. ... Dr. of Hist. Sci. Krasnodar;2006. (In Russ.)
2. Vidyaikin SV. In a Single Formation of Defenders of the Motherland: Formation of Industrial Production in the Volga Region for the Needs of the Frontline. *Center and Periphery*. 2010;(2):14—22. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/2-2010.pdf>
3. Gaisin UB. The Youth of the Urals during the Great Patriotic War (1941 — 1945). Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Ufa;2000. (In Russ.)
4. Denisevich MN. Individual Farms in the Urals: 1930 — 1985. Yekaterinburg; 1991. (In Russ.)
5. Zadkova TY. “In Labor, as in Battle!”: Agriculture of the Volga Region during the Great Patriotic War. *Center and Periphery*. 2010;(2):23—31. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/2-2010.pdf>
6. Kisilev KV. The History of the Labor Feat of the Workers of the Home Front of the Ulyanovsk Region during the Great Patriotic War. *Modern Scientific Thought. Scientific Journal of the Research Institute of History, Economics and Law*. 2023;2:149—154. (In Russ.)
7. Klimova NY. Labor and Military Feat of Stavropol Youth during the Great Patriotic War: 1941 — 1945. Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Pyatigorsk;2005. (In Russ.)
8. Kornilov EG. Ural Village during the Great Patriotic War. Sverdlovsk;1990. (In Russ.)
9. Koshkina OA, Molotova TL, Penkova MV. On the Issue of Transferring Traditional Mari Jewelry to the Defense Fund. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;(1):102—112. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-1-2023-st07.pdf>
10. Lastochkin AA. School Students of the Ulyanovsk Region during the Great Patriotic War: On the History of Soviet Youth Policy in 1943 — 1944. *Modern Scientific Thought. Scientific Journal of the Research Institute of the History of Economics and Law*. 2023;1:122—126. (In Russ.)
11. Lyukshina IV. Youth of the Southern Urals during the Great Patriotic War: 1941 — 1945. Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Orenburg;2004. (In Russ.)
12. Motrevich VP. Collective Farms of the Urals during the Great Patriotic War. Sverdlovsk;1990. (In Russ.)
13. Mukhamedov RA, Pashkin AG. Formation and Activity of the Komsomol in the Simbirsk-Ulyanovsk Region in 1918 — 50s. *Issues of National and Federal Relations*. 2022;12(2):324—330. (In Russ.)
14. Mukhinova NA. The History of the Pioneer Movement in the Soviet Union: from the First Pioneer Detachment to the Mass Children’s Organization. *Center and Periphery*. 2022;(2):44—49. URL: <http://www.niign.ru/centrandperifirya/2-2022-zhurnal-na-sajt-czip.pdf>
15. Pichugin AYu. Social Protection of a Special Group of the Population during the Great Patriotic War (A Case Study of the Ulyanovsk Region). *Issues of National and Federal Relations*. 2020;10(4):709—716. (In Russ.)
16. Sambur BN. Teenage Youth of Stavropol in the Great Patriotic War. Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Nalchik;2017. (In Russ.)
17. Sidorov SV. Organizational and Campaigning Measures among Workers during the Great Patriotic War (A Case Study of the Ulyanovsk Region). *Issues of National and Federal Relations*. 2022;12(3):823—829. (In Russ.)
18. Sosnovsky EM. The Role of Military-Defensive and Propaganda Measures during the Great Patriotic War in the Fight against Crime. *Issues of National and Federal Relations*. 2021;11(6):1816—1822. (In Russ.)
19. Futoryansky LI. Orenburg Region — the Great Victory. Orenburg;1994. (In Russ.)
20. Khasyanov OR. Daily Life of the Soviet Peasantry in the Post-War Period. Dis. ... Dr. of Hist. Sci. Samara;2017. (In Russ.)
21. Mukhamedov RA, Pashkin AG. Komsomol Organization of the Ulyanovsk Region: Historical Aspect. *German International Journal of Modern Science*. 2022;28:16—18. (In Eng.)

The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 07.02.2024.

Information about authors:

Rashit A. Mukhamedov, Professor of the Department of History of Ulyanov State Pedagogical University (4 Lenina Square, Ulyanovsk 432700, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6181-3249>, rasi56@mail.ru

Evgeny M. Sosnovsky, Postgraduate Student of the Department of History of Ulyanov State Pedagogical University (4 Lenina Square, Ulyanovsk 432700, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1464-7043>, sosnovskiy73@rambler.ru.

Contribution of the authors:

Mukhamedov R. A. — concept development, scientific editing of the article;
Sosnovskiy E. M. — writing the original version of the article, collecting materials and analyzing the literature.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(470.67)+550.34
EDN CRSARO

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА ОРГАНОВ ВЛАСТИ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ, ПОСТРАДАВШЕГО ОТ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ 20 апреля 1966 г. и 14 мая 1970 г.

Р. Р. Кармуков

Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия
rasimkarmukov@mail.ru

Аннотация

Введение. Усиление информационного противоборства в современном мире требует углубленного изучения и систематизации достижений и просчетов советской теории, и практики пропаганды с тем, чтобы перенять и переосмыслить полученный позитивный опыт. В связи с этим особый интерес представляют формы и методы агитации и пропаганды среди населения, особенно в сложные исторические периоды, когда на работников «идеологического фронта» возлагались задачи государственного масштаба.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили документы Центрального государственного архива Республики Дагестан за 1966 и 1970 гг., когда в Дагестанской АССР произошло два разрушительных землетрясения. Главными методами исследования явились проблемно-хронологический, сравнительный и системный, основанные на принципах научности и историзма.

Результаты исследования и их обсуждение. Органы власти Дагестанской АССР развернули активную агитационно-пропагандистскую работу среди населения сел и городов, пострадавших от землетрясений 20 апреля 1966 г. и 14 мая 1970 г. В постановлениях Дагестанского областного комитета КПСС о ликвидации последствий землетрясения намечался ряд задач, стоявших перед отделом пропаганды и агитации Дагестанского обкома КПСС, райкомами КПСС, райисполкомами районов и городов, разрушенных стихией. Используя различные формы и методы лекторы-пропагандисты Дагестанской организации общества «Знание», обкома и райкомов ВЛКСМ через республиканские периодические издания, радио и телевидение в период ликвидации последствий стихийного бедствия вели агитационно-пропагандистскую работу.

Заключение. Прделанная агитационно-пропагандистская работа способствовала скорейшему решению задач ликвидации последствий землетрясений в Дагестане.

Ключевые слова: агитация, пропаганда, общество «Знание», лекции, СМИ, печать, радио, телевидение, Дагестанская АССР, землетрясение

Для цитирования: Кармуков Р. Р. Агитационно-пропагандистская работа органов власти Дагестанской АССР среди населения, пострадавшего от землетрясений 20 апреля 1966 г. и 14 мая 1970 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 95 — 108. EDN CRSARO

© Кармуков Р. Р., 2024

Original article

**CAMPAIGNING AND PROPAGANDA WORK
OF THE AUTHORITIES OF THE DAGESTAN ASSR
AMONG THE POPULATION AFFECTED
BY THE EARTHQUAKES OF APRIL 20, 1966
AND MAY 14, 1970**

R. R. Karmukov

Dagestan State University,
Makhachkala, Russia
rasimkarmukov@mail.ru

Abstract

Introduction. The intensification of information warfare in the modern world requires an in-depth study and systematization of the achievements and miscalculations of Soviet theory and propaganda practice in order to adopt and rethink the positive experience gained. In this regard, the forms and methods of propaganda among the population are of particular interest, especially in difficult historical periods, when workers on the “ideological front” were entrusted with tasks on a national scale.

Materials and methods. The research materials were documents from the Central State Archives of the Republic of Dagestan for 1966 and 1970, when two devastating earthquakes occurred in the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic. The main research methods were problem-chronological, comparative and systemic, based on the principles of science and historicism.

Results and discussion. The authorities of the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic launched active propaganda work among the population of villages and cities affected by the earthquakes of April 20, 1966 and May 14, 1970. The resolutions of the Dagestan Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) on liquidation of the consequences of the earthquake outlined a number of tasks facing the propaganda and agitation department Dagestan regional committee of the CPSU, district committees of the CPSU, district executive committees of districts and cities destroyed by the elements. Using various forms and methods, lecturers and propagandists of the Dagestan organization of the Knowledge Society, the regional committee and district committees of the Komsomol through republican periodicals, radio and television, during the liquidation of the consequences of the natural disaster, carried out propaganda work.

Conclusion. The campaigning and propaganda work done contributed to the quick solution of the problems of eliminating the consequences of earthquakes in Dagestan.

Keywords: campaigning, propaganda, Knowledge Society, lectures, media, print, radio, television, Dagestan ASSR

For citation: Karmukov RR. Campaigning and Propaganda Work of the Authorities of the Dagestan ASSR among the Population Affected by the Earthquakes of April 20, 1966 and May 14, 1970. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(2):95—108. EDN CRSARO

Введение

В современном мире возрастает количество различных угроз, в том числе в информационной и коммуникативной сферах. Несмотря на то, что средства массовой информации и коммуникации, используемые в информационных войнах, претерпели значительные изменения, опираются они на классическое наследие пропа-

гандистских войн. В связи с этим большое научное и практическое значение приобретает исследование форм и методов агитационно-пропагандистской работы с населением.

В советский период агитация и пропаганда являлись важными методами идеологического воздействия. Посредством различных форм и методов агитации и пропаганды через средства массовой информации решались задачи государственного масштаба. Агитация и пропаганда среди населения приобретали особую значимость в сложные, критические моменты российской истории. Так, в годы Великой Отечественной войны работники «идеологического фронта» должны были «нести правду в массы, звать по-боевому народ на победную схватку с кровавым фашизмом» и при этом поддерживать здоровый нравственно-психологический климат в обществе, крепить веру в победу, помогать адаптироваться в новых экстремальных условиях [5, с. 91].

Для дагестанской истории еще одной трагической страницей, когда на передний план выступили задачи государственной агитации и пропаганды, стали землетрясение 20 апреля 1966 г. в Южном Дагестане и последовавшее за ним землетрясение 14 мая 1970 г. в северных районах. В результате землетрясения 20 апреля 1966 г. в Южном Дагестане пострадали 418 населенных пунктов, был разрушен 5 041 жилой дом, 16 395 домов подверглись различным повреждениям [3, с. 47]. Землетрясение 14 мая 1970 г. носило еще более разрушительный характер, охватив 4 города и 16 сельских районов, занимавших 25 % территории республики, в которых проживало 50 % населения. В результате землетрясения были полностью разрушены 22 населенных пункта, 257 селам нанесены серьезные повреждения [4, с. 217].

Обращение к теме агитации и пропаганды как важных компонентов деятельности властей по ликвидации последствий землетрясений в Дагестане вызвано ее недостаточной изученностью. При внушительных масштабах публикаций по теме агитации и пропаганды советской власти вопрос требует пристального внимания и дальнейших конкретных исследований.

Материалы и методы

В ходе работы были задействованы документы директивного характера, постановления Дагестанского обкома КПСС и Совета Министров ДАССР, материалы отчетов, писем и справок обкома, райкомов, отраслевых министерств и ведомств, сосредоточенные в фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан:

П-1 (Дагестанский областной комитет КПСС), оп. 2 (Протоколы, стенограммы, планы, акты, отчеты, справки, переписка, 1953 — 1991 гг.), д. 2681, 3227, 3241, 3243, 3300, 3547, 3249. Особый интерес представляют отчеты и справки отдела пропаганды и агитации Дагестанского обкома КПСС в д. 2740, 2752;

Р-168 (Совет Министров Дагестанской АССР), оп. 63 (Протокольная часть, 1965 — 1975 гг.), д. 65, 71, 75, где сосредоточены постановления Совета Министров ДАССР, позволяющие изучить весь комплекс мероприятий по ликвидации последствий землетрясений;

Р-1306 (Дагестанская организация общества «Знание» РСФСР и ее правление, г. Махачкала), оп. 1 (Протоколы заседания, стенограммы конференций и пленумов, отчеты, штаты, сметы, 1950 — 1991 гг.), д. 54. Анализ материалов д. 54 позволил

детальнее изучить проблемы и итоги агитационно-пропагандистской работы Дагестанской организации общества «Знание» в местах стихийного бедствия.

Для полного раскрытия темы исследования помимо архивных материалов анализировались публикации в республиканских и районных периодических изданиях, в частности в газетах «Дагестанская правда» и «Коммунист» (ныне «Лезги газет» («Лезгинская газета»)) за 1966 и 1970 гг., а также в журнале отдела пропаганды и агитации Дагестанского обкома КПСС «Блокнот агитатора и политинформатора».

Хронологически рамки исследования охватывают 1966 и 1970 гг., когда в Дагестанской АССР произошли два разрушительных землетрясения. В работе нами применялись проблемно-хронологический, сравнительный и системный методы научного исследования.

Обзор литературы

В научной литературе тема ликвидации последствий землетрясений 1966 и 1970 гг. в Дагестанской АССР рассматривалась отдельными авторами, но остается одной из малоизученных.

Некоторые аспекты ликвидации последствий землетрясений 20 апреля 1966 г. и 14 мая 1970 г., в частности масштабы разрушений и переселение населения из пострадавших населенных пунктов на равнину, а также вопросы организации сейсмической службы в Дагестане, рассмотрены нами ранее [3; 4].

Исследования, посвященные истории и проблемам культурно-просветительной деятельности органов власти в советский период, помогают детальнее представить многообразие форм и методов идеологической работы, осуществляемой партийно-государственными органами. В связи с этим особый интерес вызывают публикации М. Я. Мирзабекова, где выполнен глубокий анализ деятельности органов власти в сфере культурного строительства в Дагестанской АССР [6; 7].

В работе Д. Н. Ахмедова, М. В. Вагабова и М. С. Магомедова указаны оперативные меры помощи бюро обкома КПСС и Совета Министров ДАССР пострадавшему населению, в том числе строительство в пострадавших от землетрясения населенных пунктах¹.

Проведенный анализ литературы по теме свидетельствует, что проблема агитационно-пропагандистской работы органов власти Дагестанской АССР среди населения сел и городов, пострадавших от землетрясений 20 апреля 1966 г. и 14 мая 1970 г., не являлась предметом специального исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

После землетрясений, произошедших в республике в 1966 и 1970 гг., органами власти Дагестанской АССР была развернута многообразная работа по преодолению их последствий. Наряду с задачами восстановления разрушенных населенных пунктов в директивных документах четко наблюдается особое внимание к пропагандистской и агитационной работе среди населения. Практически каждое постановление Дагестанского обкома КПСС и Совета Министров ДАССР, а также горкомов и райкомов КПСС, посвященное вопросам ликвидации последствий землетрясения, включало пункт о разъяснительной работе в пострадавших районах с поручением

¹ Ахмедов Д. Н., Вагабов М. В., Магомедов М. С. Дагестан, 14 мая 1970. 2-е изд., перераб. и доп. Махачкала, 1971. 248 с.

развернуть широкую политико-воспитательную и культурно-массовую работу среди переселенческого населения и строительных бригад.

Так, постановление бюро обкома КПСС и Совета Министров ДАССР № 189/11 «О неотложных мерах помощи населению по ликвидации последствий землетрясения в республике» от 28 апреля 1966 г., помимо прочего, обязало райкомы КПСС, райисполкомы районов, пострадавших от землетрясения, «широко развернуть среди населения разъяснительную работу, рассказать об огромном внимании и помощи со стороны ЦК КПСС и Советского Правительства»². Целью такой работы обозначались мобилизация трудящихся и достижение максимальной личной активности в решении задач по устранению последствий землетрясения³.

В постановлении XI пленума Дагестанского областного комитета КПСС № П-2911 от 9 июня 1970 г. одна из задач, поставленных перед городскими и районными комитетами КПСС и первичными партийными организациями, была сформулирована следующим образом: «Совершенствовать политическую агитацию среди населения. Привлекать в качестве агитаторов, докладчиков и политинформаторов наиболее подготовленных руководителей и специалистов, способных глубоко и доходчиво разъяснять вопросы политической, экономической, культурной жизни страны, международного положения и явлений природы»⁴. Как видно из текста, большое значение уделялось и качеству политической агитации.

Постановление бюро обкома КПСС и Совета Министров Дагестанской АССР № 242/61 «О задачах по выполнению постановления ЦК КПСС „О мерах помощи Дагестанской АССР по ликвидации последствий землетрясения“» от 11 июня 1970 г. включало такое поручение: «...редакциям республиканских газет, Комитету по радиовещанию и телевидению при Совете Министров ДАССР, горкомам и райкомам КПСС систематически освещать ход работ по ликвидации последствий землетрясения, помощь братских республик, краев и областей, успехи предприятий, колхозов и совхозов, лучших людей, ведущих восстановительные и строительные работы»⁵.

Постановление Совета Министров ДАССР № 279 «О мерах по обеспечению окончания в 1972 — 1975 гг. работ по ликвидации последствий землетрясения в Дагестанской АССР» от 6 июля 1972 г. также включало рекомендацию ответственным ведомствам «...широко освещать ход строительства объектов в пострадавших от стихии городах, районах, выполнение коллективами и отдельными городами, районами социалистических обязательств, активнее поддерживать и распространять новые начинания, глубже раскрывать содержание передовых методов труда»⁶.

Анализ приведенных документов, которые принимались в период ликвидации последствий землетрясений в Дагестанской АССР 20 апреля 1966 г. и 14 мая 1970 г. показал, что перед отделом пропаганды и агитации обкома КПСС, райкомы КПСС, райисполкомами районов, пострадавших от землетрясения, стояли следующие задачи:

² ЦГА РД (Центральный государственный архив Республики Дагестан). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2681. Л. 101; Ф. Р-168. Оп. 63. Д. 65. Л. 181.

³ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2681. Л. 102; Ф. Р-168. Оп. 63. Д. 65. Л. 182.

⁴ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3227. Л. 115.

⁵ Там же. Д. 3241. Л. 169.

⁶ Там же. Д. 3537. Л. 81.

1) разъяснение документов партии и правительства — постановлений ЦК КПСС и Совета Министров Союза ССР и Совета Министров Российской Федерации, бюро обкома КПСС и Совета Министров ДАССР, направленных на преодоление последствий стихийного бедствия;

2) пропаганда среди населения районов, пострадавших от землетрясения, необходимости переселения с гор на равнину, с разъяснением перспектив и льгот для переселенцев;

3) освещение братской помощи, оказываемой республике всеми народами Советского Союза как иллюстрация «интернационального содружества народов СССР и правильного марксистско-ленинского решения национального вопроса в условиях многонационального государства»;

4) мобилизация населения на выполнение задач по устранению последствий землетрясения.

Значение агитационно-пропагандистской работы среди населения районов, пострадавших от землетрясений 1966 и 1970 гг., возрастало во много раз в связи с активизацией дагестанского духовенства, которое по-своему пыталось объяснить причины стихийного бедствия. В связи с этим проводимая в районах работа с населением несла, в том числе, антирелигиозный характер, сочетая атеистическую пропаганду и пропаганду естественно-научных знаний с разъяснением причин, характера и природы стихийных бедствий.

После трагических событий все усилия идеологических работников Дагестана были направлены на реализацию задач по ликвидации последствий землетрясений. Каналами агитации среди населения выступали районные и республиканские периодические издания, радио и телевидение. Согласно справке отдела пропаганды и агитации Дагестанского обкома КПСС, на 1966 г. в республике работали 7 тыс. пропагандистов, 26 тыс. агитаторов, около 10 тыс. лекторов, 1 500 работников радио, телевидения и печати, 5 тыс. рабочих и сельских корреспондентов⁷. Применялись различные формы работы — чтение лекций, проведение бесед, показ кинофильмов.

Наиболее эффективными формами агитации и пропаганды среди населения были, в первую очередь, чтение лекций и беседа напрямую с целевой аудиторией. Для непосредственной агитации среди населения Дагестанский обком КПСС, а также местные партийные и советские организации задействовали преподавателей высших учебных заведений, ученых, сельскую интеллигенцию, активное участие в этой работе принимали сами секретари райкомов КПСС и другие руководящие работники. В районах работали лекторы Дагестанского отделения общества «Знание» РСФСР (с июля 1970 г. — Дагестанская организация общества «Знание» РСФСР) и райкомов и обкома ВЛКСМ. Материалы лекций готовились при содействии кафедр общественных и естественных наук вузов республики и филиала Академии наук СССР.

Сразу после происшествия 20 апреля 1966 г. в пострадавшие населенные пункты южных районов республики были направлены специальные пропагандистские группы, состоявшие из ученых и преподавателей вузов. В помощь лекторам был разработан материал «Борьба с последствиями землетрясения в Южном Дагеста-

⁷ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2740. Л. 41.

не — неотложная задача трудящихся Дагестана». Задачами лекторских групп были разъяснение причин стихийных бедствий и оказание помощи районным комитетам в развертывании и улучшении культурно-просветительской и идеологической деятельности⁸.

Наряду с работой лекторских групп, направленных из столицы, райисполкомы и райкомы КПСС вели собственную идеологическую работу. Так, в Курахском, Хивском и Касумкентском районах, наиболее пострадавших от землетрясения 20 апреля 1966 г., пропагандистская деятельность осуществлялась не только с местным населением, но и с прибывшими в республику специалистами-строителями.

Секретари райкомов КПСС и другие руководящие работники, а также представители местной интеллигенции указанных районов выступали перед рабочими и солдатами с докладами об экономике, культуре и обычаях своего района. Только в Касумкентском районе для приехавших строителей и работающих рядом с ними переселенцев было прочитано более 400 лекций («О Ленинской национальной политике», «О дружбе народов» и др.).

В пострадавших районах первичные парторганизации практиковали такие способы агитации, как агитбригады, дома агитаторов, передвижные клубы⁹. Силами агитбригад организовывались концерты и тематические вечера с участием приезжих строителей и воинов Советской армии, прибывших для оказания помощи. Программы, составленные из танцев и песен на лезгинском, русском, украинском, осетинском, азербайджанском языках и др., служили наглядным проявлением интернациональной дружбы.

Кроме того, райкомы КПСС усилили антирелигиозную пропаганду среди местного населения. С апреля по сентябрь 1966 г. в Курахском районе было прочитано на научно-атеистические темы 35 лекций, в Хивском — 21, в Касумкентском районе — 49 лекций¹⁰.

Чтение лекций и проведение бесед на актуальные темы, связанные с борьбой с последствиями стихии, практиковались и в 1970 г. после землетрясения 14 мая. Устная пропаганда оставалась одной из ведущих форм работы с населением. Большую пропагандистскую работу провели ученые институтов физики и геологии Дагестанского филиала Академии наук СССР, состоявшие в рядах общества Дагестанского отделения общества «Знание». В мае-июне 1970 г. институт организовал 8 выездов специалистов-сейсмологов в пострадавшие от землетрясения районы, там побывало около 60 ученых филиала, среди которых видные ученые Р. А. Левкович, С. А. Каспаров, В. Агамов и др., всего ими было прочитано около 50 лекций о характере и причинах землетрясения¹¹.

Для культурного обслуживания населения пострадавших районов после событий 14 мая 1970 г. отдел пропаганды и агитации обкома КПСС совместно с республиканским объединением «Сельхозтехника» и Дагестанской конторой «Кинопрокат» организовали автомобильные кинопередвижки: автобусы, оборудованные

⁸ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2740. Л. 54.

⁹ Там же. Д. 2752. Л. 31.

¹⁰ Там же. Д. 2743. Л. 42, 68.

¹¹ ЦГА РД. Ф. Р-1306. Оп. 1. Д. 54. Л. 14.

специальной аппаратурой, выезжали в пострадавшие населенные пункты для демонстрации художественных и хроникально-документальных фильмов¹².

Свой вклад в агитационно-пропагандистскую работу в пострадавших населенных пунктах наряду с органами власти внесла и молодежь, направляемая Дагестанским обкомом ВЛКСМ.

В период ликвидации последствий землетрясения 1966 г. в Южном Дагестане районные комитеты ВЛКСМ активно включились в культурно-просветительскую работу среди населения. Так, в Хивском районе специально созданная группа докладчиков при районном комитете ВЛКСМ из 27 чел. выступала перед трудящимися колхозов с докладами на актуальные темы, связанные с ликвидацией последствий землетрясения¹³. Аналогичная работа райкомами ВЛКСМ проводилась и в других районах, пострадавших от стихии.

После землетрясения 1970 г. в Дагестанской АССР обком ВЛКСМ утвердил развернутый план мероприятий по оказанию помощи районам, пострадавшим от землетрясения. В соответствии с ним в мае 1970 г. было запланировано разработать материал для лекций, а также направить в пострадавшие районы агитмашину обкома ВЛКСМ для показа художественных и документальных фильмов. Уже 11 июня 1970 г. постановлением Дагестанского обкома ВЛКСМ «О направлении группы лекторов в районы и города республики» была сформирована группа лекторов из 12 чел., которые в дальнейшем выступали перед молодежью с темой «О причинах и характере землетрясений»¹⁴.

Инициативу регулярно ездить в пострадавшие районы Дагестана для выступления перед населением выдвинул Союз писателей Дагестана. В письме секретарю Дагестанского обкома КПСС М. А. Джабраилу сообщалось о решении Союза писателей направлять в пострадавшие районы группы по 4 чел. Кроме того, была одобрена инициатива писателей об издании на основных языках Дагестана по одной книге стихов и рассказов с передачей гонораров библиотекам в наиболее пострадавших населенных пунктах¹⁵.

В помощь лекторам-пропагандистам Дагестанская организация общества «Знание» издала брошюру «Дагестанское землетрясение 14 мая 1970 года» выдающегося сейсмолога Н. В. Шебалина¹⁶. Во вступительной части брошюры отмечалось, что перед пропагандистами стоит важная задача — пресечь распространение всевозможных слухов и, не преувеличивая возможности и успехи науки, рассказать людям о землетрясении как о сложном природном явлении, которое детально исследуется учеными. В брошюре были представлены общие сведения о сейсмологии, истории землетрясений в Дагестане, а также наблюдения ученых о природе землетрясения 14 мая 1970 г. в Дагестане. Для удобства лекторов на страницах брошюры были приведены ответы на часто задаваемые вопросы слушателей.

Еще одним изданием, призванным стать советчиком и наставником для идеологических работников, выступал журнал отдела пропаганды и агитации Дагестан-

¹² Дагестанская правда. 1970. 27 мая.

¹³ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2752. Л. 31.

¹⁴ Там же. Д. 1620. Л. 302.

¹⁵ Там же. Д. 3300. Л. 7.

¹⁶ Шебалин Н. В. Дагестанское землетрясение 14 мая 1970 г. Махачкала, 1970. 34 с.

ского обкома КПСС «Блокнот агитатора и политинформатора». На страницах журнала освещались вопросы внутренней и внешней политики советского правительства и КПСС, обобщался опыт массово-политической работы, размещались сведения о культурной, политической, экономической жизни региона и страны и т. д.

В период борьбы с последствиями стихийного бедствия в журнале публиковались постановления союзного (СССР), федерального (РСФСР) и республиканского (ДАССР) уровня о ликвидации последствий землетрясений, а также отчеты о ее выполнении. На страницах издания можно было встретить следующие заголовки: «Программа больших работ»¹⁷, «Забота партии, помощь друзьям»¹⁸, «Могучая сила дружбы народов»¹⁹, «Дагестан на стройке»²⁰.

Отделу пропаганды и агитации Дагестанского обкома КПСС было поручено создать центр по информационно-пропагандистской деятельности, собрать весь материал по ликвидации последствий стихийного бедствия и издать статьи и книги, посвященные землетрясению 14 мая 1970 г. [1, с. 157].

26 июня 1970 г. Дагестанский обком КПСС принял решение об издании брошюры «Дагестан. 14 мая 1970 года» Д. Н. Ахмедова, М. В. Вагабова и М. С. Магомедова²¹. Здесь были представлены сведения о мероприятиях бюро обкома КПСС и Совета Министров ДАССР по оказанию помощи пострадавшему населению. Рассказывалось о братской помощи, поступившей из соседних краев, областей и республик, приводились беседы-интервью с населением пострадавших сел, с учеными сейсмологами, строителями — участниками ликвидации последствий землетрясения. 15 декабря 1970 г. было принято решение о переиздании дополненной и переработанной брошюры, которая была издана тиражом 20 тыс. экземпляров²². В последующем было издано еще несколько книг этого же авторского коллектива: «Стихия и люди» с предисловием Расула Гамзатова, «Подвиг народа»²³. Ежемесячный дайджест АПН «Спутник» опубликовал их большую статью под названием «Помогла вся страна»²⁴.

Активная пропагандистская работа велась на страницах районных и республиканских периодических изданий, где освещался ход ликвидации последствий землетрясения, рассказывалось об успехах и трудностях в строительстве новых объектов, сообщалось о братской помощи, которая поступала из соседних краев, областей и республик. После событий 20 апреля 1966 г. в республиканских газетах появились новые рубрики, посвященные ликвидации последствий землетрясения в Южном Дагестане: «Помощь районам Южного Дагестана»²⁵, «Последствия стихии

¹⁷ Блокнот агитатора и политинформатора. 1970. Июнь.

¹⁸ Там же. Июль.

¹⁹ Там же. 1972. Май.

²⁰ Там же. 1973. Июль.

²¹ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3243. Л. 55.

²² Там же. Д. 3249. Л. 142.

²³ Ахмедов Д., Вагабов М., Магомедов М. Стихия и люди. М., 1973. 160 с.; Их же. Подвиг народа. Махачкала, 1974. 166 с.

²⁴ Ахмедов Д., Вагабов М., Магомедов М. Помогла вся страна // Спутник: дайджест совет. прессы. 1972. Дек., № 12. С. 5 — 8, 108 — 111.

²⁵ Дагестанская правда. 1966. 5 июня.

ликвидируются»²⁶, «Строим новые поселки»²⁷, «Ингъе, чи дуствалин къуват» («Вот она, сила нашей дружбы»)²⁸.

Первые сообщения о стихии в республиканских газетах появились только через две-три недели после произошедшего и были связаны с позитивной информацией — рассказывалось об успехах в ликвидации последствий землетрясения и братской помощи, оказываемой народами СССР. Так, в газете «Дагестанская правда» первая заметка, посвященная землетрясению, — «Помощь кизлярцев» повествовала о гуманитарной помощи из Кизлярского района ДАССР пострадавшему населению Курахского района²⁹.

В республиканской газете «Коммунист», издававшейся на лезгинском языке, первые сообщения о землетрясении появились через месяц после разгула стихии. 20 мая 1966 г. была опубликована заметка «Дустарин риклер» («Сердца друзей»), где говорилось о разрушениях в Курахском районе и помощи кизлярцев, каспийчан, ставропольцев пострадавшим³⁰.

Помимо статей с позитивной повесткой публиковались статьи с критикой районных властей и строительных организаций. Например, в газете «Дагестанская правда» вышла заметка под названием «С гор — на равнину», где критиковалась работа Курахского и Агульского райисполкомов, когда долгое время не было сведений о числе переселенцев из пострадавших населенных пунктов, в результате срывались планы по переселению³¹. В статьях «Новоселье с огорчением»³² и «Ударные стройки»³³ освещался вопрос о темпах и качестве строительства школ, больниц, детских садов и домов, критике подверглась медленная и некачественная работа треста «Дагсельстрой» и объединения «Дагсельхозтехника».

Широкая пропагандистская деятельность была развернута на страницах районных газет. Так, в Табасаранском районе в газете «Колхоздин уьмур» («Колхозная жизнь») (ныне «Табасарандин нурур» («Зори Табасарана»)) в 1966 г. был опубликован ряд статей о ходе ликвидации последствий стихии: 31 мая — «Нас одних в беде не оставили», 14 мая — «Строительство идет полным ходом», 7 июня — «Последствия стихии ликвидируются» и др.³⁴

В газете «Коммунизм патал» («За коммунизм») Магарамкентского района вышла статья «Вас благодарит народ» о строителях «Грозхимнефтестроя», построивших новое школьное здание в с. Куйсун. Здесь печатались интервью с членами районных чрезвычайных комиссий о ликвидации последствий землетрясения. Ряд статей был посвящен труду воинов Советской армии, которые строили различные объекты. Помимо этого издавались научные статьи о природе землетрясений³⁵.

²⁶ Там же. 9 мая.

²⁷ Там же. 14 окт.

²⁸ Коммунист. 1966. 20 мая.

²⁹ Дагестанская правда. 1966. 9 мая.

³⁰ Коммунист. 1966. 20 мая.

³¹ Дагестанская правда. 1966. 31 июля.

³² Там же. 14 окт.

³³ Там же. 13 дек.

³⁴ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2752. Л. 8 — 9.

³⁵ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2752. Л. 18.

В Хивском районе газета «Октябрин экв» («Свет Октября») ввела новые рубрики: «Стихия не сломила волю людей», «Вот она, сила нашей дружбы», «Вся страна протянула нам руку братской дружбы», «Встречи с интересными людьми», «Новый облик советского человека» и др.³⁶

В Курахском районе на страницах газеты «Дагъдин» («Горный родник») в 1966 г. печатались статьи о братской помощи соседних регионов, финансовой поддержке, оказываемой государством и итогах строительных работ в районе: 27 мая — «Трудности не страшны», 3 июня — «Помощь профсоюза пострадавшим», 16 июня — «На новых стройках», 22 июня — «В новом году — в новую школу» и др.³⁷

С первых дней после бедствия 14 мая 1970 г. районные, городские и областные газеты, как и в 1966 г., стали активно освещать ход борьбы с последствиями землетрясения. На страницах республиканских изданий «Дагестанская правда», «БаГараб байрахъ» («Красное знамя»), «Ленин ёлу» («Ленинский путь»), «Ленинна байрахъ» («Ленинское знамя»), «Колхозла байрахъ» («Колхозное знамя»), «Коммунист», «Комсомолец Дагестана», а также в буйнакской городской газете «Коммунизмни шавласы» («Луч коммунизма»), районных газетах, многотиражке Чиркейгэсстроя «Огни Сулака» и других изданиях регулярно публиковались материалы, рассказывавшие о мужественной борьбе горцев с неожиданной стихией.

В республиканских газетах появились новые рубрики: «В Чрезвычайной комиссии», «Страна идет на помощь», «Братская помощь Дагестану» «Дагестан на стройке», «Быстрее преодолеем последствия стихии», «Слово ученым» и др. [2, с. 61].

Значение радиовещания в сравнении с печатными изданиями и работой лекторских групп было несколько ниже в связи со слабым охватом населения. Так, на апрель 1966 г. в Курахском районе 7 из 24 населенных пунктов были нерадиофицированы, в Касумкентском районе — 34 из 54³⁸. При этом радиовещание занимало значимую нишу в пропагандистской работе. Так, в Хивском районе местным радиовещанием был организован ряд передач по циклам «Плечом к плечу с друзьями», «говорят представители братских республик», «У микрофона знатные люди района» и др.³⁹ В Курахском районе по местному радиовещанию было передано 10 статей, посвященных вопросам ликвидации последствий землетрясения⁴⁰.

После событий 20 апреля 1966 г. в передачах местного радиовещания особое внимание уделялось пропаганде переселения с гор на равнину, поскольку оно проходило в основном в необжитые места, на равнинные земли, используемые ранее под выпас и малоценные сельскохозяйственные культуры, главный тезис государственной пропаганды состоял в том, что переселение на равнину — это не только хозяйственно-политическое и экономическое мероприятие, направленное на освоение залежных и целинных земель, но и способ значительно улучшить жизнь и быт населения.

³⁶ Там же. Л. 31.

³⁷ Там же. Л. 51.

³⁸ Там же. Д. 2743. Л. 69.

³⁹ Там же. Д. 2752. Л. 31.

⁴⁰ Там же. Л. 51.

Радио и печать в пропаганде переселения с гор на равнину задействовало и Управление Совета Министров ДАССР по использованию трудовых ресурсов. Так, в 1968 г. работники управления и районные уполномоченные выступили с темой о переселении в печати и по радио 19 раз, в 1970 г. — 24 раза. Выступления велись в том числе на языках народностей Дагестана: аварском, даргинском, лезгинском, табасаранском, кумыкском, ногайском⁴¹.

Незадолго до землетрясения 14 мая 1970 г. на республиканском радиовещании произошли серьезные положительные перемены. В 1969 г. был сдан в эксплуатацию новый Дом радио в г. Махачкале, что значительно расширило возможности радиовещания в республике. В крупных городах Дагестана — Махачкале, Буйнакске, Дербенте, Кизляре и Хасавюрте — появилась возможность слушать передачи республиканской радиостанции «Маяк» [6, с. 58].

Сразу после первого толчка 14 мая 1970 г. на радио «Маяк» было установлено круглосуточное дежурство. Ежедневно утром и вечером передавались по радио и телевидению сообщения Чрезвычайной комиссии по борьбе со стихийным бедствием. С 25 мая в передачах Дагестанского радио появилась новая 15-минутная программа «Махачкала вчера, сегодня и завтра», были введены новые рубрики: «Друзья познаются в беде», «На помощь пришли соседи», «На заботу партии и правительства ответим самоотверженным трудом», «Быстрее ликвидируем последствия стихии», систематически передавались материалы под рубриками: «Человек человеку — друг, товарищ и брат», «Новое на карте Дагестана» (о строительстве новых селений), «Новь переселенческого аула», «Быстрые рейсы» (о доставке продуктов, промышленных товаров, строительных материалов пострадавшим) и др.⁴²

Наряду с радиовещанием все более значимым видом СМИ стало телевидение. Его влияние в стране особенно усилилось к началу 1960-х гг., хотя в тот период по величине аудитории оно все еще уступало радио. По состоянию на 1965 г. аудитория радио в СССР оценивалась в 120 — 140 млн чел., а телевидения — в 60 млн чел. [8, с. 105].

Активно развивалось телевидение по Дагестанской АССР в целом. В 1960 г. был сдан в эксплуатацию Махачкалинский телецентр, началась регулярная трансляция передач Махачкалинской студии телевидения. С ростом технических возможностей телецентра увеличивался охват населения региона телевизионным вещанием. Если в 1962 г. в домах жителей Махачкалы, Буйнакска, Дербента, Хасавюрта, Каспийска и других населенных пунктов было установлено около 6 тыс. телевизоров, то в 1971 г. телевидением было охвачено более 75 % населения республики [7, с. 287].

В период ликвидации последствий землетрясения 1970 г. на дагестанском телевидении были популярны беседы доктора геолого-минералогических наук Н. В. Шебалина, доцента Дагестанского педагогического института Б. Акаева и других ученых, выступавших с разъяснением природы землетрясений.

Особенно большую работу проделала специальная творческая группа Махачкалинской студии телевидения (ныне Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Дагестан») во главе с тележурналистом А. Дрокиным, которая

⁴¹ ЦГА РД. Ф. Р-411. Оп. 11. Д. 18. Л. 17, 64.

⁴² Ахмедов Д. Н., Вагабов М. В., Магомедов М. С. Дагестан, 14 мая 1970. С. 57.

по горячим следам событий фиксировала на киноленту мужество и стойкость людей. В результате студия получила уникальные ленты, впоследствии послужившие основой для создания документального фильма «В трудный час»⁴³.

Заключение

Грамотно освещая объемы продовольственной, финансовой и организационной помощи, оказанной из центра и полученной из союзных республик, органы власти Дагестанской АССР смогли мобилизовать все ресурсы на преодоление последствий стихийного бедствия.

В едином порыве дагестанцы восстановили пострадавшие аулы и города, а также построили новые поселки. Нередко коллективы строительных бригад и предприятий объявляли об обязательстве трудиться без выходных дней, разворачивались соревнования за досрочное выполнение планов строительства. Отметим, что подобные акции активно поддерживались государством. Предприятиям, добивавшимся лучших показателей в досрочном выполнении заданий по ликвидации последствий землетрясения, ежеквартально присуждалось переходящее Красное знамя, а лучшие работники получали денежные премии⁴⁴.

Агитационная и пропагандистская деятельность поддерживалась деятельностью учреждений культуры Дагестанской АССР. Вся работа театров, клубов и библиотек была подчинена единой цели — оказание помощи партийным и советским организациям в мобилизации населения на преодоление последствий землетрясения⁴⁵.

Таким образом, в условиях ликвидации последствий землетрясений 20 апреля 1966 г. и 14 мая 1970 г. было особенно важно правильно использовать средства массовой информации в целях показа лучших примеров стойкости, мобилизации всех моральных и материальных сил для борьбы со стихией. Благодаря особому вниманию руководства республики к этому вопросу работа печати, радио и телевидения быстро перестроилась в соответствии с задачами преодоления последствий стихии и принесла необходимый результат.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмедов Д. Н. Пример интернационализма и дружбы народов (к 40-летию землетрясения в Дагестане) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2010. № 3 (23). С. 155 — 159.
2. Кадырова Ш. Н. Особенности освещения межнациональных отношений в печати Дагестана: 1985 — 2005: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 263 с.
3. Кармуков Р. Р. Землетрясение в Южном Дагестане 20 апреля 1966 года. Масштабы разрушений и связанное с ним переселение части населения в другие районы // Девятое Всероссийские историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича: сб. ст. Махачкала, 2022. С. 46 — 52.
4. Кармуков Р. Р. К вопросу об организации изучения землетрясений 20 апреля 1966 г. и 14 мая 1970 г. в Дагестанской АССР // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 216 — 220.
5. Королева Л. А. Агитация и пропаганда в СССР в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам Пензенской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3 (47). С. 90 — 97.

⁴³ Ахмедов Д. Н., Вагабов М. В., Магомедов М. С. Дагестан, 14 мая 1970. С. 58.

⁴⁴ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3249. Л. 38.

⁴⁵ Там же. Д. 3227. Л. 38.

6. Мирзабеков М. Я. Культурно-просветительская работа в городах Дагестана в 20 — 90-е гг. XX в. // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14, № 1. С. 51 — 62.

7. Мирзабеков М. Я. Пропаганда гендерного равноправия средствами массовой информации Дагестана в 1960-е гг. и ее результаты // СибСкрипт. 2023. Т. 25, № 3. С. 285 — 296.

8. Шариков А. В., Ермолаева О. Я. Отечественная социология и медиа: ретроспективный взгляд (1765 — 2000) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 4. С. 99 — 115.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

Информация об авторе:

Расим Рамизович Кармуков, преподаватель кафедры истории России Дагестанского государственного университета (367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4353-8179>, rasimkarmukov@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Akhmedov DN. Example of Internationalism and Friendship of Peoples (on the 40th Anniversary of the Earthquake in Dagestan). *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2010;(3):155—159. (In Russ.)

2. Kadyrova ShN. Features of the Coverage of Interethnic Relations in the Dagestan Press: 1985 — 2005. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow;2006. (In Russ.)

3. Karmukov RR. Earthquake in Southern Dagestan on April 20, 1966. The Scale of the Destruction and the Associated Resettlement of Part of the Population to Other Areas. *Proceedings of the Ninth All-Russian Historical and Ethnographic Readings Dedicated to the Memory of Professor Rasul Magomedovich Magomedov*. Makhachkala;2022:46—52. (In Russ.)

4. Karmukov RR. On the Organization of the Study of Earthquakes on April 20, 1966 and May 14, 1970 in the Dagestan ASSR. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2023;(5):216—220. (In Russ.)

5. Koroleva LA. Campaigning and Propaganda in the USSR in the Initial Period of the Great Patriotic War (A Case Study of the Penza Region). *Izvestia of Higher Educational Institutions. The Volga Region. Humanities*. 2018;(3):90—97. (In Russ.)

6. Mirzabekov MYa. Cultural and Educational Work in the Cities of Dagestan in the 20 — 90s of the XX Century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2018;14(1):51—62. (In Russ.)

7. Mirzabekov MYa. Promotion of Gender Equality by the Mass Media of Dagestan in the 1960s and Its Results. *SibScript*. 2023;25(3):285—296. (In Russ.)

8. Sharikov AV, Ermolaeva OYa. Russian Sociology and Media: A Retrospective Approach (1765 — 2000). *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016;(4):99—115. (In Russ.)

The article was submitted 19.01.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

Information about the author:

Rasim R. Karmukov, Lecturer of the Department of Russian History of Dagestan State University (43a M. Gadzhieva Str., Makhachkala 367000, Republic of Dagestan, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4353-8179>, rasimkarmukov@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(47).084.9:631.11
EDN GKURMB

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

**РАЗВИТИЕ МНОГООТРАСЛЕВОГО
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х — СЕРЕДИНЕ 1980-х гг.
(на примере колхоза «Свободный труд»
Краснослободского района Мордовской АССР)**

С. А. Ивлиев✉, Т. Н. Кадерова

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,

г. Саранск, Россия

✉ser.ivliev@yandex.ru

Аннотация

Введение. Во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. особое внимание власти уделяли крупным многоотраслевым колхозам и совхозам, призванным стать основой сельского хозяйства. В связи с этим обращение к конкретному примеру — опыту работы колхоза «Свободный труд» Краснослободского района Мордовской АССР — весьма актуально, поскольку сегодня также делается ставка на крупного сельхозпроизводителя. В статье показана динамика сельского хозяйства «брежневского периода» изнутри. Причем Мордовия представляет собой типичный регион, где органично сочетаются закономерности развития центра и периферии.

Материалы и методы. В работе использовались документы из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия, а также материалы периодической печати. Статья базируется на принципах историзма и объективности, сравнительно-историческом и проблемно-хронологическом методах.

Результаты исследования и их обсуждение. Успешное развитие колхоза «Свободный труд» основывалось на высокой организации производства и грамотной экономической и кадровой политике руководства, на правильно поставленном внутриколхозном разделении труда, умелом сочетании материальных и моральных стимулов трудовой активности колхозников, их трудолюбии, а также развитии сельской социальной инфраструктуры. Кроме того, хозяйство отлично вписалось в существовавшую тогда общую систему разделения труда на районном и республиканском уровнях.

Заключение. В результате исследования выявлено, что во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. колхоз-миллионер «Свободный труд» Краснослободского района Мордовской АССР являл собой типичный пример крупного многоотраслевого хозяйства, которому были присущи все достижения и недостатки, свойственные в целом аграрному сектору исследуемого периода. Анализ регионального материала показал, что, несмотря на существенные достижения в области технической модернизации села, повышение благосостояния колхозников, процесс интенсификации сельского хозяйства был осложнен элементами кризисных явлений, истоки которых лежали в экстенсивном пути развития.

Ключевые слова: Мордовская АССР, сельское хозяйство, колхоз «Свободный труд», растениеводство, животноводство, техническая оснащенность, благоустройство села

Для цитирования: Ивлиев С. А., Кадерова Т. Н. Развитие многоотраслевого сельскохозяйственного производства во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. (на примере колхоза

© Ивлиев С. А., Кадерова Т. Н., 2024

«Свободный труд» Краснослободского района Мордовской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 109 — 123. EDN GKURMB

Original article

**DEVELOPMENT OF DIVERSIFIED
AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE SECOND HALF
OF THE 1960s — MID-1980s
(A Case Study of the Collective Farm “Free Labor”
of the Krasnoslobodsky District of the Mordovian ASSR)**

S. A. Ivliev✉, T. N. Kaderova

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

✉ser.ivliev@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the second half of the 1960s — mid-1980s. The authorities paid special attention to large diversified collective and state farms, designed to become the basis of agriculture. In this regard, turning to a specific example — the experience of the collective farm “Free Labor” in the Krasnoslobodsky District of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic is very relevant, since today they are also relying on a large agricultural producer. The article shows the dynamics of agriculture of the “Brezhnev period” from the inside. Moreover, Mordovia is a typical region where the patterns of development of the center and periphery are organically combined.

Materials and methods. The work used documents from the funds of the Central State Archive of the Republic of Mordovia, as well as materials from periodicals. The article is based on the principles of historicism and objectivity, comparative historical and problem-chronological methods.

Results and discussion. The successful development of the collective farm “Free Labor” was based on the high organization of production and competent economic and personnel policies of the management, on a correctly established intra-collective farm division of labor, a skillful combination of material and moral incentives for the labor activity of collective farmers, their hard work, as well as the development of rural social infrastructure. In addition, the farm fit perfectly into the general system of division of labor that existed at that time at the district and republican levels.

Conclusion. The study revealed that in the second half of the 1960s — mid-1980s the millionaire collective farm “Free Labor” of the Krasnoslobodsky District of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic was a typical example of a large diversified economy, which had all the achievements and disadvantages characteristic of the entire agricultural sector of the period under study. An analysis of regional material showed that, despite significant achievements in the field of technical modernization of the countryside, an increase in the welfare of collective farmers, the process of intensification of agriculture was complicated by elements of crisis phenomena, the origins of which lay in the extensive path of development.

Keywords: Mordovian ASSR, agriculture, collective farm “Free labor”, crop production, animal husbandry, technical equipment

For citation: Ivliev SA, Kaderova TN. Development of Diversified Agricultural Production in the Second Half of the 1960s — Mid-1980s (A Case Study of the Collective Farm “Free Labor” of the Krasnoslobodsky District of the Mordovian ASSR). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(2):109—123. EDN GKURMB

Введение

Период второй половины 1960-х — середины 1980-х гг., связанный с временем пребывания на посту руководителя СССР Л. И. Брежнева и деятельностью его управленческой команды, обычно характеризуется в отечественной историографии как эпоха относительно стабильного развития советского социума. Одним из несомненных ее достижений стал рост благосостояния населения страны, существенное сокращение разницы между уровнем жизни города и села, что оказалось возможным благодаря реализации новой для СССР парадигмы социально-экономического развития не за счет деревни, как это было традиционно, а посредством втягивания аграрной сферы в модернизационные процессы, происходящие в стране. Этим в немалой степени был обусловлен дальнейший рост колхозно-совхозного производства в Советском Союзе. Обращение к теме в ее локальном аспекте продиктовано прежде всего тем, что именно региональный материал позволяет более рельефно и четко проследить основные тенденции социально-экономического и политического развития общества.

Обзор литературы

В современной историографии проблематика развития крупного сельскохозяйственного производства во второй половине 60-х — середине 80-х гг. XX в. является достаточно разработанной. Интерес представляют работы П. А. Игнатовского [10], В. Г. Венжера [6], А. П. Тюриной [17], Е. Б. Никитаевой [15], В. Л. Берсенева [3], Ю. В. Нечипас [14], Г. И. Шмелева [18], В. В. Наухацкого [13], Л. Н. Денисова [9], М. А. Безнина и Т. М. Димони [1] и др., касающиеся общих социально-экономических аспектов модернизации аграрного сектора. Региональная историография представлена исследованиями Л. К. Громовой [7], П. И. Беляева [2], Т. П. Ребровой [16], П. Д. Грузнова и Н. С. Каргина [8], Е. В. Моисеева [12], Н. С. Крутова [11], Е. Н. Бикейкина [4; 5] и др., в которых раскрываются разные стороны жизни сельского социума Мордовии в период правления Л. И. Брежнева. Следует выделить книги, посвященные отдельным селам, входившим в колхоз «Свободный труд», — «Красная Подгора»¹ и «Русское Маскино»². Однако не в одной из данных работ не исследовались особенности функционирования аграрного производства на микроуровне — уровне одного хозяйства, что позволяет детально проследить связи общегосударственных и общерегиональных трансформаций в экономике.

Материалы и методы

В работе использовались документы из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия и материалы периодической печати. Статья базируется на принципах историзма и объективности, а также на сравнительно-историческом и проблемно-хронологическом методах.

Результаты исследования и их обсуждение

К середине 1960-х гг. колхоз «Свободный труд» объединял несколько сел и деревень — Красная Подгора, Русское Маскино, Мордовское Маскино, Тустатово, Потякши, Желтоногово, Новый Усад. Председателем колхоза с 1944 по 1979 г. являлся выдающийся хозяйственный руководитель, Герой Социалистического Труда

¹ Мирошкина А. Е. Красная Подгора: Летопись. Истоки духовности. Саранск, 2013. 248 с.

² Русское Маскино: Четыре века родного села / В. А. Юрчёнков [и др.]. Саранск, 2014. 340 с.

(1966) Павел Михайлович Волков (1913 — 1985). При нем расширились площади посевов, увеличилось поголовье скота, выросла его продуктивность³.

Введение во второй половине 1960-х гг. ежемесячной гарантированной оплаты труда способствовало укреплению колхозной экономики, расширению сфер ее деятельности: наряду с полеводством в артели значительное внимание уделяли животноводству, особенно породности скота и кормам. В 1967 г. общий денежный доход колхоза составил 1 365 725 руб., а прибыль достигла 478 593 руб. Это дало возможность повысить оплату труда крестьян, сделать отчисления средств на капиталовложения, покупку машин и племенного скота, строительство производственных и культурно-бытовых помещений⁴. «Свободный труд» представлял собой крупное механизированное хозяйство, здесь имелись 25 автомашин, тракторы, комбайны и много другой техники. В нем действовало 80 электромоторов общей мощностью 328 кВт. Механизмы и электроэнергия заменили ручной труд не только в растениеводстве, но и в других отраслях производства. На свиноферме, например, были частично механизированы процессы раздачи кормов и очистки навоза. На молочно-товарных фермах были установлены кормоприготовительные агрегаты, действовали автопоилки. Хозяйство велось рентабельно. Закономерно, что весной 1968 г. «Свободный труд» вышел победителем Всероссийского социалистического соревнования (по итогам 1967 г.), и ему было вручено переходящее Красное знамя Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок, а также присуждена денежная премия⁵.

Темпы роста производительности артельного хозяйства с каждым годом повышались, и немалая заслуга в этом отдельных передовиков производства. Совет Министров Мордовской АССР в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР № 537 от 18 июня 1966 г., рассмотрев итоги Всероссийского социалистического соревнования механизированных звеньев по получению высоких урожаев зеленой массы кукурузы и других кормовых культур за 1969 г., 3 декабря представил к премированию передовиков сельского хозяйства, добившихся наивысших показателей по республике. В их числе были члены механизированного звена колхоза «Свободный труд» В. В. Вельдин и В. И. Сушков. Их звено на площади 83 га получило 5 370 ц кормовых единиц, обеспечив производство кормовых культур в среднем 2 685 ц на 1 работающего (табл. 1).

Следует подчеркнуть, что трудовые достижения работники колхоза совершали в достаточно непростых условиях. Во второй половине 1960-х гг. плановые задания по закупкам считались законом и не подлежали изменению. Однако на практике они постепенно «обрастали» всевозможными дополнительными заданиями, которые произвольно накладывались, прежде всего, на передовые хозяйства (к числу которых принадлежал «Свободный труд») и постоянно корректировались. Например, первоначальный план пятилетки предусматривал в 1968 г. осуществление в целом

³ Янюшкин Н. Сын земли // Знамя труда. 1978. 18 нояб.

⁴ Волков П. М. У победителей всероссийского соревнования // Знамя труда. 1968. 11 апр.; Его же. От отчета до отчета // Там же. 1976. 7 февр.

⁵ Волков П. М. У победителей всероссийского соревнования.

Таблица 1. Работа механизированного звена в колхозе «Свободный труд» Краснослободского района Мордовской АССР по выполнению условий Всероссийского социалистического соревнования за получение высоких урожаев кормовых культур в 1969 г.

Table 1. The work of the mechanized link of the collective farm “Free Labor” of the Krasnoslobodsky District of the Mordovian ASSR to fulfill the conditions of the All-Russian Socialist competition for obtaining high yields of fodder crops in 1969

Культура	Площадь, га	Урожайность с 1 га, ц	Урожайность со всей площади, ц	Кормовых единиц в 1 ц	Получено кормовых единиц всего, ц
Сахарная свекла	20	300	6 000	0,26	1 560
Кормовая свекла	60	500	30 000	0,12	3 600
Морковь	3	500	1 500	0,14	210
Итого	83	—	—	—	5 370

Составлена по: ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 2436. Л. 408, 410.

Compiled by: Central State Archive of the Republic of Mordovia (Central State Archive of the Republic of Mordovia). F. R-228. Record 1. Case. 2436. P. 408, 410.

по Мордовии государственных закупок мяса (живой вес) в количестве 42 тыс. т, молока — 160 тыс. т, яиц — 45 млн штук, шерсти — 79 т. В декабре 1967 г. на сессии Верховного Совета МАССР план был изменен, и в нем появились явно завышенные цифры. Согласно новому плану колхозы и совхозы республики должны были заготовить уже 45 тыс. т мяса (живой вес), 240 тыс. т молока, 60 млн штук яиц и 576 т шерсти⁶. Такие изменения явно не способствовали устойчивому развитию хозяйства. Кроме того, достаточно часто формулировались сверхплановые задания, с которыми, однако, работники колхоза «Свободный труд» всегда успешно справлялись. Так, к 61-й годовщине Октябрьской революции при проведении социалистического соревнования артель продала государству 24 456 ц молока, 5 073 — мяса, 108 ц шерсти. Планы выходного поголовья по всем видам скота выполнялись и перевыполнялись. При подведении итогов соревнования наряду с объемом реализации продукции учитывались также показатели качества хозяйственной деятельности — производительность труда, ритмичность производства, сортность продукции. Например, из всего количества проданного молока 1-й сорт составил 85 %⁷.

Из материалов отчетного партсобрания партийной организации колхоза видно, что в 1974 г. урожай зерна в хозяйстве достиг 20,8 ц/га, картофеля — 80 ц/га. Кроме того, был получен высокий урожай кормовых культур. Все это позволило справиться с взятыми социалистическими обязательствами. В частности, по продаже зерна государству они были выполнены на 117 % (в зернохранилища было засыпано 23 400 ц зерна). Определенные успехи отмечались в животноводстве: увеличи-

⁶ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР седьмого созыва, вторая сессия (12 дек. 1967 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1968. С. 15.

⁷ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 5. Л. 83 — 90.

лось поголовье всех видов скота, повысилась продуктивность общественного животноводства. Надой молока на 1 фуражную корову за 9 месяцев 1974 г. составил 3 024 кг, настриг шерсти на 1 овцу — 4,1 кг. Девятимесячный план продажи мяса государству был выполнен на 106 %, молока — на 95, яиц — на 133, шерсти — на 106 %⁸.

Колхозники работали с полной отдачей. В 1975 г. их усилиями было собрано в среднем 20,8 ц/га зерновых, 80,2 — картофеля, 355 — кукурузы на силос, 11 — волокна конопли, 17,9 ц/га сена. Государству было продано 23,4 тыс. ц зерна при плане 19,2 тыс. Надой молока от 1 коровы составил 3 742 кг, что было на 142 кг больше плана и на 105 кг превышало показатель предыдущего года. Среднесуточный привес крупного рогатого скота на откорме вырос до 911 г, свиней — до 510 г⁹.

«Свободный труд» в 1976 г. стал победителем социалистического соревнования, показав лучший в районе результат по выращиванию конопли: выход волокна превысил 9 ц/га. Колхозу было присуждено переходящее Красное знамя райкома КПСС, райсовета и райкома профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок¹⁰.

В 1977 г. хозяйство перевыполнило социалистические обязательства, продав государству 30 тыс. ц хлеба. Официальные поздравления коллективу колхоза от имени райкома партии и райсовета были опубликованы в районной прессе¹¹. К сентябрю этого года хозяйство оказалось в числе передовых по покупке телят у населения. За январь — август было закуплено 435 быков и телок при годовом плане 450 голов¹².

Доярки русско-маскинской молочно-товарной фермы колхоза «Свободный труд» А. В. Данилина и В. Ф. Вельдина в 1978 г. планировали получить от 1 коровы по 3 375 кг молока. В районной прессе отмечалось: «По итогам работы за восемь месяцев они добились хорошего показателя: в среднем от коровы получили по 2 793 килограмма. В честь этого успеха у правления колхоза зажжена звезда Трудовой славы»¹³.

Согласно показателю выполнения девятимесячного плана продажи государству животноводческих продуктов хозяйствами Краснослободского района МАССР, 1 октября 1978 г. «Свободный труд» продал мяса 107 %, а молока 110 % от плана 1977 г.¹⁴

Подытоживая вышесказанное, приведем слова корреспондента районной газеты Н. Янюшкина: «Хозяйство „Свободный труд“ отличает постоянное поступательное движение вперед к новым рубежам, к новым успехам. Даже в самые неблагоприятные годы там всегда более высокие, чем у других, урожаи, показатели животноводства. Потому как в этом хозяйстве знают цену времени, труду, рублю и земле. Зерновых собрали в этом году (1978 г. — С. И., Т. К.) с каждого гектара

⁸ ЦГА РМ. Ф. 3094-П. Оп. 1. Д. 51. Л. 48.

⁹ Волков П. М. От отчета до отчета.

¹⁰ Названы победители соревнования // Знамя труда. 1976. 13 нояб.

¹¹ Поздравление хлеборобам // Знамя труда. 1977. 8 сент.

¹² На фермах — пополнение // Знамя труда. 1977. 6 сент.

¹³ Ушакова Н. Твердой поступью // Знамя труда. 1978. 9 сент.

¹⁴ Показатели выполнения девятимесячного плана // Знамя труда. 1978. 5 окт.

30 центнеров. Общий сбор зерна доведен до ста тысяч центнеров, продажа государству — до тридцати с лишним тысяч центнеров в год. За получение высоких урожаев Павел Михайлович Волков награжден орденом Октябрьской Революции»¹⁵.

Успех хозяйства основывался, прежде всего, на высокой организации производства, ответственности и трудолюбии людей. Однако немалая заслуга в этом колхозного руководства, проводившего правильную кадровую политику. Заботясь о наличии специалистов в будущем, оно давало направления в вузы. Так, по данным на 1974 г., в них обучались 3 инженера-механика, 2 экономиста, бухгалтер и строитель. В техникумах учились 3 механика, 2 зоотехника, ветфельдшер, 3 специалиста-организатора колхозного производства. Все студенты являлись стипендиатами колхоза. Кроме того, при хозяйстве был открыт филиал Краснослободского техникума № 5, где занимались 20 механизаторов и трактористов¹⁶. В начале 1976 г. насчитывалось уже 29 колхозных стипендиатов, 13 из которых обучались в вузах¹⁷.

Таким образом, ко второй половине 1970-х гг. хозяйство в «Свободном труде» достигло расцвета. В колхозе насчитывалось более 800 трудоспособных колхозников¹⁸. Сравнивая показатели за восьмилетний период, можно говорить об их неуклонном росте (табл. 2).

Таблица 2. Динамика некоторых количественных показателей
в колхозе «Свободный труд» за период 1968 — 1976 гг., голов

Table 2. Dynamics of some quantitative indicators of the collective farm “Free Labor”
for the period 1968 — 1976, heads of cattle

Показатель	1968	1976
Крупный рогатый скот	1 480	2 200
Свиньи	1 504	2 400
Овцы	3 235	2 315
Куры	3 280	3 650
Тракторы, шт.	26	50
Комбайны, шт.	13	20

Составлена по: Волков П. М. У победителей всероссийского соревнования // Знамя труда. 1968. 11 апр.; Его же. От отчета до отчета // Там же. 1976. 7 февр.

Compiled by: Volkov P. M. At the winners of the All-Russian competition // The Banner of Labor. 1968. 11 Apr.; His own. From report to report // Ibid. 1976. February 7.

Из табл. 2 видно, что в 1976 г. по сравнению с 1968 г. численность крупного рогатого скота в колхозе увеличилась на 720 голов (148,6 %), свиней — на 896 (159,5 %), кур — на 370 голов (111,2 %). Уменьшилось лишь поголовье овец на 920 голов, составив 71 % от уровня конца 1960-х гг., что, на наш взгляд, было связано с особенностями регулирования властями республики животноводческой сферы региона.

¹⁵ Янюшкин Н. Указ. соч.

¹⁶ ЦГА РМ. Ф. 3094-П. Оп. 1. Д. 51. Л. 57.

¹⁷ Волков П. М. От отчета до отчета.

¹⁸ Там же.

Существенным надо признать рост технического оснащения хозяйства — количество тракторов и комбайнов увеличилось соответственно на 24 и 7 шт., что составило 192,3 и 153,8 %.

В 1968 — 1976 гг. площадь сельскохозяйственных угодий колхоза равнялась 8 тыс. га¹⁹, из них 5 тыс. га пашни и 3 тыс. — лугов и пастбищ²⁰.

В 1970 — 1980-е гг. в «Свободном труде» возводились новые коровники, свинарники и помещения для молодняка; хозяйство обзавелось породистыми производителями, коровами симментальской породы, поставляло породистый молодняк другим хозяйствам района²¹. В то же время общая классность механизаторов в артели была одной из самых низких в районе. «Поясним, — отмечали по этому поводу корреспонденты краснослободской газеты, — деловая квалификация трактористов очень высока. Но в течение уже нескольких лет в колхозе не организуют курсы повышения классности, после которых дело приняло бы юридическую основу. Не решен вопрос и в этом году (1978 г. — С. И., Т. К.). Не созданы также курсы мехвсеобуча. Инженеры, бригадир тракторной бригады пока не занимаются этими важными делами»²². Очевидно, напряженный ежедневный сельскохозяйственный труд, стремление постоянно поддерживать достигнутые высокие показатели не оставляли работникам свободного времени для решения формально-юридических вопросов. Новым приемам учились прямо на рабочем месте. Между тем в связи с техническим переоснащением сельского хозяйства проблема квалификации механизаторских кадров с каждым годом обострялась.

Говоря о недостатках, следует отметить такой факт. Во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. хозяйства страны обеспечивались высокопроизводительными машинами в рамках перехода к комплексной механизации производства продукции во всех отраслях земледелия и животноводства. Однако рост механизации колхозного хозяйства происходил преимущественно за счет покупки и вовлечения в работу дополнительного количества техники. Уровень использования тракторов и сельскохозяйственных машин в «Свободном труде», как и в других колхозах Мордовии, по-прежнему оставался низким²³. По подсчетам специалистов, в конце 1970-х гг. в среднестатистическом хозяйстве республики производительность трактористов составляла 52,6 %, комбайнеров — 54,7 %. Почти половина неиспользованного сменного рабочего времени тратилась без уважительной причины: у трактористов — 22,8 %, у комбайнеров — 23,1 %. В результате выработка на эталонный трактор существенно снизилась: в 1971 г. — 1 403 га, в 1975 г. — 1 367, в 1978 г. — 1 320 га [2, с. 126]. Кроме того, достаточно часто техника не была готова к основным сельскохозяйственным работам²⁴.

Отмеченные недостатки, тем не менее, не умаляют описанных выше производственных достижений, результаты которых не замедлили отразиться на благосо-

¹⁹ Волков П. М. У победителей всероссийского соревнования; Его же. От отчета до отчета.

²⁰ ЦГА РМ. Ф. 3094-П. Оп. 1. Д. 54. Л. 92.

²¹ Янюшкин Н. Указ. соч.

²² Марочкин С., Савин В. Там, где кончается забота // Знамя труда. 1978. 19 дек.

²³ Там же.

²⁴ Марочкин С., Савин В. Указ. соч.

стоянии колхозников. Села в «Свободном труде» перестраивались. Добротные деревянные и кирпичные дома теперь покрывали не соломой, а шифером и железом. Колхозники приобретали новую бытовую технику — телевизоры, стиральные машины, газовые плиты. В Русском Маскине, Красной Подгоре, Потякшах построили Дома культуры, клубы и школьные здания, проложили водопровод²⁵.

Немалая заслуга в этом принадлежала руководителям хозяйства и, прежде всего, председателю колхоза П. М. Волкову. Помощниками П. М. Волкова были главный агроном П. Ф. Фомин, в 1979 г. сменивший его на посту председателя колхоза, заведующая русско-маскинской молочно-товарной фермой, позже секретарь парткома колхоза «Свободный труд» А. Г. Хлебалина и др. Среди продолжателей дела П. М. Волкова особо следует выделить Геннадия Автономовича Варламова, с 1982 по 1997 г. возглавлявшего сельскохозяйственную артель «Свободный труд» и сумевшего удержать этот колхоз «на плаву» в смутные годы, последовавшие за развалом СССР²⁶.

Большую роль в деятельности хозяйства играло правление колхоза, где обсуждались насущные вопросы колхозной жизни, повышения эффективности производства и стимулирования труда. Так, механизатор первой комплексной бригады М. Петров предлагал пересмотреть расценки на пахоту. Совершенствуя культуру земледелия, колхозники начали пахать на глубину 28 — 30 см, а не на 20 см, как раньше. Естественно, глубокая пахота требовала больших времени и сил от механизаторов, поэтому М. Петров поставил вопрос о необходимости периодического пересмотра норм выработки и расценки. Бригадир седьмой комплексной бригады П. Черняев отмечал недостатки в культурно-бытовом обслуживании жителей ряда деревень и сел колхоза. Во многих бригадах обращали внимание на медленное внедрение внутрихозяйственной специализации, неэффективное использование удобрений, недостаток новой техники и специалистов в колхозе²⁷.

Почти все пожелания были выполнены: пересмотрели расценки на пахоте с учетом ее глубины и некоторые другие; механизировали сеноуборку; исправили недочеты в культурно-бытовой сфере. Там, где не проходили широкозахватные агрегаты, применяли одиночные косилки К-2,1. Колхоз приобрел 4 комбайна «Нива», для которых подготовил механизаторов — 6 юношей и девушек были направлены в сельское профтехучилище. Силами районного объединения «Сельхозтехника» было профосфоритовано 300 га пашни. Лучше использовались органические удобрения: навоз компостировали с торфом. В почву было внесено около 30 тыс. т органических удобрений — почти вдвое больше, чем в предыдущем году. На 1 га пашни приходилось в среднем около 3 ц минеральных удобрений, в том числе 1,8 ц под зерновые, 9,0 — под кукурузу, 10,0 ц под коноплю и кормовую свеклу²⁸. Приведенный пример наглядно демонстрирует механизмы функционирования колхозной демократии в 1970 — 1980-е гг. и их связь с хозяйственной сферой и экономическим развитием села.

²⁵ Янюшкин Н. Указ. соч.

²⁶ Янюшкин Н. Указ. соч.; Мирошкина А. Е. Указ. соч. С. 205.

²⁷ Волков П. М. От отчета до отчета.

²⁸ Там же.

Заметной чертой крупных хозяйств, к которым принадлежал «Свободный труд», стало внутрикolkхозное разделение труда между составлявшими их селениями. Например, с. Русское Маскино специализировалось на развитии высокопродуктивного животноводства. В 1974 г. здесь был построен новый молочный комплекс на 200 коров с родильным помещением и телятником²⁹.

Важную роль в налаживании молочного производства сыграла заведующая МТФ № 2 А. Г. Хлебалина. По данным на 1 ноября 1974 г., на русско-маскинской ферме работали 70 животноводов, которые ежегодно увеличивали надой молока, хотя его качество оставляло желать лучшего³⁰. Последнее беспокоило коллектив МТФ, который поставил перед собой задачу исправить ситуацию. В результате уже к октябрю 1975 г. ферма стала давать государству молоко первого сорта, продуктивность которого достигла 6,8 кг на 1 корову³¹.

В октябре 1976 г. на ферме насчитывалось 362 коровы. По рациону каждой скармливали ежедневно 28 кг свеклы, 25 — силоса, 5 — соломы и 3 кг концентратов. «Мы не можем похвастаться высокой продуктивностью дойного стада, — отмечала зоотехник и заведующая фермой А. П. Калмыкова, — но она у нас намного выше, чем в отдельных хозяйствах района. В сентябре удой коровы составил 325 килограммов, а девятимесячный — 2 611. Передовые доярки Екатерина Петровна Данилина, Варвара Павловна Кабанова и другие сейчас в среднем от каждой закрепленной за ними коровы надаивают по 10 — 11 килограммов молока»³².

Кроме того, А. П. Калмыкова указала на другие имеющиеся проблемы — в частности, отсутствие кормоцеха для приготовления кормовых дрожжей. Этот высокопитательный корм в 1970-е гг. производился на новоусадской молочно-товарной ферме колхоза и доставлялся на русско-маскинскую, что было сопряжено с определенными трудностями — дороги были непроезжими, иногда не было транспорта, дрожжи не успевали приготовить в намеченное время. В связи с этим приходилось концентраты давать коровам в виде болтушки или сухими, что отражалось на продуктивности молока³³.

Сложности с приготовлением концентратов отчасти компенсировались качественной работой пастухов, специализирующихся на выпасе дойного стада. Благодаря заботе о животных В. М. Ивашкина, А. С. Хлебалина и Н. А. Никитина в 1978 г. в среднем от 1 коровы обслуживаемого ими стада получили по 2 880 кг молока, что было на 389 кг больше, чем за 9 месяцев 1977 г.³⁴

В социалистическом соревновании за увеличение надоев работники русско-маскинской молочно-товарной фермы в 1970-е гг. традиционно занимали одно из первых мест. В 1978 г. передовые доярки Р. С. Качулина (будущий депутат Верховного Совета СССР) и ее напарница М. Н. Шумилкина надоили от 1 коровы по 3 020 кг молока³⁵.

²⁹ ЦГА РМ. Ф. 3094-П. Оп. 1. Д. 51. Л. 64.

³⁰ Там же. Л. 44.

³¹ Там же. Д. 52. Л. 50 — 51.

³² Калмыкова А. П. На ферме наведен порядок // Знамя труда. 1976. 21 окт.

³³ Там же.

³⁴ Впереди русскомаскинцы // Знамя труда. 1978. 14 окт.

³⁵ Там же.

Помимо выпуска качественного молока на ферме было развито мясное производство. Одной из его эффективных форм работники фермы считали откорм скота, который при надлежащем уходе, правильном кормлении и наличии соответствующих помещений приносил высокую прибыль и был выгоден хозяйству. «Откорм мы ведем круглый год, — писал в январе 1975 г. заведующий русско-маскинской фермой колхоза «Свободный труд» И. Кудашкин. — Одних бычков и телочек ставим на откорм, других откармливаем, третьих — сдаем. Так что нашу ферму можно с полным правом назвать конвейером. На откорме у нас постоянно стоит 180 голов. Содержатся они в двух телятниках по 190 голов в каждом. Помещения для содержания молодняка соответствуют требованиям: просторные, с механическим навозоудалением и автопоилками. За каждой телятницей закреплено в среднем по сорок голов»³⁶.

Ежегодно весной из молодняка, поступавшего на ферму живым весом от 180 до 190 кг, формировали стадо. Затем его отгоняли в луга, где оно содержалось на подножном корме, с подкормкой концентратами, примерно 4 месяца. Сдача животных с откорма государству проводилась группами по 50 — 75, а иногда 100 голов. Живой вес каждого животного составлял не менее 400 кг. В 1974 г. ферма откормила 730 голов молодняка крупного рогатого скота общим весом 2 811 ц. Чистый привес достиг 1 130 ц³⁷.

Таким образом, с. Русское Маскино в 1960 — 1980-е гг. успешно развивалось по принципу внутриколхозного разделения труда. Специализация на высокопродуктивном животноводстве сделала его неотъемлемой частью многоотраслевого хозяйства республики, в котором оно играло существенную роль.

Колхозное руководство серьезное внимание уделяло жилищному строительству и благоустройству населенных пунктов, так как это был действенный способ закрепить на селе молодых работников. «Проблема жилья в нашем колхозе самая что ни на есть сейчас главная задача, — отмечала на общем отчетном партийном собрании первичной парторганизации «Свободного труда» 6 ноября 1976 г. секретарь парткома колхоза А. Г. Хлебалина. — Будет жилье, будут у нас кадры и специалисты. Строить надо, деньги на это строительство надо находить, просить у государства... И надо нам создавать по-настоящему условия жизни молодым. Молодой человек уже не хочет строить себе сам дом, он требует жилье современное, с хорошими удобствами для жизни»³⁸. Говоря о недостатках в благоустройстве, она обращала внимание и на то, какие трудности испытывают животноводы, когда добираются до ферм при отсутствии уличного освещения³⁹.

К сожалению, в погоне за количественными и качественными производственными показателями колхозное руководство и рядовые трудящиеся были вынуждены уделять культуре села меньше внимания. С их слов, с. Русское Маскино и Новый Усад находились «в особенно неприглядном состоянии: по обочинам дороги растут сорняки, улицы не озелены и не освещены. Подошло время иметь в селах и тротуары»⁴⁰.

³⁶ Кудашкин И. К столу трудящихся // Знамя труда. 1975. 25 янв.

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГА РМ. Ф. 3094-П. Оп. 1. Д. 55. Л. 59.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Д. 51. Л. 72.

Признавая от имени парткома, что критика является справедливой и что «им стыдно из года в год собираться строить дома, детские сады, а по существу опять переносить в планы и записывать в решения», А. Г. Хлебалина призывала руководство колхоза к скорейшему изысканию необходимых средств на удовлетворение подобных нужд, что будет способствовать удерживанию в хозяйстве молодых работников и специалистов⁴¹. Надо отметить, эти призывы были услышаны колхозным руководством: оно, в меру имеющихся у него сил и средств, содействовало претворению в жизнь таких начинаний, благодаря чему значительная часть молодежи, оставаясь в колхозе, способствовала тем самым его устойчивому развитию.

Впрочем, село открывало перед молодежью не только перспективы стать передовиками производства или колхозными управленцами. Одними из главных достоинств советской системы являлись высокая социальная мобильность (как горизонтальная, так и вертикальная), отсутствие значительного имущественного расслоения и относительная близость власти к народу. Примером этого может служить жизнь и деятельность доярки колхоза «Свободный труд» Р. С. Качулиной.

Раиса Семеновна Качулина, 1950 года рождения, крестьянка, в июне 1974 г. стала государственным деятелем — депутатом Верховного Совета СССР 9-го созыва (1974 — 1979 гг.) от Краснослободского избирательного округа № 395⁴². Несмотря на молодой возраст — 24 года — Р. С. Качулина показала себя деятельным и опытным управленцем. Она содействовала колхозам республики в приобретении необходимой техники и оборудования, строительстве школ и других объектов социального назначения, подготовке квалифицированных специалистов для села. Была награждена медалями, знаками «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства РСФСР», «Молодому передовику животноводства», «За успехи в народном хозяйстве СССР» (ВДНХ СССР) и др.⁴³

«Краснослободский, Ельниковский, другие районы, жители которых избрали меня депутатом, — сельские, — отмечала Р. С. Качулина, — поэтому главное место в нуждах, об удовлетворении которых ко мне обращаются, занимают вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства, его материально-техническим обеспечением. Во время встреч с министром сельского хозяйства страны товарищем Месяцем, министром сельского хозяйства РСФСР товарищем Флорентьевым я высказала, в частности, просьбы о выделении хозяйствам нашего округа, в связи с острой нуждой, помимо лимитов, некоторого количества грузовых автомобилей, молоковозов. Автомашин были получены и распределены по хозяйствам. Была на приеме в Совете Министров СССР, после чего дополнительно были выделены финские дома для животноводов и механизаторов, строительные материалы... Время у меня в Москве расписано по часам. Конечно же, устаешь, но сильнее этого чувство нужности людям, постоянное сознание долга перед ними за огромное доверие»⁴⁴.

Деятельность Р. С. Качулиной свидетельствует не только о ее моральных и личных качествах, но и о высокой социальной мобильности в советскую эпоху, о

⁴¹ ЦГА РМ. Ф. 3094-П. Оп. 1. Д. 55. Л. 59 — 60.

⁴² Слуга народа // Знамя труда. 1978. 7 нояб.

⁴³ Красная Слобода. Саранск, 2008. С. 271.

⁴⁴ Слуга народа // Знамя труда. 1978. 7 нояб.

наличии в то время действенных обратных связей между властными институтами и обществом.

Заключение

Таким образом, экономическое и социальное развитие колхоза «Свободный труд» во второй половине 1960-х — 1980-е гг. отражает успехи и противоречия, свойственные всей советской аграрной сфере. Оно характеризуется модернизационными процессами, происходившими в условиях относительно стабильного развития экономики региона, когда уровень жизни села впервые приблизился к городскому. Однако, как и в рамках советского общества в целом, модернизация оказалась незавершенной, осложнившись элементами кризисных явлений в сельскохозяйственном производстве, истоки которых лежали в экстенсивном пути развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930 — 1980-х годов. М.: Ленанд, сор., 2014. 607 с.
2. Беляев П. И. Резервы использования фонда рабочего времени работниками сельскохозяйственного производства // Социально-экономическое развитие сельского хозяйства в системе агропромышленного комплекса Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1984. С. 119 — 130. (Тр. НИИЯЛИЭ; вып. 75).
3. Берсенев В. Л. Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1994. 135 с.
4. Бикейкин Е. Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953 — 1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР): моногр. Саранск: НИИГН, 2017. 448 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/e-n.-bikejkin-agrarnaya-modernizacziya-1953-1991.pdf>
5. Бикейкин Е. Н. Аграрная политика второй половины 1960-х гг.: сущность, содержание и итоги первых лет реализации (по материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 55 — 62. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign,-%E2%84%96-1,-2017u.pdf>
6. Венжер В. Г. Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М.: Наука, 1979. 287 с.
7. Громова Л. К. Характеристика материально-технической базы агропромышленного комплекса Волго-Вятского экономического района // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 266 — 271.
8. Грузнов П. Д., Каргин И. Ф. Аграрная политика Российского государства. М.: Юрист, 1997. 204 с.
9. Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960 — 1980 годы. М.: Изд. центр ИРИ, 1996. 216 с.
10. Игнатовский П. А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М.: Мысль, 1971. 287 с.
11. Крутов Н. С. Агропромышленный комплекс Мордовии, его формирование и развитие. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2001. 361 с.
12. Моисеев Е. В. Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития (исторический аспект): дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2004. 594 с.
13. Наухацкий В. В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965 — 2000. Ростов-н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2003. 199 с.
14. Нечипас Ю. В. Тенденции в политике реформирования сельского хозяйства в 1953 — 1984 гг. М.: Наука, 2000. 374 с.

15. Никитаева Е. Б. Исчезающая деревня (1960 — середина 80-х годов) // Судьбы российско-го крестьянства. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 436 — 462.

16. Реброва Т. П. Становление аграрно-промышленного комплекса Мордовской АССР на современном этапе // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 259 — 266.

17. Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни, 1965 — 1980 гг. М.: Мысль, 1982. 208 с

18. Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: Наука, 2000. 254 с.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 06.05.2024.

Информация об авторах:

Сергей Александрович Ивлиев, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1488-3620>, ser.ivliev@yandex.ru

Татьяна Николаевна Кадерова, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, доцент, cad.tatiana@yandex.ru

Вклад авторов:

Ивлиев С. А. — идея, разработка концепции, сбор материала, обработка и анализ материала, написание статьи, научное редактирование;

Кадерова Т. Н. — обработка и анализ материала, написание статьи, научное редактирование.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Beznin MA, Dimoni TM. Agrarian System of Russia in the 1930s — 1980s. Moscow;2014. (In Russ.)

2. Belyaev PI. Reserves for the Use of the Working Time Fund by Agricultural Workers. *Social and Economic Development of Agriculture in the System of the Agro-Industrial Complex of the Mordovian ASSR*. Saransk;1984;75:119—130. (In Russ.)

3. Bersenev VL. Historical Features of Reforming Agrarian Relations in Russia. Yekaterinburg;1994. (In Russ.)

4. Bikeikin EN. Agrarian Modernization and Development of Agriculture in the Middle Volga Region: 1953 — 1991 (A Case Study of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics). Saransk;2017. URL: <http://www.niign.ru/knigi/e.-n.-bikejkin-agrarnaya-modernizacziya-1953-1991.pdf> (In Russ.)

5. Bikeikin EN. Agrarian Policy of the Second Half of the 1960s: the Essence, Content and Results of the First Years of Implementation (A Case Study of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2017;(1):55—62. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign,-%E2%84%96-1,-2017u.pdf> (In Russ.)

6. Venzher VG. Social and Economic Prospects for the Development of the Collective Farm System. Moscow;1979. (In Russ.)

7. Gromovaya LK. Characteristics of the Material and Technical Base of the Agro-Industrial Complex of the Volga-Vyatka Economic Region. *Peasant Economy and Culture of the Village of the Middle Volga Region*. Yoshkar-Ola;1990:266—271. (In Russ.)
8. Gruznov PD, Kargin IF. Agrarian Policy of the Russian State. Moscow;1997. (In Russ.)
9. Denisova LN. Disappearing Village of Russia: Non-Black Earth Region in 1960 — 1980. Moscow;1996. (In Russ.)
10. Ignatovsky PA. The Peasantry and the Economic Policy of the Party in the Countryside. Moscow;1971. (In Russ.)
11. Krutov NS. Agro-Industrial Complex of Mordovia, its Formation and Development. Saransk;2001. (In Russ.)
12. Moiseev EV. Mordovia in the Second Half of the XX Century: Trends and Contradictions in Social and Economic Development (Historical Aspect). Abstract dis. ... Dr. Hist. Sci. Saransk;2004. (In Russ.)
13. Nakhatsky VV. Modernization of Agriculture and the Russian Village. 1965 — 2000. Rostov-on-Don;2003. (In Russ.)
14. Nechipas YuV. Trends in the Policy of Reforming Agriculture in 1953 — 1984. Moscow;2000. (In Russ.)
15. Nikitaeva EB. Disappearing Village (1960 — Mid-80s). The Fate of the Russian Peasantry. Moscow;1995:436—462. (In Russ.)
16. Rebrova TP. Formation of the Agro-Industrial Complex of the Mordovian ASSR at the Present Stage. *Peasant Economy and Culture of the Village of the Middle Volga Region*. Yoshkar-Ola;1990:259—266. (In Russ.)
17. Tyurina AP. Social and Economic Development of the Soviet Village, 1965 — 1980. Moscow;1982. (In Russ.)
18. Shmelev GI. Agrarian Policy and Agrarian Relations in Russia in the XX Century. Moscow;2000. (In Russ.)

The article was submitted 19.03.2024; approved after review 30.04.2024; accepted for publication 06.05.2024.

Information about the authors:

Sergey A. Ivliev, Senior Researcher of the Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1488-3620>, ser.ivliev@yandex.ru

Tatyana N. Kadero, Senior Researcher of the Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, cad.tatiana@yandex.ru

Contribution of the authors:

Ivliev S. A. — idea, concept development, material collection, material processing and analysis, article writing, scientific editing;

Kadero T. N. — processing and analysis of the material, article writing, scientific editing.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 904:391.7(470.51)(045)
EDN AJUZPM<http://vestnikniig.ru>*Научная статья*

СОСТАВНЫЕ НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ В ЖЕНСКОМ УБОРЕ III — V вв. н. э. СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ (по материалам погребения 98В Дубровского могильника)

О. Ф. Хайруллина¹✉, Е. М. Черных²¹ Агентство по государственной охране объектов
культурного наследия Удмуртской Республики,
г. Ижевск, Россия² Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия
✉ olenbka93@bk.ru

Аннотация

Введение. Неотъемлемой частью культуры финно-угорских народов являются составные и наборные (шумящие) украшения костюма. Степень изученности их археологических аналогов для различных территорий и хронологических периодов, в том числе для Камско-Вятского междуречья, неодинакова. Целью публикации является введение в научный оборот малоизученных элементов женского костюма мазунинской культуры III — V вв. н. э. — составных (шумящих) нагрудных украшений. Ярким примером такого эффектного атрибута мазунинского убора выступает украшение из погребения 98В Дубровского могильника.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили архивная полевая и отчетная документация, публикации и предметы из музейных коллекций Ижевска, Сарапула и Екатеринбурга (131 украшение из 13 могильников мазунинской культуры). Используются следующие методы: формально-типологический, классификации и аналогий, этнографических параллелей, реконструкции, узких датировок и корреляции.

Результаты исследования и их обсуждение. Реконструкция нагрудного украшения из погребения 98В Дубровского могильника выполнена на основании детальной полевой фиксации материала: к пружине и приемнику иглы фибулы типа Останина 1-5 были подвешены на предположительно кожаных шнурах низки бисера и спиральновитых пронизок, которые оканчивались колоколовидными подвесками. Аналоги украшения выявлены главным образом в погребениях молодых женщин. Фиксация привесок на застежке осуществлялась: посредством металлических петелек / специальных отверстий на щитке фибулы (тип 1); с помощью шнурков с наборными привесками, которые подвешивали на пружину, приемник или иглу застежки (тип 2). Второй тип украшений был известен на протяжении всего существования мазунинской культуры; первый тип, скорее всего, появился под влиянием западных (азелинских) культурных традиций около середины IV в. (?)

Заключение. Рассмотренные нагрудные украшения мазунинской культуры самобытны и оригинальны, но выполнены в традициях финно-угорских шумящих аксессуаров костюма. Близкие параллели наблюдаются в этнографической культуре поволжских финнов — мордвы и марийцев.

Ключевые слова: ранний железный век, раннее средневековье, Среднее Прикамье, мазунинская культура, археологический костюм, женский убор, нагрудные украшения, шумящие украшения

Для цитирования: Хайруллина О. Ф., Черных Е. М. Составные нагрудные украшения в женском уборе III — V вв. н. э. Среднего Прикамья (по материалам погребения 98В Дубровско-

© Хайруллина О. Ф., Черных Е. М., 2024

го могильника) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 124 — 141. EDN AJUZPM

Original article

COMPOSITE BREAST ADORNMENTS IN THE WOMEN'S ATTIRE OF THE MIDDLE KAMA REGION IN THE III — V CENTURIES AD (A Case Study of the Burial 98B of the Dubrovsky Grave Field)

O. F. Khayrullina¹✉, E. M. Chernykh²

¹ Agency for the State Protection of Cultural Heritage Sites of Udmurt Republic,
Izhevsk, Russia

² Udmurt State University,
Izhevsk, Russia
✉ olenbka93@bk.ru

Abstract

Introduction. The composite and plate-decorated (jingling) adornments are an integral part of the Finno-Ugric culture. Archaeological analogues of these objects have been studied unevenly over different territories and throughout various periods of history. The same can be said about the Kama and Vyatka interflaves. The purpose of the article is to introduce into scientific discourse insufficiently studied composite (jingling) breast adornments of the Mazunino culture (III — V centuries AD). And a clear example of such a spectacular costume element is a jewel from the burial 98B of the Dubrovsky grave field.

Materials and methods. The research is based on archival documentation, publications and museum collections of Izhevsk, Sarapul and Yekaterinburg. In total, 131 adornments from 13 necropolises of the Mazunino Culture have been examined. The article uses methods of formal typology, classification and the nearest neighbor method, reconstruction and ethnographic parallels, narrow dating and cultural stratigraphy.

Results and discussion. The article presents a detailed reconstruction of the Dubrovsky composite adornment: beads and metal twisted pendants were fixed with leather ties at the spring and catch plate of the brooch type Ostanina 1-5. Similar jewelry is found mainly in the graves of young women. During the study, two ways of fixing pendants to brooches were identified. The first type involves the use of metal loops or special holes on the fibula shield (type 1). In another case, the decorated threads were tied to the spring, catch plate or pin of the fibula (type 2). The first way could appear under the influence of the Western (Azelino culture) traditions (?). The second type of adornments has been used throughout the existence of the Mazunio culture.

Conclusion. The Mazunino jewelry, reviewed above, is unique and distinctive, but they were made in the traditions of Finno-Ugric jingling costume attributes. Close parallels can be observed in the ethnographic culture of the Volga Finns — Mordvins and Maris.

Keywords: Early Iron Age, Early Middle Ages, Middle Kama region, Mazunino Culture, archaeological costume, female costume, breast adornments, jingling pendants

For citation: Khairullina OF, Chernykh EM. Composite Breast Adornments in the Women's Attire of the Middle Kama Region in the III — V Centuries AD (A Case Study of the Burial 98B of the Dubrovsky Grave Field). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(2):124 — 141. EDN AJUZPM

Введение

Своеобразной «визитной карточкой» женского убора финно-угорских народов Урало-Поволжья, а также финно-угорского мира в целом являются всевозможные

виды составных¹ и наборных² украшений, которые нередко выполняли функции шумящих аксессуаров костюма. Истоки данного феномена прослеживаются, по-видимому, уже в ананьинское время [9, с. 79 — 84; 28], тогда как расцвет и наибольший размах бытования подобных украшений приходится на эпоху средневековья [29] и новое время. При этом степень изученности шумящих украшений в разные периоды древности и средневековья для различных территорий финно-угорской «ойкумены» неодинакова. Примером тому может служить среднекамский женский убор III — V вв. н. э., где данный вид украшений долгое время оставался вне предметного интереса археологов (как специалистов по мазунинской культуре, так и исследователей костюма населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э.). Целью настоящей публикации является обращение к одному из элементов мазунинского женского убора — составным (шумящим) нагрудным украшениям, ставшее возможным благодаря исследованию новых мазунинских памятников (в частности, Дубровского могильника в Удмуртском Прикамье) и публикации материалов уже известных некрополей.

Обзор литературы

В региональной археологической литературе сведения о мазунинских составных (шумящих) нагрудных украшениях крайне скудны. Т. И. Останина упоминает лишь «простые» случаи размещения шумящих привесок на щитках фибул [20, с. 43, 44], тогда как «сложные» варианты украшений чаще интерпретировались в качестве не связанных друг с другом ритуальных скоплений вещей — так называемых жертвенных (дарственных) комплексов. Лишь с монографической публикацией материалов Тарасовского могильника появились немногочисленные, но яркие свидетельства наличия массивных привесных украшений, которые фиксировались рядом с застежками [6]. Однако в специальных работах по прикамскому костюму этот аспект должного развития не получил [11, с. 119 — 121, 176, 177, 184].

Достаточно подробная характеристика составных нагрудных украшений появилась после публикации результатов исследования погребальных комплексов из грунтовой части Тураевского I могильника; для некоторых наиболее аттрактивных случаев Л. И. Липиной были выполнены реконструкции костюма, в том числе сложных нагрудных украшений [7, с. 72, 79 — 80, 118 — 121, 172, 173]. Последнее и наиболее полное на сегодняшний день описание составных украшений мазунинской культуры дано Т. М. Сабировой в контексте изучения прикамских фибул [21]. Однако выделенные исследовательницей варианты дополнительных привесок к фибулам-застежкам (1 — привески-цепочки, 2 — цепочки с украшениями на концах, 3 — привески, крепящиеся к петле/кольцу на щитке застежки) [21, с. 30 — 31, 180]

¹ «Составной — составленный из нескольких частей» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. С. 751). Под данным термином нами понимаются сложные изделия, выполненные из нескольких самостоятельных украшений (например, упоминаемые в тексте статьи фибулы с дополнительными привесками из различных материалов).

² «Наборный — составленный из мелких однородных частей» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 375), т. е. украшения, созданные из более мелких категорий украшений (например, пронизи, составленные из одного-нескольких материалов — бус, пронизок и т. д.).

не отражают в полной мере специфику данного вида украшений. Анализ мазунинского материала, включая наиболее эффектные экземпляры украшений, как, например, из погребения 98В Дубровского могильника, диктуют иную схему группировки данных.

Материалы и методы

Выборка украшений проводилась на основании анализа опубликованных планов погребений, архивной (полевой и отчетной) документации, работы с коллекциями предметов, хранящихся в Учебном кабинете кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск), фондах Национального музея Удмуртской Республики им. Кузубая Герда (г. Ижевск), Сарапульского музея-заповедника (г. Сарапул), в Археологическом музее Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). В работе использовались такие широко применяемые в археологии методы, как формально-типологический, классификации и аналогий, реконструкции, узких датировок и корреляции, этнографических параллелей.

Результаты исследования и их обсуждение

Украшение, ставшее предметом нашего анализа, происходит из погребения 98 Дубровского могильника мазунинской археологической культуры, расположенного на юге Удмуртской Республики (Киясовский муниципальный район). Некрополь исследован Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета в 2009 — 2017 гг. под общим руководством Е. М. Черных; датируется IV — началом V в. н. э. [3; 29, 30; 31].

Погребение 98 изучено в 2012 г. В широкой (230 × 185 см) и достаточно глубокой (113 см) могильной яме простой конструкции (с вертикальными стенками и плоским дном) были захоронены четыре индивида (рис. 1). Центральное место в яме занимал женский костяк (98В) 14-18 лет; слева и справа от него обнаружены останки троих детей (98А, 98Б и 98Г) 7-10 и 12-14 лет. Сохранность костей плохая. Все умершие были захоронены одновременно, уложены вытянуто на спине, головой на ЮЮВ.

Основной погребальный инвентарь принадлежал молодой женщине. В состав его, помимо нагрудного украшения, входил достаточно редкий для мазунинского костюма высокий головной убор [12; 13]. Его твердая органическая основа дополнялась декором из полусферических бляшек, железных цепочек, трапециевидных подвесок, наконечником из сплетенных железных колец и железными с бронзовой обмоткой височными подвесками мазунинского типа. В изголовье умершей был расчищен типичный для мазунино жертвенный комплект, включавший бронзовую круглопроволочную гривну и еще один головной убор типа повязки — кожаная лента с бронзовыми накладками-обоймами (типа [20, с. 48, рис. 5: 24]). Справа вдоль тела умершей был уложен пояс, украшенный бронзовыми шляпками-полугорошинами: железная щитковая пряжка и наконечник ремня (неудовлетворительной сохранности), накладки ромбической формы (аналогичные [7, с. 127, 398, табл. 223: 2 — 4]).

Сложное составное украшение было расчищено *in situ*, в центральной части грудной клетки женщины, приблизительно на уровне несохранившихся плечевых костей (см. рис. 1). Основным элементом украшения являлась крупная (13,2 × 9,9 см) бабочковидная фибула типа Останина 1-5, к пружине и приемнику иглы которой

крепились низки бисера и спиральновитых пронизок с колоколовидными подвесками (рис. 2). Щиток фибулы железный, к нему прикреплены заклепками-полугорошинами накладки из цветного металла. Нижний край щитка украшали медные привески-колечки. Железная пружина фибулы имеет удлиненные концы — «усы», перевитые бронзовой проволокой. К этой части фибулы и были привязаны бронзовые спиральновитые (в верхней части) и железные (в нижней части) пронизки в 5 — 6 рядов, крепившиеся, вероятно, на кожаных шнурках. Симметрично им к приемнику иглы было подвешено не менее 8 — 9 низок бисера в определенном порядке: каждый ряд начинался с 1 — 2 бусин желтого цвета, тогда как основное пространство низок было заполнено бирюзовым (единично зеленым и черным) бисером. Концы низок завершались полыми железными подвесками-колокольчиками: три экземпляра со стороны пронизок, еще четыре — на концах бисерных рядов. Общая длина такого

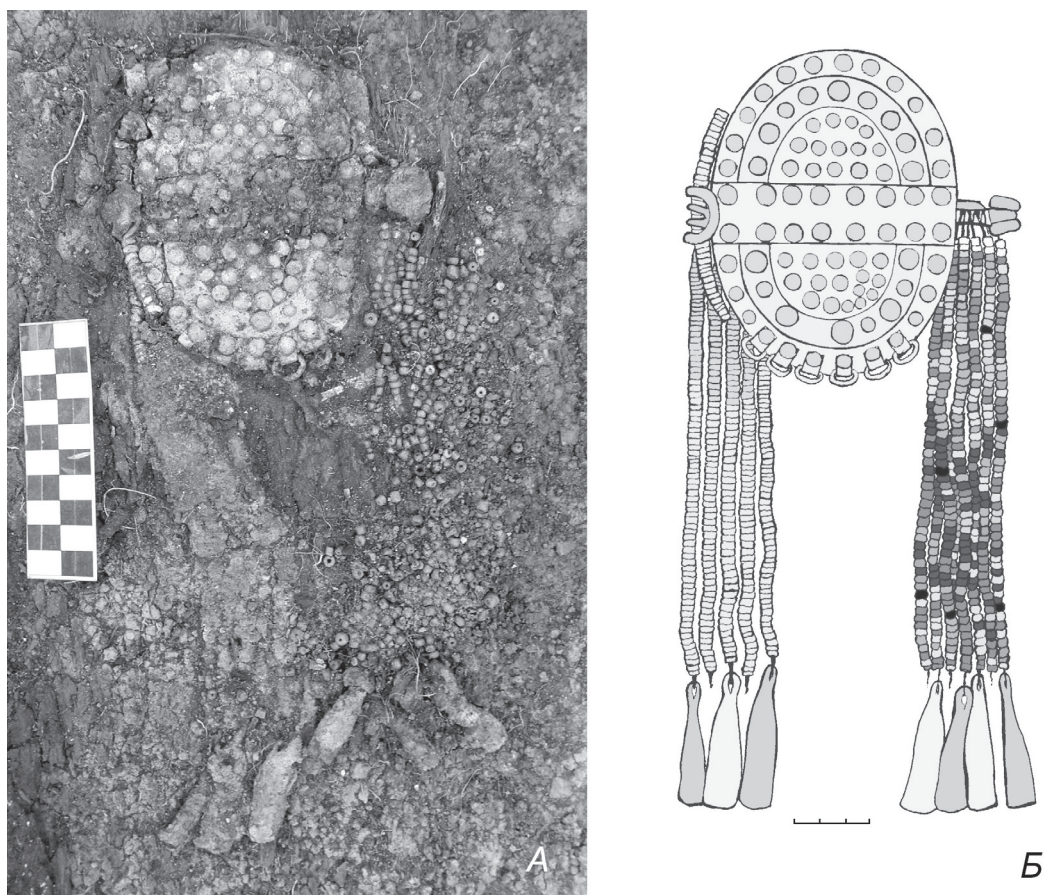

Рис. 2. Нагрудное украшение из погребения 98В Дубровского могильника:
А — *in situ*, Б — вариант реконструкции

Figure 2. Breast adornment from the tomb 98B of the Dubrovsky grave field:
А — *in situ*, В — reconstruction option

сложного нагрудного украшения составляла не менее 30 см. Под фибулой и под съемными украшениями зафиксированы остатки ткани от погребальной одежды умершей.

Обратимся к поиску аналогий в мазунинском ареале (таблица). Всего нами учтено 131 украшение, обнаруженное в 129 погребениях (у 129 индивидов). Это лишь 4,3 % от 2 974 погребений из 13 могильников (Усть-Сарапульский, Покровский, Нивский, Тураевский I, Сайгатский, Тарасовский, Ижевский, Дубровский, Боярский, Старо-Кабановский, Старо-Муштинский, Ангасякский, Бирский) [1; 5; 6; 7; 15; 19; 23; 24; 25]³. С определенной степенью осторожности учитывались «сомнительные»

Таблица. Составные нагрудные украшения в мазунинских могильниках

Table. Composite breast adornments in the Mazunino grave fields

Могильник	Погребения	Количество / процент от исследованных погребений (общее количество погребений)
Тарасовский	25Б*, 28, 74, 85, 103, 113*, 115, 116, 130, 154, 157, 160*, 169А, 185, 193*, 223*, 295*, 374, 383, 402, 429, 477, 504, 532, 571*, 680А, 704, 717, 736Б, 751, 783, 863*, 883*, 1019А, 1027, 1028*, 1675, 1691, 1721, 1762, 1783, 1786, 1822	43 / 4,9 (870 — мазунинская часть)
Тураевский I (грунтовая часть)	12, 14*, 29, 33, 39, 60*, 66, 73, 77, 83*, 101, 102, 103*, 107, 108, 134, 135, 137, 149, 153, 157, 165, 172, 174, 178, 182, 195, 201А, 202, 204, 217, 225, 250, 257	34 / 12,4 (274)
Нивский	14Б*, 64, 73*, 77*, 81, 83Б*, 120, 132, 150А	9 / 5,9 (153)
Старо-Кабановский	71, 80*, 98*, 115, 135, 152, 154*	7 / 4,5 (155)
Ижевский	48*, 50*, 96*, 100, 132*, 139	6 / 2,8 (211)
Дубровский	77А, 85, 98В, 136*, 192, 203*	6 / 3,0 (203)
Покровский	28А, 88*, 139, 147, 149*, 247	6 / 1,6 (364)
Усть-Сарапульский	1, 26, 52, 69*, 112	5 / 4,3 (115)
Сайгатский	8, 27*, 30*, 33*, 41	5 / 11,6 (43)
Боярский	21, 42, 89, 141	4 / 2,2 (183)
Старо-Муштинский	к. 10/1*, к. 18/4*	2 / 2,0 (102)
Ангасякский	93	1 / 1,0 (95)
Бирский (от количества опубликованных Н. А. Мажитовым в 1968 г.)	35	1 / 0,5 (206)
Итого		129 / 4,3 (2 974)

* — «сомнительные» случаи украшений;

к. — курган

³ Покровский могильник IV — V вв.: каталог археолог. коллекции / сост. Т. И. Останина. Ижевск, 1992. 94 с.

находки украшений (всего 36 случаев). К таковым отнесены комплексы (1) с отсутствующими планами погребений (при наличии описания и/или рисунка украшения), (2) с «нестандартным» расположением предметов в области грудной клетки или (3) составом украшения (например, наличие мелких орудий труда; комплексы без застежек), (4) с неудовлетворительной сохранностью предметов, (5) расположенные в ритуальных (жертвенных) комплектах, если способ крепления к застежке однозначно не устанавливается.

Половозрастные данные, имеющиеся по 6 могильникам (Покровский, Тураевский I, Тарасовский, Ижевский, Дубровский, Боярский — 79 костяков, или 61,2 % выборки), убеждают, что указанные украшения принадлежали в основном женщинам (60 костяков, или 75,9 %) и, как правило, молодым — от 14 до 30 лет (45 случаев, или 73,8 %). Реже они встречались в погребальном инвентаре женщин старшего возраста от 30-35 до 50 лет (15 случаев, или 25,0 %) и детей от 3-5 до 12-14 лет (12 случаев, или 15,0 %).

Чаще всего остатки нагрудных украшений фиксировались в области грудной клетки (77 случаев) или пояса (8 случаев) погребенного, т. е. в составе посмертного костюма. В остальных случаях их положение в погребении, очевидно, определялось религиозными воззрениями мазунинцев: найдены со скоплениями вещей — в жертвенных комплексах (27 случаев), в области черепа (справа/слева или под ним — 5), у левого или правого плеча (7), бедренной кости (с левой стороны, 1 случай). Еще в 6 случаях местоположение украшений не определено ввиду неудовлетворительной сохранности антропологического материала; зафиксированы такие предметы в центральной части могилы — в области предполагаемой грудной клетки / пояса, т. е., вероятно, так, как использовались в костюме.

Основным крепежным элементом, фиксировавшим на платье весь набор украшений, являлась фибула, реже — сьюльгама/бляха. К ней подвешивались украшения, состав которых зависел от трех взаимосвязанных факторов — моды («шаблона») на данные шумящие украшения в местной среде (т. е. застежка + привески к ней), наличия соответствующих материалов, личных предпочтений владелиц. Привески фиксировались к основе несколькими способами: 1 — посредством металлических петель, крепившихся шпеньками-полугорошинами к нижней части щитка фибулы / специальных отверстий на самой фибуле («ажурные» (азелинские) застежки типа Останина 2-а); 2 — с помощью шнурков из органических материалов (или иных фиксаторов), которые подвешивали наборные привески на пружину и/или приемник иглы либо на среднюю часть иглы фибулы.

К *первому типу* отнесены 38 украшений: Усть-Сарапулка 26, Покровский 147, Нива 150А, Тураево 33, 102, 108, 165, 174, 201А, 217, 257, Сайгатка 8, Тарасово 116, 154, 157, 185, 223, 402, 429, 1019А, 1675, 1721, Дубровский 77А, 85, 192, Боярка 89, 141, Старо-Кабаново 71, 115; часть из них имела дополнительные (наборные) привески (тип 2, вариант 2, описаны ниже) — Усть-Сарапулка 1, Тураево 66, 77, 135, 204, Тарасово 504, 1762, Старо-Кабаново 98, 135. Схема создания таких украшений стандартна: использовались бабочковидные фибулы типа Останина 1-5 или «сайгатского» типа (2-а — с ажурной спинкой, 2-б — с щитком в виде выступов (тройных округлых), 2-в — с прямоугольной спинкой); к щиткам застежек привешивались каплевидные/секировидные, якорьковидные, кольцевидные, восьмерковидные, колоколовидные, лапчатые и иные формы привесок [23, с. 22, 30, 31, 180].

Наборные шумящие привески на шнурах — **второй тип** — отличаются разнообразием состава категорий украшений: подвески, накладки, пронизки, цепочки, предметы кольчужного плетения, бисер. Устойчивых комбинаций элементов здесь не наблюдается; некоторые закономерности выделяются лишь по наличию/отсутствию той или иной категории в составе описываемых украшений.

Вариант 1 — сочетание застежки с привесками из подвесок / пронизок / накладок / простых цепочек/бисера (без предметов кольчужного плетения) — 36 случаев. На пружинах некоторых фибул сохранились остатки шнурков (Тураево 153, 172). В данной группе украшений есть довольно скромные предметы с небольшим количеством привесок из одной или нескольких категорий: например, зооморфных (медведей/уточек) или спиральновитых пронизок, каплевидных/секировидных подвесок, простых цепочек, бисера и т. д. (Усть-Сарапулка 69, 112; Покровский 139; Нива 64, 81; Тураево 103, 149, 153, 172, 182, 195; Тарасово 25Б, 74, 680А, 717Б, 751, 863, 1783; Ижевск 96, 100; Боярка 42; Старо-Кабаново 152; Бирск 35). К их числу относится, очевидно, железная коробочка-пиксида, обнаруженная рядом с фибулой типа Останина 1-5 в погребении 103 Тураевского могильника. Выделяются также пронизы с более разнообразным составом привесных украшений: Нива 120, 132, Тураево 157, Сайгатка 41, Тарасово 115, 477, 532, 736Б, 1028, Ижевск 48, 50, 139, Дубровский 98В. Некоторые из них отличаются размерами, как, например, в описанном выше Дубровском или в Нивском (погребение 120; пронизы длиной не менее 20 см из железных пронизок и трапециевидных подвесок) могильниках.

Довольно часто к мазунинским фибулам прикрепляли привесные украшения, состоявшие из предметов кольчужного плетения (остатки импортных воинских доспехов *lorica hamata*, которые использовались в костюме местного населения [28]) с подвесками (например, трапециевидными, восьмерковидными, кольцевидными, каплевидными, якорьковидными, лапчатыми, зооморфными (уточки и коньки), а также подвесками-цепочками и подвесками-колокольчиками) и бисером/бусами (*вариант 2*) — 36 случаев: Усть-Сарапулка 1, Покровский 28А, 88, 149, 247, Тураево 12, 29, 39, 60, 66, 73, 77, 101, 135, 137, 202, 204, 225, 250, Тарасово 85, 103, 130, 169А, 374, 383, 504, 783, 883, 1027, 1691, 1762, 1786, Дубровский 136, Старо-Кабаново 80, 98, 135⁴.

Некоторые экземпляры нагрудных украшений имели длинные (до 30 см) и массивные привески, которые фиксировались в погребениях *in situ* в виде спекшегося конгломерата связанных с фибулой украшений. При изучении планов погребений и, особенно, музейных предметов детально реконструируются следующие способы крепления привесок к застежкам: только к одной из сторон — либо к пружине, либо к игле приемника (Усть-Сарапулка 1, Покровский 247, Тураево 101, 135, 137, 204; Тарасово 130, 374, 504, 783, 1786, Дубровский 136), со стороны пружины и к щитку фибулы (Тураево 12), симметрично с двух сторон (к пружине и к игле; Тураево, 29, 66, 250), либо на саму иглу, спускаясь по центру застежки (Тарасово 103, 169А, 383, 1027, 1691). Часто под «монолитом» описываемых украшений сохраняются фрагменты ткани и иные, связанные с костюмом, органические остатки.

⁴ В 9 из них на щитках фибул фиксируются простые шумящие привески типа 1 (погребения перечислены выше). Состояние предметов кольчужного плетения различное; некоторые из них имеют плохую сохранность: Покровский 28А, 88, 149, Тураево 60, 77, 202, 225; Тарасово 85.

Из рассматриваемых нагрудных украшений особо выделяется предмет из погребения 66 Тураевского могильника, реконструкция которого выполнена Л. И. Липиной [7, с. 173, 226]. При повторном осмотре украшения установлено, что массивные шумящие привески, состоявшие из фрагментов железных кольчужек, простых цепочек и восьмерковидных подвесок из цветного сплава, привешивались не к подвескам, дополнительно украшавшим щиток застежки (последние не выдержали бы столь тяжелого веса низок), а к пружине и к приемнику иглы фибулы типа Останина 2-б с помощью кожаных шнурков (рис. 3). Сами подвески были выполнены из железа, в одном стиле с застежкой, и состояли из 4 круглых «лепестков», украшенных бронзовыми полугорошинами (5-й, возможно, железный; мог находиться в центре подвески). Поскольку фибула имеет небольшие размеры (~8,5 × 3,5 см), свисавшие с двух сторон массивные низки разделялись бронзовой пронизкой-трубочкой, соединявшейся с последними, очевидно, при помощи шнурков из органических материалов. Концы низок были украшены трапециевидными, прямоугольными, лапчатыми и зооморфными (уточка, конек, медведь) подвесками. Общая длина такого составного нагрудного украшения не менее 30 см.

В 7 случаях тип привесок, крепившихся к фибуле, не определен (ввиду плохой сохранности предметов): Нива 73, 77, 83Б, Тарасово 160, 193, 1822, Дубровский 203. В погребении 83Б Нивского могильника в пружине застежки сохранились остатки узкого (шириной 0,3 см) кожаного ремешка.

Иногда вместо фибулы для подвешивания шумящих украшений использовались железные или бронзовые сюльгамы (9 случаев). Сочетались они с подвесками (трапециевидными, колоколовидными, раннечегандинскими с тремя округлыми выступами в нижней части; Тураево 178, Старо-Кабаново 154) и круглыми бляхами (Тарасово 571), предметами кольчужного плетения (Тураево 134, Сайгатка 27, Боярка 21), спиральновитыми пронизками с бусами/бисером (Тарасово 28) или только с бисером (Тарасово 113, Ижевск 132). Подвешивались на застежку, вероятно, с помощью шнурков. Единственная комбинация из бляхи и кольчужного предмета (?) обнаружена в погребении 30 Сайгатского могильника. На обороте бронзовой умбоновидной бляшки имелась железная петля, на которую, очевидно, крепилось украшение из кольчуги.

С определенной долей вероятности шумящими нагрудными украшениями могут являться также скопления предметов в области грудной клетки или пояса, которые обнаружены без какого-либо фиксатора (фибулы или сюльгамы) на костяке (11 случаев). Это могут быть мелкие или относительно крупные куски кольчужного плетения (Тураево 14, 83, Нива 14Б, Сайгатка 33, Старая Мушта к. 18/4, Ангасяк 93), с подвесками (подвески-лапки, трапециевидные; Тураево 107), а также украшения, состоящие из подвесок, пронизок, цепочек, бус (Усть-Сарапулка 52, Тарасово 295, 704, Старая Мушта к. 10/1). Реконструкция способа фиксации такого украшения весьма проблематична. Там, где вещей немного, и они лежат скупенно, такие украшения могли подвешивать на шнурках. Крупные куски «кольчужки» (Сайгатка 33, Старая Мушта к. 18/4, Ангасяк 93), вероятно, нашивались на тканевую основу. Хотя крепление последних с помощью шнурков, как, например, на фибулах (за верхние ряды колец или с помощью восьмерковидных подвесок), вполне допустимо.

Рассмотрим датировку мазунинских комплексов с шумящими украшениями. Анализируя фибулы мазунинской культуры, Т. М. Сабирова пришла к выводу, что привесные украшения использовались только с застежками типов Останина 1-5 и

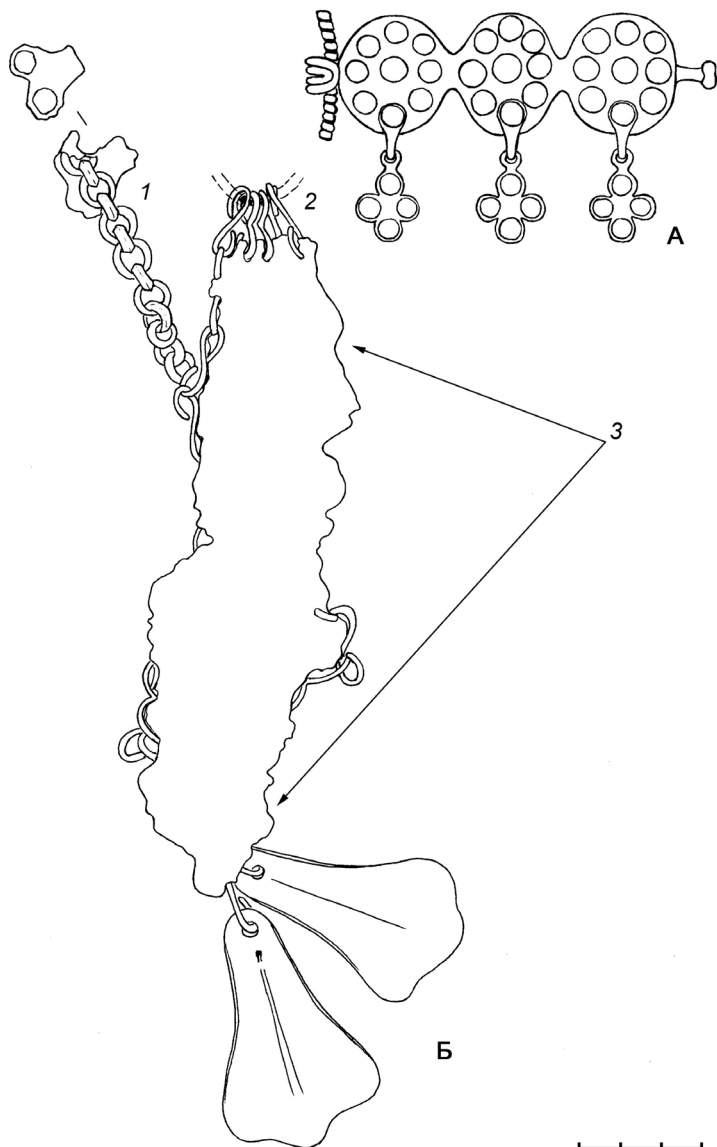

Рис. 3. Нагрудное украшение из погребения 66 Тураевского I могильника:
 А — вариант реконструкции облика фибулы; Б — привесное (шумящее) украшение к фибуле
 (1 — фрагмент цепочки с подвеской (?); 2 — подвески с остатками кожаного (?) шнура;
 3 — спекшийся фрагмент кольчужного предмета).
 А, Б — железо, цветной сплав

Figure 3. Breast adornment from the tomb 66 of the Turaevsky I grave field:
 А — a reconstructed version of fibula; Б — (jingling) pendant decoration for fibula
 (1 — fragment of a chain with a pendant (?); 2 — pendants with a part of leather (?) strap;
 3 — sintered fragment of a chainmail object).
 А, Б — iron, non-ferrous alloy

Останина 2 с конца IV и весь V век н. э. [21, с. 31]. По нашим наблюдениям и имеющимся хронологическим разработкам [8, с. 51 — 55; 20, с. 296, рис. 51: 53, 60, 62; 21, с. 44 — 45], шумящие украшения были известны уже в «раннем» мазунино (2-я половина / конец III в. — начало IV / весь (?) IV век н. э.), которое маркируют фибулы типов Амброз-13 (Тарасово 25Б, 736Б), Останина 1-1 (Тарасово 130, 717, Ижевск 48) и Останина 1-2 (например, Тарасово 383, Тураево 225, Нива 83Б, Ижевск 50, 100 и др.). Конструктивные особенности данных застежек не предполагали использования самого щитка в качестве фиксатора привесок. В связи с этим низки, как правило, были наборные и, очевидно, подвешивались с помощью шнурков (либо каких-то других крепежных элементов) на саму иглу, или к пружине / приемнику иглы фибулы, что типично для финно-угорского костюма.

Пик бытования мазунинских шумящих украшений приходится на время использования фибул типов Останина 1-5, Останина-2 [21, с. 22, 23] с дополнительными петельками на щитках для крепления привесок (тип 1) и/или массивными наборными привесками (тип 2)⁵ — реалии «развитого» мазунино. Их хронологическая позиция определяется исследователями в рамках IV / конца IV — V вв. н. э. (с упором на V в.) [8, с. 57, 59 — 63; 20, с. 296, рис. 51: 23, 25; 21, с. 45 — 47]. Однако верхняя хронологическая граница требует дополнительного уточнения.

Оба типа фибул зафиксированы в нескольких комплексах (Тураево 39, 165, Нива 150А) и, судя по составу погребального инвентаря, могли использоваться в мазунинском костюме приблизительно в одно и то же время. В данных наборах наравне с местной поясной и обувной гарнитурой, выполненной в одном стиле с фибулами типов Останина 1-5 и Останина 2 (т. е. богато украшенной бронзовыми шпеньками-полугорошинами [7, с. 127, 398; 20, с. 60, 61, 64, 257, 258, 296, рис. 11: 24 — 26, 28, 33, 37, 38, рис. 12: 15, рис. 51: 27, 42]), встречаются пояса с накладками-ромбиками, пряжками (близки типу Малашев П9 — с коротким язычком и низким уступом у основания сзади, но со щитками сегментовидной формы) и наконечниками ремней типа Малашев Н10, которые по степным аналогиям использовались с конца III в. вплоть до середины / последней четверти IV в. н. э. (наконечники известны и в раннем V веке) [16, с. 196, 197, 200 — 203, 205 — 207]⁶. В погреб-

⁵ В выборку вошли многочисленные застежки типов Останина 1-3, 1-4, 3 и трехщитковые с наборными привесками.

⁶ Покровский 147, 149, Тарасово 157, 169А, 193, 402, 429, 1675 (на язычке из цветного металла имеется невысокий квадратный уступ), 1721 (язычок пряжки отличается от рисунка (Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I — V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. 2. Табл. 638: 1): невысокий и практически незаметный уступ обозначен гравировкой в виде косых перекрещивающихся линий; край язычка чуть сколот), 1762, Тураево 39, 204, Дубровский 203. Образцы с прямоугольными или трапециевидными/подтреугольными щитками редки — Тарасово 374, 1762, Старо-Кабаново 80, 115. В коллекции с данными фибулами имеются три рамчатые пряжки — Усть-Сарапулка 1 (2 экземпляра), Тураево 77 — с ограненными рамками округлой формы, имеющими утолщение в передней части; язычки короткие (не доходят до середины сечения рамок), гладкие, прогнутые в середине, без уступов. На одной из пряжек (Арматынская О. В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века: межвуз. сб. науч. тр. Устинов, 1986. Рис. 3: 12) язычок фасетирован аналогично позднесарматским пряжкам III в. н. э. (П26) (Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д, 2000. Вып. 1. С. 195 — 196, 199, 207 — 209).

ниях 80 и 135 Старо-Кабановского могильника с фибулами «сайгатского» типа найдены пряжки, схожие со степными образцами П10 (с прямым язычком, заходящим за середину сечения рамки и уступом у основания сзади, 2-я четверть IV — начало V в. [16, с. 197, 202, 203, 205, 206]), но с подтреугольными или округлыми щитками⁷; в погребении 80 два таких предмета выявлены в одном комплексе с пряжкой типа П9 (со щитком трапециевидной формы) и одночастными наконечниками типа Малашев Н8 (с круглым/секировидным (?) расширением в нижней части), которые бытовали с конца позднесарматского времени и в гуннский период [16, с. 197, 205, 221].

Выпадение указанных типов поясной гарнитуры (при явном господстве пряжек П9) в мазунинских погребениях с фибулами типов Останина 1-5 и Останина 2 могло произойти в интервале, близком к середине IV в. н. э. (возможно, 2 — 3-я четверть IV в.). К этому периоду, судя по всему, относится группа азелинских комплексов с прямоугольными шумящими подвесками (тип Лещинская ИЖ13), которые, попав в мазунинскую среду, были переделаны в привычные для местного населения застежки-фибулы (тип Останина 2-а — Покровский 147, Тарасово 402, Старо-Кабаново 71, 115, Сайгатка 8) [10, с. 134, 135, 175, 176; 14, с. 85; 20, с. 44]. Н. А. Лещинская такие украшения, встречающиеся с арочными подвесками типа Лещинская ИС, датирует концом IV — V вв.; ряд исследователей относят появление прямоугольных (стилистически ранних образцов — комплекс погребения 16 Нармонского могильника) и арочных подвесок (тип 1, по В. В. Ставицкому) к середине IV в. [4, с. 14; 14, с. 64, 88 — 90, 173, 174, 194; 22, с. 97 — 98]. В азелинских погребениях с прямоугольными шумящими подвесками, как и в мазунинских с фибулами типов Останина 1-5 и 2, встречаются поясные наборы с пряжками П9, накладками-ромбиками и наконечниками Н10 (Первомайский 3), головные ленты с фигурными накладками из 2-4 окружностей и каплевидных привесок (тип Лещинская 47д-1 — Уржумка 6, 22, Тураево 29), а также импортные сильнопрофилированные фибулы типа Амброс 11-II-3 (Уржумка 21 и Старо-Кабаново 107), верхняя хронологическая граница которых (за пределами аланской культуры) определяется гуннским временем, но в рамках IV в. н. э. [10, с. 134 — 135, 143, табл. 1; 14, с. 69, 121, 387, табл. 44: 16, табл. 133: 6 — 10; 17, с. 54 — 72; 18, рис. 46: 4, рис. 54: 1].

Обозначенные выше «контур» азелинско-мазунинского блока погребений требуют более детального хронологического обоснования. Очевидно одно: появление «стандартизированных» шумящих украшений в мазунинской среде произошло не без влияния «западных» тенденций моды на такие аксессуары женского костюма, распространенных, в первую очередь, у ближайших соседей мазунинцев — азелинских племен, а также древнемордовского, рязано-окского и, вероятно, позднедьяковского населения.

Заключение

Рассмотренные нагрудные украшения мазунинской культуры, несмотря на определенное локальное своеобразие, были выполнены в типичной для финно-

⁷ Еще две пряжки типа П10 имеются в погребениях 1783 Тарасовского и 152 Старо-Кабановского могильника с застежками типа Останина 3-а (Сабирова Т. М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. Ижевск, 2019. С. 22 – 23). Подвески на них наборные.

угорского мира схеме шумящих украшений — основа (в данном случае, застежка) со свисавшими свободно привесками, которые издавали шум (звон) при движении.

Для раннего этапа культуры были характерны собранные из различных материалов наборные привески, которые подвешивались к фибулам с помощью шнурков из органических материалов. Позднее, уже в «развитом» мазунино (около середины IV в.), под влиянием «поволжско-финских» культурных традиций мазунино вырабатывают собственные варианты шумящих украшений к застежкам (тип 1). Наборные подвески к фибулам (тип 2) в это время становятся длиннее и массивнее во многом благодаря включению в их состав фрагментов воинских кольчужных доспехов — феномен, который пока не находит прямых аналогий в соседних лесных культурах Урало-Поволжья.

Рассматриваемые составные нагрудные украшения использовались преимущественно в женском уборе; особо нарядные экземпляры входили в статусный погребальный костюм девушек и молодых женщин. Близкие параллели особенно заметны в этнографической культуре поволжских финнов [2, с. 111 — 117]⁸. Например, молодые мордовки (женщины и девушки) носили сюльгамы с роскошными привесками из различных декоративных материалов (саму застежку обычно прятали под воротником или ожерельем, а привеска свободно свисала на груди), тогда как пожилые женщины скалывали грудной разрез простыми сюльгами без подвесок. Роскошные украшения входили в состав свадебного приданого; изготавливали их местные сельские мастерицы. Простые овальные фибулы луговых мари (уржумско-сернурских) — *ширкама* — тоже нередко украшались подвесками из различных материалов. Такие предметы являлись праздничным вариантом украшения.

Редкость и сложность исполнения некоторых образцов, очевидно, могут рассматриваться как свидетельство особого статуса владелиц шумящих нагрудных украшений в мазуниноском обществе. В любом случае смотрелось такое украшение в женском уборе достаточно эффектно, особо выделяя своих носительниц среди других членов коллектива.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Армагынская О. В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века: межвуз. сб. науч. тр. Устинов: УдГУ, 1986. С. 26 — 46.
2. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 214 с. (Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; вып. 3)
3. Бернц В. А., Черных Е. М., Перевозчикова С. А. Исследования Камско-Вятской археологической экспедиции в Киясовском районе Удмуртской Республики // Археологические открытия 2010 — 2013 годов. М.: Ин-т археологии РАН, 2015. С. 455 — 457.
4. Бугров Д. Г. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 7 — 34.
5. Васюткин С. М., Останина Т. И. Старо-Кабановский могильник — памятник мазуниноской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64 — 125.

⁸ Молотова Т. Л. Марийский костюм: альбом. Йошкар-Ола, 2020. С. 82; Прокина Т. П. Мордовский народный костюм: альбом. Саранск, 2007. С. 21.

6. Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I — V вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмуртия, 2003. Т. 2. 721 с. (МиИКВАЭ; т. 11)
7. Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2010. 499 с. (МиИКВАЭ; т. 17)
8. Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология женских погребений III — V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 42 — 72.
9. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.: [б. и.], 1952. 328 с. (МИА; № 30)
10. Красноперов А. А. Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 130 — 177.
11. Красноперов А. А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э. — V в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 273 с.
12. Красноперов А. А., Черных Е. М. Женский головной убор из Дубровского могильника IV — V вв. н. э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 216 — 237.
13. Красноперов А. А., Меньшикова Ю. А., Черных Е. М. Об одном редком типе головных уборов древнего населения Прикамья // Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; М., 2018. Вып. 14. С. 89 — 99.
14. Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I — V вв. н. э.). Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2014. 472 с. (МиИКВАЭ; т. 27)
15. Мажитов Н. А. Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.
16. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исслед. по археологии Дона: сб. ст. Ростов н/Д: Терра, 2000. Вып. 1. С. 194 — 232.
17. Малашев В. Ю., Кадзаева З. П. Сильнопрофилированные фибулы середины III — IV вв. н. э. // Российская археология. 2021. № 2. С. 54 — 72.
18. Никитина Т. Б. История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с. (Тр. МАЭ; т. V)
19. Останина Т. И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26 — 92.
20. Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III — V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.
21. Сабирова Т. М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. Ижевск: Шелест, 2019. 238 с.
22. Ставицкий В. В. Хронология арочных шумящих подвесок с конями // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 90 — 101.
23. Стоянов В. Е. Сайгатский могильник на Средней Каме. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 117 — 134. (ВАУ; вып. 4)
24. Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2004. 172 с.
25. Тагиров Ф. М. Новые исследования Ангасякского могильника // Уфимский археологический вестник. 2007. № 6 — 7. С. 89 — 110.
26. Файзуллина Д. Ф. Элементы костюма населения Волго-Камья раннего железного века как начальная точка формирования традиционного костюма народов финно-угорской языковой семьи // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 4. С. 85 — 92.
27. Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: к 100-летию Алексея Петровича Смирнова: сб. ст.]. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 387 с.
28. Хайруллина О. Ф. Предметы кольчужного плетения в женском уборе населения Среднего Прикамья III — V вв. // Археология евразийских степей. 2021. № 2. С. 314 — 324.

29. Черных Е. М. Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 2. С. 438 — 440.

30. Черных Е. М., Ширококов И. Г. Новые могильники мазунинского типа в Удмуртском Прикамье: к вопросу о внутренних миграциях // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22, № 2. С. 258 — 268.

31. Черных Е. М., Перевозчикова С. А., Бернц В. А. Открытие и исследование нового могильника IV — V вв. на юге Удмуртии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения: материалы Всерос. науч. конф. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2010. С. 207 — 211.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

Информация об авторах:

Ольга Фаридовна Хайруллина, эксперт отдела информационного обеспечения Агентства по государственной охране объектов культурного наследия Удмуртской Республики (426051, Россия, г. Ижевск, ул. М. Горького, 73), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9976-1074>, olenbka93@bk.ru

Елизавета Михайловна Черных, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1), кандидат исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5800-7545>, emch59@mail.ru

Вклад авторов:

Хайруллина О. Ф. — разработка концепции, анализ литературы и сбор материала, обработка материала, написание первоначального варианта статьи, рисунки к статье;

Черных Е. М. — идея, критический анализ и научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Armatynskaya OV. The Ust-Sarapulsky Grave Field. *The Cis-Ural in Ancient Times and in the Middle Ages*. Intercollegiate Collection of Scientific Papers. Ustinov;1986:26—46. (In Russ.)
2. Belitser VN. Mordovian Folk Clothes. Moscow;1973. (In Russ.)
3. Bernts VA, Chernykh EM, Perevozchikova SA. Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition in the Kiyasovsky District of the Udmurt Republic. *Archaeological Discoveries of 2010 — 2013*. Moscow;2015:455—457. (In Russ.)
4. Bugrov DG. Complex of Finds from a Destroyed Early Medieval Grave Field in North of Tatarstan. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2015;4:7—34. (In Russ.)
5. Vasiutkin SM, Ostanina TI. The Staro-Kabanovsky Grave Field — a Monument of Mazunino Culture in Northern Bashkiria. *Questions of History and Culture of Udmurtia*. Ustinov;1986:64—125. (In Russ.)
6. Goldina RD. The Tarasovo Grave Field of the I — V Centuries AD in the Middle Kama Region. *Izhevsk*;2003;2. (In Russ.)
7. Goldina RD, Bernts VA. The Turaevo I Grave Field — a Unique Monument of the Great Migration Period in the Middle Kama Region. *Izhevsk*;2010. (In Russ.)

8. Goldina RD, Bernts VA. Chronology of III — V Century Female Graves from Tarasovo Grave Field. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2017;2:42—72. (In Russ.)
9. Zbrueva AV. History of the Population of the Kama Region in the Ananyino Era. *Proceedings of the Research on the Archaeology of the USSR*. Moscow;1952;30. (In Russ.)
10. Krasnoperov AA. The Azelino: the Movement to the East. The Finds of the Azelino Artifacts Eastward of Their Home Area. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2018;1:130—177. (In Russ.)
11. Krasnoperov AA. The Costume of the Population of the Cheganda Culture in the Kama Region (II Century BC — V Century AD). Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Izhevsk;2006. (In Russ.)
12. Krasnoperov AA, Chernykh EM. Female Headdress from Dubrovskiy Grave Field of the IV — V Centuries. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2017;1:216—237. (In Russ.)
13. Krasnoperov AA, Menshikova YuA, Chernykh EM. About One Rare Type of Hats of the Ancient Population of the Kama Region. *Historical and Archaeological Almanac*. 2018;14:89—99. (In Russ.)
14. Leshchinskaya NA. Vyatka Region in the Pyanobor Era (A Case Study of Funerary Monuments of the I — V Centuries AD). Izhevsk;2014. (In Russ.)
15. Mazhitov NA. The Bakhmutino Culture. Ethnic History of the Population of Northern Bashkiria in the Middle of the I Millennium AD. Moscow;1968. (In Russ.)
16. Malashev VYu. The Periodization of Belt Headsets of the Late Sarmatian Period. *Sarmatians and Their Neighbors on the Don*. Proceedings and Research on the Archeology of the Don. Rostov-on-Don;2000;1:194—232. (In Russ.)
17. Malashev VYu, Kadzaeva ZP. Strongly Profiled Fibulae of the Middle III — IV Century. *Russian Archaeology*. 2021;2:54—72. (In Russ.)
18. Nikitina TB. The History of the Population of the Mari Region in the I Millennium AD (A Case Study of Grave Fields). Yoshkar-Ola;1999. (In Russ.)
19. Ostanina TI. Two of the Grave Fields of Mazunino Culture in Central Udmurtia. *Searches, Research, Discoveries*. Izhevsk;1984:26—92. (In Russ.)
20. Ostanina TI. The Population of the Middle Kama Region in the III — V Centuries AD. Izhevsk;1997. (In Russ.)
21. Sabirova TM. Fibulae of the Middle Kama Region of the First Half of the I Millennium AD. Izhevsk;2019. (In Russ.)
22. Stavitsky VV. The Chronology of the Arched Rustling Pendants with Horses. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2016;1(15):90—101. (In Russ.)
23. Stoyanov VE. The Saigatsky Grave Field in the Middle Kama Region. *Proceedings of the Archeology Questions of the Urals*. Sverdlovsk;1962;4:117—134. (In Russ.)
24. Sungatov FA, Garustovich GN, Iusupov RM. The Cis-Urals in the Great Migration period (The Staraya Mushta Grave Field). Ufa;2004. (In Russ.)
25. Tagirov FM. New Studies of the Angasyak Grave Field. *Ufa Archaeological Herald*. 2007;6—7:89—110. (In Russ.)
26. Faizullina DF. Costume Elements of Volga-Kama People of the Early Iron Age as a Start Point of Traditional Costume Forming of the People of the Finno-Ugric Language Family. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2010;4:85—92. (In Russ.)
27. Finno-Ugric Peoples of the Volga Region and the Urals in the Middle Ages. Izhevsk;1999. (In Russ.)
28. Khairullina OF. Fragments of Chain Mail Armor in Women's Attire of the Middle Kama Region in the III — V Centuries AD. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2021;2:314—324. (In Russ.)
29. Chernykh EM. Two Cemeteries of the Mazunino Archaeological Type in the Udmurt Kama Region. *Proceedings of the Russian Archaeological Congress*. Kazan;2014;2:437—439. (In Russ.)
30. Chernykh EM, Shirobokov IG. Newly Discovered Necropolises of the Mazunino Culture in the Udmurt Kama Region: on the Issue of Internal Migrations. *Ufa Archaeological Herald*. 2022;22(2):258—268. (In Russ.)

31. Chernykh EM, Perevozchikova SA, Bernts VA. Discovery and Investigations of New Archaeological Site of the IV — V Centuries in Southern Udmurtia. *Proceedings of the XIII Bader's Readings. Archaeological Heritage as a Reflection of Historical Experience of Human, Nature and Society.* Izhevsk;2010:207—211. (In Russ.)

The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Information about the authors:

Olga F. Khayrullina, Expert of the Agency for the State Protection of Cultural Heritage Sites of Udmurt Republic (73 M. Gorky Str., Izhevsk 426051, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9976-1074>, olenbka93@bk.ru

Elizaveta M. Chernykh, Professor of Udmurt State University (1 Universitetskaya Str., Izhevsk 426034, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5800-7545>, emch59@mail.ru

Contribution of the authors:

Khairullina O. F. — concept development, literature analysis and data collection, data processing, writing the original version of the article, illustrations;

Chernykh E. M. — concept, critical analysis and scientific editing of the article.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК902/904
EDN BJAOWNV<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОШЕНИЯ УКРАШЕНИЙ МОРДОВСКИМИ ЖЕНЩИНАМИ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД (по материалам Барбашинского могильника)

Д. А. Козлов

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
demetriy87@gmail.com

Аннотация

Введение. Современная археологическая наука располагает большим набором методологического и теоретического инструментария, позволяющего с разных сторон рассмотреть полученный материал. Одним из таких синтетических направлений является социальная археология. Исследование материалов археологических раскопок с социологической точки зрения позволяет обнаружить те или иные явления внутри общин оставивших кладбище. Рассмотрение мордовских погребальных памятников золотоордынского времени актуально в связи с отсутствием работ данной тематики и большими перспективами подобных исследований.

Материалы и методы. На основе методики социальной археологии и статистических данных по материалам раскопок Барбашинского могильника в 1935 г. и 2011 — 2013 гг. (с привлечением данных по Старосельскому могильнику) рассматриваются явления возрастного распределения различных категорий украшений мордовских женщин в эпоху Золотой Орды. Для изучения этого явления в недалеком прошлом использованы данные этнографии, языкознания и фольклора. В ходе работы были задействованы сравнительный метод и метод аналогий.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрение статистических данных позволило установить закономерности возрастного распределения украшений у мордовских женщин, определить его существование как в золотоордынское, так и этнографическое время в мордовском обществе и выделить характерные категории украшений для определенного возраста у мордовских женщин в течение их жизни, что закреплено и в мордовском фольклоре.

Заключение. Выявленные закономерности позволяют значительно уточнить время бытования многих категорий женских украшений XIII — XIV вв., закладывая основу для изучения эволюции материальной культуры, развития мордовского общества в то время. Полученные в исследовании факты нуждаются в уточнении на более широкой фактической и этнической основе.

Ключевые слова: социальная археология, мордва, Золотая Орда, украшения, Барбашинский могильник, Старосельский могильник

Финансирование: работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, соглашение № 22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

Благодарности: автор приносит благодарность Е. В. Четвертакову за возможность использования результатов раскопок Старосельского могильника, а также Д. А. Сташенкову и А. Ф. Кочкиной за помощь и содействие в работе над коллекцией из раскопок Барбашинского могильника 1935 г.

© Козлов Д. А., 2024

Для цитирования: Козлов Д. А. Возрастные особенности ношения украшений мордовскими женщинами в золотоордынский период (по материалам Барбашинского могильника) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 142 — 160. EDN BJAOWNV

Original article

AGE FEATURES OF WEARING JEWELRY BY MORDOVIAN WOMEN DURING THE GOLDEN HORDE PERIOD (A Case Study of the Barbashinsky Grave Field)

D. A. Kozlov

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
demetriy87@gmail.com

Abstract

Introduction. Modern archaeological science has a large set of methodological and theoretical tools that allow us to examine the obtained material from different angles. One of these synthetic areas is social archeology. The study of archaeological excavation materials from a sociological point of view makes it possible to detect certain phenomena within the communities that left the cemetery. The consideration of Mordovian funerary monuments of the Golden Horde time is relevant due to the lack of works on this topic and the great prospects for such research.

Materials and methods. Based on the methodology of social archeology and statistical data based on the excavations of the Barbashinsky grave field in 1935 and 2011 — 2013, with the involvement of data on the Staroselsky grave field, the phenomena of the age distribution of various categories of ornaments of Mordovian women in the era of the Golden Horde are considered. To study the presence of such a phenomenon in the recent past, the data of ethnography, linguistics and folklore were used. When studying the most characteristic examples, the comparative method and the method of analogies were used.

Results and discussion. Consideration of statistical data made it possible to establish the regularities of the age distribution of jewelry among Mordovian women, to determine its existence both in the Golden Horde and ethnographic times in Mordovian society, and to identify the characteristic categories of jewelry for a certain age among Mordovian women throughout their lives. There is evidence of the existence of this in Mordovian folklore.

Conclusion. The revealed patterns make it possible to significantly clarify the time of existence of many categories of women's jewelry of the XIII — XIV centuries, lay the foundation for studying the evolution of material culture, the development of Mordovian society at that time. The facts obtained in the study need to be clarified on a broader factual and ethnic basis.

Keywords: social archeology, Mordovians, Golden Horde, jewelry, Barbashinsky grave field, Staroselsky grave field

Financing: This study was supported by grant from the Russian Science Foundation, agreement No. 22-28-20314 “Ethnogenesis of the Peoples of the Western Volga Region in the Middle Ages”.

Acknowledgments: the author expresses his gratitude to E. V. Chetvertakov for the opportunity to use the excavation results of the Staroselsky grave field, as well as D. A. Stashenkov and A. F. Kochkina for help and assistance in the work on the material collection from the excavations of the Barbashinsky grave field in 1935.

For citation: Kozlov DA. Age Features of Wearing Jewelry by Mordovian Women during the Golden Horde Period (A Case Study of the Barbashinsky Grave Field). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16;(2):142—160. EDN BJAOWNV

Введение

Прогрессивную роль в исследовании социальных процессов прошлого на основании материалов археологических раскопок в конце XX — начале XXI в. стала играть социальная археология. Использование методологии этого направления позволяет синтезировать данные о предметах материальной культуры и факты антропологии с теорией социологии. Социологическое изучение ориентировано не только с точки зрения вертикальных связей и иерархии людей (статус), но и в горизонтальном направлении. Предметом изучения при рассмотрении горизонтального строения общества становятся родственные, семейные взаимоотношения и связи людей, а также половозрастные различия [4, с. 13].

Данная работа является частью исследований по хронологии мордовских древностей в эпоху Золотой Орды, и археологический материал рассматривается нами в соответствующем контексте. Этим обстоятельством обусловлен интерес именно к возрастным явлениям внутри мордовского общества. Как писал П. П. Ефименко, «в изучении прошлого мы исходим из анализа *отдельной могилы, отвечающей определенному историческому моменту*. Отсюда мы ищем ряды погребений одного типа, одного времени, представляющие сошедшее в могилу *поколение*. Далее *исторической реальностью* является для нас весь могильник, развертывающийся в *естественной смене поколений, уходящего в землю поселка* (курсив наш. — Д. К.)» [9, с. 66]. На основе возрастных различий имеется возможность выявить те или иные закономерности распределения вещей, что позволит не только рассматривать предметы как принадлежавшие отдельному человеку, но и выяснить, с какого возраста они могли использоваться и сколько времени. Определив период жизни индивида, можно рассматривать историю появления у него предметов, которая в совокупности с историями других людей его поколения и разных поколений, позволит выявить тенденции развития тех или иных категорий инвентаря в то время.

Обзор литературы

Проблематика социальной археологии в области изучения мордовских древностей пока только начинает разрабатываться и затрагивается лишь в нескольких работах, посвященных древностям мордвы раннего средневековья, например по материалам раскопок Усть-Узинского могильника [7, с. 7 — 16; 8, с. 61 — 70]. По иным периодам развития мордовской археологической культуры подобных работ пока нет.

Материалы и методы

Важными условиями социологического рассмотрения археологического материала служат прежде всего: а) наличие предметов или обстановки погребального комплекса, позволяющих использовать их как отражение тех или иных представлений создавших их людей; б) наличие антропологического материала и его исследованность [3, с. 49 — 55]. Основой методики социальной археологии является интерпретационный подход, предполагающий изучение индивидов в контексте ассоциированных с ними предметов материальной культуры. Данный подход разработан в исследованиях зарубежных ученых постпроцессуальной школы в археологии (Hodder, Shanks и др.) и применяется отечественными исследователями [3, с. 23].

Археологический материал мордовских могильников золотоордынского времени позволяет сделать подобные наблюдения. Особенно ярко это проявляется в на-

сыщенных предметами комплексах — женских, характеризующихся не только наличием различных украшений и предметов быта, но и их большим количеством. Данная особенность определила наш выбор именно женских погребений того периода как объект изучения. Цель нашей работы заключается в установлении закономерностей распределения различных категорий украшений у мордовских женщин, связанных с их возрастом, в эпоху Золотой Орды. Исходя из поставленной цели, нами были отобраны и проанализированы археологические памятники, содержащие всю необходимую информацию.

Результаты исследования и их обсуждение

В числе изученных мордовских могильников в XX в. редким исключением из негативного правила отсутствия антропологических наблюдений стало исследование Барбашинского могильника в 1935 г. под руководством Б. А. Латынина в г. Куйбышеве (ныне г. Самара). В раскопках принимал участие профессор Куйбышевского медицинского института Геннадиев¹. Всего было исследовано 62 погребения в 11 раскопах (А — J). Многие из них были осмотрены либо Геннадиевым, либо самим Б. А. Латыниным, проконсультировавшись с профессором. Раскопки 1935 г. дали обильный материал — украшения, предметы быта, вооружение. Большинство из изученных комплексов содержало инвентарь. Дневник раскопок могильника и сохранившиеся чертежи опубликованы Д. А. Сташенковым и А. Ф. Кочкиной в 2008 г. В книгу вошли также материалы антропологического изучения И. Р. Газимзяновым некоторых черепов². Исследователь уточнил характеристики возраста некоторых умерших женщин (в погребении 4 раскопа А «средний возраст» (1935 г.) — 18 — 20 лет (2008 г.); в погребении 9 раскопа D — 30 — 40 лет (1935 г.) — 50 — 60 лет (2008 г.)).

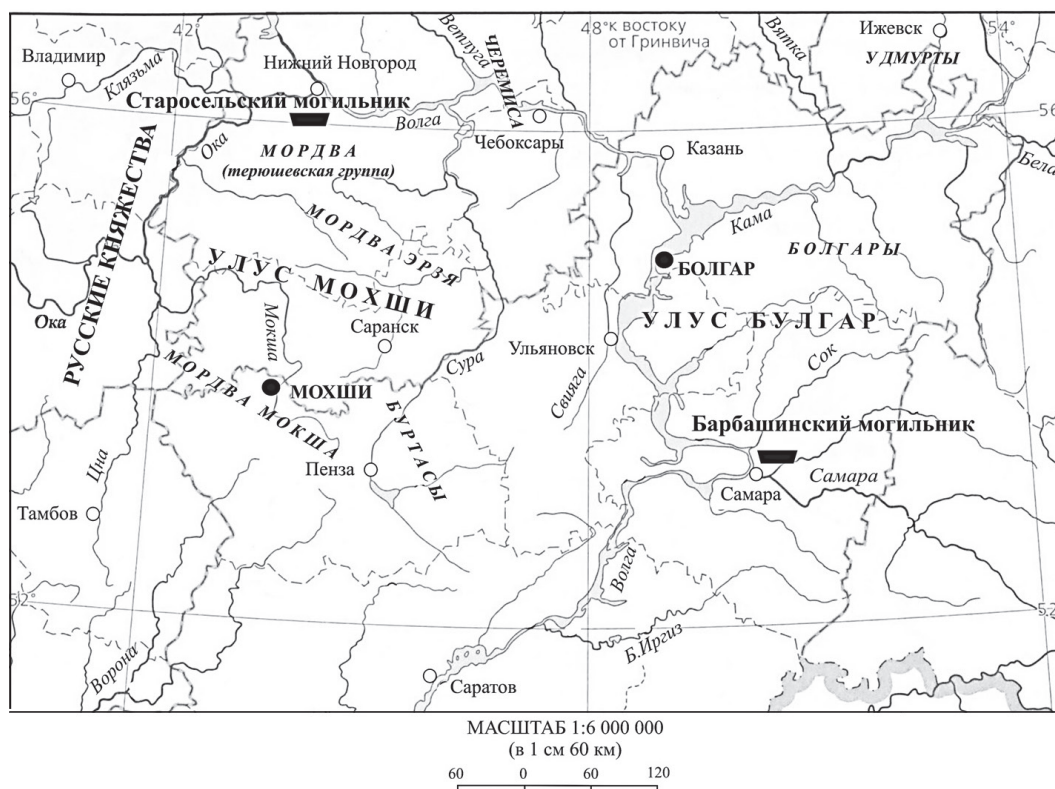
Для современных археологических раскопок мордовских могильников, как правило, характерно комплексное изучение уже в полевых условиях с привлечением антропологов или при участии археолога, имеющего антропологическое образование и опыт подобных определений, — это Старосельский и Сарадонский могильники в Нижегородской области (Е. В. Четвертаков, в 2016 — 2019, 2021 гг.), Бокинский могильник в Тамбовской области (в 2016 г.) [1] и Барбашинский могильник на территории г. Самары (в 2011 — 2013 гг.) [15; 16]. Такой базис создает хорошие условия для исследования оставившего их населения по различным аспектам жизни того времени.

Материалы публикации дневников раскопок Барбашинского могильника в 1935 г., а также «каталог коллекции Барбашинского могильника из раскопок Б. А. Латынина 1935 г.» и личное знакомство с данной коллекцией № 23 в СОИКМ им. П. В. Алабина являются источником нашего исследования. В работе также были использованы публикации материалов раскопок Д. А. Сташенкова 2011 — 2013 гг. на Барбашинском могильнике [15, с. 5 — 34; 16, с. 13 — 51]. В связи с тем, что по результатам изучения антропологического материала могильника И. Р. Газимзяновым и определением возраста в 1935 г. имеются разночтения, как сравнительный материал мы использовали отчеты по раскопкам Старосельского могильника, исследованного в

¹ Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов, 2008. С. 46.

² Там же. С. 191 — 194.

2016 — 2019 гг. под руководством Е. В. Четвертакова, — памятника мордвы, во многом сходного по обрядовым традициям и материальной культуре с Барбашинским³. Территориально эти памятники являются на сегодняшний день весьма отдаленными друг от друга: Барбашинский могильник — самый восточный памятник; Старосельский могильник — пока самый северный погребальный памятник мордвы золотоордынского времени (рис. 1).

■ — мордовские могильники XIII — XIV вв.

● — улусные центры Золотой Орды

Рис. 1. Карта мордовских могильников XIII — XIV вв., материалы которых использованы в работе

Figure 1. The map of the Mordovian grave fields of the XIII — XIV centuries, the materials of which are used in this work

³ Архив ИА РАН (Архив Института археологии Российской академии наук). Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 году. 2018. 129 с.; Его же. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2018 году. 2019. 132 с.; Его же. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2019 году. 2020. 140 с.; Его же. Отчет об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 году. 2017. 152 с.

При сопоставлении черновика отчета о раскопках Барбашинского могильника 1935 г. с дневником раскопок Б. А. Латынин использовал следующую градацию возраста: дети (0 — 15 лет); юные, молодые (15 — 20 лет); средние (30 — 40); старые (50 лет и более). Из всех женских по инвентарю погребений Барбашинского могильника раскопок 1935 г. возраст был определен у 31, при этом часть женщин характеризуется такой возрастной группой как «средняя» (30 — 40 лет — 2 женщины) и «взрослая» (от 18 лет — 3 женщины) и «старая» (50 лет и более — 2 женщины). По материалам раскопок Д. А. Стащенко пол и возраст был определен у 7 женщин. Антропологические данные о возрасте мы совместили с категориями предметов, обнаруженных в захоронениях (табл. 1, 2).

Таблица 1. Барбашинский могильник. Раскопки Б. А. Латынина, 1935 г.

Table 1. The Barbashinsky grave field. B. A. Latynin's excavations, 1935

Номер погребения	Возрастная группа, лет	Украшение или предмет быта								
		Застежка подково-видная	Застежка-сюльгама	Браслет	Перстень	Бусы	Серьга, височное кольцо	Пряслице	Нож, ножницы	Керамика
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
A4	18 — 20*	+	+	+	+					+
A5	7 — 10									
A6	0 — 10	+				+				
A8	70 — 80**	+	+	+						+
A9	Более 50	+	+	+	+					+
A13	15 — 18		+	+	+	+	+	+		+
A14	20 — 30	+	+	+	+	+				
A17	0 — 10						+			
A24	Средняя	+	+	+	+					
A25	Более 60	+	+	+	+	2	+	+		
A26	30 — 40	+		+				+		
B4	Старая	+	+	+				+	+	
B6	Взрослая	+	+	+	+	+		+	+	
B7	Взрослая	+	+	+	+	+				
B8	8 — 10	+	+			+				
B9	6 — 8	+	+			+				+
B10	Взрослая	+	+	+				+		
D1	6 — 8	+	+			+				
D2	2 — 3		+			+				
D4	5 — 6	+				+				
D5	5 — 6									
D6	30 — 40	+		+						+
D7	1									
D8	50 — 60	+	+							+
D9	50 — 60	+	+	+	+					
D10	Более 50	+	+	+	+					
D12	30 — 40	+								

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I2	30 — 40	+	+	+		+				
K1	Средняя		+	+	+	+		+		+
K2	Старая	+	+	+				+	+	
E2	1					+				
Всего: 31										

* A4 — в 1935 г. возраст определен как «средний», в 2008 г. — 18 — 20 лет.

** A8 — в 1935 г. возраст был определен как около 30 — 40 лет, в 2008 г. — 70 — 80 лет.

Таблица 2. Барбашинский могильник. Раскопки Д. А. Сташенкова, 2011 — 2013 гг.

Table 2. The Barbashinsky grave field. D. A. Stashenkov's excavations, 2011 — 2013

Номер погребения	Возраст, лет	Украшение или предмет быта								
		Застежка подково-видная	Застежка-сюльгама	Браслет	Перстень	Бусы	Серьга, височное кольцо	Пряслице	Нож, ножицы	Керамика
2012—5	5						+			
2012—8	1									
2012—9	1									
2012—10	Около 40	+	+	+						+
2013—1	40 — 50	+		+	+	+		+		
2013—5	7	+				+	+			
2013—6*	25 — 35	+				+		+		
Всего: 7										

* Часть захоронения в области рук уничтожена перекопом XX в.

В Старосельском могильнике по характерному инвентарю Е. В. Четвертаков выявил 12 женских погребений золотоордынского времени, из которых только в 10 случаях оказалось возможным определить возраст. При этом в погребениях 18 — 19 были похоронены взрослая женщина с сильно истлевшими костями (что сделало невозможным определить ее возраст) и девочка 6 — 7 лет⁴. Это погребение обычный для мордвы парный комплекс родственников. Возраст девочки ясно указывает, что похороненная с нею женщина (видимо, ее мать), умерла не ранее 22 лет. В погребении 40 была похоронена девочка грудного возраста, но сама форма могилы, довольно необычна для мордвы — яма округлой формы, что позволяет считать комплекс помещения украшений в нем обрядовым. Находки из погребений также совмещены нами с возрастной характеристикой (табл. 3).

По Барбашинскому могильнику, исходя из табл. 1 и 2, вырисовывается весьма показательная картина.

⁴ Архив ИА РАН. Четвертаков Е. В. Отчет... 2018. С. 17 — 19.

Таблица 3. Старосельский могильник. Раскопки Е. В. Четвертакова, 2016 — 2019 гг.

Table 3. The Staroselsky grave field. E. V. Chetvertakov's excavations, 2016 — 2019

Номер погребения	Возраст, лет	Украшение или предмет быта								
		Застежка подково-видная	Застежка-стюльгама	Браслет	Перстень	Бусы	Серьга, височное кольцо	Пряслице	Нож, ножицы	Керамика
7	35 — 40	+	+		+			+		
11	25 — 35	+	+		+			+	+	
16	2 — 3	+								+
17	6 — 7	+								
18*	Не менее 22	+		+	+				+	
19*	6 — 7	+								
24	20 — 25	+	+	+		+				
27	Более 50	+	+	+	+			+		
28	18 — 20	+		+		+		+		
40**	До 1	+	+	+		+				
Всего: 10										

* Погребение 18 — 19 является парным комплексом, видимо, матери и дочери.

** Предметы из погребения 40, видимо, являются обрядовым «даром».

Девочки до 1 года часто не имеют никаких украшений (3 из 4). Более старшие девочки и девушки в большинстве случаев имеют бусы, височные кольца и застежки (9 из 11). Пример подобного набора украшений представлен на рис. 2 — погребение 6 раскопа А и погребение 1 раскопа D (1935 г.).

Молодые женщины или невесты в возрасте 15 — 20 лет имеют наибольшую часть украшений, причем в отличие от девочек и девушек у них *появляются перстни и браслеты* (3 из 3). На рис. 3 представлен характерный набор украшений женщин этой возрастной группы — погребение 13 раскопа А (1935 г.).

У части *женщин среднего возраста* (30 — 40 лет) имеются все характерные для невесты категории, но *бусы начинают исчезать из костюма* (бус нет у 5 из 9). На рис. 4 представлен типичный для этой возрастной группы набор украшений — погребение 2 раскопа I (1935 г.). На основании данного факта можно предположить, что это происходило до 40 — 45 лет, когда мать дарила свои бусы дочерям по мере их рождения.

Женщины пожилого и старческого возраста (старше 50 лет), за исключением одного случая, *бус не имеют* (7 из 8). Причем, судя по погребению 9 раскопа А и парному с ним погребению 10 мордовского воина, здесь похоронена его пожилая жена, это не зависело от социального статуса, а являлось частью обычаев, которых придерживались все. Погребение 25 раскопа А иллюстрирует то, что это был не одноактный процесс, и какие-то бусы единично могли быть у женщин более старшего возраста (к тому же женщина могла быть бездетной). Пример комплекса украшений этой возрастной группы представлен на рис. 5 — это погребение 9 раскопа А (1935 г.), материалы которого опубликованы в отдельной работе [11, с. 301 — 313].

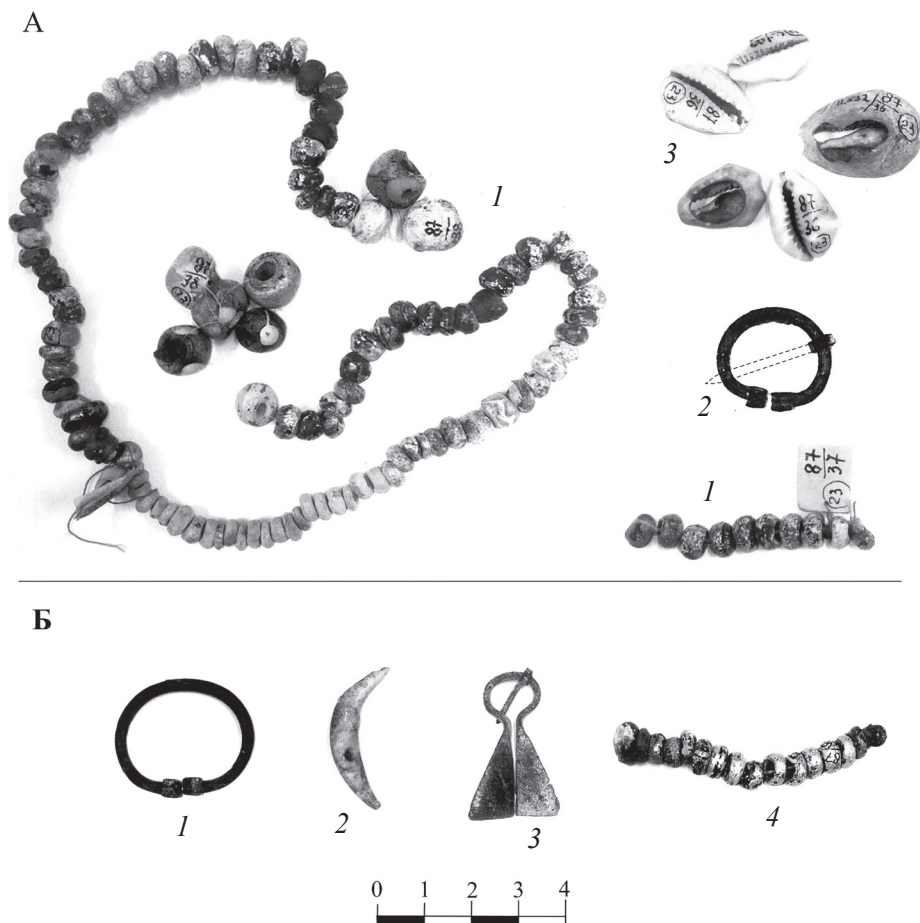

Рис. 2. Комплексы детских погребений Барбашинского могильника:

А — погребение 6 раскопа А: 1 — бусы; 2 — застежка; 3 — подвески-каури.

1 — стекло; 2 — медь; 3 — раковина

Б — погребение 1 раскопа D: 1 — застежка; 2 — амулет; 3 — застежка-сьюлгма; 4 — бусы.

1, 3 — медь; 2 — клык лисицы; 4 — стекло

Figure 2. Children's burial complexes of the Barbashinsky grave field:

A — burial 6 trench A: 1 — beads; 2 — fastener; 3 — cowrie pendants.

1 — glass; 2 — copper; 3 — shell

B — burial 1 trench D: 1 — clasp; 2 — amulet; 3 — clasp-sulgam; 4 — beads.

1, 3 — copper; 2 — fox fang; 4 — glass

Такие же факты выявляются по материалам раскопок Д. А. Сташенкова в 2013 г. Здесь немного бус имеется у женщины 40 — 50 лет из погребения 1 — 11 шт., и много бус и раковин каури обнаружено у молодой женщины 25 — 35 лет из погребения 6 — 20 раковин каури и 67 бус [15, с. 22, рис. 29; с. 27, рис. 35; с. 28, рис. 37].

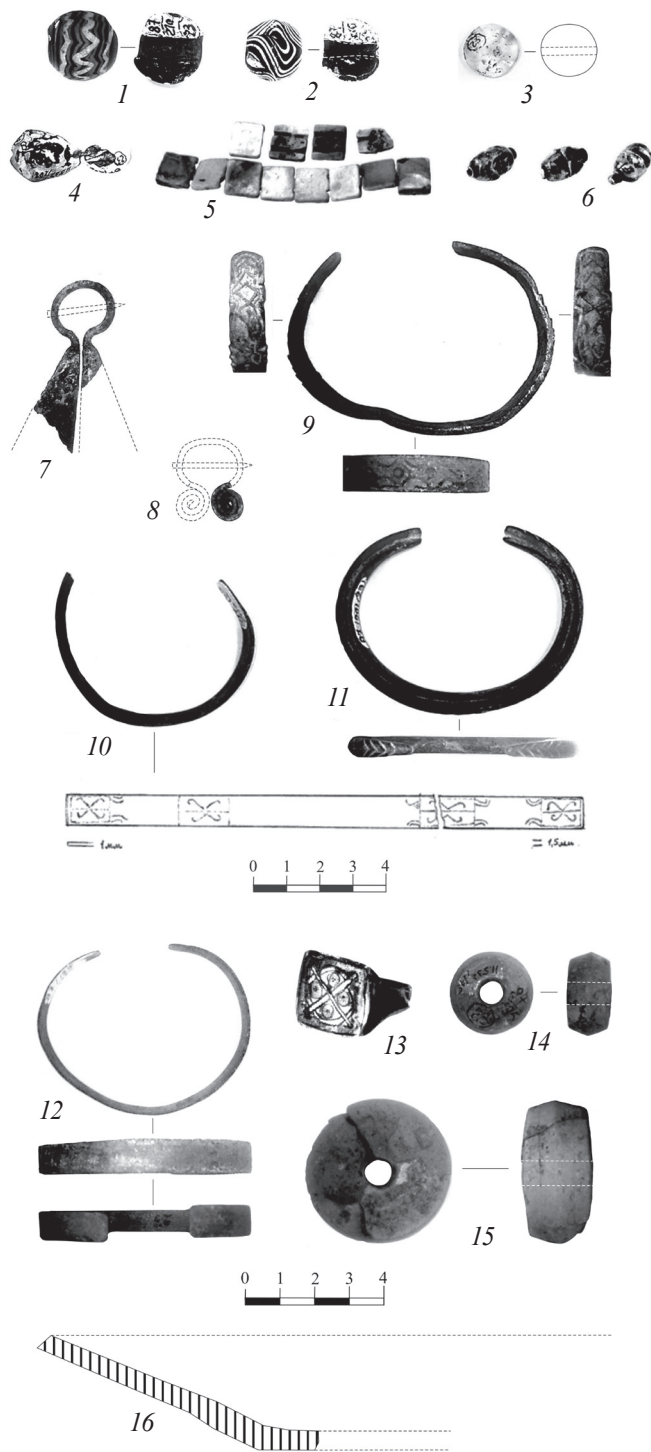

Рис. 3. Комплекс погребения юной женщины Барбашинского могильника — погребение 13 раскопа А:

1 — 3 — бусы; 4 — подвески-каури; 5 — бусы-пронизки; 6 — бусы-подвески; 7 — 8 — застежки-сюльгамы; 9 — 10, 12 — пластинчатые браслеты; 11 — дровотый браслет; 13 — перстень; 14 — 15 — пряслица; 16 — фрагмент чаши.
1 — 2 — стекло; 3 — хрусталь; 4 — 5 — раковины; 6 — серебро; 7 — 12 — медь и сплавы на основе меди; 13 — серебро, чернь; 14 — 16 — глина.

Утрачены: цепочки от бус-подвесок, перстень серебряный, перстень медный, бусы синие и золотистые, бисер цилиндрический, кольца-серьги медные

Figure 3. The complex of the burial of a young woman of the Barbashinsky burial ground — burial 13 trench A:

1 — 3 — beads; 4 — cowrie pendants; 5 — threaded beads; 6 — pendant beads; 7 — 8 — clasps-sylgams; 9 — 10, 12 — lamellar bracelets; 11 — dart bracelet; 13 — ring; 14 — 15 — whorl; 16 — a fragment of a bowl.
1 — 2 — glass; 3 — crystal; 4 — 5 — shells; 6 — silver; 7 — 12 — copper and copper-based alloys; 13 — silver, black; 14 — 16 — clay.

Lost: chains from pendant beads, a silver ring, a copper ring, blue and gold beads, cylindrical beads, copper earring rings

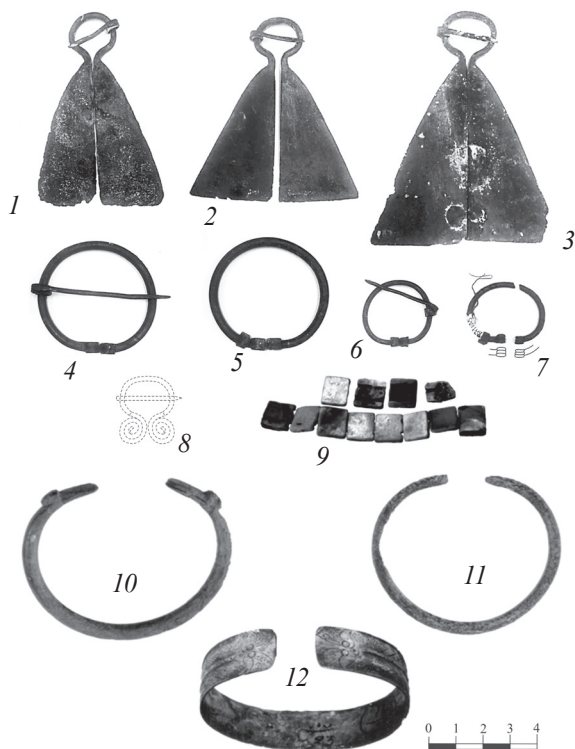

Рис. 4. Комплекс погребения женщины среднего возраста Барбашинского могильника — погребение 2 раскопа I: 1 — 3 — застежки-сюльгамы; 4 — 8 — застежки; 9 — бусы-пронизки; 10 — 11 — дровяные браслеты; 12 — пластинчатый браслет (10 — 12 по Д. А. Сташенкову, А. Ф. Кочкиной, 2008).
1 — 8, 10 — 11 — медь и сплав на основе меди; 9 — раковины; 12 — серебро.
Утрачены: застежка 8 (по схеме погребения и описанию из дневника раскопок), бусы 9 (по описанию из дневника раскопок)

Figure 4. The burial complex of a middle-aged woman of the Barbashinsky grave field — burial 2 trench I: 1 — 3 — syulgam fasteners; 4 — 8 — fasteners; 9 — threaded beads; 10 — 11 — dart bracelets; 12 — lamellar bracelet (10 — 12 according to D. A. Stashenkov, A. F. Kochkina. 2008).
1 — 8, 10 — 11 — copper and copper-based alloy; 9 — shells; 12 — silver.
Lost: clasp 8 (according to the scheme of the burial and the description from the diary of the trenches), beads 9 (according to the description from the diary of the trenches)

Установленные возрастные закономерности появления и исчезновения тех или иных категорий украшений позволяют ограничить временные рамки их бытования у конкретных женщин. При наличии абсолютной датировки времени смерти женщины это дает возможность определить период изготовления и ношения украшений, характерных для определенной возрастной группы. Наиболее наглядные примеры этого встречаются в материалах раскопок Барбашинского могильника (рис. 6). Во время работ 1935 г. в раскопе D было изучено погребение 10 — женщина в возраст-

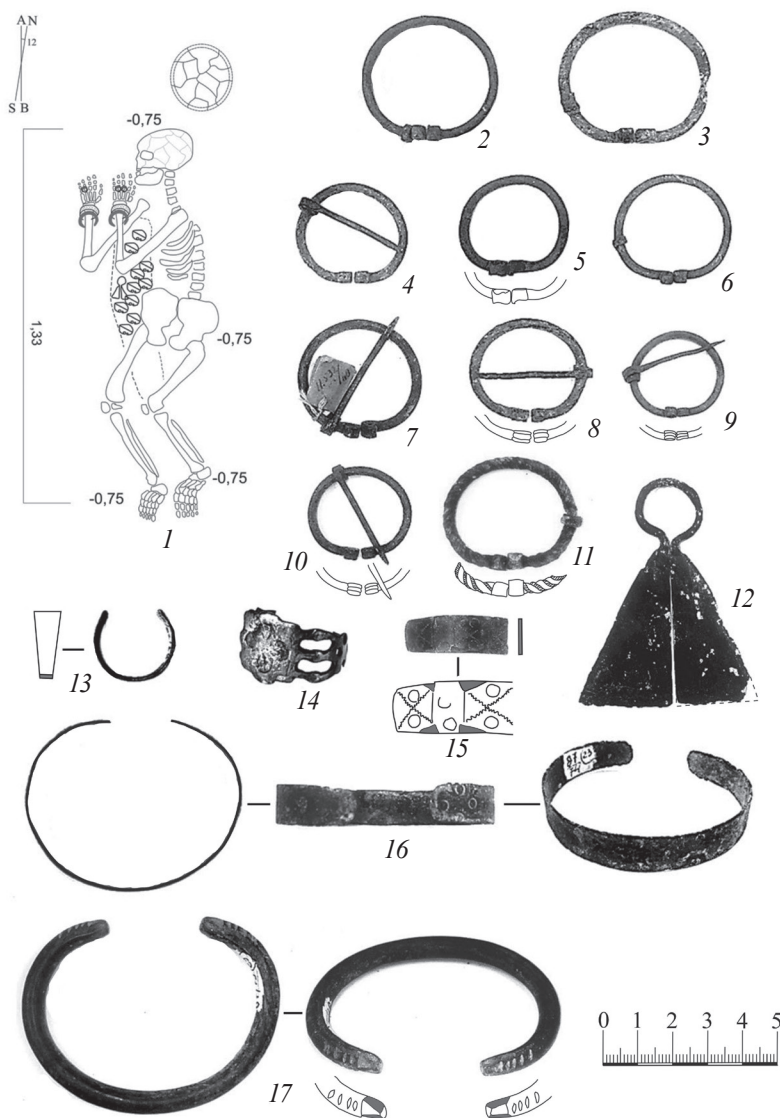

Рис. 5. Комплекс погребения старой женщины Барбашинского могильника — погребение 9 раскопа А (по Д. А. Козлову, 2023): 1 — реконструированная схема погребения (составил Д. А. Козлов); 2 — 11 — застежки; 12 — сьюльгама; 13 — фрагмент шинки перстня; 14 — перстень с ажурной шинкой; 15 — фрагмент пластинчатого браслета (окончание увеличено); 16 — пластинчатый браслет; 17 — дротовый браслет.
2 — 13, 15 — 17 — медь и сплавы на основе меди; 14 — серебро

Figure 5. Burial complex of an old woman of the Barbashinsky grave field — burial 9 trench A (according to D. A. Kozlov, 2023): 1 — reconstructed scheme of the burial (compiled by Kozlov D. A.); 2 — 11 — fasteners; 12 — sulgama; 13 — fragment of a ring shank; 14 — a ring with an openwork shank; 15 — a fragment of a lamellar bracelet (the end is enlarged); 16 — lamellar bracelet; 17 — dart bracelet.
2 — 13, 15 — 17 — copper and copper-based alloys; 14 — silver

те более 50 лет. У нее помимо украшений костюма была обнаружена монета хорошей сохранности чекана хана Хызра (1359/60 г.) [10]. Практически тем же временем датирована новая монета чекана хана Джанибека (1357 г.) в составе комплекса погребения 1 раскопа 4 у женщины в возрасте 40 — 50 лет, исследованного во время раскопок 2013 г. Д. А. Сташенковым. Датировка монет в обоих погребениях в пределах конца 1350-х гг. и разный возраст умерших женщин — погребение 10 раскопа D (1935 г.) старше женщины из погребения 1 раскопа 4 (2013 г.) не менее чем на 10 лет — позволяют рассмотреть непосредственно предметы из набора их украшений и сравнить. Зная, что перстни и браслеты у женщин данной общины появлялись в возрасте 15 — 20 лет, можно определить абсолютное время изготовления (или поступления) этих видов украшений к женщинам. Соответственно для женщины из погребения 10 раскопа D (1935 г.) это период конца 1310-х — 1320-е гг. (время рождения — 1300-е гг.), для женщины из погребения 1 раскопа 4 (2013 г.) это последующий период — конец 1320-х — 1330-е гг. (время рождения — 1310 — 1320-е гг.). Этим периодом датируются перстни (у женщины из погребения 10 раскопа D, к сожалению, утрачены) и браслеты. По браслетам хорошо просматривается их эволюция — от имитации головы змеи (дракона), созданной методом насечки и шлифовки в погребении 10 раскопа D, к литым и кованным накладкам (в том числе напаянным) в погребении 1 раскопа 4 (рис. 6а, 14, 6б, 18). Рассматривая застежки, можно также сделать некоторые наблюдения. В погребении 10 раскопа D нет витых из проволоки застежек, а у более молодой женщины из погребения 1 раскопа 4 они есть (рис. 6б, 13 — 16). Это говорит о том, что подобные украшения могли появиться уже после времени молодости женщины из погребения 10 раскопа D, примерно в 1330 — 1340-е гг. У обеих женщин имеются застежки, обвитые тонкой проволокой, и застежки с желобками на цилиндриках концов, что свидетельствует об их существовании во время их жизни (рис. 6а, 10; 6б, 17).

Во многом аналогичная ситуация просматривается и по результатам раскопок Старосельского могильника (см. табл. 3). Здесь мы также видим наличие всех категорий украшений у двух молодых женщин (погребения 24 и 28). Стоит отметить то, что бусы вообще не встречаются у женщин иного возраста кроме них, даже у девочек. Видимо, это было связано с некими обычаями мордвы того региона, соотносимых с мордвой-герюханами (Герюшевская волость XVI — XVIII вв.), так как бусы отсутствуют и в материалах золотоордынского времени из Сарлейского могильника, в том числе в комплексах, явно принадлежавших знатным людям (погребения 18, 19; 1927 г.) [6, с. 24 — 55].

В связи с этим стоит отметить, что в этнографическое время у мордвы в украшениях уже не было многих категорий, характерных для более раннего периода истории народа, например браслетов. Судя по археологическим материалам, например из Кельгининского могильника, где представлено много комплексов второй половины XVI в. — начала XVIII в., они были в наличии еще в первой половине XVIII в. [2; 5]. Отсутствие браслетов просматривается уже на рисунках экспедиции П. С. Палласа в 1768 г., где они не представлены в костюме и не описаны⁵ [14,

⁵ Прокина Т. П. Мордовский народный костюм: альбом. Саранск, 2007. С. 4 — 5.

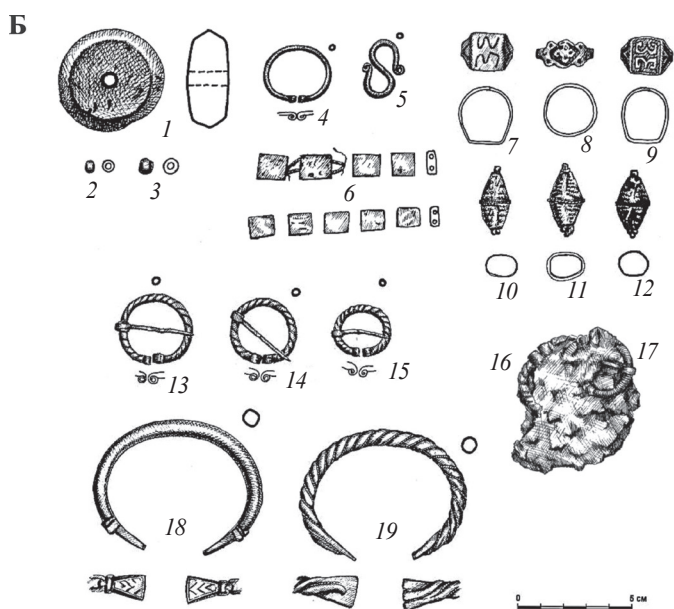
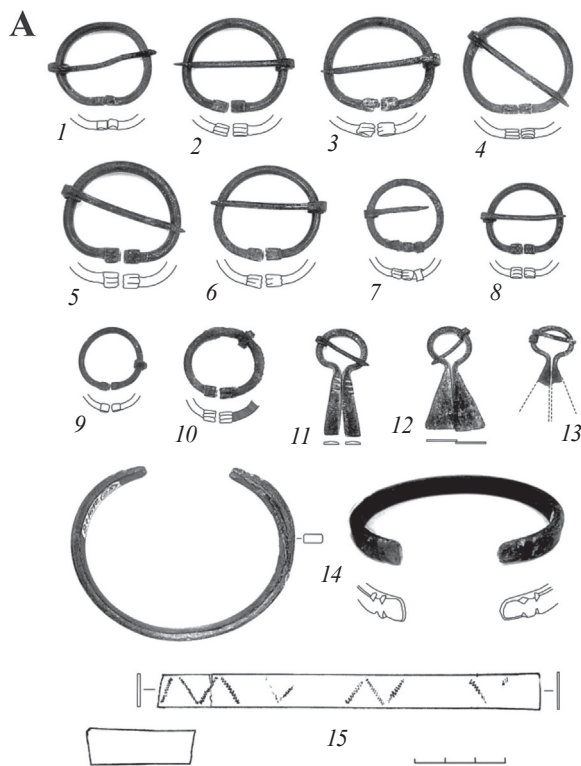

Рис. 6. Пример возрастной хронологической корреляции из Барбашинского могильника:
 А — погребение 10 раскопа D (1935 г. — по Д. А. Козлову, 2023): 1 — 9 — застёжки; 10 — застёжка, обвитая проволокой; 11 — 12 — сьюльгами; 13 — фрагмент сьюльгамы с плоскими лопастями; 14 — дротовый браслет; 15 — пластинчатый браслет и его фрагмент.
 1 — 15 — сплавы на основе меди.
 Б — погребение 1 раскопа 4 (2013 г. — по Д. А. Сташенкоу, 2014): 1 — пряслице; 2 — 3 — бусы; 4 — ковванная застёжка; 5 — S-видный крючок; 6 — бусы-пронизки; 7 — 9 — перстни; 10 — 12 — бусы-подвески; 13 — 16 — застёжки витые; 17 — застёжка, обвитая проволокой; 18 — дротовый браслет; 19 — витой браслет.
 1 — глина; 2 — 3 — стекло; 4, 5, 10 — 19 — медь и сплавы на основе меди; 6 — раковина; 7 — 9 — серебро, чернь

Figure 6. An example of age chronological correlation from the Barbashinsky grave field:

A — burial 10 trench D (1935 — according to D. A. Kozlov, 2023): 1 — 9 — fasteners; 10 — fastener wrapped with wire; 11 — 12 — sulgams; 13 — fragment of a syllama with flat blades; 14 — dart bracelet; 15 — lamellar bracelet and its fragment.
 1 — 15 — alloys based on copper.
 B — burial 1 trench 4 (2013 — according to D. A. Stashenkov, 2014): 1 — whorl; 2 — 3 — beads; 4 — forged clasp; 5 — S-shaped hook; 6 — threaded beads; 7 — 9 — rings; 10 — 12 — pendant beads; 13 — 16 — twisted fasteners; 17 — clasp wrapped in wire; 18 — dart bracelet; 19 — twisted bracelet.
 1 — clay; 2 — 3 — glass; 4, 5, 10 — 19 — copper and copper-based alloys; 6 — shell; 7 — 9 — silver, black

с. 82 — 83]. Женщинам на рисунках этой экспедиции примерно 20 — 30 лет, т. е. они родились в 1740 — 1750-х гг. Академик П. С. Паллас во время путешествия в долине реки Пьяны, рассматривая костюм эрзянских женщин, обратил внимание на различия девичьего костюма и костюма замужних женщин: «...у девиц на одеянии гораздо меньше гремушек...» [14, с. 83].

Явление возрастных отличий в костюме у женщин хорошо известно в более близкое нам время — у мордвы XIX — XX вв. Согласно данным Т. П. Прокиной, на начало — середину XX в. наиболее нарядный костюм у мордовских женщин появлялся как раз у невесты и молодой женщины — в 15 — 20 лет. К 35 — 40 годам происходит полная его замена на относительно простой⁶. Пожилые и старые женщины носили самый простой костюм и по вышивке, и по украшениям. Количество ожерелий у них значительно уменьшалось. Такие же данные приводит и Г. А. Корнишина, уточняя причину подобного богатства убранства молодых: «Полный традиционный костюм со всеми украшениями и дополнительными элементами молодые люди начинали носить по достижении ими брачного возраста, то есть с 16 — 17 лет... Изменения в одежде молодежи были общественной демонстрацией их совершеннолетия... которые должны были „известить“ окружающих об их готовности к браку» [12, с. 303]. Имелась и поныне частично существует среди мордвы и специальная терминология, обозначающая детей разного возраста (э. — эрзянский язык, м. — мокшанский язык) — от *тейтерь*, *стирь* (э., м. «дочь») к *потия эйкаки* (э.) *потяй идь* (м.) (в 2 — 3 года), к *эйде* (э.) *тётмак* (м.) (в 3 — 7 лет), к *эйкаки* (э.) *идьмор* (м.) (до 14 — 15 лет). Невеста называлась *одирьва*, *максонька* (э.), *максом стирь* (м.). Широко распространено обозначение замужней женщины — *ава* (э., м.). Родителей называют *авай*, *тядй* (э., м. «мать; свекровь»). При матери жениха невестку называли *мазава*, *парава*, *вежава* и т. д. Подобное изменение терминологии было призвано подчеркнуть возрастные различия между матерью жениха и женой. Именованье бабушки со стороны отца — *баба* (м., э.), со стороны матери — *васол баба*, *вечка баба* (э.), *щав*, *оцю дядй*, *щав* *бабай*, *щаваня* (м.) [13, с. 288 — 291]. Наличие развитой терминологии родства и упорядоченность внутри общины — одна из отличительных черт мордовской лексики, которая фиксировала и развитую систему внутрисемейных и родовых отношений, где каждый возраст и статус имели определенное социальное и бытовое значение (права и обязанности, уважение, обращение и т. д.).

Закономерность возрастных отличий в украшениях мордовских женщин просматривается и по фотографиям начала XX в. Характерный и яркий пример представлен на рис. 7. На фотографии представлена мордовская семья в полном составе — отец (в кепке в центре), мать (слева) — на ней сьюльгамо с украшениями и ожерелья на груди, серьга. Детей шестеро. Судя по их возрасту, от 1,5 до 15-18 лет, матери 33-35 лет. Слева от отца сидит старшая дочь 15-18 лет, на ней костюм невесты — сьюльгамо с украшениями, обилие ожерелий, полностью покрывающих шею и частично грудь, серьги, два перстня на правой руке. Девочки детского возраста не имеют украшений (первый ряд), их сестра примерно возраста подростка имеет лишь одно ожерелье (третий ряд).

⁶ Прокина Т. П. Указ. соч. С. 19, 26.

Рис. 7. Семья крестьянина. Мокша. Пензенская губерния, Чембарский уезд, пос. Загибалиха. 1927 г. Фото И. Я. Бондякова. Кунсткамера. И 1672-52 (источник: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/105010?query=мокша&index=27>)

Figure 7. The peasant's family. Moksha, Penza governorate, Chembarsky District, village of Zagibalikha, 1927. Photo by I. Ya. Bondyakov. Kunstkamera. И 1672-52 (source: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/105010?query=мокша&index=27>)

потомству. Иными словами, период получения (подарок, покупка) и ношения — около 40 лет. Часть бус женщина получала еще будучи девочкой и девушкой от родственников, т. е. какая-то часть бус могла быть более раннего времени (от матери), часть — современными времени жизни женщины (покупка). Перстни и браслеты,

Обратимся к фольклорным источникам. Из мордовского народного устного творчества особый интерес для нас представляет сказка о «Дуболго Пичай». Это произведение явно относится к дохристианскому времени и содержит некоторые подробности, не встречающиеся в других более поздних сказках. Несмотря на различные переделки, во всех имеется сюжет, где братья Дуболго Пичай обещают купить (и, видимо, это делают) любимой красавице-сестре браслеты и перстни после удачной охоты⁷. О возрасте Дуболго говорит тот факт, что сразу после воскрешения (пробуждения) она выходит замуж за своего спасителя Виртяна⁸. Этот факт свидетельствует о том, что на момент смерти и воскрешения она была в возрасте невесты (15 — 20 лет). Данный сюжет позволяет увидеть отражение такого явления и в мордовском фольклоре.

По рассмотренным выше материалам Барбашинского могильника видно, что лопастные сюльгамы и застежки носили женщины почти всех возрастов, кроме новорожденных. Бусы появлялись у женщины с детского возраста и постепенно переходили после замужества уже к

⁷ Мордовские народные сказки / К. Т. Самородов (собр. и сост.), А. А. Долгачев (сост.). Саранск, 1985. С. 162.

⁸ Там же. С. 165.

за отдельными исключениями, появляются у мордвовок только начиная с возраста невесты (с 15 — 16 лет) и имеются вплоть до смерти. Часть женщин более старшего возраста не имеет некоторых украшений, что, возможно, обусловлено обычаями, семейным положением или иными аспектами, требующими обстоятельного изучения.

Заключение

Выявленные закономерности по материалам раскопок Барбашинского могильника имеют несколько основных значений для изучения мордовских древностей и реконструкции истории народа в золотоордынское время.

1. В XIII — XIV вв. возрастными украшениями мордовских женщин являлись перстни, браслеты и бусы. Перстней и браслетов не обнаружено у девочек и девушек до 15 лет. Бус не обнаружено у пожилых и старых женщин. «Богатство» костюма в данном случае связано с возрастом.

2. По наличию или отсутствию подобной категории инвентаря (наряду с другими) можно косвенно определить возраст женщины даже при плохой сохранности или отсутствии костей.

3. Хронологическое значение заключается в том, что при наличии тех или иных категорий предметов, можно говорить и о времени их появления у женщины, тем самым выделяя отдельные интервалы, позволяющие при накоплении подобных данных делать обобщающие выводы о развитии и эволюции украшений данного исторического периода.

4. Наличие или отсутствие тех или иных категорий украшений свидетельствует о переходе женщины в иной статус внутри семьи и общины (от *стирь* к *эйкакши* и *идьмор* к *одирьва* и *максом стирь* к *ава* и далее к *васол баба* и *щавя*).

Данные наблюдения требуют более масштабной проверки, тем более, что они характерны для археологических памятников, относимых либо к мордве-эрзе или смешанному населению с преобладанием эрзянского компонента (Барбашинский могильник) либо близким к ним мордве-герюханам (Старосельский могильник).

В рамках статьи рассмотрены статистические материалы из археологических раскопок Барбашинского могильника (1935, 2011 — 2013 гг.) и сравнительные данные по Старосельскому могильнику (раскопки 2016 — 2019 гг.). Опираясь на методику социальной археологии, удалось наметить некоторые закономерности возрастного распределения различных категорий украшений. Во многом эти закономерности реально существовали уже в этнографическое время — в XVIII — XX вв. Полученные выводы требуют уточнения и проверки на более обширном материале, в том числе с точки зрения эволюции во времени (в XV — XVII вв.), а также расширения разработки вопроса на этнической основе — по мордве-мокше, из материалов могильников, соотносимых с этим этносом в эпоху Золотой Орды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев С. И. Бокинский могильник средневековой мордвы // Российская археология. 2020. № 2. С. 151 — 166.
2. Беляев Я. В., Вихляев В. И., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Кельгининский могильник: Раскопки 1990-х гг. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 1998. 168 с.

3. Берсенева Н. А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н. э. (по материалам погребальных памятников): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2019. 838 с.
4. Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.
5. Вихляев В. И., Пронин А. С. Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника 1999 — 2001 гг.: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 356 с.
6. Горюнова Е. И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1948. С. 6 — 55.
7. Гришаков В. В., Давыдов С. Д. Социальная стратификация населения, оставившего Усть-Узинский 2 (древнемордовский) могильник III — IV вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 7 — 16. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-1-2014u.pdf>
8. Гришаков В. В., Давыдов С. Д., Седышев О. В., Сомкина А. Н. Мордовские племена накануне Великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III — IV вв.): моногр. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2016. 195 с.
9. Ефименко П. П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III, вып. 1. С. 59 — 84.
10. Козлов Д. А. Женское погребение с золотоордынской монетой из Барбашинского могильника раскопок 1935 г. // Лебедевские чтения: сб. ст. по материалам XXIV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году педагога и наставника и 80-летию образования Пензен. гос. ун-та / под ред. д-ра ист. наук, проф. О. А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. С. 126 — 131.
11. Козлов Д. А. Комплекс парного погребения 9 — 10 Барбашинского могильника (из раскопок Б. А. Латынина) в системе хронологии мордовских древностей золотоордынского периода // Археология евразийских степей. 2023. № 1. С. 301 — 313.
12. Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. С. 294 — 318.
13. Николаев С. Д. Система родства // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. С. 288 — 293.
14. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1773. Т. 1. 786 с.
15. Сташенков Д. А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 326 — 329.
16. Сташенков Д. А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.

Статья поступила в редакцию 31.08.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 29.11.2023.

Информация об авторе:

Дмитрий Александрович Козлов, аспирант отдела археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), demetriy87@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Andreev SI. Bokinsky Grave Field of the Medieval Mordovians. *Russian Archeology*. Moscow;2020;(2):151—166. (In Russ.)
2. Belyaev YaV, Vikhlyayev VI, Zelentsova OV, Shitov VN. Kelgininsky Grave Field: Excavations of the 1990s. Saransk;1998. (In Russ.)
3. Berseneva NA. Age and Gender Differentiation in the Societies of the Southern Urals in the II Millennium BC (A Case Study of Burial Monuments). Dis. ... Dr. of Hist. Sci. Ekaterinburg;2019. (In Russ.)
4. Berseneva NA. Social Archeology: Age, Gender and Status in the Burials of the Sargat Culture. Yekaterinburg;2011. (In Russ.)
5. Vikhlyayev VI, Pronin AS. Medieval Moksha. The First Centuries Together with Ancient Russia. *Proceedings of the Excavations of the Kelgininsky Grave Field (1999 — 2001)*. Saransk;2016. (In Russ.)
6. Goryunova EI. Sarley Grave Field. *Archaeological Collection*. Saransk;1948;1:6—55. (In Russ.)
7. Grishakov VV, Davydov SD. Social Stratification of the Population that Left the Ust-Uzinsky (Old Mordovian) Grave Field 2 of the III — IV Centuries. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2014;(1):7—16. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-1-2014u.pdf> (In Russ.)
8. Grishakov VV, Davydov SD, Sedyshev OV, Somkina AN. Mordovian Tribes on the Eve of the Great Migration of Peoples (Ust-Uzinsky Grave Field of the III — IV Centuries). Saransk;2016. (In Russ.)
9. Efimenko PP. Ryazan Grave Fields. Experience of Cultural-Stratigraphic Analysis of Mass-Type Grave Fields. *Ethnography Proceedings*. Leningrad;1926;3(1):59—84. (In Russ.)
10. Kozlov DA. Female Burial with a Golden Horde Coin from the Barbashinsky Grave Field Excavated in 1935. *Lebedev Readings: Proceedings of the XXIV All-Russian Scientific and Practical Conference, Dedicated to the Year of the Teacher and Mentor and the 80th Anniversary of Education of Penza State University*. Penza;2023:126—131. (In Russ.)
11. Kozlov DA. The Complex of a Paired Burial 9 — 10 of the Barbashinsky Grave Field (from the Excavations of B. A. Latynin) in the System of Chronology of Mordovian Antiquities of the Golden Horde Period. *Archeology of the Eurasian Steppes*. Kazan;2023;(1):301—313. (In Russ.)
12. Kornishina GA. Traditional Ritual Culture of the Mordovians. *Mordva: Essays on the History, Ethnography and Culture of the Mordovian People*. Saransk;2012:294—318. (In Russ.)
13. Nikolaev SD. Kinship System. *Mordva: Essays on the History, Ethnography and Culture of the Mordovian People*. Saransk;2012:288—293. (In Russ.)
14. Pallas PS. Journey through Different Provinces of the Russian State. St. Petersburg;1773:1. (In Russ.)
15. Stashenkov DA. Barbashinsky Grave Field on the Territory of the City of Samara: Some Results of the Study and Prospects for Research. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2014;16(3):326—329. (In Russ.)
16. Stashenkov DA. New Archaeological Research on the Territory of the City of Samara. Samara;2012. (In Russ.)

The article was submitted 31.08.2023; approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 29.11.2023.

Information about the author:

Dmitry A. Kozlov, Postgraduate Student of the Department of Archaeology of the Scientific Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), demetriy87@gmail.com

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 902/904
EDN BQXXKH

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ИТОГИ МОНИТОРИНГА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ КОВЫЛКИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В 2022 г.

С. В. Видяйкин✉, Е. Н. Кемаев, А. С. Пронин

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

✉ vidyaikin_sergeri@mail.ru

Аннотация

Введение. На территории Республики Мордовия насчитывается около семисот памятников археологии. В связи со значительной неравнозначностью степени их изучения, сведения о многих из них весьма противоречивы. Из-за этого государственный реестр объектов культурного наследия республики содержит неточности и ошибки. Мониторинг же памятников археологии способствует их исправлению и уточнению сведений о памятниках, часть из которых никогда не обследовались.

Материалы и методы. Мониторинг объектов культурного наследия предназначен для периодической или плановой инвентаризации и учета объектов культурного (археологического) наследия, отслеживания изменений их состояний, например, повреждения или начавшегося разрушения по природным или техногенным причинам. Документы о результатах проведенного мониторинга объектов культурного наследия подлежат оформлению по установленному образцу, составленному профильными органами по охране объектов культурного наследия. Данные документы являются частью системы единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и подлежат бессрочному хранению.

Результаты исследования и их обсуждение. В 2022 г. в Ковылкинском районе был проведен мониторинг городищ у с. Троицк и Рыбкино, д. Поникедовка, с. Красный Шадым, а также поселения и могильника у с. Паньжа. Мониторинг этих шести памятников археологии позволил уточнить сведения об их местонахождении, провести фотофиксацию степени их сохранности, а также детализировать представления об их пространственном расположении, структуре и размерах.

Заключение. Мониторинг подтвердил характерную для республики тенденцию, что главными факторами разрушения памятников археологии выступают антропогенное влияние (в первую очередь — строительная и сельскохозяйственная деятельности) и естественное воздействие природной среды (в основном — эрозия и выветривание).

Ключевые слова: памятник археологии, Ковылкинский район, вал, ров, городище, поселение, могильник, мониторинг

Для цитирования: Видяйкин С. В., Кемаев Е. Н., Пронин А. С. Итоги мониторинга памятников археологии Ковылкинского района Республики Мордовия в 2022 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 161 — 172. EDN BQXXKH

© Видяйкин С. В., Кемаев Е. Н., Пронин А. С., 2024

Original article

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENT MONITORING IN THE KOVYLKINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN 2022

S. V. Vidyaykin✉, E. N. Kemaev, A. S. Pronin

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

✉vidyaikin_sersei@mail.ru

Abstract

Introduction. There are about seven hundred archaeological monuments on the territory of the Republic of Mordovia. Due to the significant inequality in the degree of their study, information about many of them is very contradictory. Because of this, the state register of cultural heritage sites of the republic contains inaccuracies and errors. Monitoring of archaeological monuments helps to correct them and clarify information about the monuments, some of which have never been examined.

Materials and methods. Monitoring of cultural heritage objects is intended for periodic or scheduled inventory and recording of cultural (archaeological) heritage objects, tracking changes in their conditions, for example, damage or incipient destruction due to natural or man-made reasons. Documents on the results of the monitoring of cultural heritage sites must be prepared according to the established template drawn up by the relevant authorities for the protection of cultural heritage sites. These documents are part of the system of the unified state register of cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation and are subject to indefinite storage.

Results and discussion. In 2022, in the Kovylkinsky District, monitoring was carried out of settlements near the villages of Troitsk and Rybkino, the village of Ponikedovka, the village of Krasny Shadym, as well as a settlement and burial ground near the village of Panzha. Monitoring of these six archaeological monuments made it possible to clarify information about their location, photograph the degree of their preservation, and also detail ideas about their spatial location, structure and size.

Conclusion. Monitoring confirmed the trend characteristic of the republic that the main factors in the destruction of archaeological monuments are anthropogenic influence (primarily construction and agricultural activities) and the natural impact of the natural environment (mainly erosion and weathering).

Keywords: archaeological monument, Kovylkinsky District, rampart, moat, ancient settlement, settlement, grave field, monitoring

For citation: Vidyaykin SV, Kemaev EN, Pronin AS. The Results of Archaeological Monument Monitoring in the Kovylkinsky District of the Republic of Mordovia in 2022. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(2):161—172. EDN BQXXKH

Введение

В июне 2002 г. в России был принят федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Согласно п. 14 ст. 33 этого закона в целях определения мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного наследия один раз в пять лет проводятся обследование и фотофиксация состояния объектов культурного наследия, включен-

¹ Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия. URL: <https://gostinform.ru/other-dokumenty/metodicheskie-rekomendacii-obj45228.html> (дата обращения: 20.10.2023).

ных в реестр, с составлением актов технического состояния объектов культурного наследия¹.

В силу различных обстоятельств долгое время в Мордовии мониторинг памятников археологии не проводился. Данная ситуация изменилась в 2020 г., когда специалисты отдела государственной охраны объектов культурного наследия Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия начали проводить помимо мониторинга памятников истории, культуры и архитектуры обследование состояния объектов археологического наследия. В связи с отсутствием в штате отдела археологов, руководство министерства обратилось за помощью в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, и с 2020 г. сотрудники отдела археологии осуществляют научно-методическое сопровождение мониторинга памятников археологии, проводимое отделом государственной охраны объектов культурного наследия Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия.

На территории Республики Мордовия насчитывается около 700 памятников археологии. В связи со значительной неравнозначностью степени их изучения сведения о многих из них весьма противоречивы. Из-за этого государственный реестр объектов культурного наследия республики содержит неточности и ошибки. Мониторинг же памятников археологии способствует их исправлению и уточнению сведений о памятниках, часть из которых никогда не обследовались.

Обзор литературы

Одними из первых в 1990-х гг. начали разрабатывать вопросы мониторинга памятников археологии сотрудники Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. С 1997 по 1999 г. на базе института ежегодно проходил семинар «Мониторинг археологического наследия», посвященный проблемам контроля за состоянием археологического наследия на федеральном и региональном уровнях. Материалы этих семинаров были изданы в 2000 г. в виде сборника «Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр» [5]. В 2001 г. сотрудники института подготовили «Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия»². Публикация явилась одной из первых попыток дать представление об экологическом мониторинге недвижимых объектов культурного наследия и была предназначена для использования в регионах страны.

Принятие федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в 2002 г. стимулировало активизацию мониторинговой деятельности по всей стране. В связи с этим в различных регионах все активнее начали публиковаться статьи с результатами обследования памятников археологии [1; 2; 3; 4; 7; 8].

В целом, анализ историографии рассматриваемой проблемы показывает, что все более увеличивающееся каждый год количество научных статей по мониторингу

² Разработка принципов и методов мониторинга объектов культурного наследия. 2012. 12 дек. URL: <https://culture.gov.ru/documents/> (дата обращения: 20.10.2023).

памятников археологии свидетельствует о значительном исследовательском интересе к нему со стороны ученых.

Материалы и методы

В арсенале позитивно зарекомендовавших себя средств и способов наблюдений и оценки состояния культурного наследия присутствуют следующие основные методы:

- натурные обследования, включая фотофиксацию;
- визуальная экспертная оценка;
- зондаж и инструментальные замеры;
- лабораторные исследования;
- библиографические и архивные исследования.

Очевидно, что наиболее полные и точные результаты мониторинга возможны при использовании по мере необходимости всех перечисленных методов. Однако в силу высокой затратности во многих случаях это не осуществимо, и в качестве паллиатива для повсеместного использования рекомендуются методы натурных обследований и экспертной оценки. Во многих случаях они дают удовлетворительные результаты для понимания происходящих с памятниками процессов³.

По итогам мониторинга объектов культурного наследия обновляются сведения об объектах культурного наследия, в частности о их состоянии и соответствии документам государственного учета. Он осуществляется государственным органом, который отвечает за охрану указанных объектов в данном регионе. Мониторинг объектов культурного наследия — это методика получения оперативной аналитической информации о их состоянии, причинах и тенденциях его изменения для обеспечения своевременного проведения мероприятий по сохранению культурного наследия инструментами государственных ответственных органов⁴.

Мониторинг объектов культурного (археологического) наследия предназначен для их периодической или плановой инвентаризации и учета, отслеживания изменений состояний (например, повреждение или начавшееся разрушение по природным или техногенным причинам). Результаты проведенного мониторинга объектов культурного наследия оформляются по установленному образцу, составленному профильными органами по охране объектов культурного наследия. Данные документы являются частью системы единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и подлежат бессрочному хранению⁵.

Тем не менее, организация работы органов государственной власти в различных субъектах Российской Федерации имеет свою специфику. Если общие принципы проведения мониторинга по стране одинаковы, то методика в разных регионах может отличаться. По нашему мнению, это ставит перед федеральным правительством не-

³ Организация и проведение мониторинга объектов культурного наследия. URL: <http://rosarheolog.ru/organizaciya-i-provedenie-monitoringa-obektov-kulturnogo-naslediya/> (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ Организация и проведение мониторинга объектов культурного наследия (дата обращения: 20.10.2023).

⁵ Археологическая карта России. Республика Мордовия. С. 303.

обходимость разработки единой методики мониторинга, которая бы максимально учитывала специфику проведения этой деятельности в разных регионах страны.

Результаты исследования и их обсуждение

В 2022 г. в Ковылкинском районе был проведен мониторинг городищ у с. Троицк, Рыбкино, Красный Шадым, д. Поникедовка, а также поселения и могильника у с. Паньжа.

Городище у с. Троицк расположено на возвышенности, в месте слияния рек Сезелка и Мокша. Объект был построен в 1623 г. и являлся частью Белгородско-Симбирской засечной черты XVII в. Подходы к Троицкой крепости с трех сторон прикрывали водные преграды: на северо-востоке полноводная Мокша, на юго-востоке речка Сезелка, на юго-западе небольшое озеро Чатверок и чуть дальше та же Сезелка, которая огибала все поселение с запада. Основной задачей крепости была охрана на Ногайской дороге моста через Сезелку.

По плану Троицкая крепость представляла собой почти правильный четырехугольник. С восточной и северной сторон крепости рва практически не было. Расстояние от восточной стороны крепости до русла речки 80 — 100 м, что позволяло обстреливать переправу из крепостных башен. Крепость имела шесть башен, две из которых — передняя (западная) и задняя (восточная) — были проездными. В конце 1990-х гг. памятник был обследован краеведом А. Г. Нечаевым. Им было установлено что деревянные укрепления исчезли не позднее XVIII в. От земляных укреплений — рвов и валов — почти ничего не осталось. На месте северной крепостной стены сейчас стоит Троицкая средняя школа, а основная территория крепости превратилась в спортивную площадку школы [6, с. 59 — 65].

Мониторинг показал, что памятник расположен на территории с. Троицк в западной части квартала, ограниченного с северо-востока — улицей Красноярской, с юго-востока — улицей Набережной, с юго-запада — улицей Ленина, с северо-запада — улицей Молодежной. Площадка городища относительно ровная. Рельеф местности понижается в направлении север — юг. Перепад высот составляет около 4 м.

В северной части памятника в настоящее время расположены церковь Рождества Христова, здание Троицкой средней школы, а также памятник воинам, погибшим в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. В центральной и южных частях крепости расположены спортивная и детская площадки.

Фортификационные укрепления северо-восточной стены крепости визуально на местности не определяются. Вероятно, эта часть оборонительных сооружений была уничтожена в ходе возведения церкви Рождества Христова, а также при строительстве школы. Оборонительные укрепления юго-восточной стены крепости выявлены частично. Сохранился лишь небольшой отрезок сильно оплывшего вала, вытянутого по линии СВ — ЮЗ. Длина этого отрезка составляет 67 м. Высота объекта колеблется от 50 см в северной части до 25 — 30 см в южной. Ширина основания составляет около 4 м, в настоящее время по хребту вала пролегает тропинка. Оборонительные укрепления юго-западной стены крепости представлены отрезком сильно оплывшего вала, вытянутого по линии ЮВ — СЗ. Длина выявленного отрезка составляет 92 м. Высота хребта вала над местностью не превышает 30 см. Ширина основания составляет порядка 6 м поверхность объекта

хорошо задернована. Оборонительные укрепления северо-западной стены представлены фрагментом вала. Выявленный отрезок объекта составляет 75 м. Высота вала колеблется от 20 см в южной части до 40 см в северной части. Ширина основания вала составляет 6 м.

Мониторинг показал, что объект культурного наследия находится в неудовлетворительном состоянии. Фортификационные укрепления почти полностью уничтожены. Ров и башенные основания визуально не определяются. Сохранившиеся фрагменты валов сильно оплыли и не четко выражены на местности.

Первое упоминание о существовании городища у с. Рыбкина содержится в Отчете Императорской Археологической Комиссии за 1892 г. (осматривалось А. А. Спицыным). Памятник был отмечен на подготовленной в 1962 г. П. Д. Степановым археологической карте западной части Среднего Поволжья. В 1972 г. в рамках папсортизации памятников городище осматривал И. М. Петербургский. На площадке и склонах в осыпи было обнаружено значительное количество фрагментов керамики с рогожными и текстильными отпечатками. На основании этих материалов памятник был определен как относящийся к городищу культуры раннего железного века. Согласно сведениям «Археологической карты России. Республика Мордовия», фортификационные сооружения городища состояли из двух валов и двух рвов. Высота валов — около 2 м. По состоянию на 1972 г. площадка и склоны были покрыты мелким кустарником. Отмечалось, что памятник подвергается интенсивному разрушению под воздействием талых вод и дождей⁶.

Городище находится к юго-западу от с. Рыбкино на высоком мысу в овражной системе, расположенной на западной окраине д. Барки. Площадка с напольной стороны от городища покрыта густой высокотравной растительностью. Оборонительные сооружения в настоящее время выражены на местности незначительно. Внешние вал и ров снивелированы распашкой. Фиксация точного расположения на местности возможна только с применением специализированного оборудования. Глубина внутреннего рва составляет около 0,4 м, ширина — около 3,0 м. Высота сохранившейся части насыпи внутреннего вала составляет не более 0,4 — 0,5 м. Он перекрывает мыс на участке протяженностью около 30 м. Визуально объекты определяются как неглубокая дугообразная в профиле поперечного сечения западина и незначительное всхолмление. В настоящее время хозяйственному воздействию они не подвергаются. Поверхность задернована, покрыта луговой высокотравной растительностью, местами — отдельно произрастающими молодыми деревьями.

Памятник занимает узкий мыс между двумя отрогами овражной системы, вытянутый по линии ЗСЗ — ВЮВ. В средней части мыс имеет изгиб в южном направлении. Общая протяженность мыса составляет около 170 м. В рельефе выражено понижение на восток-юго-восток, по направлению к оконечности мыса (перепад высот около 20 м). За фортификационными сооружениями имеется небольшая ровная площадка, покрытая травяной растительностью, далее вглубь

⁶ Археологическая карта России. Республика Мордовия / сост. А. А. Беговаткин. М., 2017. С. 304.

поверхность мыса, склоны и соседние овраги заросли густой древесной и кустарниковой растительностью. Участок мыса, расположенный в западной части, сильно оплыл, на отдельных участках ширина верхней площадки составляет не более 1,5 — 2,0 м, по склонам мыса имеются глубокие промоины от дождевых и талых вод. В средней части ширина площадки составляет около 16 м, поверхность задернована, покрыта травой и плотным слоем опавшей листвы. Восточная оконечность мыса обрамлена промоиной, глубиной около 0,4 м, далее мыс переходит в относительно пологую площадку, плавно понижающуюся по направлению к реке.

В ходе осмотра площади мыса и промоин материалы, которые можно было бы соотнести с эпохой раннего железного века, обнаружены не были. Учитывая специфику наблюдаемых топографических характеристик местности следует полагать, что значительная часть площади памятника археологии уничтожена вследствие оползней и размывания талыми и дождевыми водами.

Первое упоминание о существовании городища у д. Поникедовки содержится в «Очерках по истории Пензенского края» А. Хвощева (1922). Памятник обследовался П. Д. Степановым в 1940 г. и А. Е. Алиховой в 1961 г. В 1972 г. в рамках паспортизации памятников осмотр проводил И. М. Петербургский. Было отмечено, что площадка городища на протяжении долгого времени распаивалась. Валов, рвов, находок материалов, относящихся к древней истории региона, обнаружено не было. По оценке И. М. Петербургского культурный слой памятника к моменту осмотра был уничтожен⁷.

В рамках работ по контролю за состоянием объекта археологического наследия проводился осмотр мысов по левому коренному берегу р. Большой Азясь (в районе впадения безымянного ручья), расположенных в урочище «Ошка Панда» между д. Поникедовка и с. Малый Азясь. Следов древних фортификационных сооружений зафиксировано не было. Материалы, которые можно было бы соотнести с древней и средневековой историей населения бассейна среднего течения реки Мокши, также обнаружены не были. Предполагаемое местоположение памятника было определено исходя из имевшихся архивных сведений и конкретной специфики топографии местности.

Городище расположено на мысу, отделенном от плато коренного берега реки Большой Азясь относительно узким перешейком, высота которого существенно ниже площадки городища и прилегающего участка плато. Площадка с напольной стороны и сам мыс в настоящее время распашке и иным видам хозяйственного воздействия не подвергаются. Поверхность задернована, покрыта густой высокотравной растительностью. Рельеф мыса характеризуется плавным понижением от центральной части к краям. Склоны пологие, задернованные. На отдельных участках произрастают молодые побеги хвойных деревьев. Площадка городища вытянута по направлению с северо-востока на юго-запад. Максимальная протяженность площадки составляет около 45 м. В районе юго-западной оконечности внутренней площадки городища была обнаружена округлая в плане яма глубиной около 40 см. В профиле отмечены светло-коричневая супесь с включениями гравия

⁷ Археологическая карта России. Республика Мордовия. С. 303.

мелких и средних фракций, залегающая над коричневым суглинком. Керамика, изделия из кости и металла не выявлены.

Определение степени сохранности культурного слоя Поникедовского городища возможно только в рамках археологических полевых работ с шурфами и зондажем.

Городище у с. Красный Шадым впервые было обследовано в 1940 г. археологической экспедицией НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР под руководством П. Д. Степанова. Было установлено что памятник расположен в селе, на мысу подтреугольной в плане формы у мест слияния безымянного ручья с рекой Шадымкой. С напольной стороны городище было укреплено тремя валами.

В 1995 г. совместной экспедицией Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея и Мордовского государственного педагогического института под руководством А. А. Беговаткина было установлено что городище сильно повреждено в ходе строительства животноводческого комплекса и проходящей по мысу грунтовой дорогой. Из оборонительных укреплений сохранился лишь один вал высотой 3 м и шириной 12 м⁸.

В ходе мониторинга было выявлено следующее. Памятник расположен на мысу подтреугольной в плане формы на южной окраине с. Красный Шадым. Мыс вытянут по линии ЮЮЗ — ССВ. Длина площадки с валом составляет 110 м. Ширина на оконечности мыса — 10 м, у подножия вала — 50 м. Высота площадки городища над уровнем поймы составляет 18 м. Рельеф площадки городища понижается к оконечности мыса. Перепад высот составляет 2 м. Площадка городища хорошо задернована и не подвергается разрушениям.

Вал городища вытянут по линии ЗСЗ — ВЮВ. Его длина составляет 46 м при ширине основания 12 м. Высота вала составляет 2 м. Оборонительное сооружение находится в удовлетворительном состоянии. Поверхность вала задернована и в настоящее время не подвергается разрушению. В результате визуального осмотра не удалось выявить других элементов оборонительных систем. По западному краю площадки памятника прослеживаются очертания старой грунтовой дороги. На оконечности мыса обнаружен хорошо задернованный котлован, который был выкопан для уменьшения крутизны склона этой дороги. Его длина составляет 20 м при ширине 4 м. Наибольшая глубина котлована — 1,7 м.

Селище и могильник у с. Паньжа были открыты разведочной экспедицией под руководством П. Д. Степанова в 1940 г. В том же году его экспедицией на площади могильника были проведены раскопки, в ходе которых было вскрыто 2 720 м², исследованы 36 погребений. Умершие лежали головой на юг в неглубоких могильных ямах преимущественно подпрямоугольной в плане формы размерами 1,8 — 3,0 × 0,5 — 1,2 м, глубиной 0,4 — 0,9 м. В двух захоронениях зафиксирована северная ориентировка. Большинство женских погребений было совершено в положении на правом боку с подогнутыми в коленях ногами, кисти рук находились у черепа. Вещевой материал могильника, полученный по результатам работ, был представлен орудиями труда, глиняной посудой и украшениями (в том числе наконечниками-пулокерами, лопастными сюльгами и привесками со спиралью на

⁸ Археологическая карта России. Республика Мордовия. С. 297.

одном конце, длинным стержнем и бипирамидальным грузиком на другом конце). Памятник был атрибутирован как оставленный мордвой-мокшей XI — XIV вв. Общие предполагаемые размеры могильника, согласно предварительной оценке П. Д. Степанова, составляют 400 × 800 м. В 1972 г. в рамках паспортизации памятников могильник осматривал И. М. Петербургский⁹.

Поселение у с. Паньжа («Селище Полянки») выявлено при разработке песчаного карьера. Оно исследовалось экспедицией под руководством Е. И. Горюновой (1940). В рамках работ была вскрыта вся площадь памятника — 1 600 м². Мощность культурного слоя (серая гумусированная супесь) достигала 40 см. Было обнаружено 6 полуземляночных жилищ площадью около 20 м². Стены возводились из вертикально вкопанных досок, обмазанных глиной с внешней и внутренней стороны. Жилища были оборудованы глинобитными печами. Найдено большое количество железных предметов — ножи, серпы, сошники, иглы, рыболовные крючки, наконечники стрел, а также отходы литейного производства. Полученный в ходе раскопок керамический материал был датирован XIV — XV вв. Кроме того, на площади селища обнаружено несколько десятков фрагментов керамики срубной культуры эпохи бронзы¹⁰.

В ходе мониторинга было уточнено местонахождение обоих памятников. Паньжинский могильник расположен на пологом мысовидном склоне левого коренного берега реки Мокши к югу от индивидуальной жилой застройки восточной оконечности улицы Центральной («Барский конец») с. Паньжа. Вдоль южной и юго-западной оконечности мыса, занятого могильником, протекает ручей, впадающий в реку Паньжа несколько западнее могильника. На юго-восточной оконечности мыса находится современное сельское кладбище. В отчете о раскопках памятника в 1940 г. содержится упоминание, что костяки с вещами местные жители находили на территории кладбища и участках, расположенных на «Барском конце» села, что свидетельствует о внушительных размерах площади могильника: до 300 м по линии север — юг.

Площадка памятника в районе юго-восточной оконечности мыса задернована, покрыта луговой растительностью. Распашке и иным видам хозяйственного воздействия не подвергается. К северу от кладбища находятся хвойные посадки. Со стороны застройки по улице Центральной в направлении к пойме и кладбищу проходят грунтовые дороги. Северная и северо-западная часть площади памятника занята приусадебными участками. Поверхность раскопов 1940 г. на рельефе местности не читается. Разрушенные погребения, элементы инвентаря, которые можно было бы соотнести с эпохой средневековья, в рамках осмотра обнаружены не были. Относительно восточной и западной границ распространения культурного слоя информация отсутствует. Данный вопрос может быть разрешен только в рамках научных археологических изысканий с земляными работами.

Паньжинское селище находится к юго-востоку от могильника на песчаной возвышенности, поросшей хвойным лесом (урочище «Полянки»), высотой над

⁹ Археологическая карта России. Республика Мордовия. С. 302.

¹⁰ Там же. С. 301, 302.

уровнем поймы около 3 м. Юго-западный склон разрушается песчаным карьером. При осмотре его территории древние и средневековые предметы обнаружены не были. Южный склон покрыт луговой растительностью. На северной оконечности всхолмления в лесном массиве имеются участки, свободные от лесной растительности, поросшие травой и кустарником. Местоположение раскопа 1940 г. визуально не определяется. Хозяйственному воздействию площадь урочища не подвергается (за исключением локальных вырубок леса, не сопряженных с нарушением дернового слоя). В соответствии с отчетом Е. И. Горюновой, вся площадь распространения культурного слоя исследована в рамках раскопок.

Заключение

Мониторинг шести памятников археологии позволил уточнить сведения о их местонахождении, провести фотофиксацию сохранности, а также детализировать представления о пространственном расположении, структуре и размерах. Кроме того, мониторинг подтвердил характерную для нашего региона тенденцию, что главными факторами разрушения памятников археологии выступают антропогенное влияние (в первую очередь строительная и сельскохозяйственная деятельность) и естественное воздействие природной среды (в основном эрозия и выветривание).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001 — 2010). СПб.: Инфо Ол, 2012. 176 с.
2. Илюшин А. М., Бутьян В. А., Дарбинян Д. О., Кузнецов Д. Е. Мониторинг памятников археологии как средство сохранения культурного наследия Кузбасса // Безопасность жизнедеятельности предприятий в промышленно развитых регионах: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Кемерово, 2009. Т. 2. С. 87 — 90.
3. Каргин Ю. Ю. Мониторинг археологических памятников в левобережье р. Малый Иргиз // Археологическое наследие Саратовского края / отв. ред. А. И. Юдин. Саратов: Науч. кн., 2008. Вып. 8. С. 165 — 178.
4. Молодин В. И., Ненахов Д. А., Селин Д. В. Мониторинг археологических объектов в Венгеровском районе Новосибирской области (близ села Старый Тартас) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. 22. С. 348 — 352.
5. Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр: сб. ст. по материалам семинара 1998 — 1999 гг. М.: Институт Наследия, 2000. 233 с.
6. Нечаев А. Г. Крепости XVI — XVII веков в междуречье Суры и Мокши. Саранск: Издатель Афанасьев В. С., 2015. 224 с.
7. Плаксина А. Л., Макуров Ю. С., Батанина Н. С. Мониторинг как мера по охране историко-культурного и природного наследия в условиях заповедника кластерного типа «Аркаим» // Степи Северной Евразии: материалы VII Междунар. симпозиума. Оренбург: Димур, 2015. С. 659 — 662.
8. Савко И. А., Дьяков Н. Р., Гульчак Н. С. Мониторинг археологических памятников правобережья Гилевского водохранилища в августе 2018 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. 25. С. 201 — 206.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 22.01.2024.

Информация об авторах:

Сергей Васильевич Видяйкин, главный научный сотрудник — заведующий отделом археологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8231-0843>, vidyaikin_sergei@mail.ru

Евгений Николаевич Кемаев, старший научный сотрудник отдела археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), evg.kemaev@yandex.ru

Александр Сергеевич Пронин, старший научный сотрудник отдела археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), gyk.vershini@yandex.ru

Вклад авторов:

Видяйкин С. В. — разработка концепции, развитие методологии, сбор данных и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи;

Кемаев Е. Н. — сбор данных, критический анализ и доработка текста;

Пронин А. С. — сбор данных, критический анализ и доработка текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Archaeological Monuments of Russia: Protection and Monitoring. Archaeological Monitoring Group of the IHMC RAS (2001 — 2010). St. Petersburg;2012. (In Russ.)
2. Ilyushin AM, Butyan VA, Darbinyan DO, Kuznetsov DE. Monitoring of Archaeological Monuments as a Means of Preserving the Cultural Heritage of Kuzbass. *Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Kemerovo;2009:87—90. (In Russ.)
3. Kargin YuYu. Monitoring of Archaeological Sites on the Left Bank of the River. *Archaeological Heritage of the Saratov Region*. Saratov;2008:165—178. (In Russ.)
4. Molodin VI, Nenakhov DA, Selin DV. Monitoring of Archaeological Sites in the Vengerovsky District of the Novosibirsk Region (Near the Village of Sary Tartas). *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk;2016:348—352. (In Russ.)
5. Monitoring of Archaeological Heritage and Land Registry. Moscow;2000:233. (In Russ.)
6. Nechaev AG. Fortresses of the XVI — XVII Centuries between the Sura and Moksha Rivers. Saransk;2015:59—65. (In Russ.)
7. Plaksina AL, Makurov YuS, Batanina NS. Monitoring as a Measure for the Protection of Historical, Cultural and Natural Heritage in the Conditions of the Arkaim Cluster-Type Reserve. *Steppes of Northern Eurasia: Proceedings of the VII International Symposium*. Orenburg;2015:659—662. (In Russ.)
8. Savko IA, Dyakov NR, Gulchak NS. Monitoring of Archaeological Monuments on the Right Bank of the Gilevsky Reservoir in August, 2018. *Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory*. Barnaul;2019:201—206. (In Russ.)

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 22.01.2024.

Information about the authors:

Sergey V. Vidyaykin, Chief Researcher, Head of the Department of Archeology of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk

430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8231-0843>, vidyaikin_sergei@mail.ru

Evgeny N. Kemaev, Senior Researcher of the Department of Archeology of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), evg.kemaev@yandex.ru

Alexander S. Pronin, Senior Researcher of the Department of Archeology of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), gyk.vershini@yandex.ru

Contribution of the authors:

Vidyaikin S. V. — concept development, methodology development, data collection and literature analysis, writing the initial version of the article;

Kemaev E. N. — data collection, critical analysis and text revision;

Pronin A. S. — data collection, critical analysis and text revision.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ISSN 2077-3579 (Print)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 821.511.152
EDN BLDCSA

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОЗЕ МОРДОВСКОГО ПИСАТЕЛЯ А. ДОРОНИНА

С. В. Шеянова

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
sheyanovas@mail.ru

Аннотация

Введение. В отечественном литературоведении традиционно актуальными считаются проблемы поэтики художественного произведения, к которым относятся вопросы структурирования персонажной системы, технологии моделирования образа. Особую значимость имеет исследование анималистической образности в современной мордовской литературе, где образы животных становятся важными функциональными сегментами художественного текста. Цель статьи — описать функции и семантику анималистических образов в прозе А. Доронина, охарактеризовать их обусловленность индивидуально-творческой концепцией мира и человека.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили рассказы А. Доронина, повесть «Верьгиз латко» («Волчий овраг»), романы «Кочкодыкесь — пакся нармунь» («Перепелка — птица полевая»), «Кузьма Алексеев». В работе использованы историко-литературный, описательный и структурно-семантический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование функциональных возможностей и семантики анималистической образности в прозе писателя отражает общие представления о содержательной структуре и поэтике современной мордовской литературы. Представленные в его произведениях образы животных свидетельствуют об оригинальности художественного мышления автора, который с их помощью показывает не только общественные противоречия эпохи, но и эмоционально-психологическое состояние современника, дает оценку социуму.

Заключение. В произведениях А. Доронина образы животных выступают в роли сюжетообразующих элементов, создают ассоциативно-коммуникативный дискурс. Основные принципы изображения животных в прозе А. Доронина — антропоморфизм, антропоморфизм в сочетании с биоцентризмом и биоцентризм. Формы моделирования образов (или действующее лицо, или «животные» аллюзии) обусловлены идейным замыслом произведений, мироощущением автора, творчески осваивающего широкий диапазон проблем современной действительности.

Ключевые слова: современная мордовская проза, А. Доронин, анималистический образ, анималистический контекст, функция образа, семантика образа

© Шеянова С. В., 2024

Для цитирования: Шеянова С. В. Анималистические образы в прозе мордовского писателя А. Доронина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 173 — 186. EDN BLDCSA

Original article

ANIMALISTIC IMAGES IN THE PROSE OF MORDOVIAN WRITER A. DORONIN

S. V. Sheyanova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia
sheyanovas@mail.ru

Abstract

Introduction. In Russian literary criticism, problems of the poetics of a work of art, which include issues of structuring the character system and image modeling technology, are traditionally considered relevant. Of particular importance is the study of animalistic imagery in modern Mordovian literature, where animal images become important functional segments of the literary text. The purpose of the article is to describe the functions and semantics of animalistic images in A. Doronin's prose, to characterize their dependence on the individual creative concept of the world and human.

Materials and methods. The material for the research was the short stories of A. Doronin, the novella "Vergiz Latko" ("Wolf Ravine"), the novels "Kochkodykes — Paksya Narmun" ("Quail is a Field Bird"), "Kuzma Alekseev". The work uses historical-literary, descriptive and structural-semantic methods.

Results and discussion. The study of the functionality and semantics of animalistic imagery in the writer's prose reflects general ideas about the content structure and poetics of modern Mordovian literature. The images of animals presented in his works testify to the originality of the artistic thinking of the author, who, with their help, shows not only the social contradictions of the era, but also the emotional and psychological state of his contemporary, and evaluates society.

Conclusion. In the works of A. Doronin, images of animals act as plot-forming elements and create associative and communicative discourse. The basic principles of depicting animals in A. Doronin's prose are anthropomorphism, biocentrism, and anthropomorphism combined with biocentrism. Forms of modeling images (or a character, or "animal" allusions) are determined by the ideological concept of the works, the attitude of the author, who creatively masters a wide range of problems of modern reality.

Keywords: modern Mordovian prose, A. Doronin, animalistic image, animalistic context, image function, image semantics

For citation: Sheyanova SV. Animalistic Images in the Prose of Mordovian Writer A. Doronin. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(2):173—186. EDN BLDCSA

Введение

В современном литературоведении традиционные подходы к изучению творческой индивидуальности писателя, его литературного наследия обогащаются за счет расширения предметно-проблемного поля исследований, многоаспектности анализа текста, научной рефлексии ранее не рассматриваемых вопросов. Актуальным в современном мордовском литературоведении представляется исследование творчества писателей в аспекте анималистической образности, поскольку изучение

функциональной специфики этих образов, их мотивно-смысловых функций позволяет раскрыть не только идейно-эстетические особенности текста, но и стратегию современного литературного процесса в целом, конкретизировать представления об уровне развития национальной словесности.

Художественный анимализм как «одна из форм воплощения феноменов естественно-природного мира в образной системе индивидуального и общественного сознания» [7, с. 11], базовая эстетическая категория, функции которой заключаются в «раскрытии самостоятельной ценности животного, ... демонстрации возможности его единения с человеком, ... изображении животных как разумных и чувствующих субъектов» [11, с. 204], «кодировке культурных смыслов различных эпох, ... формировании системы представлений общества» [12, с. 3], в разнообразных режимах метафоризации и детализации образов животных, вызывает активный интерес отечественных исследователей. М. Н. Эпштейн отмечает: «Анимализм как творчески осмысленное и ответственное отношение человека к животным – один из важнейших ресурсов и импульсов развития современного гуманизма» [16, с. 127]. М. Н. Храмова утверждает, что раскрытие смыслов анималистических репрезентаций решает ключевые философские вопросы: «Самоидентификация человека в современном обществе, новое осмысление границ культуры в ее взаимосвязи с природой, <...> ценностные установки и ориентиры информационного общества» [12, с. 3]. В научном сообществе интерес к проблеме «человек и животное» активизируется к началу XXI столетия.

Исследователи справедливо отмечают, что «основные художественные принципы литературы о животных определились еще в фольклоре, а всеобщие анималистические мотивы разработаны каждым народом» [8, с. 3]. В развитии анималистической образности в литературе выделяют несколько этапов, для каждого из которых «свойственны преобладание определенных жанров и специфические формы философского, морального и художественного осмысления анималистической тематики и образности» [6, с. 7]. Как «феномен общественного сознания, предмет философских споров» она заявляет о себе на рубеже XIX — XX вв., когда популярность приобретает анималистический рассказ с тенденцией к изображению «животных в качестве самодостаточных персоналий, свободных от антропоморфизма и субъективности человеческих оценок и интерпретаций» [2, с. 14]. В этот период наблюдается динамика перехода от антропоморфизма к биоцентризму, что проявляется «в стремлении писателей-анималистов минимизировать субъективизм в оценке животных и лишении животных максимально возможного числа человеческих качеств» [2, с. 15].

На протяжении XX в. в литературе перемежаются антропоцентрическое и биоцентрическое художественные пространства (в сюжетном плане события представляются как с позиций персонажа-человека, так и животного), наблюдаются различные манифестации анимализма — от реальных животных до мифологических персонажей и человекоподобных существ. Эмоционально-оценочная функция анималистики дополняется экологической интенцией, она становится своеобразной ареной философских раздумий о мире природы и человека в нем, способом репрезентации авторской рефлексии данного комплекса вопросов, средством экспликации сложных проблем современности.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили рассказы А. Доронина «Поединок», «Орлик», «Пестрянка», «Эрексия», повесть «Волчий овраг», романы «Перепелка — птица полевая» и «Кузьма Алексеев». В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: историко-литературный, описательный, структурно-семантический.

Обзор литературы

В национальном литературоведении проза А. Доронина стала объектом исследования в диссертациях, монографиях, отдельных статьях, нашла осмысление с разных ракурсов — этапов формирования творческой индивидуальности [4], жанровых предпочтений [10], проблемно-тематического поля произведений [14] и т. д. Однако художественная интерпретация образов животных, обусловленность их рецепции индивидуально-творческой концепцией и мировидением автора, анималистический код его произведений до настоящего времени не являлись предметом отдельного исследования. В рамках рассмотрения экологической проблематики в современной романной прозе нами проанализирован образ обладающей интеллектом старой волчицы Керязь Пуло в романе «Перепелка — птица полевая», раскрыта философско-эстетическая функция символического образа лося Отяжки в романе «Кузьма Алексеев» [15]. Между тем в рассказах, повестях, романах писателя обнаруживаются оригинальные формы интерпретации образов животных, наделяемых семантической многозначностью, воспринимаемых полифункциональными сегментами художественного целого, что вызывает необходимость их детального описания и теоретического обобщения.

Реализация этих вопросов актуализирует, на наш взгляд, ряд сопутствующих литературоведческих проблем (постмодернизм в национальной словесности, формы отражения национального (мифологического) сознания, поэтологические особенности текста, содержательно-смысловое обогащение традиционных образов-концептов и др.), что свидетельствует о своевременности исследования, его продуктивности в постижении сути литературных явлений.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время в мордовской литературе происходит переосмысление традиционных представлений о взаимосвязях человека и природы, что приводит к углублению значения анималистических мотивов и образов, приращению их концептуальным смыслом, символической знаковостью в творчестве национальных авторов. Образы животного мира обуславливают расширение философских, онтологических, национально-культурных смыслов в их произведениях. Данные тенденции отразились в творчестве А. Доронина, анималистический код прозы которого представлен не широким, но частотным рядом домашних и диких животных.

Одной из значимых фигур в произведениях писателя является образ волка, символизм которого в контексте мировой культуры очень сложен и многогранен, насыщен онтологической семантикой. У А. Доронина волк наделяется различными значениями (дикое / разумное, хищник / жертва, кровожадное, жестокое / жалостливое), содержательно-оценочной двойственностью, вследствие чего вызывает антиномичные поэтические ассоциации. Роман «Перепелка — птица полевая»

посвящен раскрытию событий 1980 — 1990-х гг. в разных аспектах: общественно-трудовом, семейно-бытовом и нравственно-этическом. Представлена галерея судеб жителей мордовского села Вармазейка разных поколений. Здесь же создан антропоморфный образ старой волчицы Керязь Пуло, воспринимающийся как действующий персонаж, участвующий в сюжетном развитии и выступающий в нехарактерной для хищника роли жертвы. Следует отметить, что в прозе А. Доронина антропоморфизм как «базисная категория, лежащая в основании системы представлений о природе, обществе, культуре, бытии и истине» [5, с. 111] становится одним из средств формирования образной системы, приемом отражения синкретизма человека и природы, раскрытия мировоззрения автора и этнической ментальности в целом.

Керязь Пуло воспринимается символическим выражением архетипического женского начала, демонстрирует пример материнской самоотверженности. Обессиленная волчица по-своему, по-звериному, заботится о своих волчатах, в ней проявляется инстинкт сохранения потомства: *Ертовсь верьгизэсь пизээнзэ, мадсь боканзо лангс, штавтзые пеке алксонзо — левксэнзэ сеске педясть ожо, лазнотозь потнес. Ноцковнтить-тарксить эйсэст, некест ялатеке эзь пештяво. Ловсовтомот потне... Польдерсьэ тусть Керязь Пулонь сельведензэ. Сыре прясо кодат уж левксыамот... Превтне ношкамсть, пильгтнеяк стакалгасть. Тесэ вана сындет ризнэк-палт, какитнэде...*¹ («Кинулась волчица в нору, легла на бок, обнажила живот — волчата сразу примкнули к желтым растрескавшимся соскам. Дергают их со всей силы, насытиться не могут. В них нет молока... У Керязь Пуло потекли слезы. В таком возрасте какое уж потомство... Память подводит, ноги отяжелели. Так еще о приплоде переживай-сгорай...»²).

В повествовании антропоморфическое изображение перемежается с биоцентрическим мировосприятием – действительность воссоздается посредством взгляда волчицы на животный мир, в котором четко прослеживаются реалии социума, нюансы взаимоотношений между людьми: *А оякчи верьгизтнэнь ютксо, а вейкест-вейкест туртов лездамот. Эрвась тарди ансяк эсь прядонзо. Понгсь эстензэ — лиянень илязо сато. Истямо уш, нать, эрямось...*³ («Ни дружбы между волками, ни взаимовыручки. Каждый печется только о себе. Досталось самому — другому чтобы не хватило. Такова уж, наверное, жизнь...»).

На примере волчьей стаи в романе утверждается мысль о разрушении традиционных этических координат, моральных норм, распространении похоти и сексуальной развязности: *Улкоть понгсь каршонзо икелень эри ялгазо, ютась ваксканзо, теке эзизе содаяк. Сестэяк блудясь апак лотксе. Керязь Пуло пизэсэ какит потявтсь, учось яла, зярдо мирдесь сывель марто велявты (мериль, охотав туян), сонсь лия авака верьгизэнь чинев пулот никсесь. Ней вана тейтерезэ никс теевсь тетянстэнь... Кавонест виськстэметь!*⁴ («Позавчера встретила бывшего мужа, тот прошел мимо, словно не узнал. И тогда гулял постоянно. Керязь Пуло в норе волчат

¹ Доронин А. Кочкодкыкесь — пакся нармунь. Саранск, 1993. С. 63.

² Здесь и далее перевод автора — С. Ш.

³ Доронин А. Кочкодкыкесь — пакся нармунь. С. 65.

⁴ Там же. С. 220.

кормила, ждала, когда муж мясо принесет (говорил, на охоту идет), сам же гонялся за другими волчицами. Теперь вот дочь стала женой своему отцу... Бессовестные оба!»). В данном случае голос волчицы сложно отделить от голоса автора, стремящегося воспринять и интерпретировать многообразие человеческих взаимоотношений, вследствие чего монолог интимно-сексуального содержания наполняется аксиологическим, философским смыслом.

Посредством биоцентрического изображения волчицы в романе актуализированы проблемы экологии окружающей среды, разрушения естественного природного баланса, гармоничного существования человека и животного мира. В форме несобственно-прямой речи Керязь Пуло транслируется, что несколько лет назад в лесах было много волков, только в Бычьем овраге их было пятнадцать семей. Сытые, здоровые хищники охотились на лося, кабана, часто нападали на стадо овец, коров, проникали в сени, на кардон. *Керязь Пуло арсесь эсь уцяскадонзо, седе, кода меельце иетнестэ чамсть-чуролгадсть неть таркатне. Кавто пильгсэтне весе чумот. <...> Мейс латконтень кшининь пеест пезнавтызь? Састь пизэст яжамо? Эсь кедьсэст калавтнить мазычинть. Латконть весемезэ ульнесь комсешка пизэть, ней ансяк кавтотнесэ эрить верьгиз раськетне⁵* («Керязь Пуло думала о своей судьбе, о том, как в последние годы опустели-поредели здешние места. Двунюгие виноваты во всем. <...> Зачем вонзили свои железные зубы в овраг? Пришли разорить их норы (логова)? Своими руками рушат красоту. В овраге было около двадцати нор, теперь только в двух живут волчьи семьи»). В размышлениях волчицы автор воплотил мысль о страдании естественной среды по вине человека-потребителя, тесной взаимосвязи человеческой жестокости и низкого уровня развития экологической культуры в современном обществе. Прозаик реализует христианскую идею возмездия за совершенный грех: за преступления в отношении природы человек предстанет перед судом самой Природы, понесет суровое наказание, что подтверждается на примере лесничего Кирьгизова, утонувшего в лесном болоте и не преданного земле.

Посредством образа волчицы утверждается экологическая духовность как «один из приоритетных для современного общества идеалов, игнорирование которого оборачивается отчуждением человека от природы, разрушением их изначального единства общества» [13, с. 93], оцениваются нравственная зрелость, гражданская сознательность, мера человечности социума, отражаются авторская концепция человека, система его нравственных и моральных приоритетов. Размышления волчицы усиливают лирико-драматические мотивы произведения, становятся внесюжетными элементами, расширяя нарратив текста. Таким образом, анималистический образ в структуре романа «Перепелка – птица полевая» является концептуальной категорией, сюжетообразующей конструкцией, элементом коммуникативного дискурса текста.

Образ «матерого» волка в рассказе «Поединок» семантически антиномичен образу вызывающей жалость волчицы Керязь Пуло. Напавший на главного героя Андрея Мирошкина зверь воспринимается враждебным человеку существом, спо-

⁵ Доронин А. Кочкодыкесь — пакся нармунь. С. 218, 220.

собным нанести увечья, лишит жизни, одновременно поражающего своей природной уникальностью, особенностями поведения, физическими признаками. В данном произведении автор придерживается биоцентрического принципа в изображении животного — он не наделяется антропоморфными чертами, акцентируется его естественная инстинктивная природа.

Стремясь защитить свою семью и домашних животных от набегов волков, Мирошкин поставил в лесу капканы, в один из которых угодил зверь, а в другой — он сам. Между «окровавленным» волком и раненым человеком начинается борьба за жизнь. Оказавшись в «цепких железных тисках капкана» в полутора метрах от волка, Андрей испытывает не просто страх и отчаяние, им овладевает «внутренний ступор», лишаящий его способности осмысливать ситуацию и принимать адекватные решения. Мужчина совершает ряд резких движений, наносит зверю легкий удар, чем провоцирует его на бросок — хищник сперва насквозь прокусил ему левую руку, потом запястье правой. Волк тяжело дышал, видимо, давала знать раненая нога, но не сдавался, «свирепо щерился и громко порывкивал», контролировал каждое движение своей жертвы. Мысль о том, что «зубы волка могут сомкнуться на его горле»⁶, спровоцировала решительность Мирошкина, он почувствовал наплыв сил, начал рычать, завалил своего мучителя на бок, «зубами вцепился ему в горло», «сам стал зверем»⁷. Смертельная схватка закончилась победой человека. Зверь пытался изменить ситуацию в свою сторону, но соперник был «силен и упрям». Биоцентрическое описание животного достигается использованием приемов натуралистического изображения физиологических деталей, передающих его природные особенности, инстинктивное начало, физическую силу, мощь.

Описание волка передано через его восприятие героем: «Волчище был поджарый, с крепкой широкой грудью и не особенно худой, видно, не голодал зимой, имея огромный опыт по выживанию»⁸. Состояние раненого зверя передано посредством ряда анатомических деталей: он высунул «длинный ярко-розовый язык», «подрагивал в такт частого дыхания», «обильно ронял тягучую слюну», «лежал на животе», вытянув вперед «когтистые лапы»⁹. Акцентируются «желтые» глаза волка. Неестественный оттенок олицетворяет поэтическую величественность и уникальность природного мира, непримиримый характер хищника, а также позволяет передать состояние крайнего напряжения животного, предчувствующего свою гибель.

Образ волка использован в заглавии повести А. Доронина «Волчий овраг», воссоздающей трагические картины переселения раскулаченных крестьянских семей в необжитые степи Казахстана. В отличие от проанализированных выше произведений образы животных здесь не являются активными действующими лицами, однако «волчьи» аллюзии воспринимаются фактором, цементирующим целостность текста, становятся эффективным инструментом идейно-тематической,

⁶ Доронин А. Избранные произведения: в 5 т. Саранск, 2014. Т. 5. С. 460.

⁷ Там же. С. 464.

⁸ Там же. С. 459.

⁹ Там же. С. 458.

хронотопической организации произведения. Вынесенный в название зооним раскрывает авторскую интерпретацию исторической действительности и таким образом концептуализируется. Художественно осмысливая процесс коллективизации и раскулачивания, прозаик отказывается от двусмысленных оценок, изображает факты в соответствии с аксиологической парадигмой современного общества и индивидуально-творческой концепцией человека, воспринимает их как необдуманый трагический эксперимент, основанный на антигуманных приемах отношения к человеку как животному.

«Волчьи» аллюзии определяют пространственный континуум текста: события в повести происходят в степи, где переселенцы вырыли несколько землянок, обустроили их для жизни и назвали место Волчьим оврагом. *...Сельме икелев панжовсь домка латко. Керш чирезэ ожоль. Тестэ таргазь севоньстэнтэ лябазь Верьгиз латконь весе саманкатне. <...> Модакудотне вельтязельть вирьстэ керязь чочко-со ды тарадсо, латотне ваднезельть севоньсэ¹⁰* («Перед взором предстал глубокий овраг. С левой стороны отдавал желтизной. Отсюда брали глину для возведения землянок. <...> Землянки были покрыты срубленными в лесу бревнами и ветками, стены замазаны глиной»). Трагизм положения людей усугубляют не только суровый степной климат, тяжелый труд, но и волки, которые «часто выходят к людям» (*сеедьстэ верьгизткак лиснильть¹¹*). Постоянное ощущение близости хищников усиливает напряженность повествования, раскрывает потенциальную угрозу жизни персонажей, их вой вызывает у них негативные эмоции и апокалиптические ассоциации.

Заглавие повести «Волчий овраг» может рассматриваться как символ, который «усложняет и обогащает денотативную информацию художественного текста» [1, с. 491]: переселенцы не только живут в волчьем крае, они существуют в «волчьих» условиях — живут в землянках-норах, грязные, голодные, после работы в шахтах в нечеловеческих условиях еле передвигают больные ноги (*пильгень ускозь эске-лясть*), не имеют теплой одежды (*мейсэ понгсь ориазельть*), теряют детей (*...Ве авинентэ элесэ пижеть-ожот нолдтнесь потяка эйде. Эйкакшось чачсь вармасо пувсевияя теплушкасо ды така ардомадонть, нать, ормалгадсь. Рангомс сон рангсь, ды аванзо мейшентэ эзь сае...*¹² («...У одной из женщин на руках плакал-кричал грудной ребенок. Он родился в обдуваемом ветром вагоне и от долгой дороги, видимо, заболел. Он плакал, но грудь не брал...»)).

Используя отрицательно-оценочный смысловой потенциал зоонима, автор также ассоциирует стаю волков с государственной системой, ответственной за принятие бесчеловечных постановлений и решений, разрушившей традиционный патриархальный уклад, объявившей крестьян «врагами народа», лишившей их свободы, земли, родных, что усиливает модус заявленной в заголовке повести зооморфной инвективы. Таким образом посредством принципа анималистического ассоциативного переноса маркируется звериная сущность обусловленного политическими и

¹⁰ Доронин А. Кавто томсо кочказь произведеният. [Избранные произведения в 2 томах]. Саранск, 2018. Т. 1. С. 396.

¹¹ Там же. С. 446.

¹² Там же. С. 394 — 395.

идеологическими постулатами общественного явления, а образный строй повести становится стилистически более рельефным и пластически объемным.

В ряде рассказов А. Доронина («Пестрянка», «Орлик», «Эрексия») обрисованы образы домашних животных, которые являются неотъемлемой частью человеческого «космоса» и деревенского мира, через них передаются ментальные черты сельчан — своеобразный культурный код деревни, что позволяет говорить о миро-моделирующей функции анимализма в структуре текста.

В рассказе «Пестрянка» посредством возводимого до уровня архетипического образа коровы манифестируется онтологическая идея единства сущего в мироздании. Автор-повествователь вспоминает драматичную историю из своего детства, когда отцу за продовольственный «оброк» пришлось отвести в «заготскот» единственную корову Пестрянку, которая, по словам бабушки героя, была «Богом им послана». Такой коровы ни у кого в деревне не было — в день она давала по три ведра «вкусного, жирного молока». Большая семья, семеро детей, родители и бабушка, при ней не знали голода — «варили каши, пекли блины, делали кислое молоко, сбивали к праздникам масло»¹³, часто запрягали вместо лошади, ездили на ней за дровами. Продажа коровы негативно отражается на всех членах крестьянской семьи, что передано посредством экзистенциальных описаний: отец «вдруг постарел, сгорбился, всю обратную дорогу молчал, тяжело вздыхая»¹⁴, сам герой «чувствовал себя самым несчастным на свете»¹⁵.

В воспоминаниях героя Пестрянка «была большая, как копна сена, нарядной пестрой масти. Рога острые, широко расставленные»¹⁶. Животное наделяется антропоморфными чертами, воспринимается членом семьи («росли при Пестрянке, как при каком-то близком родственнике»¹⁷), «кормилицей», «любимицей», «умницей», которая никогда «хозяина не подведет». Эмоционально передано воспоминание о том, как танцевала Пестрянка: «Идет вечером из стада, а мы на скамейке сидим, ее ждем. В руках у меня балалайка. Услышит Пестрянка игру и на задние ноги норовит встать, передними в воздухе бултыхает, хвостом крутит. Перестану играть — она останавливается и мычит, дескать, давай еще! Ударю по струнам, она снова хвостом завертит»¹⁸. В концепции рассказа корова мифологизируется — воспринимается матерью-кормилицей, спасительницей человеческого рода, воплощением добра и благополучия.

По утверждению исследователей, концепт «конь» / «лошадь» в литературе наделяется «самостоятельным онтологическим статусом» [3, с. 47], отражает биполярные символические начала — «позитивное светлое и апокалиптические ассоциации» [9, с. 19]. В подобном ракурсе изображен образ старой лошади в рассказе А. Доронина «Орлик» — эмоционально-трогательная история умного, преданного хозяину животного перемежается с экзистенциальным описанием — отражением негативных социальных фактов (вымирание села, алкоголизм, ранняя смертность

¹³ Доронин А. Избранные произведения. Т. 5. С. 466.

¹⁴ Там же. С. 469.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 466.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

населения, моральная деградация личности). Своему хозяину Вильдяеву Тюме Орлик достался в наследство от дяди. Мужчина занимался рытьем колодцев, заработанные тяжелым трудом деньги пропивал со своими «друзьями». В такие дни он забывал накормить и напоить лошадь, а та *ташто кардынесэнтъ вачодо аштемстэ арсесь эсь уцяскадонзо*¹⁹ («в старом сарае голодная размышляла о своей судьбе»), вспоминала о редких счастливых моментах, когда казалось, что Тюма окончательно не растерял человеческий облик, способен к моральной реабилитации: *Од иестэ Орликень кильдизе нурдс, ды адя велеваст ардтнеме. Сонсь Якишаматякс наряжазь, кедьсэнэзэ мазый палка. А уш эйкашитне, эйкашитне кода кенярдсть*²⁰ («На Новый год Орлика запрягли в сани, и давай по селу кататься. Сам Дедом Морозом наряжился, в руках — посох. А уж дети, дети как радовались!»).

Образ Орлика наделяется антропоморфными чертами – животное испытывает душевную боль, разочарование, переживает за состояние своего хозяина. Несмотря на неоднозначное отношение к себе, лошадь привязана и предана человеку, поэтому не может пережить гибель хозяина: *Марязденть Орликень седейсэ, мерят, баяга чавозевсь. Алашась пultzявсь икельце пильгтнень лангс, мейле удалцетнень венстинзе ды стакасто кирнэзевсь. Меельцеде*²¹ («От услышанного в душе Орлика, словно колокол забил. Лошадь опустила на передние ноги, потом вытянула задние и тяжело захрипела. В последний раз»). В данном произведении мотив смерти обусловлен, на наш взгляд, не только творческим замыслом, но и постмодернистским мироощущением автора, воспринимающего реалии действительности в экзистенциальном ракурсе. В рассказе «Орлик» традиционная интерпретация лошади как помощника в хозяйстве, средства передвижения дополняется аксиологическим смыслом — акцентируется внимание на негативных последствиях нравственно-этической деградации общества.

В рассказе «Эрексия» анималистический образ становится средством отражения авторской гуманистической концепции, рефлексии социума в аспекте ценностных координат. Посредством отношения персонажей к лошади оценивается мера их человечности — ответственности, взаимопомощи, доброты, искренности. Ретроспективный сюжет предваряется кратким авторским размышлением о различии ценностных приоритетов у детей и взрослых, что настраивает на восприятие дальнейших событий через призму детского взгляда, эмоционального, острого, бескомпромиссного.

В колхоз для улучшения породы лошадей из конезавода привезли племенного рысака, посмотреть на которого сбежалась вся детвора. Автор делает акцент на физических характеристиках, анатомических признаках животного: *Рысакось киштезь киштезевсь. Ашо мастень, конясонзо ожо теште. Ожольть кумажа алксонзояк. Мештезэ пельсаженень келесэ, пильгензэ човинеть, сэрезэ ологашка*²² («Рысак словно плясал. Белой масти, на лбу — желтая звезда. Желтизной отдают и ноги ниже колен. Грудь шириной с полсажени, тонконогий, высокий»). Местные мальчишки стали заботиться о рысаке: *Эрва валске ранаяк Эрексиянь ливтилинек*

¹⁹ Доронин А. Кавто томсо кочказь произведеният. Т. 1. С. 329.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 330.

²² Там же. С. 241.

ушов. ...*Рысаконть скрепкасо човсилинек, экишелямо ветнинек. Кудосто минь, пакшатне, алткак тензэ кандтнлинек*²³ («Каждое утро выводили Эрексию из стойла. ...Чистили рысак скрепкой, водили купаться. Мы, дети, даже яйца ему из дома приносили»). Эта история придает повествованию нравственно-воспитательный смысл: посредством отношения к животным в детях формируются положительные личностные качества — доброта, ответственность, трепетное отношение к окружающему миру. Однако произошла трагедия — рысак повредил ногу, не смог участвовать на скачках, поэтому председатель колхоза принял решение продать его татарину из соседнего села. Прощание автора-повествователя с рысаком передано в экзистенциальной манере: в тот день в его «сердце появился черный камень», а «светлые детские впечатления окрасились темной краской».

Роман «Кузьма Алексеев» повествует о жителях с. Сеськина Терюшевской волости Нижегородской губернии. Здесь в 1804 — 1810-х гг. они под предводительством местного жителя Кузьмы Алексеева встали на защиту языческой веры своих предков, за социальную и духовную свободу. Образ лося Отяжки становится символическим воплощением внутренней мощи, духовной силы как конкретной личности, так и эрзянского народа в целом. Несмотря на то, что животное не участвует непосредственно в сюжете, его «присутствие» определяет ключевые этапы повествования, обуславливает архитектуру текста.

Роман предваряется описанием экстерьера Отяжки: «Крупную голову красавца венчали лопатообразные рога, ...на лбу — белая приметная звездочка. Спина, крепкая и мощная, лоснилась на солнце...»²⁴. В этом образе перебегаются амбивалентные характеристики и состояния — величественность и физическая мощь («лесной царь»), естественность, природная неповторимость и красота, острый инстинкт самозащиты с одиночеством, ранимостью, беззащитностью, что символически отражает положение эрзянского народа, имеющего богатую аутентичную духовную культуру, уникальную этнофилософию, стремящегося сохранить их и передать потомкам, но подвергающегося гонениям со стороны властей и церкви. Животное инстинктивно чувствует опасность со стороны людей, которые прошлой весной убили его лося и их нерожденного детеныша, «обожгли огнем» ему ногу, поэтому «израненный телом и душой» он пытается скрыться от них в лесной глуши, ищет безопасное место, прислушивается к каждому звуку, шороху.

Во втором эпизоде гибель раненого Отяжки от зубов «седого матерого волка» предсказывает поражение повстанцев. В столкновении с царскими солдатами были убиты Сашка Алексеев, Листрат Дауров, его сын Никита, Кузьма был схвачен, приговорен к «высылке в Иркутскую губернию. Навсегда...»²⁵. Сцена схватки Отяжки с хищником описана масштабно и эпично, демонстрирует первозданную мощь животного мира: «Лось завертелся на месте, в любую минуту готовый растоптать врага. Обнажил желтые зубы, угрожающе захрапел и бросился на волка...»²⁶. Однако хищник оказался хитрее, «змеей пополз по густой траве, ...прыгнул на Отяжку

²³ Доронин А. Кавто томсо кочказь произведенияг. Т. 1. С. 244.

²⁴ Доронин А. Избранные произведения. Т. 5. С. 5.

²⁵ Там же. С. 365.

²⁶ Там же. С. 306.

сзади и вцепился ему в хвост, ...волчьи зубы сомкнулись мертвой хваткой. Отяжка взревел от боли...»²⁷. В этой зоологической картине явно прослеживаются социальные параллели, в частности неравный бой бунтовщиков с солдатами, в котором повстанцы оказались повержены обученным воинскому делу и хорошо вооруженным отрядом полковника Хвалынского.

Персонафицированный образ лося Отяжки способствует художественной констатации авторской концепции истории, организует архитеконику текста, насыщает повествование экзистенциальными мотивами, воспринимается многозначным символическим кодом, позволяет провести общественно-исторические аналогии.

Заключение

Высказанные в работе положения подводят к заключению о том, что обращение А. Доронина к интерпретации анималистических образов обусловлено его гуманистической мировоззренческой концепцией, потребностью изобразить национальный образ мира, осмыслить сложные вопросы исторического прошлого и современности, побудить читательскую аудиторию к рефлексии нравственных, этических, аксиологических, гендерных проблем. Выразительные возможности анималистической образности позволили писателю не только создать пластичные и метафорические образы, но и экспрессивно эксплицировать индивидуально-творческое восприятие действительности, отчетливо представить систему ценностных координат, моральных принципов социума.

Анималистический контекст прозы А. Доронина составляют образы реальных домашних и диких животных — лошади, коровы, волка, лося, — наделяемые многообразными коннотациями, символической семантикой, выполняющие разнообразные эстетические функции — концептуальную, сюжетообразующую, эмоционально-оценочную, коммуникативную. Одни животные являются непосредственными участниками событий, активными персонажами («Перепелка — птица полевая», «Поединок», «Орлик»), посредством других раскрывается нравственный потенциал персонажей («Пестрянка», «Эрексия»), третьи позволяют автору провести поэтические аналогии с драматичной исторической эпохой, раскрыть его творческую концепцию личности и истории («Кузьма Алексеев», «Волчий овраг»). Основной принцип изображения анималистических образов в текстах — антропоморфизм, животные, наделяются разумом, характером, их поведение коррелирует с жизнедеятельностью человека; посредством биоцентризма утверждаются экологическое сознание и человеческая духовность.

Моделируя художественную реальность посредством анималистических образов, А. Доронин находит своеобразные ракурсы формирования эпического дискурса, разрабатывает оригинальную поэтическую стратегию, что свидетельствует о его значительном вкладе в развитии эстетических традиций мордовской литературы.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нам как в последующем изучении анималистических образов в поэзии А. Доронина, так и в определении функциональной семантики образов животных в творчестве других национальных авторов.

²⁷ Доронин А. Избранные произведения. Т. 5. С. 306.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асратян З. Д. Тематическая и концептуальная роль заглавия в художественном произведении // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22, № 2. С. 488 — 492.
2. Белогурова С. П. Анимализм как культурологический и художественный феномен в общественной мысли рубежа XIX — XX вв.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2011. 25 с.
3. Громов Д. В., Громова А. В. Люди и животные в романе «Тихий Дон» // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 3 (39). С. 45 — 52.
4. Демин В. И. Моран Россиясо эсень эрзянь кельсэ... [Пою в России на своем эрзянском...]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. 232 с.
5. Жулева А. С. Антропоморфные образы в творчестве чукотского писателя Юрия Рытхэу // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 3 (40). С. 110 — 120.
6. Маршания К. М. «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» Т. С. Элиота в контексте английской литературной анималистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2022. 24 с.
7. Никитина Е. М. Анималистическая образность в прозе М. А. Шолохова 1920 — 1930-х годов (от «Донских рассказов» — к «Тихому Дону»): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 187 с.
8. Орехова Ю. С. Анималистическая литература Франции: традиции и их трансформация в творчестве С.-Г. Колетт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008. 22 с.
9. Раскина Е. Ю. Образы-символы животных в творчестве Н. С. Гумилева // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. 2019. № 1. С. 18 — 25.
10. Сусорева О. М. Творческая индивидуальность А. М. Доронина: жанровое многообразие прозы писателя в контексте отечественного литературно-художественного процесса // Финно-угорский мир. 2012. № 1 — 2. С. 24 — 29.
11. Тыменецка-Суханек Ю. «...Одержима духом анимализма»: биоцентризм в русской литературе (Борис Рябинин) // Природные стихии в русской словесности / отв. ред. А. И. Смирнова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 195 — 205.
12. Храмова М. Н. Семантика зооморфных образов в современной европейской культуре: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015. 25 с.
13. Цыбакова С. Б. Анималистические образы и мотивы как выражение экологической духовности в творчестве Анатолия Боровского // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 6 — 5. С. 88 — 95.
14. Шеянова С. В. Проблемно-тематическое своеобразие рассказов А. Доронина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 3. С. 191 — 204. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2023-st13.pdf>
15. Шеянова С. В. Экологическая проблематика и философия природы в современном мордовском романе // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2. С. 107 — 109.
16. Эпштейн М. Н. Мир животных и самопознание человека (по мотивам русской поэзии XIX — XX вв.) // Художественное творчество: вопросы комплексного изучения. 1986: Человек — природа — искусство. Л.: Наука, 1986. С. 126 — 146.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 19.12.2023.

Информация об авторе:

Светлана Васильевна Шеянова, профессор кафедры финно-угорской филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Asratyan ZD. Thematic and Conceptual Role of Title in Literary Work. *Bulletin of Bashkir University*. 2017;22(2):488—492. (In Russ.)
2. Belogurova SP. Animalism as a cultural and artistic phenomenon in social thought at the turn of the 19th — 20th centuries. Abstract Dis. ... Cand. of Cult. Stud. Moscow;2011. (In Russ.)
3. Gromov DV, Gromova AV. People and Animals in the Novel “The Quiet Don”. *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of Language. Language Education*. 2020;(3):45—52. (In Russ.)
4. Demin VI. I Sing in Russia in My Erzyan Language. Saransk;2008. (In Russ.)
5. Zhuleva AS. Anthropomorphic Images in the Works of Chukchi Writer Yury Rytkeu. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2022;(3):110—120. (In Russ.)
6. Marshania KM. “Popular Science about Cats, Written by Old Possum” by T. S. Eliot in the Context of English Literary Animal Studies. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Ekaterinburg;2022. (In Russ.)
7. Nikitina EM. Animalistic Imagery in the Prose of M. A. Sholokhov in the 1920s — 1930s (from “Don Stories” to “Quiet Don”). Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Voronezh;2015. (In Russ.)
8. Orekhova YuS. Animalistic Literature of France: Traditions and Their Transformation in the Work of S. G. Colette. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Kaliningrad;2008. (In Russ.)
9. Raskina EYu. Images-Symbols of Animals in the Works of N. S. Gumilev. *Bulletin of Moscow Information Technology University — Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering*. 2019;(1):18—25. (In Russ.)
10. Susoreva OM. Creative Individuality of A. M. Doronin: Genre Diversity of the Writer’s Prose in the Context of the Domestic Literary and Artistic Process. *Finno-Ugric World*. 2012;(1—2):24—29. (In Russ.)
11. Tymenetska-Sukhanek Yu. “Obsessed with the Spirit of Animalism”: Biocentrism in Russian Literature (Boris Ryabinin). *Natural Elements in Russian Literature*. Moscow;2015:195—205. (In Russ.)
12. Khramova MN. Semantics of Zoomorphic Images in Modern European Culture. Abstract Dis. ... Cand. of Cult. Stud. St. Petersburg;2015. (In Russ.)
13. Tsybakova SB. Animalistic Images and Motifs as an Expression of Ecological Spirituality in the Works of Anatoly Borovsky. *Modern Trends in the Development of Science and Technology*. 2016;(6—5):88—95. (In Russ.)
14. Sheyanova SV. Problem-Thematic Singularity of A. Doronin’s Short Stories. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):191—204. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2023-st13.pdf> (In Russ.)
15. Sheyanova SV. Ecological Problems and Philosophy of Nature in the Modern Mordovian Novel. *Humanities and Education*. 2013;(2):107—109. (In Russ.)
16. Epshtein MN. The World of Animals and Human Self-Knowledge (Based on Russian Poetry of the XIX — XX centuries). *Artistic Creativity. Questions of Complex Study. 1986: Man — Nature — Art*. Leningrad;1986. (In Russ.)

The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 19.12.2023.

Information about the author:

Svetlana V. Sheyanova, Professor of the Department of Finno-Ugric Philology of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 821.161.1:930.1
EDN APNFHC

<http://vestniknii.ru>

Научная статья

ТЕРМИНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

Е. В. Глазкова

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия
evg.5691@yandex.ru

Аннотация

Введение. Интерес русских писателей к научной лексике как художественному средству отчетливо начал проявляться в первой трети XIX в. Это было связано прежде всего с развитием науки, ее популяризацией, а также со становлением романтизма и реализма, формированием индивидуально-авторских стилей. Одним из первых обратился к терминологической лексике писатель-романтик А. А. Бестужев-Марлинский. С учетом сказанного задачей статьи является установление функциональной роли встречающихся в его прозе терминов исторических наук, приемов их художественного переосмысления и семантической трансформации.

Материалы и методы. Материалом исследования явились наиболее известные повести и рассказы А. А. Бестужева-Марлинского. Всестороннему изучению проблемы способствовали реализованные в работе методы контекстного анализа, сравнительно-исторический и статистический.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявленные в прозе А. А. Бестужева-Марлинского термины исторических наук (всего 64 понятия, с числом употреблений — 134) выступают не только в прямом значении, но и в новой функциональной роли, приобретая иную смысловую окраску. Иногда они выполняют экспрессивную и эмоционально-оценочную функции. Наиболее часто для раскрытия образного, образно-оценочного и характерологического (при обозначении и характеристике человека) потенциала терминология исторических наук привлекается писателем в комических целях. Художественные задачи решаются посредством перифразы, метафоры, гиперболы, сравнения, каламбура и др. Отмечается сочетание анализируемой лексики с другими терминологическими понятиями. Все это приводит к ее синтагматической и семантической модификации.

Заключение. В произведениях А. А. Бестужева-Марлинского термины исторических наук выполняют экспрессивную, эмоционально-оценочную, комическую функции. Для этого писатель использует различные приемы, создавая при помощи терминов перифразы, метафоры, гиперболы, сравнения, изобретая игру слов и др. Взаимодействие анализируемой лексики с другими терминологическими понятиями расширяет ее синтагматические возможности, приводя к нарушению привычной сочетаемости, перенос в несвойственные контексты обуславливает изменение семантики.

Ключевые слова: художественное произведение, А. А. Бестужев-Марлинский, термин, функция термина, семантическая трансформация термина

Для цитирования: Глазкова Е. В. Термины исторических наук в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024, Т. 16, № 2. С. 187 — 196. EDN APNFHC

© Глазкова Е. В., 2024

Original article

TERMS OF HISTORICAL SCIENCES IN THE ARTISTIC WORK OF A. A. BESTUZHEV-MARLINSKY

E. V. Glazkova

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
evg.5691@yandex.ru

Abstract

Introduction. The interest of Russian writers in scientific vocabulary as an artistic medium began to manifest itself clearly in the first third of the XIX century. This was primarily due to the development of science, its popularization, as well as the formation of romanticism and realism, the formation of individual authorial styles. The romantic writer A. A. Bestuzhev-Marlinsky was one of the first to turn to terminological vocabulary. With this in mind, the task of the article is to establish the functional role of the terms of historical sciences found in his prose, the techniques of their artistic reinterpretation and semantic transformation.

Materials and methods. The research material was the most famous novellas and short stories by A. A. Bestuzhev-Marlinsky. The comprehensive study of the problem was facilitated by the methods of contextual analysis implemented in the work, comparative historical and statistical.

Results and discussion. The terms of historical sciences revealed in the prose of A. A. Bestuzhev-Marlinsky (64 concepts in total, with the number of uses — 134) act not only in the direct meaning, but also in a new functional role, acquiring a different semantic coloring. Sometimes they perform expressive and emotional-evaluative functions. The terminology of historical sciences is most often used by the writer for comic purposes to reveal the figurative, figurative-evaluative and characterological (when designating and characterizing a person) potential. Artistic tasks are solved by means of periphrasis, metaphor, hyperbole, comparison, pun, etc. The combination of the analyzed vocabulary with other terminology concepts is noted. All this leads to its syntagmatic and semantic modification.

Conclusion. In the works of A. A. Bestuzhev-Marlinsky, the terms of historical sciences perform expressive, emotional, evaluative, and comic functions. To do this, the writer uses various techniques, using the terms to create periphrases, metaphors, hyperbole, comparisons, inventing wordplay, etc. The interaction of the analyzed vocabulary with other terminological concepts expands its syntagmatic possibilities, leading to a violation of the usual compatibility; transfer to unusual contexts causes a change in semantics.

Keywords: artwork, A. A. Bestuzhev-Marlinsky, term, term function, semantic transformation of the term

For citation: Glazkova EV. Terms of Historical Sciences in the Artistic Work of A. A. Bestuzhev-Marlinsky. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(2):187—196. EDN APNFHC

Введение

Научные термины стали внедряться в произведения художественной литературы на фоне интенсивного развития познавательной деятельности и образования. В России интерес к научной лексике начал проявляться в XVIII в., когда активизировалось исследование теоретических и прикладных областей знания. Однако первые этапы насыщения общелитературного словаря и неспециальных стилей (публицистического, делового, художественного и др.) научными понятиями мало были связаны с развитием у последних переносных значений, с их эстетической, смысловой и стилистической адаптацией в данных речевых сферах. В начале XIX в.

взаимодействие научной лексики с общелитературной заметно усилилось. Это было обусловлено дальнейшим развитием просвещения и науки, ее популяризацией, общим интересом к философским, естественным и гуманитарным наукам, а также литературно-эстетическими факторами — преодолением ограничений стилистической теории М. В. Ломоносова, «давшим простор росту индивидуально-творческих стилей...» [3, с. 268]. Писатель-романтик А. А. Бестужев-Марлинский (1797 — 1837) одним из первых начал применять терминологическую лексику для решения художественных задач [1, с. 353 — 355]. Это определялось индивидуальной речевой манерой писателя, основывающейся на активном привлечении и разнообразном использовании новых для русской поэзии и прозы языковых средств. Исходя из сказанного, цель исследования заключается в выявлении в прозе А. А. Бестужева-Марлинского функциональной роли научных понятий, приемов их художественной адаптации и семантических изменений, что будет способствовать более точному определению индивидуально-авторского стиля писателя.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили художественные произведения А. А. Бестужева-Марлинского, содержащиеся в трех изданиях, наиболее полно представляющих его повести и рассказы¹. Изучение заявленной проблемы основывалось на методах контекстного анализа, сравнительно-историческом и статистическом (выявление своеобразия и количественная характеристика использования писателем терминов исторических наук в функционально-семантическом аспекте), базирующихся на принципах научности, историзма и объективности.

Обзор литературы

Впервые к проблеме взаимодействия терминологической лексики с общелитературными языковыми средствами в неспециальных речевых сферах обратился В. В. Виноградов, исследовавший историю русского литературного языка XVII — XIX вв. Он отметил факт проникновения в Петровскую эпоху в неспециальные стили западноевропейской административной, общественно-политической, военноморской, производственно-технической и научно-деловой терминологии [3, с. 51 — 55]. Вопрос освоения писателями в первой половине XIX в. терминологической лексики рассматривал в контексте истории русского литературного языка Л. А. Булаховский. По его мнению, введение терминов в художественные произведения было связано главным образом с двумя авторами: А. А. Бестужевым-Марлинским и В. Ф. Одоевским [1, с. 353]. Исследователь характеризовал лексику А. А. Бестужева-Марлинского как «свежую и богатую», при этом констатировал использование им терминологической [1, с. 117], отметил новаторство в освоении морской терминологии [1, с. 221, 353], привел примеры военной, обратил внимание на употребление медицинской [1, с. 354 — 355].

Н. Л. Васильев в ходе обоснования принципов привлечения и художественного использования А. С. Пушкиным средств научного стиля отметил особенности их

¹ Сочинения: в 2 т. М., 1981 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года, тома и страницы); Сочинения: в 2 т. М., 1958. Т. 2; Ночь на корабле: повести и рассказы. М., 1988 (далее ссылки на эти источники будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года и страницы).

употребления другими русскими литераторами первой трети XIX в., в том числе А. А. Бестужевым-Марлинским, применявшим научную лексику «интересно и оригинально», хотя нередко это было «оригинальничание» [2, с. 169]. В наших исследованиях, посвященных научной терминологии, встречающейся в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского, рассмотрен ее состав в предметно-тематическом и количественном аспектах: выделены гуманитарная и естественно-научная лексика, каждая из которых включает несколько подгрупп; установлены наиболее и менее активные части научного словаря писателя (количество терминов и их употреблений) [5; 6]. Кроме того, нами осуществлен анализ функционально-семантического потенциала отдельных групп гуманитарной лексики, в частности искусствоведческой [4] и др. В работах других авторов, посвященных исследованию творчества А. А. Бестужева-Марлинского, в том числе его поэтико-стилистических особенностей, вопрос использования научных терминов в качестве изобразительно-выразительного средства, как правило, не затрагивается. Таким образом, рассматриваемая проблема, несмотря на важность, не являлась предметом специального изучения.

Результаты исследования и их обсуждение

В творческом наследии А. А. Бестужева-Марлинского нами обнаружено 64 понятия, относящихся к историческим наукам (истории, археологии, этнографии, генеалогии и геральдики), число их употреблений — 134. Менее четверти (22 %) выявленного материала (кроме терминов генеалогии и геральдики) употребляется только в прямом значении, большинство (78 %) — как в прямом, так и в функционально и семантически трансформированном виде.

Э к с п р е с с и в н а я функция использованной А. А. Бестужевым-Марлинским исторической терминологии реализуется посредством метафорического переосмысления понятия *летопись*: «...Дагестанский поход в числе знаменитых событий царствования Николая [I]... будет внесен в летописи военные яркими буквами...» (1981, т. 2, с. 176). Иногда такое переосмысление сопровождается оценкой, выражаемой прилагательным-эпитетом: «Воображение... жаждет прочесть на изломе скал, брошенных как надгробья над веками хаоса, чуждую летопись мироздания» (Там же, с. 338). В большинстве случаев э м о ц и о н а л ь н о - о ц е н о ч н ы й потенциал данного термина раскрывается в художественном творчестве писателя через перифразу, например: «Ты велишь мне [полковник Верховский в письме к невесте]... чтобы я описывал жизнь свою день за днем, час за часом... О, какая бы грустная, скучная летопись была, если б я на это решился!» (Там же, с. 54), «На одной из стен висел ряд фамильных портретов... это безмолвная летопись ничтожности человеческой» (1981, т. 1, с. 289 — 290). В другом контексте, представляющем собой удачное сочетание исторических и юридических ассоциаций, говорится о давних судебных делах: «Сколько ужасов схоронено в архивной пыли судебных летописей!» (Там же, с. 434). Отметим, что разнообразное метафорическое и перифрастическое переосмысление писателем понятия *летопись*, которое в «Словаре церковно-славянского и русского языка...»² трактуется только как специальное, иллюстрирует

² Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. СПб., 1847 (далее в тексте: СЦСРЯ).

развитие у него переносно-расширительного значения 'регулярная запись каких-либо событий; история чего-либо'³.

В произведениях А. А. Бестужева-Марлинского расширение значения наблюдается и у других терминов. Так, понятие *история* ('повествование о происшествии; бытописание, дееписание' — СЦСРЯ, т. 1, с. 145) автор использует в значении 'совокупность фактов, событий в жизни кого-, чего-либо; описание, изложение таких фактов, событий' (БАС, 2007, т. 7, с. 468): «Такие часы сладостны и невозвратны; многими крестами означены они в **истории** нашего сердца, и увы! — крестами надгробными...» (1981, т. 1, с. 361); понятие *татарщина* ('период времени, в который татары владели Русской землей' и 'дань, платившаяся татарам' — СЦСРЯ, т. 4, с. 272) — в значении 'насилие, произвол'⁴: «Грозный отбил власть у ханов и целиком переложил ее на нас со всею **татарщиною**» (1988, с. 85).

Часто термины исторических наук выступают как средство создания комического (иронии, шутки). Такой эффект возникает в основном при их неожиданном метафорическом переосмыслении, например: «**Эпохи жизни** своей они [красавицы] считали от балу до балу...» (1981, т. 1, с. 130), «В безмолвии пробежали они длинные дорожки, осененные дедовскими липами и кленами, на которых несколько **поколений ворон** невозмутимо пользовались тенью и приютом» (1988, с. 117).

В произведениях А. А. Бестужева-Марлинского наблюдается также ироническое образно-оценочное употребление рассматриваемой лексики, при этом оценка выражается прилагательным-эпитетом. Так, термин истории *анахронизм* ('погрешность в показании времени какого-либо происшествия' — СЦСРЯ, т. 1, с. 9) привлекается автором для шутиливой категорической (прилагательное в превосходной степени) оценки кавалером устаревшего с его точки зрения способа расположения к себе дамы, которому он противопоставляет другие, ассоциирующиеся с новой тактикой военного наступления: «Змеев повел атаку (на балу. — *Е. Г.*) не хуже Карно⁵ и Кормонтеня⁶... В первой параллели надо быть забавным, — говорил он, — во второй — занимательным, в третьей — трогательным и только в решительный час демаскировать брешь-батарею. Приступы в наш век — **самый глупый анахронизм...**» (1988, с. 345 — 346).

Интерес вызывают гиперболы, в основе которых лежит семантический потенциал терминов, способствующих созданию комического в одном случае на основе

³ Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2007. Т. 9. С. 166 (далее в тексте: БАС).

⁴ Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона: создан на основе 3-томного изд. [М. И. Михельсона]. М., 2008. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): зв., цв.; 12 см. (Б-ка справочников и словарей; вып. 2)

⁵ Карно Лазар Никола́ (1753 — 1823) — французский политический и военный деятель, математик. Был одним из создателей новой тактики наступления глубокими колоннами, подготавливаемого сосредоточенным сильным артиллерийским огнем (Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7. Стб. 63).

⁶ Кормонтень Луи де (1695 — 1752) — французский инженер, теоретик фортификации, генерал-майор (Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. СПб., 1913. Т. 13. С. 190 — 191).

ассоциаций с глубокой древностью: «Разделив коней и платье пленников, атаман бросил на него [офицера] несколько лоскутков, по которым, конечно, ни один археолог не доискался бы, к какому роду одежды они принадлежали в старину» (1958, с. 182); в другом — путем переосмысления термина этнографии *народ* как значительного количества кого-либо: «...зыбкий шатер огромных чинаров посреди и прохладная галерея, висящая на воздухе у северной стены, давали приют целому народу премиленьких татарчат, распевающих перед муллами свои уроки» (Там же, с. 429).

Сатирическую направленность имеет замечание упоминаемого автором в повести «Мореход Никитин» барона Брамбеуса⁷, рассуждающего в «Ученом путешествии на Медвежий остров» о том, что «сначала на земле водились только устрицы и лопушник». Замечание построено на нелепом переосмыслении естественно-научного процесса, искажении фактов истории и естествознания: «Устриц я всегда предпочту людям! ...Древность происхождения устриц глубже всякой летописи и несомненнее Несторовой⁸, так что сам барон Кювье⁹ не отыскал пятна в их предпотопной генеалогии...» (1981, т. 2, с. 288 — 289). Здесь комический эффект вызывают сравнения *глубже летописи*, *несомненнее Несторовой* и метафора, сконструированная путем сочетания трансформированного термина старой геологии *допотопный* и понятия *генеалогия*.

Разнообразием отличается комическое перифрастическое употребление терминов генеалогии и геральдики. Они привлекаются автором для описательной передачи шуточной этимологии слова: «В утешение господ, посылаемых в караул без очереди, я честь имею доложить, что в слове *караул* нет ничего христианского. Оно татарское¹⁰ по родословной книге и записано в статье о выходцах из Орды» (1958, с. 395); иронического намека на рождение внебрачных детей: «Старик (семидесятилетний супруг. — *Е. Г.*) взял ее [молодую жену] с собою (на воды. — *Е. Г.*). — С собою? Ах он чудо-юдо! ...Вместо того, чтобы, оставя ее в столице, украсить свое родословное дерево золотыми яблоками» (1981, т. 1, с. 196); правил поведения в обществе: «Тебе отдала я чистоту души и покой совести, но чести моей не отдам — она принадлежит другому. — Как вы [княгиня] искусны в ... геральди-ке... Вы... знаете... какую тень бросает он [поцелуй] на герб» (1981, т. 2, с. 244); саркастического намека на отсутствие знатного происхождения и отказа породниться с торговцем: «...Я [барон фон Буртнек] вовек не выдам Минны за человека (сына одного из богатейших купцов. — *Е. Г.*)... <...> ...у которого родословная в счетной

⁷ Барон Брамбеус — псевдоним русского писателя и журналиста О. И. Сенковского (1800 — 1858).

⁸ Нестор — монах Киево-Печерского монастыря (70-х гг. XI в.), древнерусский историк и публицист. По мнению многих исследователей, был составителем летописного свода «Повесть временных лет», датируемого ок. 1113 г. (Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. Стб. 140).

⁹ Кювье Жорж (1769 — 1832) — французский зоолог, палеонтолог, историк науки.

¹⁰ Слово *караул* заимствовано из тюркских языков (чагатский, татарский, казахский). В памятниках отмечается с 1356 г. (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 194).

книге, у которого нет герба. — У него их тысячи, барон, и все на золотом поле. — Хоть весь он рассыпся червонцами, — я не соглашусь раздвоить (*Écarteler*¹¹ — геральдическое выражение. — Прим. А. Марлинского) свой щит с вывескою» (1981, т. 1, с. 155). В последнем контексте писатель к тому же оригинально переосмысливает и каламбурно «обыгрывает» термин *герб*, подразумевая под ним деньги (золото).

Другой пример представляет собой каламбур, основанный на удачном сопоставлении перифрастического обозначения детей (понятия генеалогии) и книг как литературного наследия: «...Около него [Савелия] резвилась (в грёзах. — Е. Г.) уже целая толпа его нисходящих потомков, и он глядел на них нежно и любовно, как иной сочинитель на свое литературное потомство...» (1981, т. 2, с. 304).

В произведениях А. А. Бестужева-Марлинского анализируемая лексика нередко выполняет характерологическую функцию, становясь ярким образно-оценочным средством комического обозначения и характеристики человека, например: «Взрыв вашего воображения закинул меня слишком высоко. Вы поэт, дон Алонзо! — Не более как историк, графиня... беспристрастный историк... — возразил испанец... в это время танец уже кончился» (1981, т. 1, с. 213). Здесь образ персонажа построен на контрасте его восприятия графиней (*поэт*) и иронически переосмысленной самооценки как объективного исследователя (*беспристрастный историк*).

В повестях писателя есть персонажи, занимающиеся изучением прошлого по сохранившимся вещественным памятникам (*археолог, антикварий*¹²) и архивным делом (*архивариус*). Комизм их образам придает характеристика, в основе которой лежит выделение конкретной детали внешности посредством эпитета: «...Венгерец прибыл сюда... вырыть из земли под вековым прахом погребенный клад. <...> Особенно если там найдутся старинные монеты, оружие, утвари, чудные украшения или древние идолы, — примолвил... какой-то археолог с готическим носом...», «Я бы пошел очень охотно (на кладбище. — Е. Г.)... проговорил антикварий с готическим носом... за черепом какого-нибудь героя древности...» (1981, т. 1, с. 264, 268 — 269). Использование автором в качестве эпитета термина эстетики *готический* подчеркивает его связь с родом занятия персонажа, что обусловлено развитием у этого понятия переносных значений, ассоциирующихся с древностью; «...Я [ротмистр Границын] раскину словно на картах... между ними [супругами княгиней Верой и князем Петром] улегся какой-то червонный валет — это дипломат-поэт, кудрявый архивариус коллегии иностранных дел» (1981, т. 2, с. 222). Здесь образную характеристику персонажа (*кудрявый архивариус*) расширяют привлекаемые автором логически несовместимые понятия карточной игры (*червонный валет*) и литературоведения (существительное-эпитет *поэт*). Такое разнообразие художественных средств позволяет создать иронически-романтический образ.

Для комического обозначения персонажей писатель использует иногда перифразу, например: «Венгерец, по-видимому, не имел охоты делиться (кладом. — Е. Г.)

¹¹ *Écartelé* — геральд. Разделенный на четыре части // Новый французско-русский словарь. URL: <https://dicopedia.com/dic-fr-ru-uni-term-23796.htm> (дата обращения: 15.11.2023).

¹² Антикварий — занимающийся изучением древностей (СЦСРЯ, т. 1, с. 10).

с местным начальством, ни угождать господам искателям древностей...» (1981, т. 1, с. 264). В данном контексте употребление формы вежливого упоминания *господа* приводит к обратному эффекту: передаче пренебрежительного отношения к археологам.

В произведениях А. А. Бестужева-Марлинского значимым является каламбур, возникающий, например, в результате шуточной корреляции фактов из библейской истории и генеалогии: «Угадываю любопытство многих моих читателей, не о яблоке познания добра и зла, но о яблоке родословном, именем Минны украшенном...» (Там же, с. 130); объектов ботаники и геральдики: «(Виктор в оранжерее у Жанни) ...Я... знаю лилию только по гербовнику» (Там же, с. 368).

Геральдическая тематика отображена в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Наезды», где в представлении гербов рода польского дворянина Станислава Колонтая ирония сродни сарказму: «...Князь [Серебряный]... рассматривал гербы на каменной ограде, которые, подобно негодным травам, развевались повсюду. На самом своде ворот прибит был раскрашенный железный щит, и плющ... прибавлял к нему украшения, не внесенные в печать; зато домовитые ласточки залепили верх гнездами, не заботясь, что эта вывеска тщеславия дороже хозяину драгоценнейших картин...» (1988, с. 107). В данном примере удачное сравнение гербов с *негодными травами* и меткое замечание об украшениях *плющом* создают картину запущенности. Довершает ее авторская оценка — *вывеска тщеславия*. В таком же качестве гербы предстают и в дальнейшем описании: «Кудрявые гербы, пышные балдахины, богатые подушки... отделяют и отличают его [Станислава Колонтая] от собратий — он и тут [у престола всевышнего] не хочет казаться человеком» (Там же, с. 128).

Особенностью исторических повестей А. А. Бестужева-Марлинского является насыщенность реальными именами, событиями и сведениями историко-этнографического характера. При этом автор опирается на разнообразные источники. Вот как, например, характеризовал он работу над темой «вольного Новгорода»: «Когда-то замышлял я... писать историю Новгорода... но и тогда я не иначе бы принялся за труд, как проверив на месте все подробности и долго, пристально погрузясь во тьму летописи с фонарем критики»¹³.

Заключение

Анализ повестей и рассказов А. А. Бестужева-Марлинского в аспекте употребления терминов исторических наук показывает, что в отдельных случаях они выполняют экспрессивную и эмоционально-оценочную функции. Наиболее часто данные понятия выступают как средство создания комического, разнообразно раскрывают соответствующий образный, образно-оценочный и характерологический (при обозначении и характеристике человека) потенциал. Перечисленные функции реализуются в основном посредством перифразы и метафоры. В комических целях писатель применяет также гиперболу, сравнение, игру слов и др. При этом понятия исторических наук иногда сочетаются с терминами права, геологии, литературоведения, эстетики и др. Все это обуславливает семантическую транс-

¹³ Русский вестник. 1861. № 4. С. 295.

формацию научных понятий (метафоризация, расширение значения, ироническое употребление и др.), предопределяемую, в частности, переносом в несвойственные контексты (бытовая сфера, юриспруденция, военное дело, природа и др.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге. Киев: Изд-во Киев. гос. ун-та, 1957. 492 с.
2. Васильев Н. Л. Научная лексика в литературном творчестве А. С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1981. 221 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв. М.: Учпедгиз, 1938. 448 с.
4. Глазкова Е. В., Скворцова Е. Г. Функционально-семантические особенности искусствоведческой лексики в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 188 — 199. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-21.pdf>
5. Глазкова Е. В. Тематический и количественный состав гуманитарной терминологии в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского // Гуманитарные науки: в поиске нового: материалы науч. конф. «XXX Огаревские чтения», 3 — 7 дек. 2001 г. Саранск, 2001. С. 307 — 309.
6. Глазкова Е. В. Тематический и количественный состав естественно-научной терминологии в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского // Од вий: сб. науч. ст. аспирантов и докторантов. Саранск, 2006. Вып. 2. С. 133 — 135.

Статья поступила в редакцию 19.12.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

Информация об авторе:

Елена Вячеславовна Глазкова, ведущий научный сотрудник — заведующий редакционно-издательской лабораторией отдела информационно-аналитического обеспечения исследований Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), evg.5691@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bulakhovsky LA. Russian Literary Language of the First Half of the XIX Century: Vocabulary and General Remarks on the Syllable. Kiev;1957. (In Russ.)
2. Vasiliev NL. Scientific Vocabulary in the Literary Work of A. S. Pushkin. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Gorky;1981. (In Russ.)
3. Vinogradov VV. Essays on the History of the Russian Literary Language of the XVII — XIX Centuries. Moscow;1938. (In Russ.)
4. Glazkova EV, Skvortsova EG. Functional and Semantic Features of the Art Vocabulary in the Artistic Work of A. A. Bestuzhev-Marlinskiy. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(3):188—199. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-21.pdf> (In Russ.)

5. Glazkova EV. Thematic and Quantitative Composition of Humanitarian Terminology in the Artistic Work of A. A. Bestuzhev-Marlinsky. *Proceedings of the Scientific Conference "XXX Ogarev Readings". Humanities: in Search of New*. Saransk;2001:307—309. (In Russ.)

6. Glazkova EV. Thematic and Quantitative Composition of Natural Science Terminology in the Artistic Work of A. A. Bestuzhev-Marlinsky. *Od Viy. Collection of Scientific Articles of Graduate and Doctoral Students*. Saransk;2006;(2):133—135.

The article was submitted 19.12.2023; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Information about the author:

Elena V. Glazkova, Leading Researcher, Head of the Editorial and Publishing Laboratory of the Department of Information and Analytical Support for Research of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), evg.5691@yandex.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 811.511.152
EDN AWURJD

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ОБЪЕКТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ВЕЛЯЗЕМСКО-КАРГАЛЬСКИХ ГОВОРАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

Г. С. Иванова¹, О. В. Белкина²✉, Е. Д. Пахмутова¹

¹ Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия

² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

✉ksyushabelkina1997@mail.ru

Аннотация

Введение. Объектному спряжению мокшанского языка свойственно наличие личных формантов, указывающих на лицо и число как субъекта, так и объекта действия. Только транзитивные глаголы и некоторые интранзитивные глаголы, используемые в значении транзитивных, могут изменяться по объектному спряжению. В данном исследовании мы описываем объектные формы прошедшего времени в веляземско-каргальских говорах мокшанского языка.

Материалы и методы. В качестве материала для анализа использовались диалектные данные, собранные с 2010 по 2021 г. в районах Республики Мордовия, где компактно проживает мокшанское население. Основным методом проведенного исследования является синхронно-описательный, с помощью которого дается характеристика особенностей веляземско-каргальских говоров. Для выявления диалектных особенностей применяется сопоставительный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате проведенного исследования было выявлено наличие омонимичных формантов, характерных для множественного числа 1-го и 3-го лица в рядах *tojn'* «его» и *t'in'n'* «вас», а также для форм единственного числа 1-го и 3-го лица в ряде *t'in'n'*. Для веляземско-каргальских говоров свойственно развитие некоторых формантов в составе субъектно-объектных суффиксов. Особое внимание уделяется агглютинации показателей субъекта и объекта, дифференциация которых на фонетическом уровне затронула как корневую морфему, так и субъектно-объектные форманты.

Заключение. Анализ материала исследования свидетельствует о том, что говоры мокшанского языка имеют большую парадигму в сравнении с литературным языком, характеризуются своеобразными субъектно-объектными формантами, выявление которых позволит изучить язык на современном этапе и в диахронии.

Ключевые слова: говор, глагол, спряжение, субъектно-объектный формант, мокшанский язык

Для цитирования: Иванова Г. С., Белкина О. В., Пахмутова Е. Д. Объектные формы прошедшего времени в веляземско-каргальских говорах мокшанского языка // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 197 — 205. EDN AWURJD

© Иванова Г. С., Белкина О. В., Пахмутова Е. Д., 2024

Original article

THE OBJECT FORMS OF THE PAST TENSE VERB IN THE VELAZEM-KARGAL DIALECTS OF THE MOKSHA LANGUAGE

G. S. Ivanova¹, O. V. Belkina²✉, E. D. Pakhmutova¹

¹ National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

² Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

✉ksyushabelkina1997@mail.ru

Abstract

Introduction. The object conjugation of the Moksha language is characterized by the presence of personal formants indicating the person and number of both the subject and the object of action. Only transitive verbs and some intransitive verbs used in the meaning of transitive verbs can change by object conjugation. In this study, we describe the object forms of the past tense in the Velazem-Kargal dialects of the Moksha language.

Materials and methods. The material for analysis was dialect data collected from 2010 to 2021 in the regions of the Republic of Mordovia, where the Moksha population lives compactly. The main method of the research is synchronous-descriptive, with the help of which the state of the Velazemsk-Kargal conversations is characterized. To determine the distinctive features, a comparative method is used.

Results and discussion. As a result of the study, the presence of homonymous formants was revealed, characteristic of the plural of the 1st and 3rd persons in the series *tojn* ‘him’ and *tin’n* ‘you’, as well as for the singular forms of the 1st and 3rd faces in a row *tin’n*. The development of some formants as part of subject-object suffixes is typical for the Velyazem-Kargal dialects. Particular attention is paid to the agglutination of subject and object indicators, the differentiation of which affected both the root morpheme and subject-object formants at the phonetic level.

Conclusion. Prospects for further research are seen in the comprehensive study of verb morphology in Moksha dialects in order to create a dialectological atlas, which will show the paradigm of verb change at the present stage and in diachrony.

Keywords: dialect, verb, conjugation, subject-object formant, Moksha language

For citation: Ivanova GS, Belkina OV, Pakhmutova ED. The Object Forms of the Past Tense Verb in the Velyazemsky-Kargalian Dialects of the Moksha language. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(2):197—205. EDN AWURJD

Введение

Данное исследование является продолжением работ по изучению морфологии мокшанских диалектов. Актуальность данной темы заключается в необходимости анализа парадигматического потенциала объектного спряжения в веляземско-каргалских говорах мокшанского языка с целью расширения имеющегося материала по спряжению и системному изучению мокшанских диалектов. Для реализации поставленной цели решались следующие задачи: 1) определение информантов среди носителей конкретных говоров; 2) сбор диалектного материала; 3) документирование языковых фактов.

Объектом исследования являются веляземско-каргалские говоры мокшанского языка, которые характеризуются своеобразными субъектно-объектными формантами, отличающимися от таковых в соседних диалектах мокшанского языка.

Обзор литературы

Диалекты всегда привлекали внимание исследователей и находили непосредственное отражение в их работах (Х. Паасонен [17], А. П. Феоктистов [14], С. З. Деваев [3], С. И. Липатов [10], К. И. Ананьина [1], Р. В. Бабушкина [2]). Значимый вклад в исследование мокшанской диалектологии внесли современные лингвисты, среди которых Г. С. Иванова [5; 6; 15], М. З. Левина¹, Н. Ф. Кукушкина [9], И. Я. Жибраткина [4].

Достаточно подробно объектное спряжение исследовал П. Г. Матюшкин [12]. Ученый дал детальное описание процесса изменения глагола в мокшанском и эрзянском языках, рассмотрев его в контексте семи наклонений. Значительная часть его работы посвящена переходности глаголов, определенности объектов действия и выражению завершённого действия. Он обратил внимание на то, что объектное спряжение в мокшанском языке от эрзянского отличается аффиксами и формами времени. Кроме того, отметил, что наличие в эрзянском языке различных вариантов субъектно-объектных формантов также является отличительным признаком.

Согласно П. Хайду, образование объектного спряжения началось с форм 3-го лица, где переходные глаголы имели личный формант, в то время как у непереходных глаголов этого форманта не было. Позже это различие между двумя спряжениями распространилось с 3-го лица на первые два лица, что послужило началом образования объектного спряжения [16]. Венгерский ученый Л. Керестеш, говоря об объектном спряжении подчеркивает, что мокша и эрзя активно использовали древние элементы, которые имелись в их словарном запасе, при этом в указанные языки постепенно внедрялись новые особенности [8]. Б. А. Серебренников, в свою очередь, утверждает, что начало становления объектного спряжения в финно-угорских языках связано с 1-м лицом прошедшего времени и использованием лично-притяжательных формантов в их первоначальном значении [13]. Согласно мнению других ученых, происхождение объектного спряжения связано с завершением эволюции древнего финно-угорского языка. Однако первоначальные этапы развития категории объектности некоторые лингвисты связывают с древней уральской эпохой [11].

Материалы и методы

В исследовании были использованы лингвистические данные веляземско-каргальских говоров, которые были зафиксированы авторами в районах Республики Мордовия, где проживает мокшанское население. С помощью синхронно-описательного метода были охарактеризованы особенности анализируемых говоров в настоящий период их развития. В отдельных случаях использовался сопоставительный метод, который способствовал основательному рассмотрению процессов в языке, включая неоднозначность объектных форм прошедшего времени.

Результаты исследования и их обсуждение

Объектное спряжение в веляземско-каргальских говорах указывает на лицо как субъекта, так и объекта действия. Глаголы в этом спряжении показывают наклонение, время, а также число и лицо объекта и субъекта. Принимать категорию объектности могут только транзитивные глаголы и интранзитивные, которые пре-

¹ Левина М. З. Мокшень диалектологиясь: тонафнемань пособия. Саранск, 2014. 176 с.

образованы в транзитивные. Форманты объектного спряжения исторически образованы от притяжательных аффиксов, доказательством чего является наличие категории объектности в других уральских языках, среди них мансийский, хантыйский, венгерский и самодийские [10].

В объектном спряжении веляземско-каргальских говоров, в отличие от литературного мокшанского языка, пять наклонений, которые имеют отдельные форманты (отсутствует кондиционал-оптатив, редко встречается оптатив). В работе «Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка» С. З. Деваев отмечает, что «объектные формы побудительного наклонения удалось обнаружить не все», так как они малоупотребительны. Ученый дает такие формы с оптативным значением: *kigəvə d'asan n'ej* «пусть никто их не увидит»; *hut' s'ormadəz' hut'dez'* «хоть пусть запишут их, хоть нет (пусть не запишут их)»; *af parə mor s'evn'd'z'at* «пропади пропадом» (букв.: нехороший мор тебя возьми) [4, с. 393].

Эти редко используемые оптативные формы 3-го лица в веляземско-каргальских говорах свидетельствуют о том, что некогда была полная парадигма оптативных форм, возможно недостаточно развитая, а в настоящее время эти формы находятся на грани исчезновения. В веляземско-каргальских говорах оптативные формы заменяются сложной конструкцией: императивная форма глагола *kadma* «оставлять» + основной глагол в личной форме (в индикативе), например: *katk s'evsijn' pinget'n'an'* «пусть возьмет дрова» (букв.: оставь-его возьмет-их дрова-те»; *katk mastərt štasī* «пусть пол помоеет» (букв.: оставь-его пол-тот помоеет-его). В данных образованиях глагол *katk* потерял свое лексическое значение и употребляется как служебное слово, побудительная частица.

В данной работе мы проанализируем объектные формы прошедшего времени в веляземско-каргальских говорах, которые интересны тем, что имеют большую парадигму в сравнении с другими говорами и диалектами мокшанского языка.

Объектное спряжение в рассматриваемых говорах делится на шесть рядов: *mojn'* «меня», *tojn'* «тебя», *sojn'* «его», *m'in'n'* «нас», *t'in'n'* «вас», *s'in'n'* «их», причем в рядах *mojn'*, *m'in'n'* отсутствуют формы 1-го лица; *tojn'*, *t'in'n'* — 2-го лица.

Особенность спряжения в I прошедшем времени в веляземско-каргальских говорах заключается в следующем:

1. В веляземско-каргальских говорах в ряде *mojn'* «меня» объектные форманты различаются лишь в ед. числе: *-m'en'* «он — меня», *-m'ejt'* «ты — меня»; в ряде *m'in'n'* «нас» форманты 2-го лица ед. и мн. числа сходны с формантами 2-го лица мн. числа: *m'es't'* (вы — нас; ты — нас; вы — меня); кроме того, в ряде *m'in'n'* «нас» форманты 3-го лица мн. числа сходны с формантами 3-го лица ед. и мн. числа: *-m'ez'* (они — нас; он — нас; они — меня).

2. В рядах *sojn'* «его» и *s'in'n'* «их» в веляземско-каргальских говорах прослеживаются одинаковые объектные форманты мн. числа 3-го лица *-z'* (они — их; они — его), ед. числа 2-го лица *-jt'* (ты — их; ты — его), ед. числа 1-го лица *-jn'* (я — их; я — его). В данных рядах выступают разные форманты мн. числа 1-го лица: *s'in'n'* «их» — *-jn'ək* (мы — их); *sojn'* «его» — *-s'k* (мы — его). Помимо этого, разные форманты есть и для обозначения мн. числа 2-го лица: *s'in'n'* «их» — *-ij'n't'* (вы — их); *sojn'* «его» — *-s't'* (вы — его).

3. В ряде *tojn'* «тебя» происходит отождествление формантов 1-го и 3-го лица мн. числа. В ряде *t'in'n'* «вас» прослеживаются четыре одинаковые формы, которые

образуются с помощью субъектно-объектного форманта *-d'ez'* (они — вас; они — тебя; мы — вас; мы — тебя; он — вас; я — вас). Различие в формантах есть только в ряде *tojn'* «тебя» в ед. числе: в 1-м лице — *-iJ-t'ən'* (я — тебя); в 3-м лице — *n'd'^z'ət* (он — тебя).

4. В ряде *s'in'n'* «их» объектный формант ед. числа 3-го лица *-z'n'* (он — их) и объектный формант ед. числа 3-го лица в ряде *sojn'* «его» *-z'ə* (он — его) отличаются тем, что первый имеет суффикс мн. числа объектов *-n'*.

5. В веляземско-каргальских говорах ед. и мн. число объекта, как и в рыбкинско-мамолаевских говорах [10], обозначается посредством разных формантов: во 2-м лице *-ijən't'* (вы — их), *-s't'* (вы — его), в 1-м лице *-in'ək* (мы — их), *-s'k* (мы — его).

В веляземско-каргальских говорах объектные формы прошедшего времени имеют особые показатели — объектные форманты могут присоединяться как к гласной, так и к согласной основе (табл. 1).

Таблица 1. Спряжение глагола *pan'məs* «прогнать» в I прошедшем времени

Table 1. Conjugation of the verb *pan'məs* “to drive away” in the I-st past tense

Ряд <i>tojn'</i> «меня»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	—	—
2-е лицо	<i>pan'-m'ejt'</i> «ты меня прогнал»	<i>pan'-m'es't'</i> «вы меня прогнали»
3-е лицо	<i>pan'-m'en'</i> «он меня прогнал»	<i>pan'-m'ez'</i> «они меня прогнали»
Ряд <i>tin'n'</i> «нас»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	—	—
2-е лицо	<i>pan'-m'es't'</i> «ты нас прогнал»	<i>pan'-m'es't'</i> «вы нас прогнали»
3-е лицо	<i>pan'-m'ez'</i> «он нас прогнал»	<i>pan'-m'ez'</i> «они нас прогнали»
Ряд <i>tojn'</i> «тебя»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>pan'iJ-t'ən'</i> «я тебя прогнал»	<i>pan'ə-d'ez'</i> «мы тебя прогнали»
2-е лицо	—	—
3-е лицо	<i>pan'-n'd'^z'et</i> «он тебя прогнал»	<i>pan'ə-d'ez'</i> «они тебя прогнали»
Ряд <i>tin'n'</i> «вас»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>pan'ə-d'ez'</i> «я вас прогнал»	<i>pan'ə-d'ez'</i> «мы вас прогнали»
2-е лицо	—	—
3-е лицо	<i>pan'ə-d'ez'</i> «он вас прогнал»	<i>pan'ə-d'ez'</i> «они вас прогнали»
Ряд <i>sojn'</i> «его»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>pan'-ijn'</i> «я его прогнал»	<i>pan'ə-s'k</i> «мы его прогнали»
2-е лицо	<i>pan'-ijt'</i> «ты его прогнал»	<i>pan'ə-s't'</i> «вы его прогнали»
3-е лицо	<i>pan'ə-z'ě</i> «он его прогнал»	<i>pan'ə-z'</i> «они его прогнали»
Ряд <i>sin'n'</i> «их»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>pan'-ijn'</i> «я их прогнал»	<i>pan'-ijn'ək</i> «мы их прогнали»
2-е лицо	<i>pan'-ij't'</i> «ты их прогнал»	<i>pan'-ij'n't'</i> «вы их прогнали»
3-е лицо	<i>pan'ə-z'n'</i> «он их прогнал»	<i>pan'ə-z'</i> «они их прогнали»

Для образования отрицательной формы в прошедшем времени в веляземско-каргалских говорах используется частица *iz'*. Она стоит перед глаголом и присоединяет к себе личные форманты. Исключением являются некоторые говоры, например, с. Ясная Поляна, где объектные форманты присоединяются к глагольной основе: центр., ю.-в. *ašə-maz' kiz'əft'* / зап. *iz'-mez' kiz'əft'* / *aš kiz'əft'ə-mez'* «он (они) нас (меня) не спросили» и т. д.

Агглютинация отрицательных форм субъектно-объектных аффиксов I прошедшего времени представлена в табл. 2.

Таблица 2. Спряжение глагола *af kiz'əftəms* «не спросить» в I прошедшем времени

Table 2. Conjugation of the verb *af kiz'əftəms* “not to ask” in the I-st past tense

Ряд <i>tojn'</i> «меня»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	—	—
2-е лицо	<i>iz'-m'ejt'kiz'əft'</i> «ты меня не спросил»	<i>iz'-m'es't'kiz'əft'</i> «вы меня не спросили»
3-е лицо	<i>iz'-m'en'kiz'əft'</i> «он меня не спросил»	<i>iz'-m'ez'kiz'əft'</i> «они меня не спросили»
Ряд <i>min'n'</i> «нас»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	—	—
2-е лицо	<i>iz'-m'es't'kiz'əft'</i> «ты нас не спросил»	<i>iz'-m'es't'kiz'əft'</i> «вы нас не спросили»
3-е лицо	<i>iz'-m'ez'kiz'əft'</i> «он нас не спросил»	<i>iz'-m'ez'kiz'əft'</i> «они нас не спросили»
Ряд <i>tojn'</i> «тебя»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>iz'iJ-t'ən'kiz'əft'</i> «я тебя не спросил»	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «мы тебя не спросили»
2-е лицо	—	—
3-е лицо	<i>iz'-n'd'z'ət'kiz'əft'</i> «он тебя не спросил»	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «они тебя не спросили»
Ряд <i>t'in'n'</i> «вас»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «я вас не спросил»	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «мы вас не спросили»
2-е лицо	—	—
3-е лицо	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «он вас не спросил»	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «они вас не спросили»
Ряд <i>sojn'</i> «его»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>iz'-ijn'kiz'əft'</i> «я его не спросил»	<i>iz'ə-s'kkiz'əft'</i> «мы его не спросили»
2-е лицо	<i>iz'-ijt'kiz'əft'</i> «ты его не спросил»	<i>iz'ə-s't'kiz'əft'</i> «вы его не спросили»
3-е лицо	<i>iz'ə-z'ě kiz'əft'</i> «он его не спросил»	<i>iz'ə-z' kiz'əft'</i> «они его не спросили»
Ряд <i>sin'n'</i> «их»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>iz'-ijn'kiz'əft'</i> «я их не спросил»	<i>iz'-ijn'əkkiz'əft'</i> «мы их не спросили»
2-е лицо	<i>iz'-ij't'kiz'əft'</i> «ты их не спросил»	<i>iz'-ij'n't'kiz'əft'</i> «вы их не спросили»
3-е лицо	<i>iz'ə-z'n' kiz'əft'</i> «он их не спросил»	<i>iz'ə-z' kiz'əft'</i> «они их не спросили»

Объектные формы II прошедшего времени в веляземско-каргалских говорах не прослеживаются. В других говорах они образуются посредством форманта *-l'*, присоединяющегося к основе глагола, например: центр. *kiz'əft'-al'-əman'* «он меня спросил», *kiz'əft'-al'-əmajt'* «ты меня спросил», ю.-в. *kiz'əft'-l'-išt'ən'* «я тебя спросил».

Заключение

В объектных формах прошедшего времени веляземско-каргалских говоров следует отметить несколько отличительных черт:

1) парадигма объектного спряжения имеет больше смысловозначительных формантов, чем в других диалектах и говорах;

2) в ряде *tojn'* «меня» в форме мн. числа 2-го и 3-го лица и в ряде *m'in'n'* «нас» в формах мн. и ед. числа 2-го и 3-го лица вместо *a* используется *e* (*pan'-m'ez'* «он нас прогнал»);

3) в рядах *sojn'* «его», *s'in'n'* «их» имеются отдельные форманты ед. и мн. числа объекта: в 1-м лице (*pan'ə-s'k* «мы его прогнали», *pan'-ijn'ək* «мы их прогнали»), во 2-м лице *-s't'* (вы — его), *-ijn't'* (вы — их). Исключением являются формы рядов *sojn'* «его» и *s'in'n'* «их» во мн. числе 3-м лице, которые являющиеся идентичными;

4) в ряде *s'in'n'* «их» в формантах ед. числа 1-го лица прослеживается *j*, который образовался из дифтонгического сочетания **ij* (*ij*) (*pan'-ijn'* «я их прогнал», ср: *pan'-in'ě* других диалектов);

5) в веляземско-каргалских говорах после форманта, указывающего на ед. число 3-го лица, выступает показатель объекта *-t* (*pan'-n'd'^z'ət* «он тебя прогнал»);

6) в отрицательных объектных формах прошедшего времени субъектно-объектные форманты присоединяются к отрицанию *af*;

8) в прошедшем времени объектного спряжения веляземско-каргалских говоров, как и в литературном мокшанском языке, много тождественных форм.

СОКРАЩЕНИЯ

Ед. число — единственное число, зап. — западный диалект, мн. число — множественное число, центр. — центральный диалект мокшанского языка, ю.-в. — юго-восточный диалект мокшанского лица.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 21 с.
2. Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16 — 226.
3. Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261 — 433.
4. Жебраткина И. Я. Глушковско-алексовские говоры в системе мокшанских диалектов: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саранск, 2013. 19 с.
5. Иванова Г. С., Кукушкина Н. Ф. Степень изученности фонетического строя мокшанских диалектов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 4 (20). С. 99 — 108. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-4-2011.pdf>
6. Иванова Г. С., Николаева Е. А., Белкина О. В., Сайгутина К. И. Специфика объектных форм прошедшего времени в диалектах мокшанского языка // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 186 — 197. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st13.pdf>
7. Иванова Н. В. Переходный диалект мокшанского языка (фонетика, словоизменение): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 25 с.
8. Керестеш Л. Основы мордовского языкознания. Дебрецен: Изд-во Дебрецен. ун-та. 2017. 186 с.

9. Кукушкина Н. Ф. Фонетика мокшанских диалектов (в лингвогеографическом аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2012. 22 с.

10. Липатов С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1972. 24 с.

11. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.

12. Матюшкин П. Г. Объектное спряжение глагола в мордовских языках: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973. 182 с.

13. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.

14. Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков // Н. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1990. Bd. I. S. LX — LXXXVI.

15. Цыганкин Д. В., Иванова Г. С. Ассимилятивный потенциал сингармонизма в языках агглютинативного типа // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 3. С. 510 — 518.

16. Hajdy P. Bevezetés Az Urálinyelvtudományba: (A Magyar nyelv finnugor alapjai). Budapest: Tankönyvkiadó, 1966. 179 p.

17. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors: Souété Finno-Ougrinne, 1903. 123 p.

Статья поступила в редакцию 21.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 27.04.2024.

Информация об авторах:

Галина Софроновна Иванова, профессор кафедры мордовских языков Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/4), доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, galina17-05@yandex.ru

Оксана Вячеславовна Белкина, аспирант отдела языкознания, младший научный сотрудник отдела языкознания Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1550-7368>, ksyushabelkina1997@mail.ru

Елена Даниловна Пахмутова, доцент кафедры немецкой филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2317-4778>, pahmutova@mail.ru

Вклад авторов:

Иванова Г. С. — разработка концепции, развитие методологии, анализ литературы, научное редактирование текста;

Белкина О. В. — сбор данных, анализ литературы, написание первоначального варианта статьи, компьютерный набор текста;

Пахмутова Е. Д. — разработка концепции, развитие методологии, анализ литературы.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ananyina KI. The Upper-Alatyr Dialect of the Moksha Language. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu;1974. (In Russ.)
2. Babushkina RV. Temyashevsky Dialect of the Moksha-Mordovian Language. *Essays on Mordovian Dialects*. Saransk;1966;4:16—226. (In Russ.)
3. Devaev SZ. The Middle Vad Dialect of the Moksha-Mordovian Language. *Essays on Mordovian Dialects*. Saransk;1963;2:261—433. (In Russ.)

4. Zhebratkina IYa. Glushkov-Alexov Dialects in the System of Moksha Dialects. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Saransk;2013. (In Russ.)
5. Ivanova GS, Kukushkina NF. The Degree of Study of the Phonetic Structure of the Moksha Dialects. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2011;(4):99—108. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-4-2011.pdf> (In Russ.)
6. Ivanova GS, Nikolaeva EA, Belkina OV, Saigutina KI. Specificity of Object Forms of the Past Tense in the Dialects of the Moksha Language. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):186—197. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st13.pdf> (In Russ.)
7. Ivanova NV. Transitional Dialect of the Moksha Language (Phonetics, Inflection). Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Saransk;2022. (In Russ.)
8. Kerestesh L. The Fundamentals of Mordovian Linguistics. Debrecen;2017. (In Russ.)
9. Kukushkina NF. Phonetics of Moksha Dialects: in the Linguistic and Geographical Aspect. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Saransk;2012. (In Russ.)
10. Lipatov SI. Rybkin-Mamolaev Dialects of the Moksha-Mordovian Language. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu;1972. (In Russ.)
11. Maytinskaya KE. Historical and Comparative Morphology of the Finno-Ugric Languages. Moscow;1979. (In Russ.)
12. Matyushkin PG. Object Conjugation of the Verb in the Mordovian Languages. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu;1973. (In Russ.)
13. Serebrennikov BA. Historical Morphology of Mordovian Languages. Moscow;1967. (In Russ.)
14. Feoktistov AP. Moksha Dialects. X. *Paasonens. Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki;1990:71—86. (In German)
15. Tsygankin DV, Ivanova GS. Assimilative Potential of Vowel Harmony in Languages of Agglutinative Type. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019;9(3):510—518. (In Russ.)
16. Hajdy P. Bevezetés Az Uráli Nyelvtudományba: (A Magyar Nyelv Finnugor Alapjai). Budapest;1966. (In Hungarian)
17. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors;1903. (In German)

The article was submitted 21.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Information about the authors:

Galina S. Ivanova, Professor of the Department of Mordovian Languages of National Research Mordovia State University (68/4 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, galina17-05@yandex.ru

Oksana V. Belkina, Postgraduate Student of the Department of Linguistics, Junior Researcher of the Department of Linguistics of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1550-7368>, ksyushabelkina1997@mail.ru

Elena D. Pakhmutova, Associate Professor of the Department of German Philology of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Pedagogical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2317-4778>, pahmutova@mail.ru

Contribution of the authors:

Ivanova G. S. — concept development, methodology development, literature analysis, scientific editing of the text;

Belkina O. V. — literature analysis, writing the original version of the article, data collection and processing;

Pakhmutova E. D. — concept development, methodology development, literature analysis.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

НАШИ ПРОЕКТЫ OUR PROJECTS

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МОРДОВИИ»* «LITERARY ENCYCLOPEDIA OF MORDOVIA»

Буква К / Part K

EDN BHGA1Y

КОРЧЕГАНОВ Владимир Николаевич (9.3.1941, д. Садовка ныне Ковылкинского р-на РМ), мокша-мордов. писатель. Засл. работник культуры МССР (1992). Чл. СП СССР (1988). Род. в крест. семье. Окончил Краснослободский с.-х. техникум (1967), Всесоюзный заочный высший лекторий журналистики (1964) и 3 курса юр. ф-та Казанского гос. ун-та (1970). В 1968 — 2006 — сотр. опытного производства ОАО «Лисма-ВНИИИС им. А. Н. Лодыгина»; с 2006 — зам. гл. ред. дет. лит.-познават. газ. «Родничок».

К. начал заниматься лит. деятельностью в 1960-е гг., печатался в респ. газетах и журналах (рассказ «Юмаф шивалда» — «Потерянный дневной свет», ж. «Мокша», 1963, № 3; и др.). Своими гл. учителями считает изв. мордов. писателей Я. М. Пинясова, М. А. Бебана и Ф. С. Атянина, к-рые оказывали ему помощь на этапе проф. становления, формирования индивидуально-авт. стиля. Первый восьмистраничный сб. «Луганя-

зе-лаймонязе» («Луг-лужок», 1977), пред-назнач. для детей дошк. возраста, включает 18 коротких стихотворений. Они знакомят маленьких читателей с окружающим миром, явлениями природы, передают их красоту и помогают понять нрав братьев наших меньших. Во вторую книгу писателя для детей «Ожука, монць» («Погоди, я сам», 1980) вошла худож. проза — рассказы, сказки и повесть. Разные по тематике, но сходные по идейному содержанию рассказы ориентированы на воспитание у детей любви к окружающей природе («Шуфтонянь обжай» — «Обидчик деревьев»), личностных качеств коллективизма и готовности прийти на помощь («Капаскарьшка» — «С лапоть», «Эйть лангса» — «На льду»). Авт. сказки о животных («Ёжу, а васькафтовсь» — «Хитрая, но обманулась» и «Ашесть ладяв» — «Не сдружились») близки к народным. Финал первой идентичен концу мордов. нар. сказки «Ворона и Лиса» и рус. «Лиса и Дрозд»: Лиса решила отдать

* Энциклопедические статьи / Encyclopedic articles

гнавшимися за ней собакам хвост, к-рый мешал бежать, а собаки вытянули её из дупла и разорвали. Особенность второй сказки заключается в наделении зайца не свойств. ему характером. Заяц представлен не столько трусливым, сколько хитрым, сумевшим уйти от волка и медведя, а также поссорить их друг с другом. Воспитат. потенциалом обладает пов. «Ёмла егерь» («Маленький егерь»), гл. герой к-рой (Митяня) вместе со своим дедом защищает природу от браконьеров и спасает друга на пожаре. Недостатки произв. проявились в идеализации образа гл. героя — семиклассника, наделённого искл. положит. качествами, стремящегося к знаниям, не совершающего никаких ошибок, а также в композиц. нестройности, обусловл. резкими переходами от одной части к другой. Третий сб-к на мокш. яз. «Судьбань тяште» («Звезда счастья», 1991) состоит из стихотворений и поэм. Его открывают стихи, посвящ. Вел. Отеч. войне. В них восхваляется подвиг народа и выражается скорбь по поводу погибших солдат. Другие произв. относятся к пейзажной и любовной лирике. В них ярко и образно предстаёт живописная природа мордов. края, выражается уважит. отношение к женщине, к матери, прославляется животворящая сила любви. Наряду с этим значит. место занимают стихотворения о человеке труда, наделённом поэтом высокими нравств. качествами, приносящем пользу себе и окружающим. В отдельных произв. ставятся злободневные проблемы, в частности пьянства («Начка пула» — «Мокрый хвост»). В поэме «Тердихть паксянь панчфне» («Зовут цветы полевые») выражается мысль о необходимости сохранения сёл, утверждается идея преемственности поколений. В сб-ках избр. прозы и поэзии «Людские судьбы...» (2006) и «Кочкаф

произведениях» («Избранные произведения», 2011) представлены стихи, рассказы и повести на мокш., рус. и эрз. яз. Из 50 стихотворений на мокш. яз. впервые опублик. являются лишь 17 (6 — для взрослого читателя и 11 — для детей), тематика к-рых не отличается новизной, остальные перешли из предыдущей книги. Среди прозаич. произв. имеются повести о работе правоохранит. органов («Сире кирьхкс» — «Старый воробей», 1996; «Вень эводемат» — «Ночные страхи»; и др.). Сб. «Избранные произведения» (2016), составл. из книг, изд. в 1991 и 2011, включает всего 2 новых стихотворения для детей («Тага цингорды звонкось» — «Снова звенит звонок», «Лямбось сась» — «Тепло пришло»). Большинство произв. К. переведено на рус. яз., наиболее удачными являются пер. А. Н. Терентьева. Нек-рые пер., осуществл. А. А. Громыхиным, выполнены с использованием просторечной лексики и неправильных форм слов, что не способствует формированию у детей грамотной речи.

К. — лауреат лит. пр. МВД МАССР (1980) и респ. фестиваля «Под солнцем Родины». Д. чл., проф. Межрегион. обществ. орг-ции «Академия русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина» (2005).

Соч.: Луганязе-лаймонязе. Саранск, 1977; Ожука, монць : рассказ, ёфкст и повесть. Саранск, 1980; Друг мой — солнышко : стихи / [пер. с мордов.-мокша А. Терентьева]. Саранск, 1984; Весна : стихи / пер. с мордов.-мокша. М., 1986; Штрафной удар : повесть и рассказы / пер. с мордов.-мокша А. Терентьева. Саранск, 1988; Судьбань тяште : стихт и поэмат. Саранск, 1991; Две сказки для маленьких и больших ребят / [переводчик А. Терентьев]. Саранск, 1995; Свет негасимый : стихи / пер. с мордов.-мокша яз.: А. Громыхин, А. Терентьев. Саранск, 1998; Тепло-

та души : (Избр. произведения) / пер. с мокш. А. Громыхина и А. Терентьева. Саранск, 2000 ; Солнечный котёнок : стихи и сказки / пер. с мокш. А. Громыхина и А. Терентьева. Саранск, 2001 ; Людские судьбы... : [избр. произведения]. Саранск, 2006 ; Кочкаф произведения = Избранные произведения. Саранск, 2011 ; Избранное : стихи, повести, очерки, песни. Саранск, 2013 ; Избранные произведения = Кочкаф произведения = Кочказь произведения : [стихотворения, поэмы, сказки, повести, рассказы] / [пер. О. Алиевой и др.]. Саранск, 2016.

Лит.: ПМ. 2001 ; 2015. Т. 1 ; *Тангалычев К.* В мире доброты // Сов. Мордовия. 1987. 15 янв. ; *Имяреков М. Г.* Писательсь и зряфсь. Саранск, 1992 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1 ; *Дёмин В. И.* «Счастье — это к дому родная дорога...» : Слово о поэтич. творчестве Владимира Корчеганова // Нар. образование РМ. [Саранск]. 2013. № 3 — 4.

А. М. Каторова.

EDN GMWLFQ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, произведения кон. 19 — нач. 20 в., созд. на мокш. и эрз. яз. творчески одарёнными представителями крестьянства или выходцами из среды нац. сельской интеллигенции (Р. Ф. Учаев, В. С. Саюшкин, И. А. Цыбин, Т. Е. Завражнов, С. А. Ларионов, И. Т. Зорин и др.). К. л. — переходная форма развития мордов. кн. словесности в её движении от фольк. стадии к литературной. До 1880-х гг. произв. К. л. распространялись в основном устно; с кон. 19 в. их стали записывать рус. и заруб. исследователи этнич. культуры мордов. народа и публиковать в науч. сб-ках как образцы мордов. нар. творчества. Осн. жанровые формы К. л. — «народный рассказ», «разговор», «воспоминание», «история», ист. и др. виды «предания», поэма сказового типа. Мордов.

К. л. органически связана с фольклором, его поэтикой, эстетикой и разновидностями его образной системы. Жанрово-стилевую структуру К. л. отличают занимательность повествования, беллетризов. отражение нек-рых явлений социальной жизни, нар. быта и реальных событий, связ. непосредственно с судьбой автора-рассказчика. Лучшим образцам (напр., «Рассказ о старике Фёдоре», «Рассказ соседа соседу о произведённой у него краже», «Рассказ о рассеянном мордвине» Учаева) свойственны сатирико-комич. сюжеты и приёмы изобразительности. Особое место в К. л. занимают литературно обработ. топонимич. «предания» мордов. сёл Саратовского у. Саратовской губ. — Оркино (Цыбин) и Сухой Карбулак (Учаев). Их стилиевой манере присущи метафоричность описаний, наличие сопоставит. характеристик, использование эпитетов и сравнений. К типично лит. форме рассказа относится, напр., «жизнеописание» Учаева, в к-ром представлены сцены мордов. нар. быта, показаны крест. трудолюбие, мироощущение и миропонимание. «Жизнеописание» Саюшкина отличается сатирико-обличит. заострённостью, стремлением изобразить человека, ищущего социальной справедливости. Любопытной разновидностью К. л. являются «Мордовская история» и «Мордовская земля» Завражнова и Ларионова. Занимат. случаи, почерпнутые из библейских источников и мордов. фольклора, авт. вымысел и достоверные факты из нар. жизни позволили им дать своё толкование истории мордвы, представить её связи с народами не только Поволжья, но и стран Средиземноморья. В «Мордовской истории» изложены в стилизов. форме ист. сказаний др.-мордов. предания о легендарном предводителе Тюште. Для восстановления реальной картины ист.-

лит. развития мордов. народа во 2-й пол. 19 — нач. 20 в. важное значение имеет творч. наследие Зорина. В его поэмах-сказах, к-рые он наз. «морот» («песни»), являющихся литературно обработ. нар. легендами и преданиями («Кезэрень коесь» — «Старинный обычай»; «Кода Пургине саизе вере пазонь тяканзо Везоргонь» — «Как Громовик взял в жёны дочь всевышнего Везорго»; «Сюпавонь моро» — «Песня богача»; и др.), воссозданы религ.-языч. мир древней мордвы, своеобразие её быта, моральные и нравств. представления о добре и зле, обществ. и семейные отношения. В целом мордов. К. л. как специфич. явление свидетельствует об особенностях зарождения традиций и жанров (см. *Жанр*) проф. мордов. лит-ры.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахмагов. СПб., 1910; *Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von I. Zorin. Helsinki, 1977. Bd. 5, 6*; Мокшэрзянь литературань антология: XVIII — XX векне / [авторсь-кочкайсь А. В. Алёшкин]. Саранск, 2003.

Лит.: *Борисов А. Г.* Художественный опыт народа и мордовская литература. Саранск, 1977; *Алёшкин А. В.* Эпическая поэзия младописьменных народов Поволжья (дооктябрьский период). Саранск, 1983; *Алёшкина С. А.* Формирование дооктябрьского историко-литературного процесса и ранних форм мордовской книжной словесности // Аспект — 1990 : Исследования по мордов. лит-ре. Саранск, 1991; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1; *Шеянова И. И.* Сказовые формы мордовской литературы. Саранск, 2017.

А. В. Алёшкин, С. А. Богданова.

EDN GNEKOR

КРИВОШЁЕВ Илья Петрович (псевд. Илья Морыця) [19(31).7.1898, хутор Маяк Пылковской вол. Петровского у.

Саратовской губ., ныне посёлок в Лопатинском р-не Пензенской обл. — 11.9.1967, с. Ичалки ныне Ичалковского р-на РМ], эрзя-мордов. поэт, один из основоположников мордов. лит-ры. Чл. СП СССР (1934). Отличник нар. просвещения РСФСР (1954). Засл. учитель шк. МАССР (1958). Род. в семье деревенского кузнеца Петра Васильевича и изв. мордов. сказительницы Ефимии Петровны Кривошеевых. Окончил Казанскую инородч. учительскую семинарию (1917), курсы прапорщиков в Казанском военном уч-ще (1917), пед. ф-т Саратовского гос. ун-та (1927). С янв. 1918 работал учителем в шк. с. Дьячевка Петровского у. Саратовской губ. (ныне Камешкирского р-на Пензенской обл.). В дек. 1918 был призван в РККА, в составе к-рой до янв. 1921 воевал за сов. власть в качестве командира взвода. По возвращении со службы преподавал математику и физику в шк. 2-й ступени с. Ст. Бегучи Петровского у., в апр. 1922 был переведён в УОНО, затем работал учителем в шк. 1-й ступени в хуторе Маяк. В 1927 — 29 преподавал обществоведч. дисциплины в Мордов. пед. техникуме (г. Петровск Саратовской губ.), в 1929 — 37 — родной яз. и лит-ру на мордов. рабфаке (г. Саранск). С 1937 более года находился под следствием, однако из-за отсутствия вины в 1939 был освобождён и направлен на работу в Чамзинскую среднюю шк. В 1940 — 60 преподавал родной яз., родную лит-ру и методику преподавания родного яз. в Ичалковском пед. уч-ще.

Как поэт К. формировался под влиянием, с одной стороны, нац. фольклора, с др. — рус. лит-ры. От матери Ефимии Петровны, исполнителя и сочинителя нар. песен, он унаследовал знание мордов. фольк. традиций и практич. навыки владения песенно-сказовым стилем. Одним из первых мордов. авторов (наряду

с Я. П. Григошиным, А. Моро, М. И. Безбородовым и др.) пытался приспособить музыкально-речевую стихию устной нар. поэзии для проф. лит-ры, раскрытия актуальных тем и выражения идей нового времени. В традициях нар. плача силлабич. 5-сложным размером написано, напр., его стих. «Ленин минек ютксо» («Ленин среди нас», 1939). Из рус. писателей своими учителями К. считал А. С. Пушкина, А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова и В. В. Маяковского. У первых трёх он перенимал интерес к нар. жизни и способы сложения стихов, у последнего — внимание к рев. событиям и новые поэтич. приёмы. Так, «лесенкой» Маяковского сложено его стих. «Якстере Армия» («Красная Армия», 1929).

Сочинением стихотв. произведений К. начал активно заниматься в годы обучения в Саратовском ун-те. Первое его стих. «Пакшатненень» («Детям») увидело свет в авг. 1923 в саратовской газ. «Якстере сокиця». С этого времени произв. К. часто печатались и в др. газетах («Якстере теште», «Од эрямо», «Ленинэнь киява», позднее «Эрзянь правда», «Мокшень правда»), журналах «Сятко» и «Мокша», коллективных сб-ках («Васень сяткт» — «Первые искры», М., 1929; «Здравствуй, жизнь!», Саранск, 1966; «Песня, ставшая книгой. Рождённая Октябрём поэзия», М., 1982; «Откровение», Саранск, 1988; и др.). Нек-рые стихотворения поэта вошли в антологию «Tähtiä lumessa. Mordvalaista lyriikkaa» («Звёзды в снегу. Мордов. лирика»; Хельсинки, 2004). К. — автор 17 книг, 5 из к-рых предназначены детям. Первыми стали поэтич. сб-ки для детей «Валскень зорява» («На утренней заре») и «Комунань толт» («Огни коммуны»), изд. в 1933. В них выделяются две осн. темы: счастливое детство и родная природа. Несмотря на то, что в аспекте художе-

ственности представленные в сб-ках стихотворения были явно недоработанными (иногда мысли прерывались, не доводились до логич. завершения, в целях достижения ритма использовались слова, не несущие смыслового значения, избыточно применялась звукопись), они выражали светлые чувства и тем самым способствовали воспитанию интереса к родной поэзии. В последующих поэтич. книгах автор воспевал обновление жизни, свободный труд, успехи коллективизации и культурной революции на селе.

В творчестве К. большое место занимает пейзажная лирика, именно она преобладает в книгах «Валскень зорява» и «Монь вайгелем» («Мой голос», 1935). В поэтич. раскрытии красоты природы автор сумел достичь наилучших результатов в кон. 1920-х — нач. 1930-х гг. на основе творч. переосмысления традиц. образности и ритмико-метрич. строя родного фольклора, выявления выразит. возможностей эрзя-мордов. яз., подбора ориг. метафор, сравнений, использования уменьшит.-ласкат. суффиксов. Однако за увлечение описанием пейзажей К. неоднократно подвергался жёсткой критике, особенно со стороны Ф. М. Чеснокова и П. С. Кириллова, обвинявших его в том, что он недостаточно политизиров. поэт. Повод для справедливой критики, действительно, был, но обусловливался он не столько увлечённостью воспеванием красоты природы, сколько излишним экспериментированием с формой, обильным использованием междометий и звукоподражат. слов. Напр., в стих. «Цярахман» («Град», 1924), целых 10 строк наполнено звукоподражаниями: «Чифк... — ёндол (молния), / цяр р-р — пурьгине (гром), / Ара-р-р-р-р!.. / Рар-р-р... рах! / Виресь (Лес): гай-гай-гай! / Латкось (Овраг): жоль-жоль-жоль! / Вальмась (Окно): дринь-длян, длян... /

Леесь (Река): буль-буль-буль» (Кривошеев И. Цветяк эрямо. Саранск, 1936, с. 20 — 21). Ещё больше такого рода звукописи, весьма далёкой от высокохудож. поэзии, в стих. «Кемгавтово ие»: «Кемгавтово ие (Двенадцать лет) / Икельганонок чии (Перед нами бежит) — / Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду... / Ду-у-у-у... Ду-у-у-у... / Ду-у — Ду-у — Ду-у — Ду-у / Ду-у-у-у-у-у-у-у-у-у...» (Кривошеев И. Мось вайгелем. Саранск, 1935, с. 15). В нач. 1930-х гг. поэт постепенно освободился от увлечения формализмом и больше внимания начал уделять содержат. аспекту произведений.

Важным этапом в творч. эволюции К. явились годы Вел. Отеч. войны. С особой силой в этот период зазвучали патриотич. и гражд. мотивы, ведущей формой самовыражения стали стихи, сочетающие в себе ораторскую образность и лиризм. Лучшие произв., наполн. патриотич. пафосом, вошли в сб. «Народонь вайгель» («Голос народа», 1943) и «Мось ким» («Мой путь», 1946). К числу наиболее удачных произв. принадлежат давшее назв. сб. «Народонь вайгель», а также «Чавт врагонть» («Бей врага»), «Знамянь кандыця» («Знаменосец»), «Микита — воин-богатырь». В последующие годы поэт продолжал воспевать подвиг народа в минувшей войне и радость мирного труда на земле (сб. «Тундонь сад» — «Весенний сад», 1952; «Мось Родинам» — «Моя Родина», 1954; «Славан эрямонть» — «Славлю жизнь», 1963; и др.).

Наряду со стихами К. написал две пьесы для детей по мотивам нар. сказок («Мезе теят — секень неят» — «Что сотворишь, то и узришь», «Зярс илязо сала — понги яла» — «Сколько ни ворует — всё равно попадётся»). В 1998 в ж. «Сятко» и сб. «Кочказь произведеният» («Избранные произведения») была напе-

чатана слабая в худож. отношении пьеса для взрослых «Олдокимень свадьбазо» («Свадьба Евдокима»). Стихотворения К. включены в совр. шк. программы по лит. чтению на родном яз. и мордов. лит-ре для 2-го и 5-го кл., своеобразие творч. манеры поэта обзорно рассматривается в 9-м кл.

К. награждён поч. грамотами президиумов Верховного Совета РСФСР (1958, 1960) и МАССР (1948), Мин-ва просвещения РСФСР (за успешную работу по обучению и воспитанию учащихся), Мин-ва культуры МАССР (за активное участие в худож. самодеятельности). Являлся делегатом 1-го Всерос. съезда крест. писателей (1929), присутствовал на 1-м Всесоюзном съезде сов. писателей (1934); принимал участие в мордов. языковых науч. конф. (1934, 1935).

Соч.: Валскень зорява : пакшатнеде ды пакшатненень морот. Саранск, 1933 ; Комунать толт : (Эйкашонь морот). М., 1933 ; Мось вайгелем : морот : 1924 — 1934. Саранск, 1935 ; Цветяк эрямо : эйкашонь моронь сб. Саранск, 1936 ; Народонь вайгель : (Стихотвореният). Саранск, 1943 ; Мось ким : (Кочказь морот). Саранск, 1946 ; Тундонь сад : [эйкаштненень стихть]. Саранск, 1952 ; Мось Родинам : стихть. Саранск, 1954 ; Избранное : стихи / пер. с мордов. Саранск, 1955 ; Стихть ды поэмат. Саранск, 1958 ; Славан эрямонть : (Морот, стихть, поэмат). Саранск, 1963 ; Эйкакштненень пьесат. Саранск, 1965 ; Кеман эрямос : стихть. Саранск, 1967 ; Морамонь ким : кочказь произведеният. Саранск, 1968 ; Гайкстак, вайгелем : кочказь стихть ды поэма. Саранск, 1978 ; Стихть. Саранск, 1989 ; Кочказь произведеният = Избранное. Саранск, 1998.

Лит.: КЛЭ. Т. 3 ; ПМ. 2001 ; 2015. Т. 1 ; **Чесноков Ф. М.** Мезе эряволь Кривошеевень кондытнэнь // Якстере теште. 1930. 7 нояб. ; **Кириллов П. С.** Кривошеевщинась — реакционной чудикерькс // Сятко. 1931. № 10 —

11 ; *Его же*. Эрзянь поэзиясь ды Кривошеев // Там же. 1933. № 6 ; *Его же*. Лезэвтеме смелчиде : («Радинэнь творчество» Кривошеевень статьядонть) // Ленинэнь кива. 1934. 21 июля ; *Инжеватов И. К.* И. П. Кривошеев — эрзянь поэзиянь ушодыця : (Лит. портрет) // Сурань толк. 1962. № 6 ; История мордовской советской литературы. Саранск, 1968. Т. 1 ; *Васильев Л. Г.* Спасибо тебе, Морыця... : О жизни и творчестве И. Кривошеева. Саранск, 1969 ; *Горбунов В. В.* Поэзия — душа народа. Саранск, 1973 ; *Борисов А. Г.* Художественный опыт народа и мордовская литература. Саранск, 1977 ; *Доронин А. М.* Илька Морыцядо лэцтнемат // Сятко. 1992. № 11 ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1 ; *Дёмин В.* Сонгак ютась нарьгамотнень пачк // Сятко. 2011. № 8 ; Национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке : стенограммы и мат-лы языковых конф. и науч. сессий по вопросам мордов. яз-знания / НИИ гуманитар. наук при Пр-ве РМ ; сост. Л. А. Гурьянова [и др.]. Саранск, 2015. Т. 1 ; 2017. Т. 2 ; Учитель, поэт, человек : Воспоминания о эрз. поэте Илье Петровиче Кривошееве. Саранск, 2019 ; *Каторова А. М.* Илья Петрович Кривошеев — поэт и педагог (к 125-летию со дня рождения) // Центр и периферия. [Саранск]. 2023. Т. 18, № 4.

А. М. Каторова.

EDN GSWGВН

КРИГИН Василий Алексеевич (8.9.1945, с. Мордов. Юнки ныне Торбеевского р-на РМ), мокша-мордов. поэт. Засл. поэт РМ (2011). Чл. СП России (1997). Род. в крест. семье. Окончил Лит. ин-т им. А. М. Горького (1977). После службы в армии (1964 — 67) работал (1967 — 81, 1997 — 2005) во вневедомств. охране г. Москвы. В 1985 — 97, будучи чл. к-та литераторов при Литфонде СССР (принят в 1981), профессионально занимался лит. деятельностью.

Первые публикации К. относятся ко времени службы в армии. В 1965 увидел свет его стих. «Тундась велеса» («Весна в деревне»; ж. «Мокша», № 3). Начало оказалось удачным, сотрудничество с редакцией периодич. изд. — плодотворным. Произведения К. печатаются в ж. «Мокша» и газ. «Мокшень правда» на протяжении всего его творч. пути. Мн. стихи и поэмы вошли в коллективные сб. «Тяштень пизем» («Звёздный дождь», 1967), «Эшиня» («Родничок», 1970), «Валда ки» («Светлый путь», 1979), «Праздникть ушедомац» («Начало праздника», 1983), «Пизел пораса толгярмаст» («В рябиннике огненные гроздьа», 1992). В сб-ке молодых мокш. поэтов «Тяштень пизем» (сост. И. М. Девин) представлено 8 стихотворений К., в т. ч. первое из опубл. В них в качестве ведущей выступает тема любви: «Эсон учезь Мокшеть вельхкса / Морси сенем сельме стирь, / Сянка нинге сяда келькте, / Панжи лаймонь мокшень ширь» («Моран колгат, мокшень ширь», с. 100) — «Меня ожидая, над Мокшей / Напеваеет синеглазая девушка, / За это ещё сильнее люблю тебя, / Цветущей черёмухи мокшанский край» («Пою о тебе, мокшанский край»). В кн. «Эшиня», состоящую из произв. трёх писателей, включено 38 стихотворений К., созд. в 1966 — 69. Они даны под общим назв. «Цинняда, струнат» («Звените, струны»), к-рое вполне оправдывает себя. В стихах на первом плане — воспевание любви, красоты природы и родного яз. Практически всем произв. присущ торжествующий пафос, они пронизаны верой в завтрашний день, любовью к милой сердцу стороне: «Кизень лангса мон аф праян, / Учемасть тя теень питни. / Меки масторбеста саян, / Аф юкставить куду китне» («Куду китнень аф юкстан», с. 9) — «На своём пути я не споткнусь, / Ожидание это мне дорого. /

Обратно вернусь с конца планеты, / Не забуду дороги домой» («Не забуду дороги домой»). В сб. «Валда ки» вошло 6 стихотворений поэта, из них одно — «Моран колгат, мокшень ширь» («Пою о тебе, мокшанский край») перешло из кн. «Тяштень пизем». Наибольший интерес вызывает стих. «Аватне каннесть кодвасст...» («Женщины приносили сооружения для холстов...»), где повествуется об ушедшей традиции изготовления мордов. женщинами льняных тканей, из к-рых затем вручную шили рубахи. Вывод, сделанный лирич. героем в конце стихотворения, звучит иронично: «И прязень синь инголест парондан: / Мес кельган иляназонь котфть, / А якан нейлоновой панарса» (с. 309) — «И хвалюсь я перед ними: / Почему люблю льняную ткань, / А хожу в нейлоновой рубашке». В сб. «Праздникть ушедомац», составленном из произв. трёх писателей, автором 30 стихотворений является К. В большинстве из них восхваляется красота родной природы («Учема» — «Ожидание», «Тяста ушеды ляйсь» — «Здесь начинается река», «Лиить карктне» — «Летят журавли», «Кукусь кизонень кукай» — «Кукушка кукует лету», «Шобда ве» — «Тёмная ночь», и др.). По характеру передаваемых мыслей и чувств особо выделяется «Баллада пушкаты колга» («Баллада о пушке»). Лирич. герой, обращаясь к событиям Вел. Отеч. войны, повествует о том, с каким тяжёлым сердцем мужчины везли орудия по подмоск. полю, на к-ром колосился небур. хлеб. Пушка в кровопролитных битвах с врагом помогла выжить и победить, поэтому её увековечили. Стихи К. занимают видное место и в сб. «Пизел пораса толгьярмаст». Здесь его лирика представлена в ряду таких мордов. поэтов, как И. Н. *Кудашкин*, С. А. *Самошкин* и И. В. *Носиков*. Осн. внимание ав-

тор сосредоточивает на отображении переживаний, обусловл. процессами начавшейся в стране перестройки, к-рая сопровождалась борьбой за власть, переделом собственности, разрушением привычного образа жизни, уничтожением сложившихся морально-нравств. ценностей: «Пяк ни лама синневсь, лама срадсь, / Лама колавсь, наксадсь масторлангса. / Мезе эрявсь лакафтомс — сяшадсь. / И аф мувихть муворуфне тянкаса» («Масторавась аварди», с. 111) — «Очень много сломалось, много разрушилось, / Много скололось, сгнило на земле. / Что надо было вскипятить — то убежало. / И не находятся виновные в этом» («Масторава плачет»).

Первый авт. сб-к стихов К. «Тялонь атямьёнга» («Зимняя радуга», 1988), несмотря на небольшой объём (48 с.), стал заметным явлением в мордов. лит-ре. В составивших его произведениях, в отличие от созд. ранее, поэт много размышляет о счастье и человек. взаимоотношениях. Лирич. герой предстаёт как умудрённый жизн. опытом человек, знающий цену любви и предательству. При оценке возлюбленной на первый план выступает уже не её красота, а иные ценности: «Азорава, тонафнек и маштт / Пидема и кодама, и стама. / Ётнема ульцява стяда мяштть, / Мяляфтома тонатт и юкстама. / <...> / Азорава, тонафнек и маштт / Улемс тядякс и рьвакс, и ялгакс...» («Азорава», с. 31) — «Хозяйка, научись и умей / Готовить и вязать, и шить. / Ходить по улице гордо, / Переживать научись и прощать. / <...> / Хозяйка, научись и умей / Быть матерью, женой и подругой...» («Хозяйка»). Во второй сб. «Эряфозень пале шиц» («Полдня моей жизни», 2004), кроме стихотворений, вошёл венок сонетов «Явома» («Расставание»). Произв. получилось весьма ориг. Автор выдержал осн. требования, предъ-

являемые к жанровой форме произв. Оно состоит из 15 сонетов, каждый из к-рых начинается с повторения последней строки предыдущего сонета, образуя «гирляндю», и заключает в себе 14 строк — два катрена и два терцета; заключит. сонет — магистрал, составл. из первых строк предшествующих сонетов, повторённых в заданном порядке. Однако требования содержат. плана, предполагающие воплощение в венке сонетов поэтич. мудрости, углубл. психологизма и интеллектуализма, оказались нарушенными. Использование автором наряду с высокой лексикой просторечной и грубой, в т. ч. при подборе эпитетов и сравнений, привело к отображению лирич. героя как озлобл. существа, осн. задачей к-рого является представление расставшейся с ним быв. возлюбленной (жены) насквозь лживой и безнравственной. Обрисовка чувства злости, уступая место мыслям о примирении, уходит на второй план лишь в последних трёх сонетах данного венка. Третий сб. «Полатф ки» («Продолжение пути», 2008) включает, кроме стихотворений, сказку в стихах «Куйгорож», поэмы «Тага сембось пара» («Снова всё хорошо») и «Кувака минута» («Длинная минута»). Сказка в стихах не отличается новизной в постановке проблем и трактовке лирич. образов. Мифологич. персонаж Куйгорож предстаёт перед читателем в том же обличьи и с такими же чертами характера, что и в одноим. мордов. мифе. Разница заключается лишь в стихотв. форме изложения. В поэме «Тага сембось пара» показан герой, зарабатывающий на жизнь частным извозом, к-рый страстно влюбляется с первого взгляда в случайно встретившуюся на его пути женщину. После трёх дней счастливой жизни его арестовывают вместе с возлюбленной как подозреваемого в пособничестве тер-

рористам, но ввиду отсутствия вины освобождают. В произв. налицо дидактизм, назидание другим быть более разборчивыми в подобных ситуациях. В поэме «Кувака минута» представлено восприятие лирич. героем трагич. событий, произошедших в г. Беслане Респ. Сев. Осетия — Алания в 2004, предпринята попытка отобразить чувства людей, непосредственно переживших горе, связ. с захватом детей в шк. Автор, не жалея красок, рисует бандитов как изуверов, у к-рых отсутствуют нравств. качества. Поэма получилась достаточно удачной в аспектах постановки актуальных проблем и художественности.

Произведения К. переведены на эст., фин. и венг. яз. В 2007 в г. Таллинне (Эстония) вышел сб-к его стихов «Abistan Sisyphost» (букв.: «Помогаю Сизифу»); переводчик — изв. эст. поэт и критик А. Валтон).

Соч.: Тялонь атямьёнга : стихт. Саранск, 1988 ; Эряфозень пяле шиц : стихт. Саранск, 2004 ; Abistan Sisyphost. Таллинн, 2007 ; Полатф ки : стихт и поэмат. Саранск, 2008 ; Ули журналоньке [и др.] : [стихт] // Мокша. 2010. № 9 ; Васьфнеса кизозень : [стих] // Там же. 2013. № 7 ; Атяньен версна ; Молян кяпе ; Стякшни поэзиясь рана [и др.] : [стихт] // Там же. 2015. № 9 ; «Няват» : [пеетькс стихса] // Там же. 2016. № 6 ; Аськолксне тошнесть : [стих] // Там же. 2020. № 6 ; Ломанти эрявиев! ; Шахматт [и др.] : [стихт] // Там же. № 9.

Лит.: ПМ. 2015. Т. 1 ; **Малькина М. И.** Кшись, салсь и ару лихтибратне... : Мельхть-арьсемат Василий Кригинонь «Тялонь атямьёнга» сборниконц лувомдонза меле // Мокша. 1988. № 4 ; **Её же.** «Кирдихть тяшттне мархтонк соткс...» : Василий Алексеевич Кригинонь 70 кизонь топодеманцты // Там же. 1999. № 2 ; 2015. № 9 ; **Её же.** «Тяза мон тяштень даволса салафан...» // Там же. 2005. № 9 ; «...Но мзярс покой аф содан, ваймоса — коль стамка одан!» : (Василий Алексеевич Кригинонди — 65 киза) // Там же. 2010. № 9 ;

Наздеева О. И. Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры. Саранск, 2013 ; «Ваймоса — коль стамка одан!...» : Василий Кригинонди — 75 киза // Мокша. 2020. № 9.

А. М. Каторова.

EDN GUWLBT

КРИТИКА ЛИТЕРАТУРНАЯ, вид лит.-науч. творчества; раздел лит.-ведения, развивающийся на грани иск-ва и науки о лит-ре, занимающийся эмоц.-эстетич. оценкой лит. произведений и отражённых в них явлений жизни. В методах и формах анализа опирается на теорию и историю лит-ры, философию, эстетику, социологию. Мордов. К. л., сформировавшаяся и развивающаяся на мокша-мордов., эрзя-мордов. и рус. яз., начала выделяться в самостоят. отрасль нац. лит.-ведения в кон. 19 в. К системе жанров совр. К. л. относятся рецензия, проблемно-аналитич. статья (об отд. произведении или творчестве писателя в целом), лит. портрет и лит.-критич. очерк.

Первые фрагментарные проявления лит.-критич. мысли, сыгравшие важную роль в формировании науч. основ мордов. фольклористики и науки о лит-ре, стали складываться параллельно с началом публикации в 1830-х гг. на страницах периодич. печати произведений устно-поэтич. творчества (см. *Издания мордовского фольклора*). Это отзывы и комментарии к выпускавшимся фольк. материалам в работах И. И. Лепёхина, П. С. Палласа, М. Попова и др., предисловия и комментарии к сб-кам («Образцы мордовской народной словесности», сост. А. Ф. Юртов, Казань, 1882 — 83, вып. 1 — 2; «Proben der Mordwinischen Volksliteratur» — «Образцы мордовской народной литературы», собрано Х. Паасоненом, Хельсинки, 1891, тетр. 1; 1894,

т. 1, тетр. 2), оценки переводч. и просветит. деятельности Братства святителя Гурия («Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия», сост. и авт. предисл. Н. И. Ильминский, Казань, 1883), предисл. А. А. Шахматова к составл. им «Мордовскому этнографическому сборнику» (СПб., 1910), отзыв М. Е. Евсевьева о «Мордовских народных сказках» С. В. Аникина (СПб., 1909) и др. работы. В послеокт. период процесс развития нац. К. л. постепенно обрёл систематич. и целенаправл. характер. Гл. объектами критич. анализа стали активно создававшаяся в первое десятилетие сов. власти собственно худож. мордов. лит-ра, нац. периодич. печать и шк. учебники, а инструментом и средством анализа — формировавшиеся в острых дискуссиях мокш. и эрз. лит. яз. В 1920-е гг. на страницах «Якстере теште», «Од веле» и др. нац. газет и журналов начали публиковаться короткие отклики-рецензии, полемич. заметки, первые обзорные статьи, достаточно полно и оперативно отражавшие пёструю картину становления жанров (см. *Жанр*) и эстетич. основ формирующейся лит-ры. Кроме того, произошло выдвижение из общей массы сочинителей наиболее талантливых поэтов, прозаиков, драматургов, мн. из к-рых нередко и сами выступали в роли первых критиков (Ф. М. Чесноков, П. С. Кириллов, В. И. Ардеев — см. *Виард*, В. К. Радаев и др.). Недостатки К. л. того периода объясняются слабой теоретич. вооружённостью и низким уровнем общей культуры большинства критиков, что предопределило освещение и оценку конкретных фактов и явлений лит. жизни лишь на эмоц.-эмпирич. уровне. Отсюда проистекает ярко выраж. субъективизм оценок, импровизац. харак-

тер большинства критич. публикаций 1920-х гг. (напр., обзорных статей и рецензий А. В. Дунышина, С. Салдина, Н. Нарвацкого и др.) и отчасти 1-й пол. 1930-х гг. В них проявились рапповский *вульгарный социологизм* (отрицание пейзажной и любовной лирики), необоснов. обвинения наиболее талантливых авторов М. И. Безбородова, Я. Я. Кулдураева и др. в «буржуазном национализме» и формализме, наклеивание ярлыков («кривошеевщина», «артурморовщина» и т. п.). Преодоление указ. недостатков началось в сер. 1930-х гг. с критич. выступлений А. П. Рябова, Ф. И. Петербургского, С. Г. Потапкина, Чеснокова и др. изв. мордов. филологов. Такова, напр., программная ст. «Мордовская литература» А. Я. Дорогойченко (ж. «Волжская новь», 1934, № 4) и др. Залож. в их работах принципы объективного науч.-эстетич. анализа лит. явлений, бережное отношение к фольклору и борьба за чистоту и худож. выразительность родного яз. получили развитие в послевоенной мордов. критике. Её характеризуют дальнейшая профессионализация, расширение жанрового диапазона, рост идейно-эстетич. уровня и индивидуального мастерства качественно нового поколения критиков (А. И. Маскаев, И. Д. Воронин, Н. И. Черапкин, В. В. Горбунов, Б. Е. Кирюшкин и др.). В их творчестве сложились жанры лит. портрета и критико-биографич. очерка («Алексей Дорогойченко», 1958, и «Дмитрий Морской», 1964, Л. Г. Васильева; сб. «На службе народа» И. К. Инжеватова, 1973; и др.), монографии о лит. процессе («Голос жизни», 1963, и «Поэзия — душа народа», 1973, В. Горбунова; «В братском содружестве», 1969, и «Притоки», 1973, Черапкина; и др.). На более высокий уровень поднялись обзорная проблемно-аналитич. статья, статья-рецензия.

Всё это явилось основой развития нац. лит.-ведения, начавшего формироваться с создания «Истории мордовской советской литературы» (1968 — 74). С 1983 впервые в Мордовии стали издаваться сб-ки лит.-критич. статей на мокш. и эрз. яз. («Вешнемань ки лангсо» — «На пути поисков», 1983, и «Вастомат» — «Встречи», 1993, Г. И. Горбунова; «Писательсь и эряфсь» — «Писатель и жизнь», 1987, 1992, М. Г. Имярекова; «Арьсемат» — «Размышления», 1989, А. В. Алёшкина; и др.). Новый этап развития лит.-критич. мысли Мордовии (1990-е — 1-я четв. 2000-х гг.) характеризуется переосмыслением жизн. реалий, освобождением от идеологич. догм теории социалистич. реализма, рецидивов комплиментарной критики, отказом от принципов преимущ. идейно-тематич. подхода при анализе лит. явлений. В этот период на первый план вышла худож.-эстетич. оценка произведений, свидетельством чего являются статьи, публикуемые в лит.-худож. ж. «Сятко» и «Мокша», науч. ж. «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ», науч.-публиц. ж. «Центр и периферия» и др. Жанры мордов. критики обогащаются новыми формами (лит.-критич. эссе, диалог-интервью, лит. портрет-триптих и др.). Облик мордов. критики нач. 21 в., её своеобразии и проф. уровень определяют работы нового поколения критиков-лит.-ведов Алёшкина, В. И. Дёмина, А. М. Каторовой, М. И. Малькиной и др.

Лит.: История мордовской советской литературы. Саранск, 1971. Т. 2 ; *Колганов И. Я.* У истоков мордовского литературоведения и критики // Очерки жанров мордовской литературы. Саранск, 1978. (Тр. НИИЯЛИЭ ; вып. 65) ; *Его же.* Мордовское литературоведение и критика в борьбе за реализм // Там же ; *Алёшкин А. В.* Проблемы «движущейся эстетики» // Современная мордовская лите-

ратура. 60 — 80-е годы. Саранск, 1993. Ч. 2. Гл. 5 ; **Черепкин Н. И.** Критическая мысль финно-угорских литератур Поволжья и Приуралья // Доктор литературы. Саранск, 1996.

С. Г. Девяткин, А. М. Каторова.

EDN GWNGJK

КУБАНЦЕВ Трофим Иванович (2.5. 1954, с. Перхляй ныне Рузаевского р-на РМ — 5.7.2022, г. Саранск), лит.-вед, педагог. Д-р филол. наук (2007), доцент (1995). Окончил филол. ф-т Мордов. гос. ун-та (1980). В 1979 — 82 — корректор, ред. редакции уч.-метод. лит.-ры Мордов. кн. изд-ва; 1982 — 85 — мл., ст. науч. сотр. сектора мордов. лит.-ры НИИЯЛИЭ; 1985 — 2006 — ассист., ст. препод., доцент (с 1992), в 2006 — 17 — проф. кафедры фин.-угор. лит.-р (до 1993 — сов. лит.-ры) Мордов. ун-та. Область науч. интересов: история мордов. лит.-ры, типологич. связи лит.-р фин.-угор. народов. Автор более 100 науч. и уч.-метод. работ, в т. ч. 2 монографий, 3 учебников для шк., 3 уч. пособий для вузов. Канд. дис. «Межнациональные связи мордовской советской литературы» защищена в 1984 в Мордов. ун-те. В иссл. рассмотрены межнац. связи мордов. лит.-ры с рус. и лит.-рами фин.-угор. народов, в т. ч. венгерской; особое внимание уделено установлению закономерностей приобщения молодых лит.-р к мировому лит. процессу; выявлена роль творч. взаимодействия в сближении нац. культур, способствующих интернационализации лит. процесса как явления духовно-культурной жизни. Докт. дис. «Творческая индивидуальность писателя в контексте национально-художественных традиций» защищена в 2006. В ней автором модифицирована сравнит.-типологич. методология исследования лит.-р родств. фин.-угор. народов; разработана концеп-

ция целостного развития полиэтнич. лит. процесса, заключающаяся в диалектич. взаимосвязи нац.-худож. традиций, имеющих различные условия формирования и периоды действия, и метафизики индивидуального творчества, отвечающего высоким нравств.-эстетич. критериям; скорректированы положения о генезисе и развитии мордов. лит.-ры; определена специфика нац.-худож. традиционализма в сфере изящной словесности; установлены место и роль яркой творч. индивидуальности в превращении ист.-лит. процесса в самостоят. явление нац. культуры. К. — автор монографии «Поэтический хронотоп жизненного пространства (на примере творчества З. Ф. Дорофеева)» (Саранск, 2005). Осуществив сопоставит. анализ творчества основоположника мордов. лит.-ры З. Ф. *Дорофеева* и худож. наследия родоначальников мар. (С. Г. Чавайн), удм. (К. Герд — наст. имя К. П. Чайников), коми (И. А. Куратов) и венг. (Ш. Петефи) лит.-р, учёный пришёл к выводу об общих духовно-культурных составляющих лит.-р фин.-угор. народов Поволжья и Приуралья. К. — один из авторов монографии «Современная мордовская литература. 60 — 80-е годы» (Саранск, 1991 — 93, ч. 1 — 2). Являлся участником 6-го Междунар. конгресса финно-угроведов (1985, г. Сыктывкар). Награждён Поч. грамотой Мин-ва по нац. политике РМ (2011).

Соч.: Мордовская литература в контексте многонациональной советской литературы // Проблемы развития современной мордовской литературы. Саранск, 1983. (Тр. / НИИЯЛИЭ; вып. 72); Общность финно-угорских литератур и пути её изучения // Интеграция образования. [Саранск]. 2005. № 1 — 2; Изучение творчества З. Дорофеева в контексте преемственности традиций литератур финно-угорских народов // Там же. № 3; Формирование

раннемордовской литературной системы в научной рефлексии П. Домокоша // Фин.-угор. мир. [Саранск]. 2016. № 2 ; Мокшэрзянь литература : учебник-хрестоматия для 9 кл. Саранск, 1997 ; Мокшэрзянь литература : учебник-хрестоматия для 10 кл. Саранск, 2000 (в соавт.) ; Мокшэрзянь литература : учебник-хрестоматия для 11 кл. Саранск, 2001 (в соавт.) ; Мокшэрзянь критикась и литературоведениясь : уч. пособия. Саранск, 2002.

Лит.: Учёные Мордовского государственного университета : биограф. справ. Саранск, 2001 ; 2006 ; 2011 ; 2016 ; Центр гуманитарных наук: история и современность / сост.: Е. В. Глазкова, А. В. Чернов. Саранск, 2008 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энцикл. справ. Саранск, 2010. Ч. 1.

А. М. Каторова.

EDN HUVKMX

КУДАШКИН Иван Никитович (15.9.1936, д., ныне с. Мордов.-Маскинские Выселки Ельниковского р-на РМ — 23.4.1998, г. Саранск), мокша-мордов. писатель. Засл. писатель МССР (1993). Чл. СП СССР (1983). Окончил Мордов. гос. ун-т (1967). Работал плугарём, зав. клубом в своей деревне (1954 — 62). В 1965 — 87 — лит. сотр. газ. «Трибуна колхозника» (Ельниковский р-н), корр. Гос. к-та МАССР по телевидению и радиовещанию, ред. Мордов. кн. изд-ва; в 1988 — 98 — зав. отделом лит-ры и иск-ва редакции газ. «Мокшень правда».

К. начал печататься в 1956 (стих. «Тумоня» — «Дубок», ж. «Мокша», № 2). Он — автор 11 книг (8 поэтич. и 2 прозаич. на мокш. яз., 1 поэтич. в пер. на рус. яз.), 2 из к-рых увидели свет после его смерти. В первый авт. сб. «Китнень крайге келуфт» («Берёзы вдоль дорог», 1969) вошло 67 стихотворений, объедин. в три раздела: «Крайган аськоляй тундась...» («По моему краю шагает весна...»), одним. с назв. и «Россия, кель-

гома Россия...» («Россия, любимая Россия...»). В первом преобладают стихи о весне, в к-рых воссоздаётся не только неброская красота примокш. края, сосновых лесов и берёзовых рощ, но и переживания лирич. героя. При помощи ориг. метафор, сравнений и эпитетов природа изображается одушевлённой. В целом она гармонична и неотделима от человека, её звуки слиты с голосом души автора. Во втором разделе также есть пейзажные зарисовки, однако они посвящены осени и зиме. Сюда же вошли три стихотворения о трудной судьбе вдов («Пуромсь веленьке колхозу, эста...» — «Наше село создало колхоз, тогда...», «Солдаткат» — «Солдатки») и женщин, воевавших на фронтах Вел. Отеч. войны («Ульхть всяяла» — «Будь весёлой»). В третьей части сб-ка представлена патриотич. лирика, раскрывается тема большой и малой Родины, в нек-рых произв. превозносится образ Ленина. Самым удачным с точки зрения худож.-эстетич. ценности является стих. «Россия, кельгома Россия...». Вместе с тем встречаются произв. с нарушением ритма, особенно в первом разделе («Лаймочь лангса» — «На лугу», «Шудикерьксне кить лангса моразь кштирдихть...» — «Ручьи по дороге журча бегут, словно нити прядут...», «Одонь седизе толняса палы» — «Молодое моё сердце огнём горит», и др.). Следующий сб. «Лихтибратне шавихть пайкт» («Родники бьют в колокола», 1977) вобрал в себя 33 стихотворения и одним. поэму. Наряду с традиц. темами — природы и красоты родного края, поэт обращается к другим, в частности связи личности адмирала Ф. Ф. Ушакова с мордов. краем, с г. Темниковом и Санаксарским мон. («Тияне якась рузонь морять азороц...» — «Здесь ходил русский хозяин моря...», «Темникавса, ош базарса» — «В Темни-

кове, на городском базаре», «Санаксарь, Санаксарь — монахонь покой...» — «Санаксарь, Санаксарь — покой монахов...»). В поэме раскрывается тема послевоенного подъёма сельского хоз-ва в мордов. селениях. Гл. героями выступают хорошо знакомые автору люди — вернувшийся с войны и ставший знатным трактористом Степан Дмитрич; обладающий недюжинной силой и лучший мастер метания стогов Иван Василич, а также рано ушедший из жизни поэт Андрей. Их образы наделены благородными чело-веч. качествами, в отличие от руководи-телей — пьющих пред. колхоза и брига-дира. Для лирич. героя (повествователя) родное село — самое желанное место, где прошла пора детства и взросления. Данное произв. К. является наиболее удачным по умению транслировать нац. мироощущение. Третья книга стихов «Кие колась удомаснон?» («Кто нарушил сладкий сон?», 1978) предназначена для детей мл. шк. возраста. В ней автор зна-комит маленьких читателей с нравом птиц и зверей, особенностями осенней и зимней природы. При этом через обра-зы птиц — петуха и воробьёв — высме-ивается такой чело-веч. порок, как хва-стовство («Прянь шнафты атёкш» — «Хвастающийся петух»), а посредством образа кукушонка («Кие тонавтсы кука-ма...» — «Кто научит куковать...») до-водится мысль о необходимости роди-тельской заботы о детях. Сб. «Бслава-мака, тядяй, кис» («Благослови в дорогу, мама», 1982) включает 44 стихотворения и 2 поэмы, жанр одной из к-рых («Бол-динаса» — «В Болдине») определён ав-тором как «лирическая азкс» («лириче-ский рассказ»). Книга посвящена матери: «Тядязти Татьяна Матвеевна Кудашки-нати кельгомга казьса» («Матери Татья-не Матвеевне Кудашкиной дарю любя»). Произведения сгруппированы в три раз-

дела: «Спасиба, тядят!» (Спасибо, ма-мы!), «Тунда! Тунда!» («Весна! Весна!») и «Декабрянь ваймопожф» («Дыхание декабря»). К числу наиболее удачных, обладающих идейно-худож. ценностью, относятся стихотворения «Бславамака, тядяй, кис», «Шачем велезти» («Родно-му селу»), «Апрякамазь» («Упрекнули»). Хотя они написаны на разные темы (рас-ставание с отчим домом, любовь к род-ному краю, поэт и поэзия), их объединя-ют умелая передача переживаний лирич. героя при помощи ярких изобразит.-вы-разит. средств языка и квалифицирован-ная метрико-ритмич. организация, обу-словливающая благозвучие. Поэма «...А Волгась шуди» («...А Волга течёт») на-писана на тему Вел. Отеч. войны. Во вступит. части упоминается получ. по-вествователем похоронка — сообщение о героич. гибели на берегу Волги его от-ца, даётся эмоц. оценка нападению фа-шистов на сов. страну и говорится о по-стоянно возникающем желании найти место захоронения героя. Остальное содержание поэмы связано с изображе-нием посещения города-героя Волгогра-да, Мамаева кургана, где шли самые ожесточённые бои с врагом. Автор жи-вописует мысли и переживания, испыт. ок. памятника-ансамбля «Героям Ста-линградской битвы» и в Зале Воинской Славы. В заключит. части воспевается великая рус. река Волга, в волнах к-рой «бьётся горячее сердце России». Главным в произв. является показ К. нравств. исто-ков героизма сов. народа. Поэма «Бол-динаса» состоит из шести частей, на-чинающихся эпиграфом — цитатой из экскурс. очерка «Пушкинское Болди-но» Ю. И. Левиной (Горький, 1974). Ав-тор повествует о первом посещении А. С. Пушкиным своего имения в сент. — нояб. 1830, показывает любовь к гению рус. лит-ры, его гуманизм по отношению

к крепостным крестьянам, а также чувство юмора, особенно ярко проявившееся в диалоге с бабушкой. В сб-к К. «Нармоттне лиихть шинь стямав» («Птицы летят на восход», 1986) вошли 16 стихотворений и 2 поэмы. В них выражается любовь к России («Спасиба тейть, Россия!» — «Спасибо тебе, Россия!»), славится дружба народов («Мораса ялгакшить» — «Воспою дружбу», «Мзяралай Россиять ланга тарксеф!» — «Сколько рек по России течёт!»), раскрывается тема Вел. Отеч. войны («Тяста нйса Россиять» — «Отсюда вижу Россию»), передаются чувства любви к женщине и родному краю. В поэме «Мазы морозе — Пичень Поразе» («Моя песня — Сосновая Роща», 1983) через судьбу лирич. персонажа Сергея Ашкудова транслируются тяготы и радости жителей указ. в назв. мордов. села в военное и послевоенное время. Повествование начинается с сообщения о получении Сергеем телеграммы, в к-рой говорится о тяжёлой болезни его матери Алды, а далее через приём ретроспекции рассказывается о важных этапах пройденного героями поэмы жизн. пути. При этом осн. внимание автор сосредоточивает на их чертах характеров (трудолюбие, настойчивость, стремление к знаниям, скромность, порядочность, любовь к родным корням), способствовавших преодолению всех испытаний. Во второй поэме, давшей назв. сб-ку, главным является показ любви к земле-кормилице, важности сохранения традиций, хозяйского отношения к богатствам природы. Местом действия поэт выбирает знакомые места: в тексте фигурируют с. Лепченка, Мокшень Мазка (Мордов.-Маскинские Выселки) Ельниковского р-на, река Мокша и её приток. На использование элементов автобиогр. указывает и упоминание поэтич. деятельности по-

вестователя. Несмотря на постановку проблемы исчезновения деревень, оптимизм вселяет финал произв., в к-ром изображается встреча автора со своей «молодостью» — дочерью давно покинувшей родные места любимой женщины Лиды, приехавшей работать в село агрономом. В последнем прижизненном поэтич. сб-ке К. «Аф суюконякшнихть варматненди пичетне» («Не кланяются сосны ветрам», 1994) появляются ранее не поднимавшиеся темы (неразделённая любовь, недопонимание, распад семьи), а также новые жанровые разновидности «ки лангонь арьсемат» («путевые размышления») и «кельгомась сёрмат» («любовные письма»), объедин. под назв. «Атямьёнгонь каштаз» («Радужный венок»). Лирика поэта в целом наполнена любовью к мордов. краю, филос. размышлениями о связи человека с землёй, о судьбах малой и большой Родины. Лирич. герой К., несмотря на преобладание в произведениях светлых красок, разнопланов, иногда противоречив.

К. является автором прозаич. книг «Шудинясь — льяинясь сятявня» («Шудиня — речка тихая», 1990), в к-рую, кроме рассказов, включена пов. «Пичетне ваныхть шадоти» («Сосны смотрятся в половодье»), и «Ломанти эряви кельгома» («Человеку нужна любовь», 1996). В рассказах и повестях, содержащих воспоминания и размышления писателя, нет острых конфликтов, перипетий, драм. коллизий, соответственно и сюжетов, что предопределяет их своеобразие, сходство с очерками нравов, зарисовками, напис. эмоционально насыщ. метафорич. языком.

Две последние книги К. изданы после его смерти. Составителем первой «Кульса эряфть версанниац» («Чувствую пульс времени», 2008) является А. В. Алёшкин, второй «Шнате крайнязе...»

(«Славлю край родной...», 2019) — издатель Н. Б. *Голенков* (в библиографич. описании не указан). Сб-ки различаются кол-вом и содержанием вошедших в них стихотворений (соответственно 23 и 67) и поэм (3 и 5), а также логикой группировки стихов (во втором она не выдержана). Кроме того, в сб-ке 2019 в назв. поэмы «Апак кучт сёрмат» («Неотправленные письма») вместо слова «кучт» напечатано «учсек» (нежданное), что не соотв. содержанию произв. В этот же сб-к вошла ранее не публиковавшаяся лирич. поэма «Тон прать, штоб эрямс (корхтнемат алязень мархта)» («Ты упал, чтобы жить (беседы с отцом)»).

На страницах периодич. печати К. часто выступал с публиц. статьями по проблемам возрождения нац. культуры, развития лит-ры мордов. народа. Мн. стихотворения печатались на рус. яз. в журналах, коллективных сб-ках в г. Москве, Ленинграде, Куйбышеве; переводились на чув., мар. и удм. яз. Отдельные произв. вошли в сб. «Антология мордовской поэзии» (Саранск, 1987), «Поэзия мордовского края. Антология» (Саранск, 2012).

К. награждён Поч. грамотой Президиума Верховного Совета МАССР (1986).

Соч.: Китнень крайге келуфт : стихт. Саранск, 1969 ; Лихтибратне шавихть пайкт : [стихотворения и поэма]. Саранск, 1977 ; Кие колась удомаснон? : стихт. Саранск, 1978 ; Песни журавлиного неба : стихи и поэма / пер. с мордов.-мокша И. Рыжикова. Саранск, 1980 ; Бславамака, тядйя, кис : [стихт и поэмат]. Саранск, 1982 ; Васоньгурмозь раса тяште // Кудашкин И., Черняев П., Волков В. Прайхть августонь пизепт : стихт. Саранск, 1984 ; Нармоттне лиихть шинь стямав : стихотворения и поэмат. Саранск, 1986 ; Шудинянь — лйинянь сятявня : повесть, рассказ, арьсемат. Саранск, 1990 ; Аф сюконякшнихть варматненди пичетне : стихт. Саранск, 1994 ;

Ломанти эряви кельгома : повесть, азкст, ваймонь панчсемат. Саранск, 1996 ; Кульса эряфть версаньянц : стихотворения, поэмат, сингорямат. Саранск, 2008 ; Шнате крайнязе... : стихт, поэмат, сингорямат. Саранск, 2019.

Лит.: ПМ. 2001 ; 2015. Т. 1 ; *Малькина М. И.* Коза лиихть нармоттне : [рецензия] // Мокша. 1986. № 4 ; *Её же.* «Варматненди весть аф сюконя...» : Иван Никитович Кудашкинонь 60 кизонцты // Там же. 1996. № 8 — 9 ; *Её же.* Сон пряшьярьяньбес Поэтоль : Иван Никитович Кудашкинонь 70 кизонцты // Там же. 2006. № 9 ; *Имяреков М. Г.* Писательсь и эряфсь. Саранск, 1987 ; *Его же.* Сон ульсь козя вайме : Ялгань колга лятфнемат // Мокша. 2002. № 5 ; *Алёшкин А. В.* Арьсемат. Саранск, 1989 ; Современная мордовская литература. 60 — 80-е годы. Саранск, 1993. Ч. 2. Гл. 1 ; *Тяпаев А. П.* «Кулхондомась, мокшет, кулемась, эрзят!» : Вал Иван Кудашкинонь колга // Мокша. 1998. № 8 ; *Его же.* «Пизел пораса толгьярмасть» : (Мокшень поэтть И. Н. Кудашкинонь шачема шистонза 80 кизонь топодемати) // Мокшень правда. 2016. 15 сент. ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1 ; *Кудашкин В.* Улеза пара валса лятфтайце... // Мокша. 2011. № 1 ; *Вешкин И.* Мокшень Мазканяса азорондай сёксесь : Иван Никитович Кудашкинонь шачема шистонза 75 кизонь топодемати // Там же. № 9 ; Иван Никитович Кудашкин : чачома чистэнзэ 80 иетненень // Сятко. 2016. № 9.

А. М. Каторова, М. И. Малькина.

EDN AANENU

КУЗНЕЦОВ Юрий Фёдорович (29.6.1936, с. Мордов. Пишля ныне Рузаевского р-на РМ — 4.9.1981, г. Саранск), мокша-мордов. прозаик, лит.-вед. Чл. СЖ (1965), СП (1977) СССР. Род. в мокш.-эрз. учительской семье. Окончил с отличием ист.-филол. ф-т Мордов. гос. ун-та (1958), обучался в аспирантуре НИИЯЛИЭ (1962 — 65). До и после службы в армии

(1958 — 59, 1961 — 70) работал корр., зав. отделом культуры редакции газ. «Мокшень правда»; в 1971 — 81 — ред. отдела худож. лит-ры Мордов. кн. изд-ва.

Интерес к лит-ре у К. проявился в период обучения в ун-те. Вместе со студентами др. курсов, в последующем ставшими изв. писателями (В. Ф. Егоровым, С. В. Кинякиным, А. А. Соболевским, Н. И. Учватовым, А. У. Эскиным и др.), он посещал занятия лит. объединения, к-рые вёл препод. и поэт А. Моро. По воспоминаниям друзей, при обсуждении студенч. творч. работ К. демонстрировал умения объективного анализа произведений, что отмечал рук. объединения. Благодаря этому в студенч. годы появилась первая работа К. лит.-критич. направленности («Иттненди — цебярь произведения» — «Детям — качественные произведения», ж. «Мокша», 1958, № 5). Во время обучения в аспирантуре он регулярно писал лит.-ведч. статьи, к-рые печатались в респ. газетах и журналах («Поэзиясь — одонь вешендема» — «Поэзия — поиск нового», газ. «Мокшень правда», 1962, 21 окт.; «Роман о колхозной деревне», газ. «Сов. Мордовия», 1963, 12 февр.; «Мон келькте тонь, эряф!» — «Я люблю тебя, жизнь!», ж. «Мокша», 1964, № 5; «„Кизот и пизот“ или кода сёрмадомс иттненди стихт» — «„Годы и гнёзда“, или Как писать стихи для детей», газ. «Мокшень правда», 1965, 10 нояб.). Т. обр., творч. путь К. начал как критик, отличавшийся высокой требовательностью к лит. произведениям, за что М. С. Моисеев назвал его «Мокшанским Белинским» («Мокшень правда», 2002, 8 окт.). Первые рассказы, очерки, зарисовки увидели свет в армейской газете во время службы в армии. Их тематика — любовь, дружба, солдатские будни. Позднее большинство произв. вошло в сб-к

трёх авторов «Васедема» («Встреча»; Саранск, 1969). Они отличаются хорошим знанием не только жизн. материала, но и психологии людей, умением раскрывать характеры при помощи ярких деталей и лёгкой иронии. В этом плане интересен цикл рассказов «Могарычный ефрейторть азксонза» («Рассказы ефрейтора Могарычного») о положении влиятельного армейского воспитания на новобранцев, у к-рых постепенно формируются твёрдость характера и серьёзное отношение к жизни. Из произв., не относящихся к солдатской тематике, выделяется рассказ «Колма апельситт» («Три апельсина»), где раскрывается проблема взаимоотношений родителей и детей. Гл. персонаж — Матрёна Михайловна, эгоистичная работница базы, к-рая ради устройства личной жизни практически отказывается от ребёнка, мальчика Вити, поручая его воспитание сестре, а на себя берёт лишь заботу о его материальном благополучии, выражающуюся в покупке дорогой и красивой одежды на вырост. Хотя такой сюжет является нетипичным для мордов. лит-ры, он весьма поучителен и значим в аспекте постижения многообразия человеческих характеров. В 1-й пол. 1960-х гг. рассказы и очерки К., обнажающие нравств. проблемы современности и внутр. сущность героев, печатались в газ. «Мокшень правда»: «Мезень колга морайхть провоттне» («О чём поют провода»; 1963, 10 февр.), «Вася Салмов и сонь ялганза» («Вася Салмов и его друзья»; 1964, 26 июля) и др.

В сер. 1960-х гг. К. отошёл от лит. критики, посвятив себя лит.-худож. творчеству. Кроме рассказов и очерков, начал осваивать др. жанры, в частности повесть («Уфада, вармат» — «Дуйте, ветры», ж. «Мокша», 1967, № 5). Одним из ведущих прозаиков мордов. лит-ры

он стал в 1970 — 80-е гг. преимущ. благодаря рассказам, новеллам и повестям. Первый авт. сб. «Ичкоздень семафор» («Дальний семафор») увидел свет в 1972. Из ранее опубл. в него вошли три рассказа: «Строевой мора» («Строевая песня»), «Кода васькафтоськ повартъ» («Как обманули повара») и «Отпускса» («В отпуске»), посвящ. армейской тематике. С точки зрения показа разнообразия человек. судеб отличается рассказ «Сёксень тяштть» («Осенние звёзды»), повествующий о жизн. перипетиях многолетней женщины Марии Андреевны. В молодости в поисках лучшей жизни вместе с мужем они уехали из Мордовии на Камчатку, где трудились и растили детей. На 21-м году тяга к родному краю одержала верх, и они решили вернуться. Однако ценность произв. заключается не в описании обратной дороги, а в показе того, насколько в сов. людях было развито чувство взаимопомощи. По дороге в родные края муж с инсультом попал в больницу, затем при получении известия о смерти старшего сына умер. Несмотря на это, с помощью совершенно незнакомых людей семья с пятью мл. детьми смогла доехать до родных мест, найти там кров и работу. Интерес вызывает и рассказ К. «Ошу, цёранцты» («В город, к сыну»). При помощи удачно подобр. деталей автору удалось передать психологию деревенской женщины, её трудолюбие, бережливость, любовь к единств. сыну, открытость характера. Последнее особенно зримо показано в вагоне поезда, когда Наталья рассказывает находящимся в купе, что едет в город к сыну Ване, к-рый является студентом; в ин-те, где спрашивает каждого проходящего мимо неё, не видели ли Ваню Казанкова; в автобусе, когда объявляет рядом сидящему деду: «К сыну вот приехала. Студент он у меня, в институте учится. Хо-

роший парень...» (с. 22). Привед. примеры не только подтверждают прямодушие Натальи. Уставшая от работы и бедно одетая, она радуется и гордится тем, что смогла сделать в жизни самое главное — вырастить достойного сына, продолжателя рода. Кроме рассказов, в книгу вошли ориг. пародии. Одна («Сась колхозу агроном» — «Прибыл в село агроном»); ранее опубл. в ж. «Мокша», 1968, № 1) написана в виде пьесы в четырёх коротких картинах по мотивам мордов. романов с.-х. тематики. Персонажи сгруппированы по принципу противопоставления носителей нравственности и порока, наделены говорящими фам.: агроном Удалов (образована от слова «удачный»), пред. колхоза Учамбрин (Овцеголовин), бригадир Муськомов-Коськомов (Стиралов-Сушилов), бухгалтер Шичавин (Блохин). К положит., кроме Удалова, относятся три деда (Ерох, Тришка, Федот) и молодая доярка Маша. Вместе с начинающим агрономом (имеющим миним. знания и опыт работы) они побеждают прежние традиции и перевоспитывают «бывших» руководителей. Не менее смешными являются пародии в прозе «Чуфам (роман-кичкордома)» — «Перемалывание (роман-насмешка)» и «Федулонь стакшиц» («Обычный день Федула»).

Во вторую книгу К. «Коряй пайгонят» (1973, русскоязычный вариант «Колокольчики мои...»), кроме одним. повести, вошли четыре рассказа. Хотя жанр включённых в сб-к произв. определён как рассказы, «Коряй пайгонят» (с подзаголовком «Идькс пингонь картинкат» — «Картины из детства») представляет собой повесть с ориг. композицией. Произв. открывает вводная часть «Ингольдень валть вастс» («Вместо предисловия») и завершает заключит. «Коряй пайгонят (Мекольдень валть вастс)»

(«Звонящие колокольчики (Вместо заключения)»), внутри них расположено 11 рассказов с отд. темами и сюжетами, объединяющим началом к-рых выступает автор-повествователь, одновременно являющийся гл. действующим лицом. По худож.-эстетич. ценности и воспитат. потенциалу данное произв. входит в число лучших в мордов. лит.-ре. В нём отражены безграничная любовь к родной природе и отчужденности, неразделимая связь человека с природой, мир детства с его радостями, печалью, увлечениями, стремлениями и уроками жизни. Здесь автор проявил себя непревзойд. мастером лирич. прозы. В пов. «Сембось ушеткши киста» («Всё начинается с дороги», 1975) изображаются нелёгкий журналистский труд, сложные жизн. перипетии, зарождающаяся любовь. Произв. характеризуется авт. откровенностью и глубоким проникновением в психологию персонажей. Повествование начинается представлением гл. героя Коли Канайкина, вернувшегося со службы в армии и принятого на работу корр. в газ. «Мокшень правда». Рассказ о предыдущих годах его жизни, в т. ч. об обучении в пед. уч-ще и короткой (до призыва в армию) журналистской работе, ведётся преимущ. не от автора, а путём включения в текст воспоминаний самого Коли (приём ретроспекции), что позволяет глубже раскрыть его внутр. мир, поведение и совершаемые поступки. Конфликт повести построен на борьбе между журналистом с принципиальной позицией, базирующейся на правде и справедливости, и корыстной, основ. на личной заинтересованности и заботе о полагаемом престиже. Заслугой писателя является умелое и правдивое описание развязки: в газете не стали публиковать критич. материал молодого журналиста, т. к. незадолго

до этого была напечатана хвалебная статья зам. редактора, а отправили в соотв. мин-во для принятия справедливого решения.

Сб. «Сёксень пизелхт» («Осенние рябины», 1979) включает в себя 22 рассказа и 41 миниатюру (пейзажную зарисовку), к-рые объединены в три раздела: «Шуди Мокшень...» («Течёт Мокша...»), «Вельксон менельсь сенем» («Надо мной небо синее») и «Пизёлонь таньф» («Вкус рябины»). В первом наиболее удачным произв. в аспекте постижения челоуеч. характеров является «Куймоня кал» («Корзина рыбы»). Гл. противоречие, раскрываемое в рассказе, заключается в том, как позиционирует себя человек и каким он является на самом деле. Инженер НИИ Валерий Яковлевич Стёгин отправляется в выходные с сослуживцем Петром Ильичом Поляковым отдохнуть на Мокше. В начале повествования подчёркиваются положит. качества Стёгина: его организаторские способности (перед поездкой позаботился о комфортном жилье и еде) и умение расположить к себе людей (порадовал хозяина подарком; хозяйке поднял настроение, похвалив её кулинарные способности). Однако на рыбалке проявляется его алчность, у костра — умение переложить более трудную работу на других, во время поедания ухи — хвастовство. Кульминац. является эпизод, когда Стёгин прячется от рыбака Ивана, приехавшего за обещ. ему холодильником. Идея рассказа заключается в подтверждении нар. мудрости, гласящей, что о человеке необходимо судить не по его речам, а по делам. В третьем разделе сб-ка привлекает внимание рассказ «Ёжусь» («Дошлый»), в центре к-рого находится повествование о судьбе Захара, всю жизнь избегавшего тяжёлого и общественно значимого труда, эго-

истичного, бросившего жену с тремя детьми, искавшего счастья в разных концах страны, но не нашедшего и вернувшегося незадолго до смерти на родину.

Метафоричность языка и худож. образность наиболее полно проявились в повести К. «Ожудова, вишке коволхт...» («Подождите, быстрые облака...», 1981), основ. на раскрытии морально-нравств. конфликтов, противостояния человечности и жестокости, нравственности и порочности, в к-ром доброе начало иногда оказывается побеждённым. Гл. героем произв. выступает 30-летний Михаил Славин, перспективный аспирант — будущий лит.-вед и одновременно подающий большие надежды писатель. Повествование начинается с кульминации — сообщения о его смерти (в день, когда должен был состояться развод с женой, добровольно ушёл из жизни, утопившись в реке), а завершается похоронами. Описание всех событий, связ. с жизнью Михаила, поиск причин произошедшего автор умещает в три дня, наиболее насыщ. переживаниями близких и друзей. Жизн. драму писатель изображает, вспоминая день за днём, часто заставляя высказываться самого героя и его нелюбимую жену Риту, недалёкую, ищущую лишь развлечений, стремящуюся к красивой жизни, руководствующуюся искл. своими прихотями. Постепенно автор убеждает читателя в том, что для достойной жизни даже глубоко порядочному и доброму человеку, надел. мн. талантами, необходимы твёрдость характера и «крепкий тыл», умение выбрать достойного спутника жизни. Он призывает более внимательно относиться друг к другу, особенно к проблемам друзей и коллег по работе; предупреждает о том, что добрые часто становятся жертвой аморальных личностей, иногда доводящих до трагедии.

В последней книге писателя «Кемоньшит июльста» («Десять дней в июле», 1987), вышедшей после его смерти, попытка показать большинство человек. пороков в одном образе (Андрея Николаевича Сяпкаева) не увенчалась успехом: в реальность рассказ. событий может поверить разве что ничего не понимающий в жизни и не знающий отеч. истории читатель.

К. изв. также как автор мн. сатирич. и юмористич. произв. и лит. пародий (сб. «Ичкоздень семафор»). Его лучшие рассказы и новеллы вышли отд. изданием в г. Москве («Полдень», 1981), представлены в сб. «Чистые ключи» (Саранск, 1983), антологии мокш. прозы «Läbi kolme põrgu» («Сквозь три ада»; Таллинн, 2012).

Соч.: Ичкоздень семафор : рассказ, лит. пародият. Саранск, 1972 ; Коряй пайгонят : рассказ. Саранск, 1973 ; Сембось ушеткшни киста : повесть. Саранск, 1975 ; И снова лето : рассказы / пер. с мокша-мордов. яз. автора. Саранск, 1976 ; Сёксень пизелхт : рассказ. Саранск, 1979 ; Ожудова, вишке коволхт... : Страницат фкя тетрадьста. Саранск, 1981 ; Полдень : рассказы / пер. с мордов.-мокша О. Осадчего. М., 1981 ; Чистые ключи : повесть, новеллы, рассказы. Саранск, 1983 ; Кемоньшит июльста : повесть. Саранск, 1987 ; Кочкаф произведенийят : кафта томса. Саранск, 2005 — 2007.

Лит.: ПМ. 2001 ; 2015. Т. 1 ; **Кубанцев Т. И.** Валда коволхт // Мокша. 1981. № 5 ; **Алёшкин А. В.** Арьсемат. Саранск, 1989 ; **Малькина М. И., Кубанцев Т. И.** Повесть: обновление традиций // Современная мордовская литература. 60 — 80-е годы. Саранск, 1991. Ч. 1. Гл. 2 ; **Радин В. Н.** Ялгань ликт : Мокшэрзянь писательхненъ квалма лятфнемат. Саранск, 1991 ; **Кудашкин И. Н.** Коволонза тячимс акшет и аруфт // Мокшень правда. 1996. 6 июня ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1 ;

Левина Н. Н. Жанровая специфика мордовской лирической повести (на примере творчества Ю. Кузнецова) // Вест. Вят. гос. гуманитар. ун-та. 2015. № 5 ; *Лобанов В. М.* Мяслямонь эжни пайгоняты : Юрий Фёдорович Кузнецовонь шачема шиста 80 кизонь топодемати // Мокша. 2016. № 6 ; *Малькина М. И.* И туят таколфты сюжетонь киге // Там же ; *Альшина Т.* Мокшень Пишляса коряй пайгонятыне панжихть тянемс // Там же. № 8.

А. М. Каторова.

EDN GERPEL

КУЛДУРКАЕВ Яков Яковлевич (22.10.1894, с. Лобаски Ардатовского у. Симбирской губ., ныне Атяшевского р-на РМ — 28.7.1966, там же), эрзя-мордов. поэт. Род. в крест. семье. Окончил Саранское реальное уч-ще (1912). Работал табельщиком в орг-циях Транссиб. ж. д. (вблизи Амура), откуда был призван в царскую армию (1915). Демобилизовавшись из-за тяжёлого ранения, вернулся на родину. В 1917 — 20 служил в РККА. По окончании Гражд. войны уехал в г. Москву, окончил курсы счетоводов, работал ревизором, бухгалтером на столичных предприятиях. В 1938 был репрессирован, ок. 20 лет провёл в ИТЛ Коми АССР, Новгородской и Джамбульской (Казахстан) обл. По этой причине имя поэта надолго было вычеркнуто из истории мордов. лит-ры. В нояб. 1958 реабилитирован.

От природы одарённый незаурядным поэтич. талантом, К. в ранней молодости увлёкся собиранием и изучением мордов. фольклора, по мотивам к-рого уже в 1910 начал складывать первые стихи. Однако печататься стал гораздо позже: в 1928 в газ. «Якстере теште» был опубликован отрывок из поэмы-сказки «Эрьмезь и Котова», составивший сюжетную и идейно-эстетич. основу эпич. поэмы «Эрьмезь» (1935). Издание этого произв.,

отражающего в сказочной форме древнюю историю и межнац. отношения мордов. народа, явилось гл. причиной необоснов. ареста автора. По возвращении из ссылки К. сочинил новый вариант поэмы, однако подорв. здоровье не способствовало её улучшению. Доработ. вариант не был напечатан, лит-веды обнаружили его в архиве поэта в сер. 1980-х гг. Все публикации произв. в период 1975 — 2008 были выполнены по изд. 1935 (в газ. «Эрзянь правда»; ж. «Сятко»; сб-ках «Кезэрень пингедэ, эрзянь раськеде» — «О древних временах, об эрзянском народе» К., К. *Абрамова*, Н. Эркая, «Поэмат ды ёвкст» — «Поэмы и сказки» К.). В эпич. поэме «Эрьмезь» глубоко и разносторонне отразились мировоззренч., эстетич. и филос. взгляды автора. На её страницах через историю романтич. любви эрз. юноши Эрьмезя и мокш. девушки Котовы раскрывается история мордов. народа начала 13 в. В период борьбы против общего врага (половецких ханов) материальное неравенство гл. героев перерастает в социальную борьбу, обуславливает неоднозначное отношение родителей молодых людей к рус. князьям. Трагич. финал поэмы, в к-ром изображается гибель Эрьмезя и Котовы, идеологами и критиками 1930-х гг. был расценён как «существенный исторический перегиб», как выражение вражды между народами. В действительности поэма «Эрьмезь» отразила типичные для того времени конфликты между племенами и плем. союзами. Её гл. идейный пафос заключается в осуждении войны и насилия как форм решения социальных конфликтов, утверждении светлых идеалов любви и взаимопонимания между народами. Такой подход автора к изображаемым событиям, удивительно поэтич. язык, близкий к фольк., обусловили причисление этого

произв. к лучшим достижениям мордов. лит.-ры. Отрывок из поэмы переведён на рус. яз. К. В. Смородиным (ж. «Странник», 2006, № 6).

Второе крупное произв. К. — сказка в стихотв. форме «Андямо» — впервые было напечатано в 2008 (в кн. «Поэма-ды ёвкст», сост. А. В. Алёшкин; жанр «поэма-ёвкс» — «поэма-сказка»). Во вводной ст. «Яков Кулдуркаевень эрямо-до ды творчествадо» («О жизни и творчестве Якова Кулдуркаева») говорится, что рукоп. данного произв. передал составителю сын проф. Д. Т. Надькина. Родственники поэта, затем сам автор и ценители его творчества неск. раз пытались издать сказку, однако безуспешно. Гл. причина этого, по мнению Алёшкина, заключалась в обилии представл. в ней аллегорич. символов, в качестве к-рых выступает большинство персонажей. Сказка необычна по композиции: состоит из введения, создающего у читателя (слушателя) весёлое настроение, и 11 разных по объёму частей, раздел. в свою очередь на строфы. Оригинальна и метрич. организация стихотв. текста: автором использованы силлабич. 7- и 10-сложные размеры, при этом вторая строфа первой части включает в себя нарушающие ритм 3 строки из 9, 5 и 7 слогов соответственно, что воспринимается как явная технич. недоработка. В произв. преобладает тема любви. Сюжет построен на том, как молодой человек Андямо настойчиво добивается любви наделённой певч. талантом красавицы Сырнень Пейдине. Осн. препятствие на пути к счастью — родной дядя девушки Идем атя (Идемей), стремящийся выдать её замуж за самого богатого в округе жениха и тем самым озолотиться. Андямо, в отличие от др. персонажей, изображён высоким и сильным, но неуклюжим и бедным, вызывающим на-

смешки односельчан. Однако он всегда оказывается во время очередного сватовства к Сырнень Пейдине рядом с её домом и представляет жениха с самой плохой стороны. Услышав об этом, Идемей хочет лишить жизни Андямо и отправляет к нему сначала Волка, потом Медведя, к-рым это не удаётся, им мешают находчивость юноши. Тогда Идемей решает сам выдать замуж Сырнень Пейдине и, обладая волшебной силой, превращает Андямо в рыжую собаку, а девушку увозит к себе домой. В последующих частях описываются три попытки молодого человека с помощью волшебства матери девушки украсть её у Идемей, последняя из к-рых оказывается успешной. Андямо преодолевает все возникающие на его пути препятствия и женится на Сырнень Пейдине. В финале говорится, что у них рождается пятеро детей, все сыты и счастливы. Т. обр., произв. «Андямо» построено в соответствии с законами сказочного жанра. Лит. наследие К. включает также сказки для детей «Ёжов Сенксь» («Хитрая цапля») и «Якстере цеця» («Красный цветок»).

Соч.: Эрмезь : Ёвкс кезэренъ эрямо-до. Саранск, 1935 ; Якстере цеця : ёвкс // Сурань толт. 1959. № 1 ; Ёжов Сенксь : ёвкске // Сятко. 1994. № 10 — 11 ; Эрмезь // К., Абрамов К., Эркай Н. Кезэренъ пингеде, эрзянь раськеде. Саранск, 1994 ; Эрмезь : [отрывки из эпич. поэмы] // Kevadhommik : Soome-ugri luuleklassikat / koost. ja tõlk. A. Valton. Tallinn, 2002 ; Поэма-ды ёвкст / [пурныцья А. В. Алёшкин]. Саранск, 2008 ; Эрмезь : отрывок из эпич. поэмы // Поэзия мордовского края : антология. Саранск, 2012.

Лит.: ПМ. 2001 ; 2015. Т. 1 ; Алёшкин А. В. Судьбы // Встречи. Саранск, 1988 ; Брыжинский А. И. Стувтозесь велятвови мекев // Сятко. 1994. № 10 — 11 ; Инжеватов И. К. Яков Яковлевич Кулдуркаеве // К., Абрамов К., Эркай Н. Кезэренъ пингеде... ; Зиновьев Н. В. Человек и время. Саранск, 1995 ;

Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1 ; *Дёмин В. И.* Тюшгтянь пингеде, покш вецкемадо // Сятко. 2009. № 11 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энциклопедия. Саранск, 2010. Ч. 1 ; *Шеянова И. И.* Сказовые формы повествования и фольклорная стилизация в мордовской эпической поэзии (на примере поэмы «Эрмезь» Я. Я. Кулдукраева и романа в стихах «Покш ки лангсо умарина» А. Д. Куторкина) // Вест. НИИ гуманитар. наук при Пр-ве РМ. [Саранск]. 2013. № 2 ; Мордовская мифология : энциклопедия. Саранск, 2020.

А. В. Алёшкин, А. М. Каторова.

EDN JEEKCK

КУТО́РКИН Андрей Дмитриевич (псевд. А. Ёндол) [12(25).8.1906, д. Студенец, ныне в составе с. Напольное Порецкого р-на Чув. Респ. — 12.5.1991, г. Саранск], эрзя-мордов. писатель. Нар. (1984), засл. (1966) писатель МАССР. Лауреат Гос. пр. МАССР (1987). Чл. СП СССР (1934). Род. в крест. семье. По окончании Симбирской губернской сов.-парт. школы 2-й ступени (1927) работал зав. Дубёнской районной б-кой. В 1930 — 34 — зав. парт. отделом, ред. газ. «Эрзянь коммуна»; 1933 — 34, 1935 — 36 — отв. ред. ж. «Сятко»; 1935 — 39, 1943 — 45 — гл. ред. Мордов. кн. изд-ва; 1945 — 51 — пред. правления СП МАССР; 1952 — 56 — отв. секр. эрз. издания газ. «Сов. Мордовия»; 1957 — 58 — зав. отделом редакции газ. «Эрзянь правда»; в 1958 — 59 — отв. ред. ж. «Сурань толт».

Начало лит. творчества К. относится к 1924, когда в ардатовской уездной «Трудовой газете» был напечатан очерк «Деревенское», а в газ. «Якстере теште» — рассказ «Чопудасо» («В темноте»). Уже первые рассказы писателя свидетельствуют об умении выявлять ведущие тенденции обществ. жизни и острые конфликты, создавать образы ге-

роев с сильным характером. В истории мордов. лит-ры К. изв. как писатель, раскрывающий преимущ. ист.-рев. темы. В 1930-е гг. он обратился к произведениям крупного плана в стихах и прозе, в к-рых воссоздал картины ист. прошлого мордов. народа. Над первым ром. «Раужо палмань» («Чёрный столб»), (1934) автор работал в течение 6 лет. По жанровым признакам это произв. можно причислить к историко-бытовому роману, роману нравов. С точки зрения критиков, наиболее удачными в произв. являются сцены, где раскрывается душевное состояние героев, в особенности обездол. женщин и детей. К недостаткам относятся искаж. изображение теневых сторон быта персонажей, показ случайных явлений, натурализм и схематизм, обилие диалектизмов и вульгаризмов. Вместе с тем это произв. сыграло положит. роль в формировании жанровой разновидности мордов. ист. романа. В основу следующего романа (уже в стихотв. форме) «Ламзурь» (1941) легли реальные события из жизни мордов. народа — Терюшевское восстание в Нижегородской губ. 1743 — 45, обусловл. насильств. христианизацией мордвы-терюхан, передачей их земель монастырям и помещикам. В произв. отображаются жизнь и быт мордов. крестьянства, нравы и обычаи, классовые противоречия, характерные для сер. 18 в., рисуются друж. взаимоотношения между мордов., рус. и чув. народами. Роману присуща сложность композиции, определяемая стремлением писателя показать характеры героев на фоне ист. событий, передать нац. обряды и обычаи мордвы, творчески использовать фольк. традиции, сочетая их с авт. описаниями и лирич. отступлениями. Гл. героем в произв. выступает крест. юноша Несмеян Кривов, в образе к-рого воплощены лучшие

черты мордов. нац. характера, данного в развитии и показ. многосторонне. Вместе с тем автор не смог в полной мере передать ист. роль Несмеяна как рук. восстания по причине увлечения изображением его личной жизни и избыточного внимания к Ламзури, его возлюбленной. Несовершенство романа исследователи связывают с недостаточным опытом писателя в худож. изображении ист. событий. Творч. достижением автора является метрико-ритмич. организация произв., в основе к-рой лежит силлабич. 10-сложный размер, обусловивший мелодичность, благозвучие стихотв. текста. Присущая ему музыкальность подвигла композитора Л. П. *Кiryкова* на создание по мотивам романа (на основе либретто автора) первой мордов. оперы «Несмеян и Ламзурь» (1944). Итогом продолжит. творч. исканий К. стал еще один стихотв. роман — «Покшки лангсо умарина» («Яблоня у большой дороги», 1958), повествующий о судьбе мордов. народа в период 1880 — 1906. В нём органично соединились эпос и лирика, фольк. традиции и опыт нац. проф. поэзии. Вступление, подобное зачину нар.-эпич. произв., представляет собой символич. картину, непосредственно связ. с назв. романа. Растущая у большой дороги яблоня, не сломавшаяся под шквальными ветрами, пережившая мн. осенние ненастья и жгучие зимние холода, символизирует жизнь человека, наполн. бедствиями и тяжёлым трудом. Кроме выполнения символич. функции, образ яблони играет существ. роль в организации сюжета произв., выступая важным фоном действий гл. персонажей. Повествование ведётся от имени сказителя, мудрого свидетеля изображаемых событий. Роман состоит из четырёх логически заверш. и вместе с тем взаимосвяз. частей, всесторонне раскрывающих

поставл. проблемы. В качестве гл. героя выступает Кузай Мика, надел. лучшими чертами нац. характера — трудолюбием, свободолубием, добродушием, широтой натуры, упорством в достижении целей, духовной и физич. красотой. К числу удачных жен. персонажей относится Луша, в её образе воплощена трагич. участь красивой девушки из бедной семьи. Лучший эпизод романа — описание ярмарки, в к-ром широко использован нар. юмор. Конфликт произв. основан на социально-классовых противоречиях, борьбе бедных слоёв населения за свои права. При создании романа в полной мере проявились умение автора показывать обществ. противоречия через судьбы отд. героев, к-рые получились реалистичными, в меру индивидуализированными и типизированными; богатство языка; творч. освоение фольк. традиций, напр. сюжетов нар. песен и сказок, элементов плачей, причитаний, *календарно-обрядовой поэзии*.

Самое высокое достижение писателя — трилогия «Лажныця Сура» («Бурливая Сура», 1969 — 87), к-рой присущи жанровые признаки романа-эпопеи, открывшего новые возможности в худож. воплощении ист. опыта мордов. народа. Над произв. автор трудился с 1958 по 1987. В нём нашла отражение судьба трёх поколений Валдаевых в период коренной ломки обществ.-полит. жизни России кон. 19 — 1-й трети 20 в. (1890 — 1930-е гг.). В первой кн. «Валдаевть» («Валдаевы», 1969) на примере жизни многочисл. семьи, состоящей из 39 чел., показаны ист. события, происходившие на терр. мордов. края (в Ардатовском и Алатырском у. Симбирской губ.) накануне Рев. 1905 — 07. В центре внимания автора — изображение роста социального самосознания персонажей. Гл. герои — выходцы из мордов. народа Гурь-

ян Валдаев, Томар Лемдьяйкин и др. представлены трудолюбивыми, смелыми, способными выдержать мн. испытания. Во второй кн. «Кавто киява» («По двум дорогам», 1976) речь идёт о рев. преобразованиях, передаётся разное их восприятие персонажами. Из гл. героев на первый план выходит изображение судеб Гурьяна и Платона Валдаевых, ставших своего рода опорой для мн. односельчан. В третьей кн. «Ашолгадама ланга» («На рассвете», 1987) показаны укрепление сов. власти, борьба с её врагами; зарождение коллективных хоз-в, стремление колхозников получать богатые урожаи. К худож. достоинствам произв. относятся богатство языка, умелая индивидуализация и типизация речи действующих лиц, мастерство построения диалогов (см. *Диалог*) и создания портретных характеристик. В числе недостатков критики отмечают обилие персонажей, второстеп. и малозначимых в раскрытии поставл. проблем; необоснов. внимание к мелким происшествиям; местами поверхностное изображение борьбы за личную жизнь. Однако в целом события 1920 — 30-х гг. (расслоение деревни, рост самосознания широких нар. масс, изменение жизн. ориентиров, установление новых традиций) во второй и третьей книгах описаны достаточно объективно, с присущим писателю худож. мастерством, заставляют читателя размышлять, вдумчиво воспринимать ист. события, сочувствовать, сопереживать. Роман переведён на рус. яз., издан в г. Москве, удостоен Гос. пр. РМ.

К. награждён орденом Трудового Красного Знамени, двумя — «Знак Почёта», медалями.

Соч.: Вейсэ : поэма. Саранск, 1933 ; Раужо палмань : роман. Васенце кн. Л., 1934 ; Ламзурь : [поэма]. Саранск, 1941 ; Покш ки лангсо умарина : роман. Саранск, 1958 ; 1993

(Шк. б-ка) ; Яблоня у большой дороги : повесть в стихах / авторизов. пер. с эрзя-мордов. П. Железнова и П. Панченко. М., 1961 ; Саранск, 1991 ; Лисьмапря : [стихть, стихсэ ёвтнема, оперань либретто]. Саранск, 1962 ; Пижке кев : легенда // Сятко. 1965. № 6 ; Лажныця Сура : роман : [3 кн.] Саранск, 1969 ; 1976 ; 1987 ; Бурливая Сура : роман / авторизов. пер. с мордов. В. Куклева. М., 1972 ; Валдаевы : роман / пер. с мордов. О. Осадчего. М., 1976 ; Раужо палмань : роман ; Ламзурь : поэма. Саранск, 1997 ; Казне : новелла // Сятко. 1999. № 2 ; Варма крандаз ; Стака пинге : ёвтнемат ; Квитамо шапкине : ёвкс // Там же. 2006. № 8 ; Кочказь произведенийт : кавто томсо. Саранск, 2009 — 2011.

Лит.: КЛЭ. Т. 3 ; ПМ. 2001 ; 2015. Т. 1 ; **Чесноков Ф.** «Раужо палмань» : [критикань статья] // Сятко. 1934. № 3 ; **Кирюшкин Б.** «Яблоня у большой дороги» : (О романе в стихах А. Куторкина) // Литературная Мордовия. Саранск, 1963. № 30 ; История мордовской советской литературы. Саранск, 1971. Т. 2 ; **Алёшкин А. В.** Единство традиций. Саранск, 1978 ; **Горбунов Г. И.** Востомат. Саранск, 1993 ; **Ломшин М. И.** А. Д. Куторкин : (Эрямозо ды творчествово). Саранск, 1995 ; **Его же.** Творческая индивидуальность писателя А. Д. Куторкина и развитие эпических традиций мордовской литературы. Саранск, 2006 ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1 ; **Доронин А. М.** Ве чияк — апак сёрмадо... : очерк // Сятко. 2006. № 8 ; **Вельдьяйкина Е. И., Ломшин М. И.** Новаторство А. Куторкина в развитии эпических традиций мордовского поэтического эпоса // Ежегодник фин.-угор. иссл. '07. Ижевск, 2008 ; **Их же.** Трилогия А. Куторкина «Бурливая Сура» и развитие жанровой формы мордовского романа // Там же ; Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2008. Т. 2 ; **Шелянова И. И.** Влияние национальных эпических традиций на творческую индивидуальность А. Д. Куторкина (на примере романа «Покш ки лангсо умарина» — «Яблоня у большой дороги») // Вест. НИИ гуманитар. наук при Пр-ве РМ. [Саранск]. 2009. № 2 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010.

Ч. 1 ; **Васильев Д.** «Ламзурь» марто «Лажныця Сурав» : Андрей Дмитриевич Куторкинэнъ чачома чистэнзэ 110 иетненень // Сятко. 2016. № 8.

А. М. Каторова.

EDN ILEDDC

КЯШКИН Михаил Андреевич (20.10.1921, с. Мордов. Пошаты ныне Ельниковского р-на РМ — 2.12.1983, г. Саранск), мокша-мордов. прозаик, журналист. Чл. СЖ СССР (1957). Участник Вел. Отеч. войны. Род. в крест. семье. По окончании Краснослободского пед. уч-ща (1938) работал учителем в Ржавинской неполной средней шк. Ковылкинского р-на МАССР (1938 — 39) и в Курганской обл. (1939 — 40). В 1940 был призван в РККА, войну встретил в Брестской крепости, затем участвовал в боях под г. Гомелем, на Курской дуге и др., демобилизован по ранению в марте 1945. Жил в Саранске. До 1947 работал нач. отдела кадров Совета промысловой кооперации. В 1947 — 68 — зав. отделом пром-сти и транспорта редакции газ. «Мокшень правда»; в 1968 — 82 — ред. лит.-драм. отдела мордов. телевидения К-та по радиовещанию и телевидению при Совете министров МАССР (с 1978 — Гос. к-т МАССР по телевидению и радиовещанию).

Первый рассказ К. «Варма веня» («В ветреную ночь») увидел свет в 1938 в ж. «Колхозонь эряф» (№ 3 — 4). В 1940 там же была напечатана пов. «Тюрема» («Борьба»; № 10). К. — автор 7 книг на мокш. яз., в т. ч. «Эряфть кельгомац» («Любовь к жизни», 1950), «Мзярда перьфкат ялгат» («Когда вокруг друзья», 1962; на рус. яз. 1967), «Толонь вармать каршес» («Против огненного смерча», 1983), и 2 на рус., одна из к-рых («Возвращённое счастье», 1988) издана после его смерти. В рассказах и повестях глав-

ным является изображение нар. подвига в Вел. Отеч. войне и жизни мордов. послевоенной деревни. Пов. «Толонь вармать каршес» во многом автобиографична, в ней писатель воссоздаёт боевые действия курсантской роты, к-рая располагалась в Брестской крепости и в числе первых вступила в бой с фашистами. Автор показывает мужеств. солдат, командиров, вставших стеной на защиту Родины от врага. К. первым в нац. лит-ре рассказал о легендарном подвиге земляка М. П. *Девятаева* в док. пов. «Курсь — Родинась» («Курс — Родина», 1959). В произв. осн. внимание уделено не столько изображению тягот военного времени, в особенности испытываемых солдатами, попавшими во враж. плен, сколько раскрытию твёрдости их морального духа, силы воли, предопределённых патриотизмом и великой любовью к Отечеству. Несмотря на нечеловеч. условия нахождения в плену, герои не сдавались, использовали малейшую возможность для подготовки побега. Писатель показывает, что даже в изолиров. от мира лагерях для военнопленных действовали антифашисты. Именно благодаря антифашисту Нейману Девятаев получил имя др. пленника и обычный номер заключённого вместо номера смертника, означавшего повешение или сожжение в крематории. Так он оказался в лагере на острове в Балт. море, где располагалась нем. авиац. часть. Узников заставляли работать на аэродроме. К. подробно описывает, как гл. герой вступает в подпольную орг-цию и начинает совм. с Соколовым, Кривоноговым, Немченко, Кутергиным и Емецем готовить побег. В произв. автору удалось умело отобразить, с одной стороны, высокие моральные качества сов. людей, характер и подвиг гл. героя, с др. — звериную сущность фашизма с чертами человеко-

ненавистничества, озлобленности, отсутствия совести. Писатель убеждает читателя в том, что фашизм можно победить не только оружием, но и благодаря смелости, силе духа, дружбе и верности, работоспособности, умению бороться с возникающими на пути трудностями. Воспитат. потенциалом обладают рассказы К., вошедшие в сб. «Мзырда перьфкат ялгат». Автор в качестве гл. героев показывает трудолюбивых и честных людей, морально устойчивых, верных дружбе, смелых, всегда готовых прийти на помощь другим. В последнюю книгу писателя «Возвращённое счастье» вошло 9 рассказов, посвящ. защите Родины от фашистов в годы Вел. Отеч. войны, 3 из них, в т. ч. вынесенный в назв., были напечатаны в 1967. С особым интересом читается рассказ «Филалка», повествующий о радистке партизанского отряда Лидии.

К. награждён Поч. грамотой Совета министров МАССР, тремя — Президиума Верховного Совета МАССР.

Соч.: Эряфть кельгомац : рассказ. Саранск, 1950 ; Цёфксне морайхть : [повесть]. Саранск, 1958 ; Курсь — Родинась : повесть. Саранск, 1959 ; Мзырда перьфкат ялгат : рассказ. Саранск, 1962 ; Тяштне ваныхть Мокшети : повесть. Саранск, 1964 ; Когда вокруг друзья : [рассказы]. Саранск, 1967 ; Кота алят и фкя стирь : очерк // Мокша. 1969. № 3 ; Каворку киге : очерк // Там же. 1970. № 6 ;

Од азорхт : очерк // Там же. 1971. № 5 ; Толонь пачк : [рассказ]. Саранск, 1971 ; Толонь вармать каршес : повестьста пакш и рассказ. Саранск, 1983 ; Возвращённое счастье : рассказы. Саранск, 1988.

Лит.: **Радин В. М.** Кяшкинонь од повестец // Мокшень правда. 1958. 30 дек. Рец. на кн.: Кяшкин М. А. Цёфксне морайхть. Саранск, 1958 ; **Тяпаев А.** Повесть мужествать колга // Там же. 1959. 13 дек. Рец. на кн.: Кяшкин М. А. Курсь — Родинась. Саранск, 1959 ; **Чигодайкин И.** Повесть о мужестве // Сов. Мордовия. 1960. 5 июня. Рец. на кн.: Кяшкин М. А. Курсь — Родинась. Саранск, 1959 ; **Моисеев М.** Ащесь видешить инкса : Азк мокшень писательть и журналистть М. А. Кяшкинонь колга // Мокшень правда. 1991. 19 марта ; **Имяреков М. Г.** Писательсь и эряфсь. Саранск, 1992 ; **Его же.** Курсоц — видешись : Михаил Андреевич Кяшкинонь шачема шиста 80 кизонь топодемати // Мокша. 2001. № 10 ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1 ; **Давыдов А.** Я знал его лично // Средства массовой информации Республики Мордовия: вчера, сегодня, завтра. Саранск, 2007 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1 ; **Аугустиновичус Р. В.** Валдста палы тыште : (М. А. Кяшкинонь шачема шистонза 95 кизонь топодемати) // Мокшень правда. 2016. 27 окт.

А. М. Каторова, И. И. Шеянова.

Продолжение следует

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

авт. — автор; авторский	зам. — заместитель
автобиогр. — автобиография	заруб. — зарубежный
апр. — апрель	засл. — заслуженный
ассист. — ассистент	и др. — и другие
балт. — балтийский	и т. п. — и тому подобное
б-ка — библиотека	изв. — известный; известен
букв. — буквальный; буквально	изд. — издание; издатель; издательский
быв. — бывший	изд-во — издательство
в. — век	им. — имени
Вел. Отеч. война — Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.	ин-т — институт
венг. — венгерский	иск-во — искусство
вол. — волость (в названии)	искл. — исключительно
в т. ч. — в том числе	иссл. — исследование; исследовательский
г. — город (при названии)	ист. — исторический
газ. — газета (при названии)	канд. — кандидат; кандидатский
гг. — годы (в датах)	кн. — книга (при названии); книжный
гл. — главный	кол-во — количество
гос. — государственный	кон. — конец (в датах)
гражд. — гражданский	конф. — конференция
губ. — губерния (в названии)	корр. — корреспондент
д. — деревня (при названии)	крест. — крестьянский
дек. — декабрь	к-рый — который
дет. — детский	к-т — комитет
дис. — диссертация	лит. — литературный
док. — документальный	лит-вед — литературовед
докт. — докторский	лит-ведение — литературоведение
д-р — доктор	лит-ра — литература
др. — другой	мар. — марийский
драм. — драматический	межнац. — международный
д. чл. — действительный член	метод. — методический
ж. — журнал (при названии)	мин-во — министерство
ж. д. — железная дорога	мл. — младший
зав. — заведующий	мн. — многие
	мокш. — мокшанский

* В именах прилагательных допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-альный», «-ельный», «-анный», «-енный», «-еский», «-ионный», «-ный».

- мон. — монастырь (в названии)
 мордов. — мордовский
 моск. — московский
 наз. — называется; называемый
 назв. — название
 напр. — например
 нар. — народный
 наст. — настоящий
 науч. — научный
 нац. — национальный
 нач. — начало (в датах); начальный
 нек-рый — некоторый
 нем. — немецкий
 неск. — несколько
 нояб. — ноябрь
 об-во — общество
 обл. — область, областной (в названии)
 ок. — около
 окт. — октябрь; октябрьский
 опубл. — опубликован; опубликованный
 орг-ция — организация
 ориг. — оригинальный
 осн. — основной
 отв. — ответственный
 отд. — отдельный
 отеч. — отечественный
 парт. — партийный
 пед. — педагогический
 пер. — перевод
 пов. — повесть (при названии)
 пол. — половина (в датах)
 полит. — политический
 поч. — почётный
 пр. — премия
 пр-во — правительство
 пред. — председатель
 преимущ. — преимущественно
 препод. — преподаватель
 произв. — произведение
 пром-сть — промышленность
 просветит. — просветительский
 проф. — профессиональный
 проф. — профессор
 псевд. — псевдоним
 публиц. — публицистический
 рев. — революция; революционный
 ред. — редактор
 ред. — редакция
 религ. — религиозный
 респ. — республика; республиканский
 р-н — район (в названии)
 род. — родился
 рос. — российский
 ром. — роман (при названии)
 рук. — руководитель
 рукоп. — рукопись; рукописный
 рус. — русский
 с. — село (при названии)
 сб. — сборник (при названии)
 сб-к — сборник
 сев. — северный
 секр. — секретарь
 сент. — сентябрь
 сер. — середина (в датах)
 сиб. — сибирский
 сов. — советский
 совм. — совместный; совместно
 совр. — современный
 соотв. — соответствует; соответствующее
 сост. — составитель
 сотр. — сотрудник
 Ст. — Старый (в топонимических названиях)
 ст. — старший
 ст. — статья (при названии)
 стих. — стихотворение (при названии)
 стихотв. — стихотворный
 с.-х. — сельскохозяйственный
 терр. — территория
 т. к. — так как
 т. обр. — таким образом
 у. — уезд (в названии)
 удм. — удмуртский
 ун-т — университет
 уч. — учебный
 уч-ще — училище
 фам. — фамилия
 февр. — февраль

филол. — филологический
филол. — философский
фин. — финский
фин.-угор. — финно-угорский
фольк. — фольклорный
ф-т — факультет
хоз-во — хозяйство
худож. — художественный
чел. — человек (при цифрах)
четв. — четверть (в датах)

чл. — член
чув. — чувашский
шк. — школа; школьный
эмоц. — эмоциональный
эрз. — эрзянский
эст. — эстонский
юр. — юридический
яз. — язык; языки
яз-знание — языкознание
янв. — январь

АББРЕВИАТУРЫ

АССР — автономная советская социалистическая республика
ВНИИИС — Всесоюзный научно-исследовательский институт источников света
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
вуз — высшее учебное заведение
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
МАССР — Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика (1934 — 90)
МВД — министерство внутренних дел
МССР — Мордовская Советская Социалистическая Республика (1990 — 94)
НИИ — научно-исследовательский институт

НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров МАССР
ОАО — открытое акционерное общество
рабфак — рабочий факультет
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия (1918 — 46)
РМ — Республика Мордовия
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СЖ — Союз журналистов
СП — Союз писателей
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
УОНО — уездный отдел народного образования

СОКРАЩЕНИЯ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

авт. — автор
 биогр. — биографический
 Вест. — Вестник
 вступ. — вступительный
 вып. — выпуск
 Л. — Ленинград
 Лит. — Литература
 М. — Москва
 мат-лы — материалы
 предисл. — предисловие
 сб. — сборник
 слов. — словарь
 соавт. — соавтор; соавторство
 сост. — составитель; составление

Соч. — Сочинения
 СПб. — Санкт-Петербург
 справ. — справочник
 ст. — статья
 т. — том
 тетр. — тетрадь
 Тр. — труды
 ч. — часть
 энц. — энциклопедический
 Bd. — Band — том (нем.)
 gesamm. — gesammelt — собранный (нем.)
 koost. — koostamine — составление (эст.)
 tõlk. — tõlkinud — перевод (эст.)

СОКРАЩЁННЫЕ НАЗВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М., 1962 — 1978. Т. 1 — 9.
 ПМ — *Брыжинский А. И.* Писатели Мордовии : библиограф. ук. / А. И. Брыжинский, О. В. Пашутина, Е. И. Чер-

нов. Саранск, 2001 ; Писатели Мордовии : библиограф. ук. / сост.: А. И. Брыжинский, Л. П. Бойнова, Е. И. Чернов. Саранск, 2015. Т. 1 — 2.

Информация об авторах проекта «Литературная энциклопедия Мордовии».
Буква «К»

Information about the authors project «Literary Encyclopedia of Mordovia».
Part K

Алёшкин Андрей Васильевич — литературовед, кандидат филологических наук, доцент, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Aleshkin Andrey Vasilyevich — Literary Critic, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Богданова Светлана Андреевна — литературовед, кандидат филологических наук, доцент, г. Смоленск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Bogdanova Svetlana Andreyevna — Literary Critic, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Smolensk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Девяткин Сергей Генрихович — литературовед, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Devyatkin Sergey Genrikhovich — Literary Critic, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Каторова Александра Михайловна — ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, доктор педагогических наук, профессор, г. Саранск, Россия, amkatorova@mail.ru

Katorova Aleksandra Mikhaylovna — Leading Researcher of the Division of Literature and Folklore, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Saransk, Russia, amkatorova@mail.ru

Малькина Мария Ивановна — кандидат филологических наук, литературовед, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Malkina Mariya Ivanovna — Candidate of Philological Sciences, Literary Critic, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Шеянова Ирина Ивановна — старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, кандидат филологических наук, доцент, г. Саранск, Россия, shejanova.irina@yandex.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Senior Researcher of the Division of Literature and Folklore, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Saransk, Russia, shejanova.irina@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

EDN BFQKXE

<http://vestnikniign.ru>*Рецензия***НАРОДНЫЕ ЛЕТОПИСЦЫ ПОБЕДЫ**

Рецензия на книгу: Ломшин М. И. П. В. Прохоров: эрямозо ды творчествазо («Жизнь и творчество П. В. Прохорова»): монография. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2023. — 192 с.

И. В. Лаптева^{1,2}, О. Г. Борисова¹✉

¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия,
✉olgbor912@yandex.ru

*Review***PEOPLE'S CHRONICLERS OF VICTORY**

Book review: Lomshin M. I. P. V. Prokhorov: eryamozo dy tvorchestvazo (“The Life and Work of P. V. Prokhorov”): monograph. — Saransk: Mordovia State University Publishing House, 2023. — 192 p.

I. V. Lapteva^{1,2}, O. G. Borisova¹✉

¹ Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

² National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia,
✉olgbor912@yandex.ru

В современном литературоведении на первый план все более отчетливо выступает проблема творческой индивидуальности писателя. Интерес к этому аспекту не пропал никогда, так как в диалектическом единстве индивидуального и обще-

го, национального и интернационального заключается сама философия литературы. Между тем в силу ряда объективных причин эта проблема долгое время оставалась недостаточно глубоко решенной в отношении тех отечественных литератур (так называемых младописьменных), история зарождения которых исчисляется не сотнями, а десятками лет, а их традиции еще в недавнем прошлом ограничивались в основном фольклором. Мордовское литературоведение, представленное такими работами, как «Поэзия — душа народа», «Признание» В. В. Горбунова, «В братском содружестве», «Притоки» Н. И. Черапкина, «Мордовский советский роман» Б. Е. Кирюшкина, «Художественный опыт народа и мордовская литература» А. Г. Борисова, «Единство традиций», «Эпос дружбы» А. В. Алёшкина, «Начало пути», «Обретение зрелости» В. М. Макушкина и других, внесло существенный вклад в решение проблемы творческой индивидуальности писателя.

Автор рецензируемой монографии, написанной на эрзя-мордовском языке, — доктор педагогических наук, профессор М. И. Ломшин, опираясь на достигнутое упомянутыми авторитетными предшественниками, продолжает этот важный опыт, имеющий актуальное значение в современных условиях, и сосредотачивает внимание на творчестве известного мордовского писателя П. В. Прохорова (1923 — 1985). Ставя в центр исследования творческую индивидуальность Петра Васильевича, соотнося его опыт с опытом других мордовских писателей, автор тем самым восполняет значительный пробел, существовавший в мордовском литературоведении. В этом состоит научная новизна проделанной М. И. Ломшиным работы. Заслуживают серьезного внимания полученные результаты исследования, например выводы ученого о том, что П. В. Прохорову удалось достичь новых для мордовской литературы высот в раскрытии темы Великой Отечественной войны. Он по праву считается одним из наиболее известных военных прозаиков Мордовии.

Основные положения работы излагаются во введении и в трех главах. Введение посвящено анализу особенностей становления личности мордовского прозаика, его творческого пути: от произведений малых форм к повести и роману. В первой главе монографии «П. В. Прохоровонь ёвтнеманзо» («Рассказы П. В. Прохорова») рассматриваются следующие произведения писателя: «Вечкиця седейть» («Любящие сердца»), «Покштянь ёвтнема» («Рассказ бабушки»), «Од солдатт» («Молодые солдаты»), «Сиянь налт» («Серебряные стрелы») и «Чаво кудосо» («В пустом доме»). Анализируя посвященные событиям Великой Отечественной войны произведения «Любящие сердца» и «Рассказ бабушки», М. И. Ломшин отмечает, что их отличительная черта — «суровая окопная правда», взгляд на войну глазами очевидца, восприятие значительности происходивших событий через призму конкретного человека, его раздумий и переживаний. Рассказ «Любящие сердца» построен на одном факте, поступке, который глубоко исследуется писателем, с явным стремлением донести до читателя все подробности и нюансы переживаний человека. В произведении «Рассказ бабушки» предметом художественного исследования стала судьба фронтовика Ивана Федоровича Живаева. Писатель показывает его негибаемую волю, мужество не только в боях, но и в немецком плену. М. И. Ломшин подчеркивает, что прозаик, раскрывая характер советского воина, сохраняет национальный облик героя-мордвина, оттеняя его через уклад быта, черты, свойственные психологии мордвы, через особый лиризм,

имеющий истоком национальную народную поэзию. В рассказе «Серебряные стрелы» показывается нелегкая служба летчиков, а в «В пустом доме» повествуется о жизни мордовской деревни 70 — 80-х гг. XX в. Жанровой особенностью этих произведений, по мнению М. И. Ломшина, является осмысление связи человека со временем, полноты человеческого бытия, новизны характеров, раскрытие типических конфликтов, порожденных временем, многомерное исследование широкой тематики, а главное — утверждение веры в человеческий разум. Исследователь прав, что в поле зрения писателя не только выяснение нравственной природы персонажей, но и преломление в личности героев общих исторических судеб. Спокойный тон рассказов нередко наполнен проникновенным, присущим только П. В. Прохорову, волнующим душу лиризмом, что помогает познать психологию персонажей, понять суть конфликта. М. И. Ломшин отмечает умение писателя отбирать яркий типический материал, передавать главное в натуре человека, интересно строить сюжет и сочетать в повествовании различные языковые средства.

Во второй главе «П. В. Прохоров о повестензэ» («Повести П. В. Прохорова») детально рассматриваются шесть произведений писателя: «Штабонь начальник» («Начальник штаба»), «Командующий ялгай» («Товарищ командующий»), «Генералдо повесть» («Повесть о генерале»), «Ракетань дивизион» («Ракетный дивизион»), «Эрямонь лув» («Жизненный устой») и «М. А. Пуркаев». Глубокое впечатление оставляет анализ повестей «Начальник штаба», «Товарищ командующий», «Повесть о генерале» и «М. А. Пуркаев», посвященных судьбе генерала армии. Автор монографии отмечает, что, изображая трагические события, писатель выдвигает на первый план единство народа и преданность сынов Родине. При этом М. И. Ломшин подчеркивает, что писатель не скрывает допущенных ошибок, помешавших во всеоружии встретить агрессора. П. В. Прохоров дает понять, что наша армия была ослаблена репрессиями среди кадровых командиров. До этого мордовские военные прозаики в основном старались не касаться причин, породивших неудачи первых месяцев войны.

Исторические события в них вплоть до отдельных крупных военных операций, например в Киевском Особом военном округе, описаны с особой документальной точностью. Соединив действия конкретных исторических лиц и вымышленных персонажей, писатель пытается раскрыть военное искусство командования. М. И. Ломшин отмечает, что такой прием в мордовской военной прозе был использован впервые. Сложно создать образ исторической личности, еще труднее сделать это, когда в одном произведении собрана целая плеяда выдающихся полководцев. Исследователь прав, что без введения некоторых персонажей трудно было бы дать рельефную фигуру главного героя — генерала М. А. Пуркаева. Начиная мордовский прозаик, бесспорно, проявил смелость, взявшись за столь непростую задачу. Он усердно создает образ военачальника, превосходно знающего тонкости военного искусства. М. И. Ломшин точно подметил глубокую связь Пуркаева с нравственным сознанием народа. Ученый справедливо подчеркивает, что страна победила в войне, не имевшей себе равных в истории, благодаря большой заслуге именно таких достойных сынов Отечества, как Максим Алексеевич Пуркаев. Эту мысль он последовательно проводит при рассмотрении образа генерала.

Несколько шире жизненный путь видного полководца освещается в документально-художественной книге «М. А. Пуркаев», изданной на русском языке. Здесь генерал армии предстает перед читателем не только в период Великой Отечественной войны, но и в послевоенные годы, когда продолжил службу на Дальнем Востоке.

Анализируя повести о Великой Отечественной войне М. И. Ломшин объективно отмечает их достоинства и недостатки. По его мнению, создавая образы конкретно-исторических личностей, писатель сумел добиться главного — художественно убедительно показать, как высшее командование, владея искусством военной стратегии, умело руководило военными операциями, что позволило дать достойный отпор агрессору. Исследователь приходит к выводу, что до П. В. Прохорова в мордовской художественной прозе о войне масштабные военные операции описывались через видение рядового солдата и командиров низшего или среднего звена. П. В. Прохоров впервые повествует о деятельности не только штаба округа, но и Генерального штаба. Материал для повестей, как отмечает М. И. Ломшин, офицер-фронтовик, полковник запаса, черпал из собственного опыта, из встреч с высшими военачальниками и документальных источников. П. В. Прохоров не допускает отклонений от биографии исторических личностей, но вместе с тем факты пропускает через личное восприятие. Автор монографии подчеркивает, что героину войны писатель изображает в основном с позиций командного состава. Несмотря на то что в повестях мало батальных сцен, картина битвы с врагом представлена зримо, остро ощущается трагизм бедствия, обрушившегося на страну после внезапного нападения гитлеровцев. Здесь же подробно рассматриваются повести «Ракетань дивизион» («Ракетный дивизион»), посвященный службе молодых солдат в современной армии, и «Эрямонь лув» («Жизненный устой»), раскрывающий актуальные проблемы жизни колхозного села 1970 — 80-х гг.

Подводя итоги главы, М. И. Ломшин отмечает, что художественные недочеты анализируемых произведений П. В. Прохорова, обусловленные прежде всего недостатком его творческого опыта, отразились в некоторых неудачных картинах, неточностях в использовании выразительных средств и невыдержанности стиля. Кроме того, по мнению ученого, писатель «перенаселил» повести некоторыми персонажами, которые не несут особой смысловой и идейно-эмоциональной нагрузки. В целом исследователь прав, рассматриваемые произведения можно считать творческой удачей П. В. Прохорова, подтверждением чему является выраженный читательский интерес.

Третья глава «П. В. Прохоровонь романонзо» («Романы П. В. Прохорова») посвящена рассмотрению эпических произведений крупного плана. В романах-событиях «Цидярдом» («Выстояли») и «Стака изнямот» («Трудные победы») писателем освещается начальный период Великой Отечественной войны (середина 1941 г. — конец 1942 г.). Роман «Выстояли» построен на богатом фактическом материале и подчинен принципу откровенности. Автор с сильной душевной болью говорит о многочисленных потерях, однако в повествовании не ощущается пессимизм, напротив, поведение людей, их героизм и вера в то, что враг будет повержен, заряжают оптимизмом. Ученый приходит к выводу, что именно из этих

чувств выросло могущество народа и его армии, не спасовавших даже в самое тяжелое время.

В романе наряду с реальными историческими личностями (командующим Киевским Особым военным округом, генералом армии М. П. Кирпоносом, начальником штаба округа, генерал-лейтенантом М. А. Пуркаевым) создана целая галерея образов рядовых солдат и тружеников тыла. Историзм придает произведению хроникальную цельность, помогает проследить внутреннюю логическую связь между событиями и судьбами литературных героев. В центре романа исследователь выделяет колоритно выписанную фигуру мужественного, решительного командира — лейтенанта Владимира Тимофеева. Рядом представлены рядовые бойцы, пулеметчики Мазяркин и Фадеев, вестовой Полищук, — настоящие патриоты, готовые отдать жизнь ради спасения Отчизны.

Отличительной чертой романа М. И. Ломшин отмечает тот факт, что П. В. Прохоров положил начало изображению представителей среднего и высшего командного состава гитлеровской армии. В романе даны образы полковника Мюллера и генерал-фельдмаршала фон Рейхенау, через действия и рассуждения которых раскрываются нравственное уродство психологии фашизма, истинные мотивы и цели нападения Германии на нашу страну.

Военные события, составляющие основное содержание романа, неразрывно связаны с жизнью тыла. Хотя последней, по мнению ученого, отведено сравнительно мало места. Тем не менее это помогает полнее представить идейное единство советских людей в тяжелые годы борьбы с захватчиками. М. И. Ломшин подчеркивает, что писатель сумел свести все сюжетные линии в одну, создав динамичное повествование о ходе войны и судьбах многочисленных героев. Вместе с тем исследователь отмечает, что роман не лишен недостатков. Так, по его мнению, общее впечатление снижает сухая манера повествования, особенно в тех местах, где писатель делает экскурс в прошлое действующих лиц, дает общую характеристику событий. Кроме того, вводя документальный материал, писатель иногда впадает в «протоколирование» фактов без органичного включения их в повествование. Несмотря на это, М. И. Ломшин считает, что в целом роман следует признать удачей писателя. По мнению ученого, П. В. Прохоров сумел донести до читателя величие армии и народа, не потерявших мужество в трудный период войны, когда враг неудержимо рвался вглубь страны. Писатель масштабно нарисовал картины героизма на фронте и в тылу, с достоверностью очевидца поведал, какие тяжелые испытания пришлось выдержать народу, прежде чем изменился ход военных событий.

Роман «Трудные победы» является продолжением романа «Выстояли». Он также построен на богатой фактографии. Писатель повествует о тех, кто отстоял Сталинград, о партизанской борьбе с гитлеровцами, самоотверженности тружеников тыла. М. И. Ломшин напоминает, что читатель снова встречается с уже известными по первой книге героями. Кроме того, он приходит к выводу, что передаче героического духа народа, его гуманизма на войне способствует ряд удачно созданных женских образов, среди которых выделяется Анна Тимофеева. Ярость, гнев, ненависть врагу переполняют душу женщины. В то же время она не теряет человеколюбие даже тогда, когда перед ней оказался тяжелораненый, за-

мерзающий на снегу солдат немецкой армии, Анна прежде всего старается видеть в нем человека.

Исследователь подчеркивает, что в романе часто используется прием контраста, противопоставление гуманного подхода советских военачальников человеконенавистническому фашистских. М. И. Ломшин отмечает, что героем является почти каждый воин, однако ни один из них не представлен писателем сверхчеловеком. Так, до начала боя рядовой Черняев откровенно признается командиру, что ему страшно, однако уже после первой схватки он становится смелым, решительным, верящим в свои силы бойцом. Писатель не забывает о национальном колорите: умело использует образные выражения, пословицы, поговорки мордовского народа и этнографические детали.

Между тем ученый считает, что в панорамном отображении войны не все художественно равноценно. Так, если фронтовые события нарисованы достаточно многомерно, то жизнь тыла дается лишь пунктирно. М. И. Ломшин справедливо отмечает, что в романе автор не до конца продумал связь сюжетных линий, показывающих единство фронта и тыла, логическое завершение образов отдельных отрицательных персонажей. Все это, видимо, предполагалось раскрыть во второй книге романа. Однако преждевременная смерть оборвала планы писателя. Вместе с тем вышедшие части дилогии, по мнению исследователя, внесли заметный вклад в мордовскую романистику, прежде всего в разработку жанра романа-события.

В заключении монографии М. И. Ломшин подводит итоги исследования: творчество П. В. Прохорова стало частным примером того, как проявляются в национальных литературах общие закономерности, раскрываются своеобразные условия становления и развития сравнительно молодых литератур.

Монография М. И. Ломшина является существенным вкладом в мордовское литературоведение. Результаты исследования творческой индивидуальности П. В. Прохорова, несомненно, окажут помощь студентам вузов, учащимся общеобразовательных школ и всем интересующимся проблемами национальной литературы. Это первое серьезное исследование творчества П. В. Прохорова. В библиографии приводится исчерпывающий список литературы, состоящий из произведений писателя, опубликованных отдельными книгами и изданными в различных журналах и коллективных сборниках, а также перечень основных научных статей по творчеству прозаика из периодических изданий и трудов известных мордовских литературоведов.

Монография имеет отдельные недостатки, которые несколько не снижают ее значение. На наш взгляд, автор недостаточно уделил внимания рассмотрению жизненного пути писателя, что, вероятно, связано с отсутствием необходимого материала. Возможно, следовало бы шире осветить жанровые особенности военного романа-дилогии «Выстояли», так как в мордовской литературе это первый опыт создания такого произведения.

Учитывая важность разрабатываемой проблемы, считаем, что рецензируемая монография имеет весомое теоретическое и практическое значение.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; принята к публикации 11.04.2024.

The article was submitted 04.04.2024; accepted for publication 11.04.2024.

Информация об авторах:

Ирина Валерьевна Лаптева, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3); профессор кафедры немецкой филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор философских наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0444-4237>, Researcher ID: O-3676-2015, Scopus ID: 57203011236, laptevaiv@yandex.ru

Ольга Геннадьевна Борисова, старший научный сотрудник отдела языкознания Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4755-1801>, olgbor912@yandex.ru

Information about the authors:

Irina V. Lapteva, Principal Researcher — Head of the Department of Theory and History of Culture of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia); Professor of the Department of German Philology of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0444-4237>, Researcher ID: O-3676-2015, Scopus ID: 57203011236, laptevaiv@yandex.ru

Olga G. Borisova, Senior Researcher of the Department of Linguistics of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4755-1801>, olgbor912@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

EDN AXPTXX

<http://vestnikniign.ru>

Рецензия

«МОДЕРНОВЫЙ ВЗГЛЯД» НА ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОВОЛЖСКИХ АВТОНОМИЙ

Рецензия на книгу: Учватов П. С. Советы министров Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1937 — 1991 гг.: опыт советской модернизации государственного управления: монография. — Саранск: НИИГН, 2023. — 448 с.

С. В. Першин^{1,2} ✉, Т. А. Першина²

¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия,
✉pers99@inbox.ru

Review

“MODERN VIEW” ON THE GOVERNMENTS OF THE VOLGA REGION AUTONOMIES

Book review: Uchvatov P. S. Councils of Ministers of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR in 1937 — 1991: the Experience of Soviet Modernization of Public Administration. — Saransk: NIIGN, 2023. — 448 p.

S. V. Pershin^{1,2} ✉, T. A. Pershina²

¹ Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia,

² National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia,
✉pers99@inbox.ru

Со второй половины XX столетия на Западе все большую популярность приобрела теория модернизации — концепция, трактующая на интегративной основе процесс перехода от традиционного общества к современному. Расширение сферы применения данной макроисторической модели в трудах отечественных ученых в 1990 — 2000-е гг. было вызвано необходимостью отказаться от трактовки истории исключительно с позиций формационного подхода, превратившегося за многие десятилетия существования СССР в набор догм, мешавших объективному анализу событий и явлений прошлого. Несмотря на определенную оппозиционность

© Першин С. В., Першина Т. А., 2024

теории модернизации марксизму, новая методологическая база, тем не менее, выглядела более привлекательно по сравнению с другими методологическими «новинками» (например, цивилизационным подходом и исторической антропологией) за счет определенной преемственности в освещении исторического процесса, так как она тоже выявляла доминирующий вектор и ключевые факторы исторического процесса, акцентировала внимание на роли социальных групп и политических сил в истории. За несколько десятилетий, прошедших со времени крушения советского строя, модернизационный подход в России не только нашел большинство последователей, реализовавших данную методологию в многочисленных научных проектах, но и значительным образом видоизменился содержательно — все чаще представлялся в качестве универсального набора методов, используемых в процессе анализа различных сфер жизнедеятельности социума, функционировавшего на протяжении имперского, советского и даже постсоветского периодов (см. работы А. В. Сперанского, В. С. Волкова и др.).

Некоторые ученые, пополнившие в конце XX — начале XXI в. под воздействием политической конъюнктуры (а в это время Россия представлялась ее руководством частью «цивилизованной» Европы со всеми вытекающими для гуманитарного пространства последствиями) ряды адептов «модной» теории, не удержались от «лакировки» событий и явлений прошлого. Так, деятельность самодержцев и генсеков оценивалась исключительно с позиции их вклада в модернизацию страны либо трактовалась в негативном свете — как «тормоз» экономических и социально-политических процессов. В качестве примера можно привести преувеличение достижений П. А. Столыпина, добившегося якобы значительных успехов в европеизации России.

Дискуссии относительно возможности применения модернизационного концепта не прекращаются до настоящего времени. Например, историки, с помощью данной теории анализирующие внутреннюю политику СССР 1960 — 1970-х гг., задаются вопросом: как в результате такого рода «модернизации» народно-хозяйственного комплекса (а в качестве синонимов здесь напрашиваются слова «совершенствование», «улучшение») страна была доведена до глубокого и всеобъемлющего кризиса?

История, как считают многие наши коллеги, развивается по спирали. В условиях конфронтации России со странами коллективного Запада после начала СВО есть все основания полагать, что скоро начнется «охлаждение» ученых к вышеупомянутому, явно прозападному концепту.

Исходя из этого несомненный интерес представляют наработки историков, не оставляющих попыток апробации возможностей применения модернизационной парадигмы при исследовании истории России XX столетия. В данной рецензии рассматривается книга «Советы министров Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1937 — 1991 гг.: опыт советской модернизации государственного управления» П. С. Учватова. В монографии модернизация нашей страны представляется в качестве длительного процесса, главной характеристикой которого является «незавершенность» (с. 14). Такому подходу вполне соответствует избранная автором хронология. Плоды «советского модерна» миллионы людей в полной мере смогли «вкусить» в конце XX — начале XXI в., т. е. за временными рамками проведенных автором изысканий (в качестве верхней хронологической рамки заявлен 1991 г.). В

связи с этим, размышления П. С. Учватова о количественных и качественных составляющих советской модернизации вполне имеют право на существование.

Трансформацию советской действительности автор рассматривает сквозь призму изменений, происходивших в региональных органах исполнительной власти Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Объяснение того, какое отношение данная теория, обычно используемая для трактовки характера и темпов социально-экономического развития отдельных стран и регионов, имеет к истории государственного управления, находим на страницах рецензируемой книги: «Модернизация управленческих структур, охватывавшая все уровни власти, рассматривалась властями как важнейший инструмент реализации экономических реформ» (с. 258).

В соответствии с периодизацией, принятой основной массой сторонников теории модернизации, в книге выделены три главных этапа реформирования органов исполнительной власти в СССР.

Первый ограничивается концом 1930-х — началом 1950-х гг., когда функционировала мобилизационная система, а централизация управления достигла максимальных значений.

С середины 1950-х гг. до первой половины 1960-х гг. предпринимается попытка коррекции командно-административной системы (которая трактуется в качестве второго этапа модернизации), при этом централизация власти сменяется децентрализацией. Нельзя не отметить, что самые радикальные преобразования в сфере управления — так называемая совнархозовская реформа — оказывали влияние на социально-экономическое развитие страны всего несколько лет. Автор пишет о возвращении после отставки Н. С. Хрущева к «традиционной, отраслевой модели управления» (с. 250).

Следующий, третий этап реформ, охватывавший вторую половину 1960-х — середину 1980-х гг., ученый и вовсе признает вслед за В. А. Красильщиковым «имитацией модернизации» (с. 250, 265). Действительно, в то время большая часть проведенных Хрущевым преобразований была отменена. Одним из последствий восстановления централизованной административно-командной системы становится рост численности в автономных республиках чиновничьего аппарата (с. 266). Горбачевскую «перестройку», приведшую к крушению советского строя, автор называет «последним этапом советской модернизации» (с. 257).

Одной из главных составляющих разделов монографии, посвященных отдельным периодам советской модернизации, является рассмотрение кадровой проблемы. П. С. Учватов обстоятельно и по разным параметрам изучил состав высших органов исполнительной власти автономий в 1937 — 1953 гг., 1953 — 1964 гг., 1964 — 1991 гг. Специфика авторского подхода заключается в том, что в книге не рассматривается обособленно структурные характеристики региональных правительств, а предпринята попытка определить тенденции трансформации потестарных институций. Такой подход представляется нам оптимальным, так как в противном случае текст содержал бы много повторов и лишней конкретики, явно затрудняющий раскрытие научной проблемы. В качестве доказательства упомянем, что только на последнем этапе (1964 — 1991 гг.) Советы министров формировались шесть раз (с. 266).

Рассмотрев процесс пополнения правительств в период «оттепели», автор отметил, что по сравнению с предшествующим периодом управленческий корпус

стабилизировался (с. 196). Выделялась на общем фоне постоянством своего состава исполнительная власть в Чувашской АССР (с. 198).

В книге акцентируется внимание на отдельных нововведениях Хрущева, о которых обычно не говорится даже в специальных работах, но, как выяснил П. С. Учватов, определивших характер трансформации системы управления в середине — второй половине XX столетия. «...важной инициативой, оказавшей огромное значение на весь аппарат и имевшей далеко идущие последствия, — читаем в рецензируемой книге — был отказ Н. С. Хрущева от практики уголовного преследования властвующей элиты за разного рода нарушения закона — приписки, хищения и т. д. Были смягчены и последствия по партийной линии: хотя критика руководителей советских и партийных органов по-прежнему могла звучать остро, часто она не приводила к каким-то реальным последствиям» (с. 222).

Совнархозовская реформа в монографии занимает особое место и это конечно же не случайно. Совершенно очевидно, что в поисках признаков модернизации ученые обращаются к этапам истории СССР, в которые происходили наиболее радикальные преобразования, направленные на интенсификацию социально-экономического развития. Оценивая хрущевское правление, автор солидаризируется с рядом авторитетных историков, представлявших «оттепель» в качестве весьма неоднозначного периода. Инициативы центральной власти характеризуются не иначе, как «не всегда продуманные и последовательные», а также как «весьма спорные эксперименты, ...носившие противоречивый характер» (с. 179 — 180). Подводя итог анализа совнархозовской реформы, П. С. Учватов приходит к выводу о том, что попытки децентрализации системы управления, в частности, — преодоления ведомственного интереса на местах, успехом не увенчались (с. 194, 263). Факты из жизни чувашских, мордовских и марийских чиновников позволили ученому высказать довольно оригинальную мысль: в результате провозглашенного курса на децентрализацию бюрократизм на местах не только не ослаб, но даже укрепился (с. 229).

Обработав персональные данные чиновников за вторую половину 1960-х — начало 1980-х гг., названную впоследствии эпохой «застоя», П. С. Учватов делает также довольно интересные выводы: 1) система подбора и выдвижения кандидатур на ответственные должности действовала точно и слаженно, в связи с чем назначения в правительства автономий в большинстве своем оказывались успешными (с. 275); 2) в отличие от союзных республик, в автономиях старения элит не происходило (с. 274).

Определенной научной новизной обладает положение работы, касающееся взаимосвязи между социально-экономическим и общественно-политическим развитием территорий. На основании данных о ротации чиновников П. С. Учватов делает вывод о характере социально-экономических процессов в автономных республиках. Ученый исходит из того, что повышение или понижение служащих позволяют судить об эффективности их деятельности. По мнению автора, карьера служащих Совмина, может свидетельствовать о серьезных проблемах в тех отраслях, которые они курировали (с. 129).

В современных условиях новое звучание приобретает исследование П. С. Учватовым одной из немаловажных составляющих деятельности чиновника — рассмотрения жалоб и обращений граждан. С одной стороны, как выяснил ученый,

чиновники даже самого высокого ранга активно контактировали с населением в специально отведенное для этого в СНК и Совмине время, а также в ходе служебных командировок. С другой стороны, перегруженный и забюрократизированный аппарат в условиях функционирования мобилизационной системы был не в состоянии справиться с «огромным валом» вопросов, которые оказывались неспособны решить на местах (с. 141, 147).

Особо следует сказать о разделах монографии, посвященных советской повседневности — четвертом параграфе второй главы («Условия жизни и работы региональных служащих»), четвертом параграфе третьей главы («Политическая повседневность и стиль работы советских руководителей») и четвертом параграфе четвертой главы («Алгоритмы принятия решений и повседневная жизнь советских руководителей») — которые, несомненно, вызовут интерес не только у профессиональных историков, но и у широкого круга читателей.

Опираясь на разноплановые источники, среди которых выделяются воспоминания современников, позволяющие воссоздать колорит эпохи, автор описывает различные стороны жизнедеятельности чиновников, включающие в себя как условия труда, так и бытовую фактуру. Нам показалось важным то, что в фокусе исследования оказался не только «истеблишмент», но и рядовые служащие правительственных структур автономий.

Неподготовленному читателю, рассматривающему события прошлого с позиций сегодняшнего дня, материальные запросы республиканских руководителей могут показаться довольно скромными, особенно если речь идет о конце 1930-х — начале 1960-х гг. Сам автор, судя по комментариям и выводам, не забывает о необходимости при анализе материала следовать принципу историзма, т. е. рассматривать все факты и явления в соответствии с обстановкой конкретной эпохи, во взаимообусловленности и в развитии.

В подтверждение можно привести данные о жилищных условиях. Так, в 1960 г. возглавлявший марийский Совмин Г. И Кондратьев занимал квартиру общей площадью около 50 кв. м. (с. 230). Первый заместитель Председателя Правительства Мордовской АССР И. Ф. Соловьев проживал с семьей в коммуналке и получил взыскание за попытку переехать в отдельную квартиру во вновь построенном доме (с. 208).

Размышляя о быте первых лиц национальных республик, автор признает, что они были «выше среднего уровня» (с. 161). Скажем больше: вышеупомянутые относительно небольшие по квадратуре квартиры до начала массового строительства в хрущевскую эпоху для большинства горожан оставались несбыточной мечтой.

Наряду с приведенными фактами, в книге на конкретных примерах показывается, как при ослаблении внешнего контроля отдельные представители «региональной элиты» начали злоупотреблять служебными полномочиями и обзаводиться дорогостоящей недвижимостью. Так, в начале 1950-х гг. министр местной промышленности Марийской АССР распорядился выделить казенные средства на постройку для него дома. Уезжая из республики, он продал эту не поставленную на баланс республики квартиру, присвоив 70 тыс. руб. После того, как данный факт стал известен сотрудникам компетентных органов, коррупционер получил заслуженное наказание — его исключили из рядов КПСС и заставили вернуть полученные незаконным путем деньги (с. 164).

В соответствии с замыслом советских идеологов, выдвигаемые из рядов трудящихся партийные и советские служащие не должны были сильно выделяться по денежному довольствию. По сведениям П. С. Учватова, в довоенные годы и до второй половины 1940-х гг. руководитель наркомата получал зарплату, сопоставимую с месячным доходом директора среднего по размерам завода (с. 162).

Несмотря на выявленную П. С. Учватовым тенденцию повышения доходов представителей региональной элиты в середине XX в. — начале 1980-х гг., как оказалось, они были вполне сопоставимы с вознаграждением, которое получали их подчиненные, например в промышленном секторе народно-хозяйственного комплекса.

Дополняют картину советской действительности упомянутые в монографии факты коррупции. Так, по воспоминаниям М. В. Слугина, на протяжении многих лет работавшего водителем в Ичалковском райкоме КПСС, ему приходилось отвозить всем руководителям республики грибы. Такой «подарок» у современного читателя скорее всего вызовет лишь иронию, а представителям райкома помогал поддерживать хорошие отношения с вышестоящими инстанциями (с. 232).

В завершении рецензии — некоторые замечания, касающиеся источниковой базы и использованных при подготовке книги методов. Это в большей мере технические аспекты, затрагивающие некоторые особенности реализации научного проекта.

1. Исследование опирается на оригинальные источники. В книге содержатся ссылки на документы из 45 фондов, находящихся на хранении в 12 центральных и региональных архивах. В то же время, при прочтении монографии обращает на себя внимание то, что примеров по Мордовии больше, чем упоминаний о Марийской республике и о Чувашии. По-видимому, сказались финансовые сложности, с которыми сегодня сталкиваются ученые — недостаток средств на командировки, копирование документов и проч.

2. Особое внимание обратим на качество материалов по Мордовской АССР. Некоторые из использованных при написании книги источников впервые введены в научный оборот лично автором. В частности, П. С. Учватов проинтервьюировал нескольких свидетелей «ушедшей эпохи» (В. С. Учайкина, В. Л. Житаева, М. А. Бибина) и передал материалы в архив. Данные материалы, несомненно, повышают степень научной новизны исследования.

3. В довольно обширном перечне методик, использованных П. С. Учватовым при реализации данного проекта, в силу своей научной специализации мы обратили внимание на статистический анализ.

Расчет абсолютных и относительных значений по отдельным показателям и построение на их основе динамического ряда — по сути, базовые для статистики функции — позволили ученому не просто существенно дополнить характеристику органов исполнительной власти, но и послужили основой для выявления тенденций, определивших новый взгляд на социально-политическую историю Поволжья советского периода. Например, многие вышеупомянутые оригинальные идеи, касающиеся изменения кадрового состава и карьеры чиновников, служивших в СНК и Совминах, были сделаны именно с использованием статистической обработки.

Конечно, автору еще есть над чем работать в плане применения количественных методов. Так, при помощи контент-анализа можно было «взвесить» качественную составляющую текущей документации СНК и Совминов.

4. Для того, чтобы не перегружать главы числовыми показателями, автор помещает их в приложениях. Такая структура книги нам представляется наиболее приемлемой, удобной для читателя: с одной стороны, в тексте цифры не мешают воспринимать основные положения; с другой — можно продолжить рассмотрение заинтересовавших аспектов самостоятельно, обратившись к помещенным в конец книги таблицам. В 19 приложениях в хронологической последовательности (1938 — 1947 гг., 1947 — 1951 гг., 1951 — 1955 гг., 1955 — 1959 гг., 1959 — 1963 гг., 1963 — 1967 гг., 1967 — 1971 гг., 1971 — 1975 гг., 1975 — 1980 гг., 1980 — 1985 гг., 1985 — 1990 гг., 1990 — 1991 гг.) представлены данные о времени нахождения на должностях, возрасте, образовательном уровне чиновников. Важно то, что собранные автором из многих источников и обобщенные данные позволяют сравнить особенности кадровой политики и развитие карьеры в разных регионах.

В целом, монография П. С. Учватова, представляющая собой первую научную работу, в которой проведен сравнительный анализ функционирования органов исполнительной власти в поволжских республиках, вызовет интерес у широкого круга читателей. Историки, несомненно, обратят внимание на эту книжную новинку, как на очередную попытку расширения сферы применения модернизационной теории.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 26.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Информация об авторах:

Сергей Викторович Першин, ведущий научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3); профессор кафедры экономической истории и информационных технологий Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9405-7005>, pers99@inbox.ru

Татьяна Анатольевна Першина, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8774-3370>, 730791@bk.ru

Information about the authors:

Sergey V. Pershin, Leading Researcher of the Department of History of the Scientific Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia); Professor of the Department of Economic History and Information Technologies of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9405-7005>, pers99@inbox.ru

Tatyana A. Pershina, Associate Professor of the Department of Economic History and Information Technologies of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8774-3370>, 730791@bk.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила направления статей в научный журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»

Редакция научного журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки.

Для публикации принимаются оригинальные, не опубликованные ранее авторские статьи по следующим научным специальностям:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
 - 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
 - 5.6.3. Археология (исторические науки),
 - 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),
 - 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки),
 - 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- Публикация статей бесплатная.

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат». При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

I. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

II. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

III. Все статьи публикуются на русском языке.

IV. Объем текста статьи должен составлять до одного печатного листа (24 страницы), включая рисунки, таблицы и графики.

V. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Подписи выполняются 12 кеглем на русском и английском языках. Рисунки предоставляются отдельно в формате .jpeg.

Текст таблиц набирается 12 кеглем на русском и английском языках. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

VI. Структура статьи:

1) Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

Индекс УДК помещают в начале статьи на отдельной строке слева.

2) Заглавие статьи.

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Заглавие выполняют прописными буквами и размещают по центру страницы. В конце заглавия статьи точку не ставят.

3) Инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку).

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы) приводятся на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Если у статьи несколько авторов, сведения о месте работы (учебы) приводятся на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Если у авторов одно место работы (учебы), то эти сведения приводят один раз.

Информацию размещают по центру страницы.

4) Аннотация.

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Ее формируют по ГОСТ Р 7.0.7—2021.

В аннотации должны быть четко обозначены следующие составные части, выделенные следующими подзаголовками:

— Введение (Introduction): ставится научная проблема и цель статьи.

— Материалы и методы (Materials and Methods): представляются сведения об объекте и последовательности выполнения исследования.

— Результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion): приводятся конкретные авторские результаты исследования и их практическая значимость.

— Заключение (Conclusion): указываются перспективы исследования.

Рекомендуемый объем аннотации — 200 — 250 слов.

Перед аннотацией приводят слово «Аннотация» («Abstract»).

5) Ключевые слова.

Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Ключевые слова отделяют друг от друга запятыми. После ключевых слов точку не ставят. Их приводят, предваряя словами «Ключевые слова:» («Keywords:»).

6) Финансирование.

Приводятся сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья. Сведения приводят, предваряя словом «Финансирование:» («Funding:»).

7) Благодарности.

Автор выражает признательность организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи. Сведения приводят, предваряя словом «Благодарности:» («Acknowledgments:»).

8) Информация о конфликте интересов.

В статье следует указать на реальный или потенциальный конфликт интересов.

Если конфликта интересов нет, то следует написать: «Конфликт интересов: автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов» («Conflict of interests: the author (authors) declares (declare) no conflict of interests»).

Данные п. 2 — 8 представляются в переводе на английский язык и размещаются после русского варианта.

VII. Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) Введение.

В этом разделе осуществляется постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. При его написании автор прежде всего должен заявить общую тему исследования, обозначить проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме того, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) Обзор литературы.

В обзоре характеризуются основные современные исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; указываются нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы.

В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование и т. д.).

4) Результаты исследования и их обсуждение.

В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого — доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективности. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Необходимо обосновать, почему для анализа были выбраны именно эти данные. Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и другие оформляются на русском и английском языках.

5) Заключение.

Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде приводятся главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить попытки прогноза развития рассмотренных вопросов.

Все разделы требуется выделять соответствующими подзаголовками.

VIII. Оформление источников и ссылок.

1. В списке источников рекомендуется указывать не менее 10 позиций — только рецензируемые источники (монографии, статьи из научных журналов, диссертации, авторефераты, материалы конференций, тезисы докладов), используемые в тексте статьи. Если цитируемая статья имеет DOI или EDN, необходимо указывать это после описания цитируемой статьи.

Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100—2018.

В журнале принят следующий стиль цитирования: отсылка в тексте в квадратных скобках, полное библиографическое описание источника в списке литературы в алфавитном порядке. При цитировании или воспроизведении статистического материала необходимо в квадратных скобках после источника указать через запятую номер конкретной страницы, например: [1, с. 15].

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки.

Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языке («REFERENCES»).

IX. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора.

Приводится на русском и английском языках с предшествующими словами «*Информация об авторе (авторах)*» («*Information about the author (authors)*»).

X. Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, разработка концепции, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

Приводится на русском и английском языках с предшествующими словами «*Вклад авторов:*» («*Contribution of the authors:*»).

XI. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

XII. Статьи, не соответствующие п. IV — X, не рассматриваются.

XIII. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование. Срок действия рецензии — 1 год. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой) или о ее отклонении.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

XIV. При подаче статьи в редакцию автором оформляются лицензионный договор и согласие о размещении личных данных.

*Полную версию правил (с примерами) см. на сайте:
<http://vestnikniign.ru>*

В Е С Т Н И К

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Том 16, № 2. 2024

Редакторы: *Т. И. Кильдюшкина, Т. В. Шугаева, Е. В. Глазкова*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *Д. О. Андреевой*

Подписано в печать 14.06.2024 г. Дата выхода в свет 28.06.2024 г.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆, Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ № 76.
Цена свободная

Адрес редакции:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
e-mail: periodika.niign@e-mordovia.ru

Адрес издателя:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
e-mail: inst.gum.nauk@e-mordovia.ru
Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Адрес типографии:

ООО «Типография „Рузаевский печатник“».
431444 Республика Мордовия, г. Рузаевка, ул. Трынова, д. 67а.
e-mail: rutzitopograf@ya.ru